Дмитрий Баринов

Ардагаст, царь росов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Возвратившийся из дальнего похода воин Ардагаст становится царём племени росов. Теперь его ждут опасные приключения: ему предстоит собирать дань с лесных жителей, сражаться с жуткими водяными и гигантскими лешими, оборотнями и полумедведями, давно вымершими древними зверями и самой Ягой-смертью...

- Ардагаст, царь росов
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Словарь божеств, упоминаемых в романе
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36

ЗАГАДОЧНАЯ
РУСЬ
АРДАГАСТ, ЦАРЬ РОСОВ

Ардагаст, царь росов

Роман

Глава 1
БИТВА ЗА АРКАИМ

Тёплый летний ветерок гнал чуть заметные волны по седому ковыльному морю. Однообразие равнины нарушали лишь вздымавшиеся то тут, то там курганы да зеленевшая осокой и камышом долина обмелевшей от жары речки. Не было видно ни сёл, ни стойбищ. Без пастуха шёл к водопою табун диких коней-тарпанов — рыжих, со стоячими тёмными гривами. Следом двигалось стадо горбоносых сайгаков. Казалось, нет в мире ничего, кроме этой белой равнины и ярко-голубого свода над ней, и сам мир — лишь круглая голубая юрта повелителя мира, которого скифы зовут Отец, тохары — Мудрый Владыка, гунны — Небо-царь.

Утопая в ковыле до самых подпруг, до блестящих серебряными и бронзовыми бляхами сбруйных ремней, вслед за табуном диких коней неспешно двигались к реке два десятка всадников на стройных породистых конях, в облегающих шерстяных кафтанах, штанах и остроконечных башлыках. Все были при мечах, коротких акинаках[1] и луках, а многие ещё и с копьями. У сёдел позвякивали снятые из-за жары доспехи. Впереди ехал голубоглазый юноша с золотистыми волосами до плеч и щёгольски закрученными тонкими усами. На его коротком красном плаще, скреплённом позолоченной застёжкой, была вышита золотом тамга-трезубец[2]. Рукоять и ножны длинного меча были аккуратно обшиты кожей. Рыжего коня ферганских кровей вместо чепрака покрывала тигровая шкура. Распахнув синий кафтан и подставив загорелую грудь ветерку, юноша беззаботно напевал сарматскую песню, раздольную и тягучую, как сама степь.

Молодого предводителя отряда сопровождали воин богатырского сложения с очень смуглой кожей и густыми чёрными усами и красивая молодая женщина, круглолицая и узкоглазая, с распущенными по плечам пышными чёрными волосами. Воин был вооружён индийским двуручным мечом-кхандой, женщина — небольшим луком и кривым греческим мечом-махайрой.

— Послушай, Ардагаст, — обратилась женщина к предводителю. — Мы, кажется, ехали на запад, в твою землю? А забрались на север, к самому Уралу.

— Разве плохо? — усмехнулся тот. — Там, на юге, все пески

да верблюжья колючка. А здесь хорошо — как у нас на Днепре!

— Да? — сощурила она раскосые глаза. — А по-моему, ты просто любишь шататься по чужой степи и лезть в чужие свары. Мы были дружинниками великого царя кушан, а стали какими-то бродягами.

— Ну, нет! Эта степь нам не чужая. Скажи, Ларишка, откуда пришли твои предки — тохары?

— Они жили на Золотом Алтае и в степи к югу от него, до самой Гоби.

— А твои предки, Вишвамитра? — обернулся Ардагаст к смуглому воину.

— Мы, арьи, жили на севере, у высоких Рипейских гор, где ночь длится полгода.

— Может быть, это и есть Урал? Говорят, дальше к северу он гораздо выше и тянется до страны, где зимой солнце не восходит... Ну а племя моей матери — росы — пришло на Днепр с востока, из-за Ра-реки[3]. Значит, вся эта степь — наша! — Он широко взмахнул рукой. — Вся, от Дуная, который стерегут легионы Веспасиана, до стены, за которой прячется Сын Неба Мин-Ди! Она так велика, а её люди так храбры, что никто не может её покорить. Дарий Персидский пытался, да еле ноги унёс от великого Быстрого Оленя, царя сколотов-пахарей, а он — предок моего отца.

— И мы здесь — не бродяги и не разбойники, а воины Солнца! — гордо произнёс Вишвамитра. — Разве мы обнажали мечи ради одной лишь добычи?

— Всё-таки пусто тут как-то, — вздохнула Ларишка. — За целый день не увидишь ни города, ни сёла, ни даже кочевья. Я смеялась над кушанами, которые не видели степи, а сама была в ней только раз, когда ездила с отцом за Яксарт[4].

— Было бы о чём жалеть! — махнул рукой индиец. — Города! Я имел там всё, что можно купить за деньги, пока однажды не проиграл в кости своё достояние и себя самого.

Ардагаст взглянул из-под ладони на возвышавшийся над рекой холм.

— А вот города тут были. Там, на холме, городище.

Из-за холма вдруг явственно донеслись крики, ржание коней, звон железа. Раздался свист — жуткий, пронзительный, врывающийся в душу. Ларишка вздрогнула, стиснула рукоять махайры:

— Так свистят стрелы гуннов!

— Дружина! Надеть всем панцири и кольчуги! — скомандовал Ардагаст. — Посмотрим, кто тут воюет и с кем. Кому в степи места мало...

Мимо остановившихся в нерешительности сайгаков и диких коней отряд подъехал к реке, обогнул городище. Под обрывом, среди камышей и осоки, сражались две сотни всадников. Сарматы в доспехах и коротких плащах, прижатые к обрыву, отбивались от низкорослых людей, у которых из-под кольчуг выбивались полотняные рубахи, а из-под шлемов — длинные чёрные косы. Над косоплетами колыхался бунчук[5], увенчанный медвежьей головой. Порыв ветра развернул над сарматами знамя — красное, с золотым трезубцем.

— Тамга росов! Моего племени! — Меч серой молнией взвился над головой Ардагаста. — Дружина, за мной!

Не оборачиваясь, он погнал коня вперёд. Следом устремилась вся его небольшая, но испытанная дружина. Сердца воинов с косами дрогнули, когда спереди и сзади одновременно раздался грозный сарматский клич «Мара!» — «Смерть!». А кушанские копья с длинными наконечниками уже вышибали врагов из сёдел, пробивая кольчуги. Тяжёлый двуручный меч индийца крушил шлемы и панцири. Предводитель гуннов, до того спокойно стрелявший из лука в сарматов, обернулся и послал в Ардагаста стрелу. Пущенная из мощного лука стрела могла пробить панцирь, но была на лету сбита мечом тохарки. Выстрелить снова вражеский вождь не успел. Длинный меч Ардагаста разрубил его лук, потом плашмя ударил по остроконечному шлему, и его владелец рухнул с коня, не успев обнажить меч.

Потеряв вождя, нападавшие с испуганными криками погнали коней на север, за реку. Самых нерасторопных настигли стрелы и арканы противников. Победители собрались у высокого кургана к северу от городища. Предводитель сарматов — крепкий старик с пышной белой бородой, из-под которой выглядывала золотая гривна[6], — приветственно поднял руку:

— Я — Распараган, царь восточных росов. Кто ты, отважный воин? Ты одет по-кушански, но на тебе сарматский плащ с тамгой нашего племени.

Юноша с достоинством выпрямился в седле:

— Я — Ардагаст, сын Саумарон, царевны западных росов, и Зореслава, потомка великих царей сколотов-пахарей. А это моя жена Ларишка, дочь чаганианского князя.

— Кем же тебе приходится славный Сауасп-Черноконный, царь западных росов, победитель скифов и венедов[7]? И где сейчас живут наши западные родичи?

На поясе царя блестели золотом и бирюзой две застёжки в виде тигра с грифом, вцепившихся в быка и друг в друга. Ардагасту вспомнилось: чернобородый всадник на чёрном коне в серебряной сбруе презрительно глядит на него, семилетнего, и

цедит сквозь крепкие белые зубы: «Раб, тебе никогда не быть ни царём, ни князем. Живи среди рабов, кровь которых в твоих жилах». На плаще у чернобородого — точно такие же застёжки. С ним дружинники в доспехах. А за спиной у Зореславича — только угрюмые венеды в белых сорочках, с рогатинами и топорами, да ещё дремучий лес. Ардагаст вскинул голову, отгоняя воспоминания, и смело взглянул в глаза Распарагану.

— Западные росы живут на землях по Днепру, Роси и Тясмину, которые завоевал Саусасп, брат моей матери. Он лучший полководец великого царя Фарзоя. Но даже из сарматов многие ненавидят моего дядю за жестокость, алчность и подлость.

— Если ты гнушаешься таким родичем, — нахмурился Распараган, — то твой отец, верно, не меньше чем царь?

— Я не могу гнушаться родом своей матери, хоть дядя и позорит его. А царей у венедов нет. Мой дед Властимир был великим старейшиной племени полян.

Царь восточных росов вдруг прищурил глаза и хитро усмехнулся в белую бороду:

— Слыхал я о каком-то Ардагасте, дружиннике, что принёс Куджуле Кадфизу, князю кушан, солнечный амулет Атарфарна, великого мага, и тем помог Куджуле одолеть людей-змей.

— Вот после этого Куджула и стал великим царём, а Ардагаст — моим мужем, — задорно откликнулась Ларишка.

— А ещё я слыхал, как этот Ардагаст помог Виме, сыну Куджулы, в одну ночь похитить в Индии двух невест-царевен, а потом одолел грека Стратона, владевшего оружием богов, — продолжил Распараган.

— Клянусь Кришной, всё это правда. В ту ночь я, кшатрий[8] Вишвамитра, рядом с Ардагастом сражался с демонами, а в битве со Стратоном нёс знамя Солнца, — сказал индиец.

— Теперь вижу: в тебе кровь росов — «сияющих, как Солнце», если ты совершил такие подвиги во славу его, — довольно улыбнулся восточный рос западному.

— С кем же ты сражался сегодня, отец? — почтительно спросил Ардагаст.

— С самыми мерзкими трусами и ворами, какие только есть в лесу и степи. С востока пришли гунны, и манжары[9], тупые лесные медведи, обнаглели до того, что вместе с ними стали грабить наши кочевья и захватывать скот даже к западу от Урала. Ты сейчас поймал Бурибая, брата вождя гуннов. А мои люди — Хурьянга, двоюродного брата манжарского князя Лунг-отыра[10].

Бурибай и Хурьянг походили друг на друга: низенькие, скуластые, узкоглазые. Только у гунна со стриженой головы свисали не одна, а две косы, и одет он был гораздо роскошнее: в

шёлковый кафтан и расшитые драконами шёлковые шаровары невероятной ширины. Но глядели оба на победителей смело, даже вызывающе.

— Да, — важно кивнул Бурибай, — мой брат Бейбарс — второй в державе гуннов после Сына Бога, рождённого Небом и Землёй, поставленного Солнцем и Луной. Брат даст за меня большой выкуп, а Сын Бога будет рад принять тебя, отыр Ардагаст, в число своей служилой знати. Клянусь Тенгри-ханом, ты достигнешь ещё большего, если будешь другом мне и Бейбарсу.

Росич, удивлённый наглостью гунна, ничего не ответил. А тот, не смущаясь, обратился к Ларишке:

— Ты дочь тохарского князя, женщина-джигит? Малые тохары на реке Тарим с радостью служат нам: иго Сына Бога легче ига Сына Неба и его чиновников...

— Ардагаст, муж мой, не подаришь ли ты мне этого пленника с его выкупом? — ласкающей пантерой промурлыкала тохарка.

Ардагаст молча кивнул, зная: в такие моменты супруге лучше не перечить. Горящий взгляд Ларишки впился в самодовольно-важное лицо гунна.

— Какой выкуп ты дашь мне, гуннский шакал, за наш Золотой Алтай? За разграбленные курганы моих предков?

Молнией мелькнул кривой меч, и черноволосая голова с двумя косами полетела в ковыль.

— Ответ врагу, достойный царицы! — довольно разгладил бороду Распараган. — Не буду и я брать выкупа с этой лесной росомахи Хурьянга — кроме его жизни. После захода солнца я принесу его в жертву Саухурону, Чёрному Солнцу. А сейчас вы все мои гости! Не будем гоняться за трусами — загоним лучше вон то стадо сайгаков. И дрофы здесь в камышах такие — до самого Тобола лучших не найдёшь. А вечером устроим славный пир!

И охота, и пир действительно вышли на славу. Добытые своей рукой жирная сайгачатина и нежное мясо дроф казались вкуснее всех индийских яств, поданных во дворце смуглыми полуобнажёнными рабынями. Был тут и лошадиный сыр, и овечий, и сладкое хорезмийское вино. Лихо плясали под звуки бубна сытые воины. А царь росов неторопливо рассказывал:

— Эта земля древняя и славная. Только мы, сарматы, знаем это. То городище над рекой — остатки Синташты, великого города арьев. К западу отсюда, у самых гор, лежат развалины священного города Аркаима. А в этом кургане погребён Кришнасурья, непобедимый воин. Мы зовём его Саухурон — Чёрное Солнце. Он был самый великий из царей арьев, но и

самый грешный. После него беды обрушились на эту землю: суровая зима, затем — потоп от растаявших глубоких снегов. Одни арьи ушли на юг, другие — наши предки — остались. Но городов с тех пор тут не было.

— Кришнасурья... — задумчиво произнёс кшатрий. — Господь Кришна, которого я почитаю, есть Солнце. На земле он родился и царствовал у нас, в Индии. Но у Господа было много воплощений...

— Я знаю одно: лежащий в этом кургане достоин поклонения. Приносящим ему жертвы он дарует мужество и победы, но только потомкам арьев, — сказал Распараган. — Иногда он выходит из кургана. Следом восстают из могил его дружинники, и тогда горе тем, кто встанет на их пути!

Стемнело, и сарматы стали полукругом у подножия кургана. Два воина подвели Хурьянга под руки к большому бронзовому котлу. Почему-то Ардагасту стало жаль пленника, словно тот был ему роднёй. Низенький чернявый воин был совсем не похож на высоких русоволосых венедов и в то же время напоминал их: то ли холщовой рубахой, то ли молчаливым спокойствием перед лицом смерти. И совсем уж не нравились Зореславичу слова царя росов насчёт «тупых лесных медведей».

Распараган воздел руки к кургану:

— О Саухурон, великий воин! Я жертвую тебе пятерых коней и Хурьянга, самого знатного из пленённых мною манжаров. Если тебе угодна жертва, о Солнечный Царь, даруй мне победу над его братом Лунг-отыром. Да удастся мне сжечь его городок, пленить его женщин и детей, разграбить его святилище, где приносят в жертву сарматов, и тогда я принесу тебе и Солнцу ещё большую жертву: людей и скот, меха и серебро!

Воины повалили арканами пятерых коней и задушили их удавками. Потом не без труда поставили на колени манжара. Распараган обнажил акинак. Хурьянг выкрикнул — сначала на своём языке, потом по-сарматски:

— Мир-сусне-хум, За Людьми Смотрящий Человек, Солнечный Всадник, ты всё видишь — спаси моё племя, отомсти за мою смерть!

— Михр-Солнце — наш бог, он помогает росам, — хищно осклабился Распараган и перерезал горло пленнику. Затем собрал его кровь в котёл, отсёк голову и правую руку, положил их на склон кургана и вылил туда же кровь.

Вдруг кровь закипела, взметнулась красным пламенем, и насыпь расселась. Показалась бревенчатая стена, потом и она распалась, и стала видна небольшая комната, залитая странным красноватым светом. У стены стояла лёгкая боевая колесница.

Запряжённые в неё кони — два вороных и два красных — неподвижно лежали на полу. С деревянного ложа поднялся высокий, сильный воин, одетый, подобно сарматам, в кафтан, штаны и высокий башлык. Свисавшая из-под башлыка длинная прядь волос отливала золотом. На красной коже кафтана выделялись два чёрных креста с загнутыми в одну сторону, посолонь[11], концами — знак Ночного Солнца. В руке у воина был бронзовый топор, у пояса — бронзовый кинжал и кожаный колчан, за плечом — большой лук. На шее блестела золотая гривна.

Сарматы разом опустились на колени и простёрли руки к кургану. Вишвамитра выступил вперёд, сложив ладони, и произнёс на санскрите:

— Приветствую тебя, о, великий царь арьев!

— Ты знаешь речь моего племени? — удивлённо вскинул брови Кришнасурья. — Где же оно теперь?

— Мы, арьи, живём далеко на юге, за Индом. Наша речь изменилась, но к богам мы обращаемся только на древнем священном языке. Я — кшатрий Вишвамитра, почитатель Солнца — Господа Кришны. Скажи, о, владыка, не его ли ты воплощение?

— Я тоже почитаю Солнце — Чёрное Солнце, Кришну Сурью, которое каждую ночь следует под землёй от заката к восходу. Не его ли зовёшь ты Кришной?

— Господь Кришна — не только Солнце, но и весь мир и все боги. Но в земной жизни он был великим наставником людей. Он учил кшатриев воевать не ради земных богатств, власти и славы, а ради истины и добра, то есть ради Кришны. В этом дхарма — долг воина.

— Странное учение! Неужели с ним согласится хоть один царь, хоть один воин? Разить врагов, угонять их скот, сжигать селения — вот радость и слава воина! Быть богатым скотом и оружием, властвовать над сильным племенем и неприступным городом — вот счастье воина! Растоптать чужое племя колёсами своих колесниц и тем возвеличить своё племя — вот долг воина!

— Твои речи, о, царь, достойны почитателя демонов, раба своих страстей и невежества, а не воина Солнца, — бесстрашно сказал, глядя в лицо Кришнасурьи, индиец.

Голубые глаза царя арьев загорелись гневом, бронзовая секира вспыхнула ярким золотистым светом.

— Наглец! Я не тёмный пастух, чтобы молиться демонам. Из своей добычи я всегда приносил великие жертвы небесным богам: овец, коров, коней и пленников. Арьи звали меня «воплощённым Солнцем». Клянусь Чёрным Солнцем, я поразил бы тебя этой секирой, если бы не видел, как ты сражался!

— Если ты, о, царь, так праведен, как сам говоришь, то почему тебя зовут самым грешным из арийских владык? — смело, но без тени насмешки спросил Вишвамитра.

Кришнасурья опустил топор, угрюмо склонил голову, потом медленно заговорил по-сарматски (он знал язык, на котором ему веками возносились молитвы):

— Восемнадцать веков назад передо мной трепетали дикие племена в северных лесах, темнокожие горожане на юге и коварные тохары на востоке. Но однажды я пренебрёг неблагоприятными знамениями и пошёл в набег на юг. Я разграбил Город Золотого Быка за Чёрными песками. А тем временем вождь тохар Йоло-Уолло, Злой Царь, сжёг наш священный город Аркаим и перебил мудрых брахманов, наблюдавших там небесные светила. Я страшно отомстил тохарам — тысячи истребил, сотни принёс в жертву. Не осталось ни одного их города, ни одного селения. Уцелевшие бежали далеко на восток. Но мой долг воина не был исполнен до конца. Ведь я поклялся принести Злого Царя в жертву оскорблённым им богам на руинах Аркаима. А он погиб в пограничной стычке с врагом, и я поныне не знаю, где его могила. Вскоре я сам попал в засаду и пал вместе с лучшими из моих дружинников. Но наши тела и тела наших коней не могут истлеть, а наши души — вознестись на небо, пока есть угроза священному городу. Ведь Злой Царь натравливает на потомков арьев то одно, то другое племя, чтобы захватить Аркаим и обратить в капище своего тёмного Лунного Бога. До того он, как и я, не может покинуть земной мир — если не будет сражён в самом Аркаиме.

Сарматы почтительно внимали царю арьев — своему покровителю. А тот вдруг властно обратился к Ардагасту:

— Царевич западных росов! Когда ты бился, сердце моё радовалось. Я вижу в тебе силу Солнца. Защити же Аркаим, город Солнца! Это к нему сейчас ищут пути глупцы Лунг-отыр и Бейбарс. Их направляет Карабуга, чёрный шаман в шапке с железными рогами. А его — неупокоенный Злой Царь!

— Ардагаст, сами боги послали тебя! Сразись вместе с нами, своими родичами, и твоя доля в добыче будет не меньше моей! — воскликнул Распараган.

Сарматы одобрительно зашумели. Росич в раздумье потёр подбородок. На этот раз ему вовсе не хотелось лезть в тянущуюся много веков распрю. Оба неупокоенных царя, на его взгляд, стоили друг друга и походили... на его жестокого и мстительного дядю Сауаспа. Царевич осторожно взглянул на жену. Её круглое миловидное лицо светилось воинственным огнём.

— Я не знаю о вражде между арьями и тохарами, но я знаю,

кто такие гунны. Им мало набегов и обычных войн. Они не успокоятся, пока не покорят весь мир или не сгинут сами. Ардагаст, муж мой, останови их, или они дойдут когда-нибудь до Днепра!

— Ты можешь пренебречь добычей и славой, а власть ждёт тебя на Днепре. Но если мы, воины Солнца, откажемся постоять за его город, то этим ухудшим свою карму, — тихо, но решительно сказал Вишвамитра.

Подножие кургана отделял от гробницы не один десяток шагов. Но Ардагаст чувствовал на себе властный, испытующий взгляд царя арьев и почему-то знал, что глаза у того такие же голубые, как у самого росича. Юноша посмотрел на знамя росов — красное, со знакомой золотой тамгой — и обнажил меч:

— Я родился на Днепре, где живут росы — племя Солнца. Клянусь Солнцем и этим мечом защищать священный город Аркаим от врагов Солнца и моего племени!

Клинки его дружины разом блеснули в лившемся из гробницы красноватом свете. Но ещё ярче сверкнул бронзовый кинжал в руке неупокоенного златоволосого царя.

Десятый день отряд росов двигался на север. Распараган хотел добраться до городка Лунг-отыра прежде, чем туда из-за Тобола подойдёт Бейбарс со своими воинами. Местность постепенно менялась. Среди белого ковыльного моря появились зелёные островки берёзовых и сосновых рощ. Они встречались всё чаще, становились всё больше и гуще, и Ардагаст радовался, вспоминая приднепровские леса, среди которых он рос до тринадцати лет, прячась от своего безжалостного дяди Сауаспа и другого, ещё более жестокого и страшного дяди — колдуна Сауархага, Чёрного Волка.

Рощи изобиловали лесной дичью, и Ардагаст часто отправлялся с дружиной на охоту. Как-то они с Ларишкой погнались за стадом оленей и сами не заметили, как оторвались от остальных охотников. Больно уж хороши были олени, особенно крупная стройная самка со снежно-белой шерстью. Стадо долго мчалось степью, потом вдруг метнулось между двух курганов и скрылось в распадке. Росич с женой последовали за ним и увидели, как олени преодолевают вброд озерцо, стремясь к спасительному берёзовому леску.

Вдруг спокойная зелёная вода озерца забурлила, и из неё бесшумно поднялась лёгкая боевая колесница, запряжённая четырьмя конями, — такая же, как в кургане Кришнасурьи, только кони были белые и вороные. И колесничий чем-то напоминал царя арьев, хотя его кафтан, штаны и башлык были из белой

кожи, а длинные волосы — совершенно белые, но, похоже, не от возраста, а от рождения. Красные глаза смотрели так же повелительно и безжалостно, как синие глаза неупокоенного царя. Колесничий был вооружён бронзовым кинжалом, умело отшлифованным каменным топором, копьём с бронзовым наконечником и большим луком.

Словно не замечая Ардагаста, беловолосый внимательно оглядел Ларишку и заговорил по-тохарски:

— Я знаю тебя, ты — дочь тохар. Я — Мануолло, Лунный Царь, правивший тохарами в этой стране. Понятна ли тебе моя речь?

— Да. Мы уже двести лет живём в Бактрии, но помним язык предков, — ответила Ларишка и тут же без малейшего смущения спросила: — Не тебя ли прозвали Йоло-Уолло, Злым Царём?

Беловолосый гордо усмехнулся:

— Да, меня так называли. Передо мной трепетали все местные племена. Но лишь тохары меня любили. Никогда прежде они не пригоняли столько скота и пленных, не захватывали столько мехов, золота и меди. Искусные рабы ковали для нас бронзу, нас услаждали узкоглазые девушки из восточных степей. Я предал огню город Аркаим, где жрецы арьев ворожили им о набегах и насылали злые чары на тохар.

— И за эти славные дела ты, конечно, пребываешь теперь на небе Царя Богов? — спросила тохарка, чуть покривив углы губ.

Злой Царь угрюмо стиснул рукоять каменного топора:

— Нет. Ибо не исполнена моя клятва: принести в Аркаиме Кришнасурью, царя арьев, в жертву моим богам — Месяцу и Грому — и обратить Аркаим в их святилище. Дочь тохар! Кришнасурья изгнал вас из этой благодатной страны. Отомсти же арьям, помоги мне исполнить мою клятву! Скоро я поведу на Аркаим воинов двух народов, но среди них нет ни одного тохара. *Я* чувствую: ты и этот златоволосый муж — славные воины.

Ларишка смело взглянула в красные глаза Злого Царя:

— Арьями теперь зовут себя многие народы, и ни от одного из них ни я, ни моё племя не видели зла. Мы живём в стране бактрийцев и говорим их языком. Вот мой муж — Ардагаст из сарматского племени рос. А его друг и главный дружинник — индийский арья Вишвамитра.

— О боги! Во что обратились тохары? Забыть священную ненависть к арьям, смешать свою кровь с их нечистой кровью...

— О такой вражде я не слышала даже от стариков. Зато я хорошо знаю, как изгнали нас с Золотого Алтая гунны — те самые, кого ты натравил на сарматов.

— Мы с женой и дружиной поклялись Солнцем защищать

Аркаим от тебя и твоей своры, — решительно произнёс Ардагаст по-тохарски.

— Клялся? Солнцем? — расхохотался беловолосый. — Ты не знаешь ни людей, ни богов! Кто ты здесь? Чужак! По волосам вижу — ты не из здешних росов. Они же потом найдут причину от тебя избавиться, лишь бы не делиться добычей. А Месяц и Гром сильнее Солнца. Куда оно девается, когда мрак ночи покрывает мир, когда бушует гроза и не видно даже голубого Неба-Отца?

— Есть свет и среди тьмы: в огне, в молнии, в месяце и звёздах, в душах людей, — убеждённо сказал росич. — Так учил меня волхв Вышата, мой воспитатель. Месяц и Гром — боги Света, а не Зла и Тьмы и не станут помогать клятвопреступнику.

Грудь неупокоенного царя заколыхалась от смеха.

— Зло? Добро? Добрый бог — это тот, кто помогает тебе, злой — тот, кто мешает. А помощь богов покупается жертвами, богатыми жертвами! Привози с войны много добычи — и всегда будешь прав перед богами.

Ардагаст презрительно усмехнулся:

— А если богов можно купить, то воина и подавно? Даже с нечистой кровью... Да только я не из тех бродяг, что мечом торгуют. А законы Солнца — одни для всех, и для царей тоже. Сунешься в Аркаим — убедишься в этом. Прочь с дороги, нежить! Не мешай охоте!

— Как бы вы не увидели богов раньше, чем вам хочется... — зловеще осклабился царь. — А если они приберегут вас для битвы за Аркаим, помните: это лишь мой дух, а тело моё не истлело. И не истлеет, пока не исполнится клятва. В оружии моем — сила Грома! Ну а теперь охотьтесь дальше. Вот ваша добыча!

Злой Царь со своей колесницей исчез в водах озера, а среди берёз снова появилась белая олениха. Только теперь на её лбу вдруг выросли сияющие дивным серебристым светом рога. Олениха мотнула головой, словно маня за собою, и опять скрылась в лесу. Ардагаст вспомнил слышанный от греков миф о лани Артемиды-Луны, которую смог догнать лишь Геракл, и погнал коня через озеро. Следом лихо поскакала Ларишка.

В самой глубине леса охотники почти нагнали олениху. И тут вдруг что-то обрушилось сверху на Ардагаста, опутало, сковало движения, стащило с коня. Рядом в такой же ловчей сети барахталась тохарка. Низкорослые скуластые люди быстро и сноровисто связали их обоих, разоружили. Потом, не вытаскивая из сети, словно дичь, пристроили между двух коней и, нахлёстывая лошадей, помчали на север. Их предводитель, довольно усмехаясь, сказал по-сарматски:

— Ай, больших волков мы сегодня поймали, степного волка

с волчицей. Ваши теперь не скоро вас найдут, их отвлекут гунны. А что с вами будет — решит Лунг-отыр, Чёрт-богатырь... Зачем за небесной оленихой гнались? За ней охотились два брата — орёл и медведь, в нашу землю пришли, нашими предками стали. А вы не манжары, такая дичь не для вас.

Манжары везли их весь день и лишь под вечер въехали в густой дубовый лес. Наезженная тропа вывела на берег реки. За рекой зеленели поля, а над ней на высоком обрывистом мысу стоял городок, защищённый рвом и валом, над которым поднимался крепкий дубовый частокол. Отряд въехал в ворота. Внутри городок был застроен небольшими, но добротно срубленными избами. Жители были одеты небогато, но нарядно: не только рубахи, но даже чулки изукрашены вышивкой и узорами из цветной кожи. На женщинах были простенькие, но яркие бусы, бронзовые (а кое у кого даже золотые) серьги, подвески-уточки. А сами люди — простые, беззлобные: над пленными степняками смеялись, показывали пальцами, но не кричали, не ругались, не бросали ничем. Ардагаст тихо произнёс:

— Это их мы собирались разорить во славу Чёрного Солнца.

Пленников вытряхнули из сети под смех горожан и со связанными руками повели к самой большой избе. Росичу вспомнились венедские городки над Днепром: такие же небольшие, с такими же валами и рвами. Только пустые. Обгорелые остатки частоколов торчали, словно гнилые зубы. В крапиве и чертополохе тонули остатки белых мазанок. И не было видно ни посевов, ни садов — лишь стада сарматов-росов. В первый год жизни Ардагаста его дядя покорил венедов, разогнал их по лесам, а лучшие земли забрал для своей орды.

Из большой избы неторопливо вышел крепкий, рослый — на голову выше остальных манжар — воин в чёрной с красным кожаной одежде, расшитой золотыми бляшками. Длинная коса небрежно падала со стриженой головы на плечо. На шее блестела золотая гривна, в ухе — золотая серьга с яшмой и бирюзой. На золотом с бирюзой и рубинами поясе скалились головы барсов и драконов. Узкие чёрные глаза смотрели дерзко и надменно. Под тонкими чёрными усами растянулись в довольной усмешке губы.

— Так это вы убили безоружными моего брата и Бурибая, брата вождя гуннов? Теперь боги отдали вас в мои руки, — сказал по-сарматски воин.

— Хурьянга поймали и принесли в жертву Солнцу сарматы. А Бурибая зарубила я! — смело бросила Ларишка в лицо предводителю манжар.

— Бейбарс ещё не вернулся из похода на ненцев, моих врагов. Поэтому за его родичей мщу я, Лунг-отыр! И я завтра же

принесу вас обоих в жертву Хонт-Торуму, богу войны. Так велел дух Злого Царя, а он всегда помогал нам против врагов... До утра посидите в моем амбаре, среди мехов, которые вы хотели разграбить. Бежать не пробуйте: амбар крепкий, и мои дружинники всю ночь сторожить будут.

В амбаре, срубленном из толстых дубовых брёвен, было темно и душно. Связки отборных мехов громоздились до самой крыши: соболя, лисы, куницы, медведи... Пленников развязали, оставили еду — лепёшки и лесные ягоды, потом закрыли дверь на тяжёлый засов. Ардагаст обессиленно привалился к стене. Он ждал от жены упрёков, но та лишь тихо проговорила:

— На этот раз я тебя втянула в чужую распрю. Распрю двух мертвецов. Восемнадцать веков они воюют руками живых... А мы из-за них так и не увидим Днепра.

— А вот и увидим! — задиристо воскликнул Ардагаст. — Мы ведь с тобой из Долины Дэвов выбрались, из древних пещер проклятых, и оружие богов не сожгло. Значит, нужны мы зачем-то светлым богам?

— А вдруг уже не нужны в этом мире? Вдруг боги решили, что с нас подвигов уже хватит?

— Значит, в другом мире будем нужны. Станем в Перуновой дружине по небу скакать и бить огненными стрелами чертей и тех, кто им служит. Первым делом этому джигиту все амбары сожжём... — Он обнял тохарку за плечи, прижался щекой к её лицу. — Да ты что, плачешь, Ларишка?

— Со мной такого на войне не бывает! — Она быстро отёрла слезу волосами. — Обидно только: зарежут, как овцу.

— Овца только блеять может. А мы им напоследок покажем, как бьются степняки. Только бы рук не связали или хоть ног... Так что ешь получше, чтобы назавтра для боя сила была. Эх, а ягоды здесь какие! Куда там вашей хурме с инжиром! Сколько лет я лесных ягод не ел... Клади на лепёшку, так вкуснее.

Управившись с едой, тохарка повеселела и принялась устраивать постель из мехов. Потом стянула кольчугу, сбросила кафтан...

— Иди ко мне, Ардагаст, милый... Не знаю, что решат завтра боги, но эта ночь — наша!

Чешуйчатый панцирь росича звякнул, упав на кольчугу.

— И эта, и следующая тоже, и потом ещё много! Выберемся, назло всем чертям выберемся, как Даждьбог с Мораной из царства Чернобогова!

Далеко в лесу кричал филин. Но и его зловещий крик не мог теперь смутить сердца двоих пленников Лунг-отыра...

Они заснули не скоро. А во сне Ардагаст увидел человека в

чёрном гуннском кафтане, отороченном мехом чернобурки. Пояс тесно покрывали бронзовые бляшки в виде бычьих голов и драконов. Поверх чёрного колпака с меховой опушкой была надета железная корона с рогами, похожими на бычьи. Тёмные раскосые глаза смотрели хитро и насмешливо.

— Здравствуй, царевич Ардагаст! Чёрного шамана Карабугу ты конечно же никогда не видел. И всё равно я знаю тебя, а ты меня. Мир невелик для истинно смелых и мудрых, ибо их немного.

Высокие скулы, крупный острый нос, длинные чёрные волосы...

— Подвижник Шивасена? Хотя это, конечно, не твоё имя. И Карабуга, может, тоже?

Колдун довольно улыбнулся:

— Ты догадлив. Нет, я не назову тебе ни имени моего отца, ни его рода. Это очень знатный степной род, но родичи меня зовут ханьским ублюдком. Не назову я и родового имени моей матери. Это тоже очень почтенное имя, но её родичи называют меня северным варваром, хотя я лучше многих из них знаю книги Кун-цзы и Лао-цзы. Титулом и состоянием я обязан не этому имени, а своим заслугам перед Сыном Неба. Я назову лишь имя, которое предпочитаю сам: Чжу-фанши, маг Чжу. Я не родился даосским[12] магом, но стал им, и этим я обязан лишь самому себе. У меня не было даже наставника, я учился по старинным книгам, добытым мною ценой очень страшных дел.

— Я слышал от ханьских купцов о даосах. Это люди мудрые и добродетельные, а не лазутчики и убийцы вроде тебя.

— Ну конечно же я не настоящий даос, — рассмеялся Чжу-фанши. — Я не гоняюсь за бессмертием, не лезу в безгрешные небожители, не тешу простолюдинов сказками о Жёлтом Небе Справедливости. Смелый и мудрый может найти себе место и под Синим Небом Насилия. Для этого мне и служит знание дао — тайных причин всего сущего.

— И зачем же оно тебе? Чтобы покорить ещё больше народов Сыну Неба? Сколько же их ему ещё нужно?

— Кто не стремится покорить весь мир, будет покорен сам. Но маг Чжу не служит ни Сыну Неба, ни Сыну Бога, — он служит лишь самому Чжу. Если человек мудрее или хотя бы смелее тысяч людей — он должен повелевать ими. Если он мудрее царей — он должен повелевать царями, как это делаю я.

— А мной ты тоже хочешь повелевать? Я, правда, не царь...

— Ты будешь царём. Великим царём! Поэтому я и явился тебе — чтобы ты... чтобы мы оба обрели великую силу, которой достойны владеть. Смотри и постарайся понять.

Даос легко взмахнул рукой, и в воздухе появился светящийся чертёж: круг, образованный как бы телами двух головастиков — красного и синего. Из круга исходили восемь прямоугольных лучей, составленных из коротких и длинных чёрточек.

— Этот чертёж зовётся «Ба Гуа», и в нём — дао[13] всего мира. Ибо миром правят две неразделимые и непримиримые силы: огонь и влага, свет и тьма. Ханьцы зовут их Ян и Инь, индийцы — Митра и Варуна, а твой народ... — Маг вопросительно взглянул на юношу.

— Даждьбог и Морана. Он властен над солнцем и жизнью, она — над водой и смертью, но они — брат и сестра, муж и жена.

— Так вот, если две эти силы сойдутся в битве — в определённое время, в определённом месте, а в центре этой битвы окажутся двое — великий маг и великий воин, то каждый из них обретёт обе эти великие силы. И тогда... Помнишь грозовой меч Куджулы Кадфиза и его солнечное золотое перекрестье?

— Перекрестье доставил царю я сам, — гордо сказал росич, — и тогда перед тем мечом не устояли наги, люди-змеи.

— Вот таким и станет всё оружие великого воина и его дружины. А великий маг обретёт невиданную власть над всеми силами природы.

— И кто же эти двое великих?

— Ты и я! Я жалею, что связался с Бейбарсом. Он алчен, как волк, и непостоянен, как степной ветер. А главное — он гунн и может быть только гунном. А ты... Ведь у тебя нет своего племени, как и у меня. Кто ты — венед, сармат? Так будь просто Великим Воином! Ты ведь не боишься ни людей, ни демонов, ни богов. В древних подземельях ты сражался с Кали, богиней смерти, и Махишей, богом-быком. Ты не только храбр, но и умён. Бейбарс может стать разве что Потрясателем Мира. А ты — Великим Царём, Повелителем Мира.

У Ардагаста перехватило дыхание. В душе словно выросли могучие крылья. Вдруг для этого боги и предназначили его, потомка великих царей? Можно ли отвергнуть дар и волю богов?

— Ты знаешь время и место битвы? — тихим, прерывающимся голосом спросил росич.

Чжу-фанши прочертил в воздухе знак, и юноша с магом оказались на вершине невысокой горы. Вокруг поднимались горы, или скорее высокие холмы, поросшие ковылём, а кое-где — лесом. На западе низко над холмами стояло красное солнце. На востоке — белёсая, как ковыль, но уже хорошо заметная луна. А внизу, в долине у подножия горы, при слиянии двух мелких речек лежало городище, похожее на огромное колесо со множеством

спиц, но с двумя ободами вместо одного. Словно бы с колесницы Солнца сорвалось колесо и упало на землю.

— Время — самая короткая ночь в году. До неё меньше двух недель. Место — священный город Аркаим, — величественно произнёс маг.

«Купальская ночь! В эту ночь Солнце едет четвёркой коней навстречу своему супругу Месяцу», — вспомнилось росичу. А даос продолжал:

— В эту священную ночь здесь должны сразиться два войска: войско Солнца и войско Луны и Грозы. Их поведут два мёртвых царя — тебе они известны. За Чёрным Солнцем пойдут росы, за Злым Царём — гунны и, возможно, манжары. Не столь важно, на чьей стороне будем мы — я и ты и твоя дружина. Главное, чтобы мы в разгар битвы оказались в самой середине городища. Во время битвы родится огненный вихрь. Он станет бушевать вокруг города, набирая силу с каждым погибшим воином. Когда падёт один из царей, а ещё лучше оба, вихрь понесётся четырьмя языками в четыре стороны и уничтожит всё на много дней пути. А две мировые силы войдут в нас и в наше оружие. И тогда победителями в битве за Аркаим станем мы! Мы вызовем битву богов и победим в ней.

В своей чёрной одежде и рогатой короне, с величаво простёртой рукой даос казался не человеком, а могучим беспощадным божеством. Бог-бык, крушащий всё на своём пути, зверобог, сочетающий мощь и ярость быка с человеческим разумом. Махиша! Чёрный, быкоголовый Махиша, с которым росич дважды сражался в древних пещерах... Даже почитатели Шивы считали его демоном, но своего трёхликого бога изображали верхом на быке. На древнем рельефе в Долине Дэвов Трёхликий имел огромные бычьи рога. А гуннские чёрные шаманы служили быкоголовому Эрлику... Юноше вдруг стало легко, словно он через дремучий лес выбрался наконец в опасные, но давно знакомые места. Он бестрепетно взглянул в чёрные глаза колдуна:

— Не мы победим в этой битве, а бог, которому ты служишь, — Разрушитель. Шива, Ахриман, Эрлик, или как ты его теперь зовёшь. И силы той мне не нужно. Для доброго дела боги сами дадут оружие и силу. Видел я одного грека, что оружием богов чуть мир не сжёг — двенадцать мудрецов еле удержали, а остановил его мой меч.

— Я не служу никому из богов, — покачал головой даос. — Я заставляю их служить моим целям. Знаешь ли ты, что иные из тех, кого сейчас чтят как богов, родились людьми, но завоевали себе место на небе мечом или магией? Боги требуют от людей

праведности, а сами так же страстны и порочны, как они.

— Не по себе ли о богах судишь? Сварог и Даждьбог на земле родились и жили, но людям добро делали. За то их и любят, а твоего бога только боятся. Мне обещаешь великое царство, а сам в нём кем будешь? Великим жрецом Чернобоговым? Думаешь и мной править, как другими царями?

Искренняя досада появилась на лице мага.

— Ты боишься не поделить со мной власти? Не тревожься, я возьму лишь ту её часть, которая будет непосильна для тебя. Нельзя быть сразу Великим Воином и Великим Магом. Ты будешь завоёвывать народы мечом, а я — покорять тебе их души. И говорить с богами и духами — я о них знаю гораздо больше твоего.

— И назовут нас люди Чёрным Жрецом и Злым Царём, и будут лихие колдуны призывать нас с того света и молиться нам... Не нужно мне царство бесовское, чернобожье! Я ищу царства моих предков — солнечного, даждьбожьего, ищу золотых даров Колаксая, Солнце-Царя, а они в твои руки не дадутся!

Лицо даоса обратилось в каменную маску.

— Я хотел дать тебе величайшую свободу — быть выше людей и богов. Но твой дух прикован к земле. Значит, ты мне не нужен! Твоя жизнь окончится завтра в святилище Хонт-Торума.

— Если боги захотят.

— А если не захотят — ты никогда не станешь никем, кроме жалкого царька под рукой Фарзоя и его наследников. И твои венеды будут проклинать тебя даже и после смерти, как сарматского прихвостня и отступника от племени. Так, как клянут твоего предка Яромира, сына царя сарматов Сайтафарна.

— Яромир спас Колаксаевы дары от таких, как ты. А я, если буду достоин, верну их людям.

— Если раньше до твоего Днепра не дотянется рука Бейбарса, Потрясателя Мира!

Холмы, городище, вечернее небо — всё разом пропало. А вместо умного и жестокого лица даоса в воцарившейся полутьме проступила огромная бычья морда. В её красных глазах светился человеческий ум, злобный и непреклонный. Ардагаст тряхнул головой, отгоняя страшное, давящее душу видение, и проснулся. Над ним склонилось встревоженное лицо Ларишки.

— Тебя, наверное, мучил демон? Я не смела будить тебя — вдруг он унесёт твою душу?

— Вот это ему и не удалось! — рассмеялся Ардагаст. — Хотя он и не демон, а ещё хуже: человек, готовый стать демоном.

И царевич рассказал о ночном разговоре, пока тохарка приводила себя в порядок, глядя в серебряное зеркальце.

Утренний свет уже проникал в амбар через окошко под самой крышей.

Вскоре дверь открылась и пленников вывели наружу, где их уже ждал Лунг-отыр с двумя десятками дружинников. Князь манжар сегодня выглядел ещё роскошнее: в панцире с двумя серебряными бляхами в виде драконов на груди, плаще из золотой парчи и чёрной шапочке с золотыми нитями по краю. К золотому поясу были пристёгнуты меч, кинжал и боевой топор. Узкоглазое лицо лучилось гордостью и самодовольством.

— Моё святилище богатое, очень богатое. Многие хотели его разграбить, но никто из врагов его не видел иначе, как перед смертью. Вот и вы его сейчас увидите.

Лунг-отыр легко взобрался на крепкого вороного жеребца, махнул рукой, и дружина двинулась к воротам городка. Все, кроме Ардагаста с Ларишкой, ехали верхом. Пленников не связывали, но стерегли тщательно. Миновав поля, отряд углубился в густой дубовый лес. Ардагаст узнавал всё новые голоса лесных птиц, знакомые с детства, опытным глазом замечал пробиравшихся через чащу лосей, кабанов, оленей, и в его душу вливалась спокойная весёлая уверенность. Погибнуть не в забытых индийских подземельях, не в ущельях Гиндукуша, не среди барханов, а в этом добром, полном жизни лесу? Боги того не допустят! Этот Хонт-Торум — не Перун ли, которого на Днепре почитают у таких же вековых дубов?

Ближе к реке дубовый лес сменился сосняком. Отряд остановился на большой поляне. Здесь, опираясь спинами на жердь, соединявшую две могучие сосны, стояли семь деревянных идолов с заострёнными наподобие шлемов головами. У ног идолов лежали остатки небогатых приношений: кости, стрелы, лоскутки, черепки.

— Это место зовётся Сат-сармат, Семь Сарматов, — пояснил Лунг-отыр. — Семь братьев убил здесь Хонт-Торум, их сестру в жёны взял, Лесной Женщиной сделал. Этих семерых не одевают, богатых даров им не кладут.

Все спешились, небрежно поклонились идолам и оставили коней возле поляны под присмотром двоих дружинников. Дальше дорога пошла через болото, среди высоких густых камышей и хвощей. Ардагаст старательно запоминал путь. Наконец впереди показался большой песчаный бугор-остров, заросший соснами. В глубине острова находилась обширная поляна. Середину её занимало широкое кострище, возле которого стояли два позеленевших бронзовых котла степной работы. Дальше под деревьями виднелся высокий шалаш, завешенный спереди красной тканью. На дереве над ним висели десятки скальпов.

Правее его, на нескольких пнях, будто избушка на курьих ножках, возвышался амбар. Левее стояли два идола, закутанные в разноцветные ткани. Один идол с остроконечной головой-шлемом, другой — с круглой головой в женском платке.

— Хонт-Торум в шалаше живёт, Лесная Женщина — в амбаре. А это, — небрежно махнул Лунг-отыр рукой в сторону идолов, — Хуси и Энки, раб и рабыня Хонт-Торума.

Важной походкой богатого хозяина он подошёл к шалашу и откинул завесу. Идол был сделан из нескольких связок стрел, наконечники которых грозно торчали пучками из его головы и воздетых рук. Туловище и руки были обмотаны белой тканью. Лицо прикрывала серебряная личина. Ниже её блестела золотая гривна. Перед идолом стояло серебряное блюдо с грудой золотых монет, а рядом — большая серебряная фигурка слона индийской работы, усыпанная жемчугом и самоцветами. В глубине шалаша грудами лежали меха, дорогие одежды и оружие, самое отборное оружие: длинные сарматские мечи, акинаки, луки, копья, костяные и железные панцири, кольчуги...

— Видишь, какой богатый мой бог? И какой сильный? Это всё добыто мечом.

— И это тоже? — прищурилась Ларишка, указывая на слона. — Ты доходил до Индии? Мы сами недавно оттуда, но о тебе там никто не слышал.

— Это я выменял у индийских купцов на пушнину, что у ненцев отнял. Купцы сказали: на таком звере ездит Индра-Громовержец, первый отыр среди богов.

— Правду сказали, — кивнула тохарка. — А могли и крокодила подсунуть. Или обезьяну.

— Нет! — самодовольно усмехнулся отыр. — Я шаман, меня не проведёшь. — Он открыл дверь амбара. — А теперь смотри, женщина, какая богатая жена у моего бога.

В глубине амбара сидела большая тряпичная кукла, наряженная в полдюжины богато расшитых одежд, одна поверх другой. Шею куклы в несколько рядов обвивали бусы с голубыми египетскими амулетами среди яшмы и сердолика, лицо покрывала серебряная маска. В открытых берестяных ларцах переливались самоцветами серьги, ожерелья, браслеты, блестели серебряные ханьские и сарматские зеркала. Под стенами амбара плотно лежали меха, шёлковые халаты с драконами, стояли чеканные серебряные кувшины и блюда. На блюдах — знакомые тохарке южные богини. Вот Артемида-лучница, крылатая кушанская Хванинда, согдийская Нана-многорукая верхом на льве. На одном блюде Ларишка узнала сцену из «Вакханок» Эврипида, виденных ею при дворе греческого царя Гермея в

Беграме.

— Видишь, женщина? Твой муж тебе столько не добудет.

Тохарка гордо выпрямилась:

— Мой муж добудет мне больше: царство, которого у тебя нет. Ты ведь только отыр своего городка?

— А скоро буду царём всех исетских манжар! — гневно блеснул глазами Лунг-отыр. — А вот вы царствовать уже нигде не будете. Вот кинжал — зарезать вас, вот серебряная чаша — собрать вашу кровь, вон дрова — сжечь ваши тела! Из ваших черепов я буду пить вино, ваши волосы повешу на эту сосну! — Благодушие отыра исчезло разом, в его голосе теперь рокотала ярость хищника, готового прыгнуть на добычу. — Зачем шли к нам в леса? Мы вас сюда не звали!

«А кто тебя звал в степь?» — подумал Ардагаст, а вслух сказал:

— Кто твой бог, шаман, Солнце или Гром?

— Мой бог на земле великий воин, а на небе он — Громовержец. Радуга — его лук, молния — его стрела, гром — копыта его коня.

— Это — наш Ортагн. Так вот, клянусь тебе громом Ортагна и своим оружием: всё, что я сейчас скажу, правда.

И росич пересказал отыру весь ночной разговор с многоимённым магом. Отыр с интересом выслушал, а потом азартно хлопнул себя по бёдрам:

— Ай, славная битва будет! Для настоящих отыров! Карабуга великий шаман, знает, что делать. Поведу и я своих воинов — может быть, и нам достанется сила богов?

— По костям твоих воинов Бейбарс с Карабугой войдут в Аркаим! А огненный язык может добраться и до твоего городка.

— Мой бог такого не допустит!

Глядя в самоуверенное лицо отыра, Ардагаст прикинул: двинуть его ногой, чтоб к кострищу отлетел, потом схватить оружие из шалаша, пробиться к тропинке — и бегом в Сат-сармат, к коням. Он переглянулся с Ларишкой... И всё же обратился к манжару:

— Слушай, отыр, ты не знаешь, с чем играешь. Видел я одного царя в Индии, что тоже силой богов баловался; на своего бога надеялся — и чуть весь мир не поджёг. А бог у него был пострашнее твоего: Шива, Разрушитель.

— Куль-отыр по-нашему. Страшный бог, злой, ему только чёрные шаманы служат, — зябко поёжился манжар и, чуть помолчав, сказал: — Странный ты, рос. Тебя смерть ждёт, а ты думаешь обо всём мире.

— Так и нужно, если ты человек, а не медведь в берлоге.

— Обидеть хочешь? У нашего рода медведь — зверь святой, родовой зверь.

Ардагаст напрягся, готовясь к схватке. И тут из-за шалаша раздался голос:

— Лунг-отыр! Отпусти этих людей. Боги хотят, чтобы они сражались за Аркаим. Так сказал мне Солнечный Всадник.

На поляну вышел низенький, тщедушный человек с длинными чёрными волосами в красной вышитой рубахе. На поясе его звенели амулеты, а на груди висела большая бронзовая бляха в виде всадника. Говорил он по-манжарски, но Лунг-отыр ответил ему по-сарматски:

— Зачем пришёл в моё святилище, Зорни? Твой род — Гуся. Твой бог — чужой бог, степной. Сам ты сколько лет бродил на юге, чужому шаманству учился. Гусь на юг улетает, медведь из наших лесов никуда не уходит. Иди в степь со своим богом, тут не его земля, не его власть.

— Это же Хиранья! — взволнованно прошептала Ларишка Ардагасту.

Теперь и росич узнал маленького узкоглазого брахмана[14], вместе с которым они пробирались через древние пещеры, сражались с демонами, упырями и зверобогом Махишей. Именно через этого невзрачного и несведущего в боевой магии пришельца с севера двенадцать мудрецов направляли свою волшебную силу, отражая удары оружия богов, которые самонадеянный грек Стратон, обученный жрецами Шивы, обрушивал на войско кушан. Хиранья-Зорни тоже узнал их и приветливо кивнул так, словно расстался только вчера.

— Ларишка, Ардагаст! Боги любят вас, особенно тебя, тохарка. Золотая Баба сказала мне: «Пусть жена Ардагаста, славная богатырка с метким луком, с кривым мечом, тоже сражается за город моего сына, Солнечного Всадника».

— Золотая Баба — богиня вашего гусиного рода и сама гусыня, — вмешался Лунг-отыр, — а сын её — Медный Гусь. Нечего гусям указывать у медведя в берлоге!

Левая рука отыра поигрывала плетью, а правая легла на рукоять меча. Дружинники тоже смотрели на чужого шамана с презрительными усмешками, готовые по первому приказу вытолкать его взашей или загнать в болото. Но тот лишь невозмутимо усмехнулся:

— В твоей берлоге всё своё, всё лесное. Только, чтобы вызвать богов, ты хорезмийский терьяк[15] куришь. Наши мухоморы тебе плохи.

— Хватит болтать! Хонт-Торум этих двоих в жертву требует!

— Это тебе бог сказал? Или Беловолосый? Ему давно в

нижнем мире место.

— Я тебя самого туда отправлю, лживый шаман! Злой Царь — друг нашему племени.

Меч блеснул у самых глаз Хираньи. Жестом остановив готового броситься на помощь Ардагаста, маленький шаман спокойно взглянул в горящие глаза отыра:

— Злой Царь — друг только самому себе. А ты, правдивый шаман, не знаешь, что гунны тебе уже не друзья? Оглянись, видишь дым? То Бейбарс жжёт твой городок. Слышишь, кони ржут в лесу? То гунны идут грабить твоё святилище.

Все невольно обернулись в сторону городка. Из-за леса клубами валил чёрный дым. С быстротой пантеры Ларишка бросилась к шалашу, схватила один из луков и колчан, выстрелила. Из-за сосны рухнул наземь человек в кафтане с меховой опушкой и колпаке, с большим луком в руках. В ответ загудели десятки тетив, пронзительно засвистели стрелы, пробивая насквозь кольчуги манжар. Следом на поляну высыпали гунны, и святилище наполнилось лязгом стали, криками, бранью. Лунг-отыр, выкрикивая имя своего бога, яростно бился мечом и кинжалом. Ардагаст с мечом и акинаком прикрывал тохарку, славшую одну меткую стрелу за другой. Её небольшой, но хитро изогнутый скифский лук вблизи наносил урона не меньше, чем тяжёлые, с костяными накладками на изгибах луки гуннов. За спиной Ларишки скромно устроился Хиранья, не владевший ни оружием, ни боевыми заклятиями.

Наконец, не выдержав бешеного натиска отыра и его воинов, нападавшие обратились в бегство. Манжары преследовали их через болото и успели к идолам Семи Сарматов как раз вовремя, чтобы не дать угнать своих лошадей. Потом вскочили в сёдла и, вовсю нахлёстывая скакунов, помчались к городку. Ардагаст с Ларишкой успели на ходу подобрать своё оружие, принесённое манжарами в святилище. Нашли себе и коней.

Вылетев галопом из леса, они не увидели возле городка ни одного гунна. Ворота были сорваны, частокол в нескольких местах горел. Из-за частокола валил густой дым и явственно доносились крики и плач. Не думая о том, сколько врагов может ждать его в городке, Лунг-отыр погнал коня к воротам. Следом поскакали дружинники. Они, лучшие воины, не сумели защитить своё племя, и теперь им оставалось лишь отомстить или погибнуть. Или — погибнуть, отомстив.

Но и в городке они не встретили ни одного врага. Только местные жители, воины и простые горожане вперемешку, усердно гасили пожар, собирали тела убитых, ловили разбежавшуюся скотину. Женщины громко, в голос плакали над погибшими.

Воевать было не с кем. Отыр осадил коня и, чувствуя на себе укоризненные взгляды, поехал шагом к остаткам своего дома. Две женщины в богатых, но изорванных и обгоревших платьях и пятеро маленьких детей со слезами бросились к нему. Один из заливавших огонь воинов опустил ведро и сурово, пристально взглянул на Лунг-отыра. У воина были редкие в этих местах тёмно-рыжие волосы, остроконечный позолоченный шлем с наносником и золотая гривна на шее. («Это мой брат Зорни-отыр, Золотой Богатырь», — вполголоса пояснил Хиранья).

— Ты доволен, отыр? Твои жёны и дети живы. Даже пушнина твоя не вся сгорела. И людей твоих в неволю не угнали. Боги оповестили моего брата, и я успел с дружиной. Гунны уже в городок ворвались: жгли, грабили. Но твои воины ещё бились. Солнце свидетель — крепко бились! Гунны моё войско увидели, сразу ускакали на юг. Я гнаться не стал: есть же у этого городка отыр. Или нет?

Лунг-отыр спешился и стоял, угрюмо опустив голову. Частицы пепла и золы, поднятые ветром, оседали на его панцире с серебряными драконами. Пятна крови высыхали на золотом поясе. Вокруг собирались манжары. А Зорни-отыр беспощадно продолжал:

— Я не ходил в набеги так далеко, как ты. И с гуннами дружбы не водил. Моё святилище беднее твоего. Но моего городка ещё никто не сжигал. Так кто же должен быть царём исетских манжар?

Лунг-отыр мрачным взглядом обвёл своих людей. Кто из них первый крикнет: «Не нужен нам такой князь!»? Нет уж, он умрёт как воин — в бою! Пусть попробует Зорни-отыр отказать ему в поединке — сам первым погибнет!

Тем временем Ардагаст напряжённо думал. Почему это Бейбарс напал на верного союзника? Только из жадности? Почему тогда бросили грабить городок? Или союзник стал не нужен? Убегать от врага гунны позором не считают, как и все степняки. Но почему ушли так легко и быстро? Берегли силы? А ушли на юг... Росич шагнул между двумя вождями:

— Не время делить царство, отыры! Гунны идут на Аркаим. Если огненный язык дотянется сюда, царствовать вам будет не над чем.

И царевич рассказал им о страшном замысле даоса. Зорни озабоченно потёр лоб:

— Кто такой Карабуга, я быстро узнал. Поэтому мы с братом и не верили гуннам. Так вот зачем он выведывал всё об Аркаиме! Шаманов поил, пленных стариков пытал... Да он опаснее Стратона! Тот мало учился и полез как медведь через

тайгу, а этот много знает и всё рассчитает.

— Значит, нужно не допустить гуннов до священного города. Помиримся с росами и перехватим Бейбарса в степи, — предложил Ардагаст.

— Сказать легко, сделать трудно, — покачал головой Зорни-отыр. — Распараган горд и упрям.

— Что бы он ни решил, я буду с вами, — твёрдо сказал царевич росов.

— Сарматы идут к городку, — доложил подбежавший дружинник.

Вожди манжар и Ардагаст с Ларишкой сели на коней, не спеша выехали из ворот городка и остановились за рвом. В воротах стояла наготове конная дружина, на валу за обгоревшим частоколом — лучники. Впереди ехали Распараган с Вишвамитрой. Увидев Ардагаста живым и невредимым, его воины разразились приветственными криками, а кшатрий воздел руки к небу:

— Хвала Кришне! Эй, псы, благодарите Солнце, что вы не успели ничего сделать с нашим царевичем! Иначе мы не оставили бы от вашего городишки даже головешек.

— А твоей шкурой, Лунг-отыр, я обил бы свой колчан, — сказал царь росов, — а из твоей пустой головы сделал бы чашу для кумыса — на большее она не годится.

— Это я из твоего черепа пить пиво буду, твои волосы на сосну повешу! — выкрикнул Лунг-отыр. — Ты моего дядю убил, его сына убил, выкупа не дал — заплатишь головой.

Сарматы возмущённо зашумели.

— Выкуп головой заплатили Хурьянг с отцом за моего брата. Они его убили, кочевье разорили, пленных продали, — огрызнулся Распараган. — Что, и Зорни-отыр здесь? Дрались небось за городок, а завидели росов — сразу помирились от страха?

— Оставьте свои распри! — громко вмешался Ардагаст. — У нас теперь один враг. Городок сожгли гунны, а сжечь могут весь мир, если мы их не остановим.

Он подъехал к царю росов и рассказал ему о том, что готовил безродный, но могущественный маг. Распараган внимательно слушал, и его тёмные глаза разгорались воинственным азартом, а крепкие ещё жёлтые зубы блестели в усмешке над белой бородой.

— Клянусь Михром, в Аркаиме будет славная битва, и победить в ней должны мы с тобой! В наше оружие войдут обе божественные силы. А Карабуге, или как там его, похоже, всё равно, кто будет стоять рядом с ним на городище, когда взметнётся огненный вихрь. Колдун ещё послужит нам, вот

увидишь. А на лесовиков, ты прав, не стоит тратить времени.

«Да ты не умнее Лунг-отыра, хоть и дожил до седой бороды», — подумал Ардагаст, а вслух сказал:

— Ты не понял, царь. Битвы за Аркаим не должно быть. Гуннов надо разбить по пути к городищу. Неизвестно, что сожгут огненные языки — может быть, твои кочевья и пастбища.

— Солнце не допустит того! — мотнул окладистой бородой Распараган. — Ведь мы — его воины! И за нас Чёрное Солнце, великий царь и великий воин!

— Он — мертвец, а мы живые! И эта битва нужна не Солнцу, а богу тьмы и его рабу — Чжу-фанши. Останови их, царь! Или...

— Или мы будем защищать Аркаим и от Бейбарса, и от тебя, — твёрдо сказал подъехавший ближе Зорни-отыр.

— И тогда ты увидишь, на чьей стороне Солнечный Всадник, — добавил его брат-шаман.

Распараган с презрением скривил губы и вопросительно взглянул на Ардагаста. Тот решительно произнёс:

— Моя дружина, царь, будет биться вместе с манжарами.

Густые седые брови Распарагана сдвинулись.

— Ты пойдёшь против своего племени? Да рос ли ты?

Ардагасту показалось, что в глаза ему глядит никогда не виденный им дед, царь днепровских росов. И прадед, и ещё множество богатырей племени росов — «сияющих, как Солнце». И он не отвёл взгляда.

— Если восточные росы пойдут путём Тьмы, а не Солнца, я должен буду спасти честь росов. Я с дружиной клялся защитить Аркаим, и мы эту клятву выполним.

— Харе Кришна! — восхищённо глядя на царевича, воскликнул кшатрий и обнажил свой огромный двуручный меч.

Следом блеснули на солнце клинки остальных дружинников. Позади одобрительно зашумели манжары. Царь росов с досадой сгрёб бороду в кулак:

— В тебе всё-таки лишь половина крови росская. А вторая половина — от таких же лесных медведей, как эти. Но ты мой родич и спас меня. Поэтому слушай. Я подойду к Аркаиму с войском в священную ночь. А вы можете занять само городище: ведь вам, лесовикам, привычнее сражаться за земляными кучами. Но с другой стороны подойдут гунны, и тогда решай сам, на чьей стороне сражаться. Видит Михр, я не хотел бы биться с тобой. А нападать на гуннов по пути к Аркаиму смотри не пробуй, я прослежу. И помни: с нами пойдут Саухурон и его воины, в их оружии — сила Солнца. А с гуннами — Злой Царь, и в его оружии — сила Молнии. Не ищи места между этими силами, царевич

росов!

Распараган повернул коня, и его войско следом за ним скрылось в дубраве.

— «Лесные медведи»... У венедов, племени моего отца, медведь — тоже священный зверь. Его Перун-громовник любит, — сказал вдруг Ардагаст Лунг-отыру, и лицо гордого богатыря озарилось добродушной улыбкой.

Потом царевич глянул вслед уходившим сарматам и вдруг понял: он сейчас стал орудием проклятого мага, выболтав его замысел Распарагану, который стоил Бейбарса. Теперь проклятая битва всё равно состоится, и огненный вихрь опустошит страну, и самый большой и безжалостный убийца вместе с чёрным магом пойдёт по пеплу и обгорелым костям завоёвывать мир! А ему, Ардагасту, остаётся лишь стать этим убийцей или погибнуть. В Индии он познакомился с шахматами, и теперь мир показался ему расчерченной доской, по которой воинственных царей и их рати передвигают всемогущие игроки — боги или демоны? Или это Разрушитель играет сам с собой в игру царей? Отчаяние когтями стервятника впилось в сердце. Вонзи он в это сердце акинак — страшной битвы всё равно не остановить. Росич поднял глаза на Хиранью: теперь надеяться можно было лишь на его спокойную мудрость.

А тот в раздумье ерошил длинные тёмные волосы.

— Дело плохо. Только не совсем. Огненный вихрь появится, если воины Солнца схватятся с воинами Луны и Грома, так? Значит, вихря не будет, если солнечные воины будут биться только с солнечными, а грозовые — с грозовыми. Ты, Ардагаст, почитаешь Солнце, мы с братом — тоже, а Лунг-отыр — Грома. Тогда твоя дружина и воины нашего рода должны сражаться с сарматами, а воины Лунг-отыра — с гуннами. Главное — продержаться до утра, до конца священной ночи. А моё дело — шаманить, чары Карабуги от вас всех отводить.

Хиранья простовато улыбнулся, словно остановить схватку мировых стихий было не сложнее, чем отыскать чарами пропавшую скотину.

— А как быть мне? — спросила Ларишка. — Я почитаю Анахиту, богиню войны. Она властна над водами и луной. Но она ездит на колеснице с четырьмя конями, а её золотая бобровая шуба сияет, как солнце.

— Это же Мать богов, наша Золотая Баба. Значит, ты можешь биться и с сарматами, и с гуннами, и с обоими мёртвыми царями. Береги свою жену, Ардагаст, она наш лучший боец!

Над светлой поляной в глубине лесной чащи поднималась

высокая старая ель. Её ствол был очищен от ветвей, лишь две из них остались, обращая дерево в крест — знак Солнца. На перекрестье была привязана большая тряпичная фигура Солнечного Всадника в семи дорогих шапках, красном кафтане и красных сафьяновых сапожках. На груди бога сияло, ярко отражая лучи солнца, парфянское серебряное блюдо с царём-всадником. Увенчивал дерево большой медный гусь. Справа от ели на кедре висело изображение Нуми-Торума, Отца богов, в белой одежде и медвежьей шкуре. Слева, на берёзе — кукла Золотой Бабы, в золотой личине, с золотыми серьгами и браслетами. На груди лесной богини блестело блюдо, а на нём воздевала четыре руки южная богиня верхом на льве. В её верхних руках были солнце и месяц.

Гулко рокотал бубен в руках седовласой шаманки. Друг против друга плясали, потрясая каждый двумя мечами, Хиранья и Лунг-отыр. А за их спинами, грозно вздымая оружие, танцевали манжары и кушаны. Лучшие воины собрались на зов из окрестных городков для похода на Аркаим. Над воинами Лунг-отыра колыхался бунчук с медвежьей головой, над воинами Зорни-отыра — с медным гусем.

Между воинами Солнца и Грома оставалась лишь неширокая дорожка, на которой горели в ряд семь костров. А на этой дорожке плясала тохарка в тёмной одежде, кольчуге и остроконечном шлеме. Кривая махайра и акинак со звоном скрещивались над её головой. Серебристо-чёрной птицей перелетала она через костры, её длинные чёрные волосы свободно реяли в воздухе. Седая шаманка одобрительно улыбалась. «Как у нас на Купалу», — думал Ардагаст. Ему не пришлось прыгать с любимой девушкой через купальский костёр: родные леса, такие похожие на этот, росич покинул в тринадцать лет, спасаясь от двух дядьёв — царя и оборотня.

Семь костров должны были очистить души людей от алчности и вражды. Ведь предстояла битва не ради добычи и мести (хотя было, что добывать и за что мстить), но ради спасения мира. Одни люди шли в Аркаим, чтобы вызвать битву богов ради собственного тщеславия и властолюбия. Другие — чтобы остановить её. И все считали себя воинами богов. А что же боги? Разукрашенные куклы на деревьях молчали. Молчало и ясное летнее солнце. Молчало — но и не скрывало за тучами своего чистого золотого лика. А где-то далеко на юге призывно грохотал гром.

Человек в чёрной гуннской одежде и железной рогатой короне стоял на вершине горы Аркаим. Не раз его дух посещал эти места, теперь же он сам пришёл сюда с войском Бейбарса.

Двадцать воинов охраняли гору, но главной защитой её были теперь чары того, кого они знали как Карабугу, великого чёрного шамана. С чистого голубого неба глядели сразу два глаза Верховного Бога — красное закатное солнце и белёсая луна. Закроется красный глаз — и наступит самая короткая ночь года, ночь великих чар, страшных варварам и невеждам.

Внизу, среди ковыльных холмов, у слияния двух речек — двойное колесо священного города. К востоку от него стоят под красным знаменем с золотой тамгой росы. К западу, под белым бунчуком, увенчанным полумесяцем, — гунны, поставленные там Бейбарсом по указанию шамана. Солнце против Месяца, восток против запада, огонь против воды, Ян против Инь — всё согласно чертежу Ба Гуа. К северо-западу от города, за речкой, Огненная гора, к юго-востоку — другая речка. Это тоже отвечает схеме Ба Гуа: гора против водоёма. Что ещё? Гром на северо-востоке и ветер на юго-западе он создаст своими чарами. На юге — вершина горы Аркаим, где он разведёт магический костёр. На севере — холмистая степь и речка. Небо и огонь на юге, земля и вода на севере. Ведь вершина священной горы подобна небу. А стоящий на ней — богу.

Да! Вверху — он, наделённый высшим тайным знанием, полный великих замыслов. Внизу — люди, невежественные, погрязшие в мелких и низких страстях. Таковы даже их цари. Так кто же кому должен подчиняться? Кто бы из двух воинственных глупцов ни победил этой ночью, он приберёт к своим рукам этого «Великого Воина». Они думают, что властвовать должен сильный. Нет, править должен мудрый. Мудрый и безжалостный, как сами боги.

И всё же уверенности в своём всемогуществе не было. Стройную картину нарушало происходившее в городе и на Огненной горе. Обогнав гуннов, городище заняли манжары и кушаны, которым росы почему-то не помешали. Маг не тревожился бы, не будь среди неожиданных защитников города этого Ардагаста, бесстрашного и непонятного. К тому же они зачем-то заняли ещё и Огненную гору и сложили на ней кучу дров для костра. Даос хотел попросить Бейбарса выбить их оттуда, но вдруг обнаружил на горе мощную магическую защиту. Если её построил шаман Хиранья... Чжу поёжился, вспомнив, как убегал в Индии от него и кушанских воинов. Еле ноги унёс, раненный, на спине одуревшего от страха демона.

Не собрались ли Ардагаст с Хираньей сделаться Великим Воином и Великим Магом? Ну конечно! Так он и поверил болтовне Ардагаста насчёт солнечного и бесовского царств. Пусть попробуют! Чтобы выполнить план мага Чжу без него самого,

нужно знать даосскую магию, а не мухоморные бредни шаманов. А, в общем, чем ожесточённее будет битва за Аркаим, чем яростнее столкнутся силы Инь и Ян и их почитатели, тем лучше! Хорошо бы ещё воины-манжары передрались друг с другом и с кушанами... О том, сколько человек не увидит завтрашнего утра по его милости, маг Чжу вовсе не думал. Как подобает будущему богу.

Щуря и без того узкие глаза, Бейбарс разглядывал поросшие травой валы древнего города. Нет, не случайно он оказался здесь, куда не доходил в набегах ни один гуннский джигит. И поход этот — не просто набег. Потому что он, Бейбарс, не обычный угонщик скота и должен думать не только о добыче, но о судьбе своей державы. Великий народ расколот. Южные гунны продались Сыну Неба за чай и шёлковые тряпки. Он тоже любит чай, особенно зелёный, с маслом и жиром. И кафтан у него красного шелка, а шаровары — синего, с золотыми фениксами и драконами. Но пояс на нём — гуннский, с бронзовыми бляхами в виде тигра и грифа, терзающих козерога. А на плечах, поверх панциря — барсовая шкура, как у Рустама, великого джигита. Это значит: он, Бейбарс — гунн и больше любой роскоши любит походы и битвы, и стон побеждённого врага, и дым над разорёнными стойбищами врагов.

Да, только северные гунны сохранили мужество и любовь к битвам. Но их ненавидят все соседи, которые только и ждут случая стаей шакалов наброситься на ослабевшего тигра. А ханьский дракон потом растерзает их всех. И тогда великий народ спасёт только одно: уйти на запад, к народам, ещё не знающим гуннов, и здесь, в крови и пламени, создать новую державу. А если гунны не смогут больше властвовать над народами, то пусть лучше погибнут до последнего, и само их имя забудется!

Он, Бейбарс, воин и привык надеяться на острый меч и тугой лук, а не на шаманский бубен с колотушкой. Может быть, эта ночь принесёт лишь ещё одну победу над глупыми и трусливыми племенами запада. Пусть потом кричат о коварных и жестоких гуннах — лишь бы боялись. А если сбудется то, что обещал чёрный шаман... Тогда Бейбарс станет величайшим из Сынов Бога, славнее самого Модэ, основателя державы. Одного не должно быть в эту ночь — поражения. Иначе — лучше его костям остаться без погребения, без памяти здесь, среди руин священного города. Желающий, но недостойный властвовать — недостоин и жить.

В то же самое время Ардагаст стоял на внутреннем валу

городища. Гордые отыры, чтобы не подчиняться друг другу, доверили воеводство ему. Теперь росич ещё раз деловито осматривал укрепления давно погибшего города. Два вала были всё ещё высоки — в два человеческих роста. Во внешнем валу было четыре прохода, направленных на северо-восток, северо-запад, юго-запад и юго-восток. Во внутреннем валу — только два: на северо-восток и юго-запад, и подобраться к ним было непросто из-за нескольких поперечных валов. Был ещё ров вокруг внешнего вала и третий, передовой, сильно расплывшийся вал, тоже с четырьмя проходами. Некогда стоявшие вдоль валов стена в стену жилища почти не оставляли в городе свободного места. Но теперь от них остались лишь слабые следы — они-то и делали городище похожим на колесо со спицами. Лишь в самой середине города была небольшая площадь, где никогда не строили домов. Здесь, на священной площади, как объяснил Хиранья, и должны будут встретиться двое жаждущих повелевать миром, когда вокруг городища будет бушевать огненный вихрь.

А его, царевича и воеводы, дело — не допустить этой встречи. Лучников он расставил на всех трёх валах, но больше всего на внешнем, самом высоком. Расплывшийся передовой вал защищать долго не стоило. С востока городище обороняли воины рода Гуся, с запада воины-медведи. Внутри валов оставались две конные дружины. Кушаны и всадники Зорни-отыра ждали своего часа между валами с восточной стороны, конники Лунг-отыра — с западной. Сейчас воины у костров доедали ужин, переговаривались, шутили, раззадоривали себя, хвастая былыми подвигами. Все знали: пока светит солнце, битва не начнётся.

Не было на городище лишь Хираньи. Только на священной площади стояли кругом двенадцать столбов с конскими шкурами, и двенадцать конских голов глядели в сторону врага. Принеся шестерых отборных белых коней в жертву Солнцу и шестерых вороных — Грому, маленький шаман в шапке с головой орла отправился на Огненную гору, даже не взяв с собой охраны. «Зачем мне воины? Они здесь нужны, на городище. Я чарами вершину горы окружу, если они гуннов не остановят, не помогут и воины».

Солнце скрылось среди гор, оставив костёр зари полыхать на вершинах. Лучники заняли свои места на валах, всадники сели на коней. К западу от города полумесяцем выстроились гунны, к востоку, за рекой — сарматы. Сердце росича сжалось при виде знакомого знамени с золотой тамгой. Такой же стяг внизу держал Вишвамитра. Может быть, Распараган всё же одумается, и ему, царевичу росов, не придётся проливать кровь родичей?

Погасла заря, и стало темнеть. К Ардагасту тихо подошла

Ларишка:

— Ты говорил, эта ночь у вас, венедов, самая священная?

— Да, после ночи Рождества Даждьбога. Но и самая страшная. В эту ночь Чернобог похищает Морану. Следом уходит в подземный мир искать богиню Даждьбог, её брат и муж. А на земле гуляет вся нечисть: черти, русалки, водяные, лешие... Ведьмы зелья собирают, чужую скотину доят, урожай чарами губят. Кто богатства хочет, ищет цвет папоротника или чёрта вызывает. А кто хочет мир от нечисти спасти, как мы сейчас, те собираются на горах над реками и жгут священные костры. Чтобы знала нечисть: есть свет и среди тьмы чернобожьей. Стоишь, бывало, и видишь: тянутся над рекой огни цепочкой. И знаешь: нет той цепочке конца, покуда люди живут. А здесь... пусто, — вздохнул он. — Никто в этой степи не живёт, земли не пашет, святых огней не жжёт.

Словно отвечая ему, на Огненной горе красным цветком распустилось пламя костра. И тут же вспыхнул второй костёр — посреди священной площади. Приветственные крики воинов огласили городище, сотни рук с оружием поднялись к темнеющему небу. Ардагаст улыбнулся:

— Мы, мальчишки, пошли в купальскую ночь подглядывать, как девушки будут голые плясать. Да набрели вместо красных девиц на ведьму Шумилиху. Тоже голая, простоволосая и мешок зелья тащит. «Ой, ребятушки, помогите донести! Такое увидите...» А у самой вокруг шеи гадюка вьётся да из-за спины два чёрта красными глазищами светят. Мы — бегом через камыши, а там русалки. Не возьми мы с собой полыни, защекотали бы.

— Защекотали?

— А как же. Так и норовят утопить или защекотать до смерти.

— До смерти? — Ларишка звонко расхохоталась. — Ну не поверю!

— Пока сама к ним не попадёшь? Так они от твоего меча все разбегутся, не надо будет и полыни.

Теперь захохотали оба. А на небе уже проступали россыпи звёзд. В степи тоскливо завыл волк. Вдруг на вершине горы Аркаим вспыхнул огонь — синий, как на болоте. Ардагаст вздрогнул:

— Не иначе, это Чжу там колдует. Помнишь, я рассказывал, как в купальскую ночь под Пантикапеем мы стояли на Золотом кургане у священного костра? А некромант Захария на Черном кургане жёг синий огонь. И вызвал таких бесов, что чуть город не разнесли, а потом призвал самого Чёрного бога.

— Помню. И победили вы. Ведь с вами была Богиня Огня.

— А у меня был золотой оберег Атарфарна. Но Карабуга пострашнее Захарии будет. Тот хоть в боги не лез.

— «Карабуга» значит «Чёрный Бык». Чёрный бык — враг Михра-Солнца. Ардагаст, мы же с этим дэвом-быком уже два раза бились! В таких пещерах, что вспомнить страшно. И одолели! А сейчас мы на земле. И Богиня Огня с нами — в этих двух кострах. Ну, кто мы будем, если теперь не победим?

— Степные бродяги, — улыбнулся он и обнял жену за плечи. — Знаешь, у сколотов-пахарей танец в купальскую ночь начинала царица или царевна. Так вот, через год мы будем праздновать Купалу на Днепре. И пляску начнёшь ты.

На вал к ним поднялся Лунг-отыр. Серебряные драконы на его панцире переливались в лунном свете, плечи вместо парчового плаща покрывала медвежья шкура.

— Ларишка, женщина-отыр, из тохар самая храбрая! Не хочешь ли ты сразиться с гуннами? Я знаю, ты их больше всего ненавидишь. И со Злым Царём, хоть он и тохар? Это он хотел вам смерти.

Ардагаст нахмурился. Отыр всю дорогу до Аркаима увивался вокруг Ларишки, при том, что таскал с собой красивую наложницу.

— Я буду сражаться рядом с мужем, — вскинула на него глаза тохарка. — Ты что, не надеешься на своих воинов?

— Не надеюсь, — тихо сказал манжар. — Они не испугаются гуннов, а я не боюсь биться с Мануолло, ведь они с Карабугой обманули меня. Но если я погибну — не знаю, кто тогда посмеет сразиться с Беловолосым. Он часто помогал нам, и в его оружии — сила Грома.

— Хорошо, отыр. Если ты будешь мёртв, а Злой Царь жив, я приду к вам на помощь.

— А если ты... как-нибудь потом... в эту ночь выльешь в огонь чашу вина для Лунг-отыра, его душа в стране мёртвых будет рада. И прости, что хотел тебя принести в жертву. Не чары меня ослепили — своя же глупость.

Он резко повернулся, сбежал с вала, сел на коня и поехал к своим всадникам.

Ночь опустилась на руины Аркаима, на горы и холмы, на бескрайнюю степь. Белая луна среди звёздных стад. Белый ковыль, серебрящийся в её свете. Словно в нездешнее мёртвое царство перенесли боги своих воинов для невиданной битвы — чтобы не опустошили вконец этого мира.

«Месяц-Велес, небесный пастух, солнце ночной нечисти, за кого же ты в эту ночь?» — подумал росич. Бледный бог ничего не ответил. Лишь по-прежнему ярко светил с безоблачного неба,

хорошо освещая воинам место битвы. И горели три костра — два красных и один синий, напоминая о великих силах, готовых обратить это безмолвное белое царство в огненное пекло.

Два полумесяца вражеских войск недвижно стояли на равнине, явно поджидая кого-то. Вдруг одинокий воин с белым платком на копьё подъехал к валу:

— Царевич Ардагаст! Царь Распараган желает говорить с тобой наедине.

Царевич западных росов и царь восточных неторопливо выехали навстречу друг другу недалеко от юго-восточных ворот, степенно подняли правые руки в приветствии. На лице Распарагана была уже не обычная надменность, а тревога. На востоке в степи жутким хором выли волки.

— Ардагаст, сынок! Одумайся, пока не поздно. Слышишь, в степи стучат колеса, гремят копыта, воют волки? Это мчатся колесницы Саухурона и его воинов, за ними волки бегут — пожирать трупы.

Царевич прислушался. Да, шум боевых колесниц, знакомых ему по Индии, нельзя было ни с чем спутать. А Распараган продолжал:

— Видишь, на севере что-то белое движется, само собой светится? Это Злой Царь скачет к гуннам. В его оружии — сила Грома, в оружии Саухурона — сила Солнца. Разве можно сражаться с ними земным оружием, можно ли второй раз убить мёртвых? Иди ко мне со своей дружиной, и мы возьмём вместе Аркаим. А глупые манжары пусть делают что хотят. Лучше всего — пусть уходят, пока целы, к себе в леса.

— Одумайся, отец! Давай вместе ударим на гуннов: я с городища, ты из степи. Главное, чтобы не было боя в самом Аркаиме.

— Поздно, сынок, — покачал головой царь. — Неупокоенных царей уже не остановить.

— А этих живых мертвецов нужно перебить, пока они все здесь. Как их можно убить, я знаю.

— Если и можно, то мы, росы, не пойдём против Саухурона, защищавшего нас и наших праотцов. Это всё равно что пойти против богов и предков. И как можно променять славную битву, где наградой — сила богов, на обычную? Честь росов этого не велит!

— А мне честь росов велит в святую ночь воевать с нежитью и нечистью, а не за неё, — отрезал Ардагаст. — Прощай, царь, и пусть вина за кровь росов, что прольётся в эту ночь, будет на тебе, а не на мне. — И царевич повернул коня к городищу.

Он успел снова подняться на внутренний вал, когда сарматы,

гремя доспехами, устремились с криком «Мара!» на Аркаим. Почти сразу же с запада донёсся топот копыт, пронзительный свист стрел и клич «Тенгри!». Лучники на расплывшемся валу выпустили по стреле и быстро взобрались на не слишком крутой внешний вал.

Рога обоих полумесяцев, гуннского и сарматского, были направлены на четыре входа в городище, словно два огромных, чёрных, железнорогих быка с разбегу бодали священный город. Большая часть лесных воинов Ардагаста имела лишь луки и стрелы. Зато луки эти были гуннские — большие, с костяными накладками. И немало закованных в железо воинов, ещё не доскакав до вала, рухнули наземь: кто оставшись без коня, а кто со стрелой в груди, пробившей панцирь или кольчугу. Конные дружинники обоих отыров в доспехах, с тяжёлыми копьями наперевес ждали врага во всех четырёх входах, как бы заткнув их железными пробками во много рядов.

На остриях рогов сарматского строя мчались колесницы Саухурона — лёгкие, двухколёсные, каждая запряжена парой коней (две пары были лишь у царя). На каждой по два воина: лучник и возница. Колесниц было всего восемь, по четыре на каждом крыле. Царь в своём красном кафтане и золотой гривне был на левом фланге. Над его колесницей трепетал красный стяг со знаком Чёрного Солнца. Одеты мёртвые воины были подобно сарматам — кафтаны, штаны, башлыки. Но вместо волос до плеч у каждого из-под башлыка выглядывала лишь одна длинная прядь, развевавшаяся на скаку, и эти пряди у всех были светлого или золотистого цвета, что давно уже стало необычным в здешних местах.

Манжары лишь посмеивались, глядя на таких противников. Ни мечей, ни кольчуг, ни шлемов, ни даже костяных панцирей, как у ненцев. Только бронзовые копья, топоры да короткие кинжалы. Луки большие, но простые, без изгибов, без накладок. Только и страха, что воины мёртвые. Так ведь Ардагаст объяснил: бить их копьями с осиновыми древками в сердце, отсекать головы, а после боя для верности сжечь тела, и больше не встанут неупокоенные. Да они, верно, ни верхом как следует ездить, ни с коня стрелять не умеют, а только со своих телег. Правда, жутковато было смотреть, как скачут, не издавая ни звука, колесничие и кони, как горят в ночи золотистым светом их копья и топоры.

Не насторожило манжар даже то, что метко пущенные из тяжёлых луков стрелы никак не действовали на арьев, словно лучники попадали в тряпичные чучела. Мертвецы даже не стреляли в ответ. Ничего, мёртвые — не железные, сейчас их

конники на копья насадят, мечами в капусту посекут! Расслабились, думая так же, и сами конники. А напрасно.

Недалеко от входов колесницы остановились. Придержали коней и сарматы. Загудели тетивы арьев, полетели стрелы, сиявшие всё тем же золотистым светом, и передние дружинники рухнули с коней, гремя бесполезными доспехами. Стрелы с кремнёвыми наконечниками, наделёнными силой смертоносного Чёрного Солнца, прожигали и панцири, и тела насквозь. Снова просвистели стрелы, и ещё один ряд защитников повалился с коней. Зорни-отыр хотел уже идти на вылазку, чтобы разбить опасных лучников в ближнем бою, но Ардагаст приказал отойти внутрь города, в пространство между валами. Он вспомнил грозовой меч Куджулы и догадался, что сияющие бронзовые топоры и копья неупокоенных могут быть столь же могучим оружием.

Несколько отчаянных молодцов, ослушавшись приказа, покинули городище и помчались вперёд, на арьев. Ни один не поразил врага и не остался в живых. Пылающие солнечным жаром топоры легко перерубили древки копий и мечей, оставив в руках манжар обгорелые или оплавленные обломки, пламенные копья разворотили панцири, оставив в телах страшные раны с обугленными краями.

Саухурон, однако, знал, что его воины не столь уж неуязвимы, и помнил, сколь хитро устроены укрепления священного города. Он не стал врываться в оставленные ворота, предоставив эту честь сарматам. Владыка арьев приберегал силы для схватки с главным своим врагом — Злым Царём.

Правое крыло росов ворвалось в город через северо-восточный вход — и оказалось в настоящей охотничьей ловушке. Небольшой двор между четырьмя валами, и со всех валов нещадно и метко били из луков опытные лесные охотники. А путь к узкому проходу между поперечным и внутренним валами преграждали конные воины Зорни-отыра. Вскоре двор заполнился трупами, большей частью сарматскими. Кони, оставшиеся без всадников, метались по двору, мешали своим, топтали упавших. Не выдержав ливня стрел, нападавшие бросились назад, ругая своих неупокоенных союзников. Те стояли снаружи и не стреляли даже по лучникам на валах. Древних кремнёвых стрел у них было не так уж и много, а железные в их руках были бы обычным оружием.

Через юго-восточный вход вёл росов сам Распараган — и привёл их в такую же ловушку, только раза в два больше, и ждал их тут сам Зорни-отыр с большей частью конной дружины. Ломались копья, под ударами мечей рвались доспехи. Не одному

кичливому сармату пришлось убедиться, что «лесные медведи» не хуже его владеют мечом и имеют столь же прочную броню. А при виде Медного Гуся — птицы Солнца — над знаменем противника в души многих росов закралось сомнение: да на их ли стороне Михр в этой битве? И стоило ли связываться с живыми мертвецами, их Чёрным Солнцем и проклятым оружием, перед которым бессильна честная сталь?

Кушаны ждали на священной площади, напряжённо прислушиваясь к шуму битвы за валом и поглядывая на стоявшего на валу царевича. Вишвамитра покрикивал на самых нетерпеливых. Ардагасту самому больше всего хотелось бы броситься, не раздумывая, в вихрь праведной битвы. Но он учился спокойствию и рассудительности у Куджулы Кадфиза, на его глазах создавшего могучее царство кушан.

Нелегко приходилось и воинам Лунг-отыра. Гунны были закованы в железо и вооружены не хуже сарматов и лучников с тяжёлыми луками имели немало. Неупокоенный воин здесь был лишь один — беловолосый царь тохар но он стоил многих. Без возницы, обвязав вожжи вокруг пояса, правил он колесницей, стрелы же метал с невероятной быстротой. Стрелы эти ударяли в воинов с грохотом и ослепительными вспышками, и наземь валились обугленные трупы в оплавленных кольчугах. «Сам Хонт-Торум с нами воюет!» — в страхе думали многие.

Гунны атаковали сразу два западных входа. У юго-западного они попали на площадку перед воротами, где на них посыпались стрелы сразу с трёх валов. Манжарских конников, оборонявших вход, Злой Царь своими громовыми стрелами загнал внутрь городища, но сам туда соваться не стал. Когда же нападавшие во главе с самим Бейбарсом ринулись в проход, на них сбоку обрушился Лунг-отыр с отборной дружиной и быстро прижал к внутреннему валу. Уцелевшие гунны с трудом вырвались назад. Бейбарс чуть не погиб. Одно копьё прорвало его панцирь, другое разорвало роскошные штаны, расшитые фениксами и драконами, и расщепило луку седла. Вождь гуннов слетел с коня и, отбиваясь мечом, с трудом выбрался из прохода. Беловолосый только посмеивался. Сунься он туда первым, его просто прикололи бы к стене десятком копий, прежде чем он выпустил бы вторую или даже первую стрелу.

Ещё хуже пришлось гуннам в северо-западном проходе. Здесь за узким входом оказалась маленькая площадка, а за ней — столь уже узкий выход, из которого торчали копья манжарских всадников. Сверху, с валов, дождём сыпались стрелы. Сбоку вдруг осела земля (защитники города поставили плетёную перегородку и замаскировали дёрном), и из древнего потайного прохода

выскочили пешие воины с копьями и мечами. Вскоре площадка была так завалена трупами гуннов и их коней, что пробраться тут верхом стало невозможно.

На горе Аркаим у синего колдовского костра Чжуфанши кусал губы с досады. В его великолепно задуманный магический опыт вдруг вмешался какой-то невежественный степной вояка. Точнее, его наставник, этот пожиратель мухоморов и брахман-недоучка из индийского храма Солнца. Их замысел стал ясен даосу лишь в ходе битвы. А нужно было ещё раньше заметить, что бунчук с медвежьей головой развевается над западной частью городища, а с медным гусем — над восточной. Воистину, невежество порождает глупость и трусость! Они хотят превратить великую битву мировых сил в обычную степную сечу на пустом городище! Он-то думал, что эти двое сами хотят повелевать миром. Оказывается, такая мысль слишком сложна для тупых заскорузлых лесовиков. Ничего, мудрость Ба Гуа им знать неоткуда. Пусть кипят битвы, возникают и рушатся царства — для мудрого в мире есть лишь два головастика и звезда с восемью лучами из длинных и коротких чёрточек. Короткие — Инь, длинные — Ян. Итак, ветер против грома...

Чёрный ворон слетел с вершины горы Аркаим и понёсся к юго-западным воротам. Увидев его, Бейбарс, вовсю поминавший Эрлика и его духов, облегчённо вздохнул и отвёл своих воинов прочь с опасной площадки. Внезапно с юго-запада донёсся нарастающий шум, и к воротам понёсся, прокладывая широкий проход в ковыле, могучий ветер. В считанные мгновения он просто сдул с валов их защитников. Воины скатывались вниз, теряя и ломая луки. Многие всадники валились с коней, другие метались по городищу, не в силах совладать с обезумевшими лошадьми.

А в это самое время с северо-востока на городище надвигалась, грохоча и полыхая молниями, гася звёзды, чёрная туча. Вот она нависла над воротами, над устланным людскими и конскими телами двором, и вдруг десятки синих молний с оглушительным грохотом разом ударили вниз, разя насмерть лучников и всадников. Следом хлынул ливень. Уцелевшие бросились прочь со страшного двора.

Вою ветра и грому вторили радостные крики осаждавших. И гунны, и сарматы были теперь уверены, что боги в этой битве за них. Росы теснили манжаров всё дальше от входа. Спешившиеся гунны полезли с запада на внешний вал, перестреляв перед тем многих лучников. На помощь уцелевшим поспешили спешившиеся или потерявшие коней дружинники. На гребне вала зазвенели мечи. В пространство между валами всадники не

ворвались лишь потому, что один вход был завален трупами, а другой недоступен из-за ветра.

А ветер и туча уже перешли внутренний вал, смели его защитников. Ардагаст с Ларишкой бросились на священную площадь, к своим дружинникам. Их кони ржали в смертельном испуге, становились на дыбы, но даже не пытались вырваться за пределы круга, ограниченного двенадцатью столбами с конскими шкурами. С одной стороны бесновался ветер, с другой — били в землю молнии и хлестал ливень. На горе у синего костра довольно щурил узкие глаза колдун. Сейчас две стихии сметут жертвенные столбы, погасят костры, уничтожат этого полусармата и его дружину. Костер на Огненной горе уже не сможет влиять на происходящее в священном городе. И тогда наконец начнётся великая битва за Аркаим.

Но ни ветер, ни дождь, ни молнии не могли прорваться на священную площадь, и костёр по-прежнему горел ровным золотистым пламенем. Даже потоки воды, заливавшие городище, обтекали круг двенадцати столбов. Даос хмурился, произносил всё более могучие заклинания, но священный круг оставался нерушимым. Ардагаст в волнении стискивал обшитую кожей рукоять меча. На городище шёл бой, вот-вот могли ворваться неупокоенные, а он с дружиной стоял без дела, загнанный в эту ловушку, и даже не мог узнать, что творится за высоким внутренним валом. Боги, да где же вы? И за кого вы? Чьи мы воины в этой битве?

Росич поднял голову к небу, всё ещё ярко освещённому луной. И увидел двух громадных всадников. Один, на востоке, был молодой, златоволосый, в зелёном плаще, на красном коне. Другой, на западе — с седыми волосами и золотой бородой, в огненно-красном плаще, на тёмно-синем, как грозовая туча, коне.

Тешились ли они битвой смертных? Нет, за потехой не следят так сосредоточенно, в суровом молчании. Или собираются сами сражаться? Но почему до сих пор не схватились, ведь оба при мечах, секирах и луках?

А на севере Ардагаст увидед могучего чёрного великана с бычьей головой, в ожерелье из черепов. Он тоже напряжённо всматривался горящими красными глазами в происходившее на земле. А его мощные когтистые лапы держали перед собой (или пытались ухватить?) чёрный диск, окружённый золотым венцом с трепещущими пламенными языками. Вот оно, Чёрное Солнце! Возмущение вспыхнуло в душе росича. Может быть, светлые боги не всегда между собой ладят, но чтобы судьёй над ними и над людьми был Чёрный Бог? Не может, не должно так быть! Он перевёл взгляд на костёр и вдруг увидел в его пламени

прекрасную женщину с пышными золотыми волосами, в красном платье с золотым пояском. Это была она, Богиня Огня, та, что встретила его, тринадцатилетнего, на Золотом кургане, что послала его на Восток с амулетом Атарфарна, что обещала ему огненное золото Колаксая, Солнце-Царя! Он оглянулся на своих кушан. Их лица были полны благоговения — не умиления толпы в храме, не подобострастия рабов, а сурового благоговения воинов. Они видели то же, что и вождь.

Огненная богиня, улыбнувшись своим воинам, исчезла. И тут же пламя рванулось ввысь, и самый высокий язык его оторвался, превратившись в сияющего золотого орла. Огненная птица призывно заклекотала, заглушая вой ветра и гром, взмыла ввысь, и бушующий ветер не в силах был её остановить. Ардагаст поднял меч. То был меч Куджулы Кадфиза — не тот, грозовой, но царский: под кожаной обшивкой таились до времени золотые ножны и рукоять.

— Дружина, за мной! Слава!

Сейчас, ведя дружину на восточных росов, он выкрикнул не сарматский клич «Мара!», а клич венедов. И кушаны подхватили его. Отряд скакал за золотой птицей, и вихрь стихал, словно убоявшись выставленных вперёд копий с осиновыми древками. Стихала и гроза.

Во внутреннем валу было два прохода, но ни один не выходил прямо к воротам внешнего вала. Чтобы достичь этих ворот, надо было объехать половину или хоть четверть внутреннего вала.

В восточной части городища всадники Ардагаста появились вовремя. Колесницы неупокоенных уже ворвались через ворота с двух сторон, сея смерть своими огненными стрелами. Мёртвые воины и их такие же мёртвые кони были совершенно безмолвны, и это леденило душу больше, чем самый грозный боевой клич. Но трудно было напугать кушан, устоявших в Индии против Оружия богов. На всём скаку они насаживали живых мертвецов на копья, поражали коней, опрокидывали колесницы, рубили головы упавшим и не успевшим подняться. Уцелевшие вскакивали на ноги, обрубали копья огненными топорами, но воины Ардагаста помнили — упырю страшно не железо, а заострённый осиновый кол, тем более обожжённый — и всаживали обломки копий в грудь неупокоенным. Видя это, манжары ободрились и дружно бросились на врагов, прорвавшихся через северо-восточные ворота. Следовавшие за арьями росы теперь не очень-то рвались в бой.

С Саухурона слетел башлык, обнажив бритую голову. Длинная прядь золотистых волос моталась из стороны в сторону,

как косы у обступивших его манжар. Его возница свесился с колесницы с обломком копья в груди, два коня погибли, остальные запутались в постромках. Грозный лук был разрублен воином-манжаром, поплатившимся за это жизнью. Отбиваясь топором и кинжалом, вождь арьев кричал на древнем языке:

— Где этот Вишвамитра, недостойный имени кшатрия? Пусть посмеет сразиться со мной, если верит в Кришну Сурью!

На красном кафтане мёртвого царя двумя пауками темнели знаки Чёрного Солнца.

Индиец погнал коня вперёд, зычно выкрикнув: «Харе Кришна!» Тяжёлый двуручный меч-кханду он держал одной рукой, легко, словно обычный длинный меч. Другой рукой кшатрий поднимал красное с золотой росской тамгой знамя Ардагаста, и на его пути расступались не только манжары, но и росы. Жестокая радость боя с сильным врагом горела в синих глазах владыки арьев. Саухурон ударил топором, рассчитывая перерубить клинок пылающей бронзой. Но Вишвамитра быстро отвёл меч и отбил удар древком знамени. Древко скрестилось с длинным топорищем ниже обуха. Ткань и древко задымились, коснувшись огненного металла. В следующий миг огромная кханда рассекла тело царя надвое, снеся бритую голову вместе с левым плечом и рукой. Пылающий бронзовый кинжал был слишком короток и успел только оставить след на клинке из лучшей индийской стали. Труп, восемнадцать веком сражавшийся и убивавший живых, стал наконец просто трупом и рухнул с колесницы на истоптанную копытами траву.

Ни капли крови не было ни на трупе древнего царя, ни на мече индийца. Живые мертвецы из Синташты не имели крови и не пили её. Призрачную жизнь в них поддерживали жертвы, что приносили им все эти долгие века воинственные потомки арьев.

Тем временем Ардагаст увидел Зорни-отыра, бившегося на мечах с Распараганом. Золочёный шлем вождя манжар был разрублен, по лицу текла кровь. Царь росов был и вовсе без шлема, несколько стрел торчало в его панцире, кровь алела на седой бороде. На помощь царю уже спешил его знаменосец. Ардагаст указал Ларишке на старика и крикнул: «Аркан!» — а сам поскакал наперерез знаменосцу. Кожаная змея аркана взвилась в воздух, охватила шею Распарагана, стащила его с коня и поволокла по земле. От неожиданности царь выронил и меч, и акинак. В это самое время Ардагаст, ударив мечом плашмя, оглушил сармата и отобрал у него знамя. Придя в себя, царь росов услышал мягкий женский голос:

— Не хватил ли боя, отец? Пожалей росов.

Старик с трудом встал. Аркана на шее уже не было.

Перед собой он увидел обнажённую махайру и круглое миловидное лицо тохарки. В её раскосых глазах не было ни капли издёвки над побеждённым. Царь огляделся. Его знамя было в руках Ардагаста, а другое, точно такое же, — в руках смуглого великана с огромным мечом, стоявшего у знакомой колесницы над телом Саухурона и кричавшего: «Харе Кришна!» Что делать после такого позора? Погибнуть в бою? За кого и за что? Да и оружия у него нет... И силы сражаться тоже — ни в душе, ни в теле... Старик вздохнул, пригладил длинные волосы и бороду, набрал в грудь воздуха и крикнул:

— Росы! Во имя Михра, прекратите битву!

— Воины! Битва окончена! — зычно возгласил Зорни-отыр.

Мечи и копья разом опустились, стрелы вернулись в колчаны. И только теперь люди заметили, что тела неупокоенных и их коней на глазах истлевают, осыпаются бурым прахом, превращаясь в пожелтевшие скелеты. Обратившись в тлен, рассыпались колесницы, сбруя, луки, колчаны вместе со стрелами, древки копий и секир. Быстро зеленела погасшая бронза. Грозные мертвецы стали тем, чем должны были стать восемнадцать веков назад.

Но битва за Аркаим ещё не окончилась. Как только улёгся ветер, конница гуннов снова хлынула в юго-западные ворота. Лунг-отыр к тому времени успел собрать и построить своих конников, но не у самого прохода, где бушевал ветер. А гунны не стали сразу атаковать, но расступились, пропуская Злого Царя, и громовые стрелы снова стали разить одного отважного всадника за другим. С яростным кличем Лунг-отыр ринулся навстречу беловолосому колесничему, потрясая мечом и крича:

— Эй ты, обманщик, трус, брось свой лук, сразись как мужчина, если не разучился!

Беловолосый презрительно усмехнулся, положил лук, понял каменный боевой топор. Как только разъярённый отыр поравнялся с ним, Злой Царь взмахнул топором. Камень столкнулся с железом, прогремел гром, и Лунг-отыр вместе с конём замертво рухнул на землю. С громовым кличем «Тенгри!» гунны устремились вперёд, и манжары не выдержали. На их плечах враги, обогнув половину внутреннего вала, ворвались на священную площадь, и вместе с ними — Злой Царь. Оборонявшие город воины ещё рубились с гуннами, но ему уже не было дела до них всех. Над городищем разнёсся его громовой голос:

— Кришнасурья, царь арьев! Я снова взял твой священный город! Сразись со мной, если посмеешь!

Он не знал, что меч Вишвамитры уже рассёк надвое его врага. Но это видел с горы Аркаим маг Чжу, и происходившее внизу

вызывало у него всё большую досаду, причём на самого себя. Так недооценить противников! Гусиный шаман в орлиной шапке сумел одолеть две стихии, а полусармат воюет так, что ни один грозовой воин ещё не схватился с солнечным, зато один из мёртвых царей уже убит. Следовательно, нужно пожертвовать вторым. В этих шахматах целых семь царей, а остаться должен один. Ничего! Теперь-то уж воинам Солнца придётся схватиться со Злым Царём. Значит, именно теперь место Великого Мага — внизу, в гуще битвы.

Крупный чёрный бык бежал с вершины горы Аркаим. Его гладкая, без единого пятнышка шерсть лоснилась в лунном свете. Вот он достиг городища, влетел в юго-западные ворота, понёсся вдоль внутреннего вала. Гуннские воины почтительно расступались перед ним: сам великий шаман Эрлика спешит на помощь их предводителю! Да и попробовал бы кто остановить несущегося ураганом зверя... Оборачиваясь, маг Чжу умел не давать зверю воли над собой. Но сейчас он с удовольствием чувствовал себя быком — могучим, яростным, готовым всё сокрушить на своём пути. И немного — человеком: спокойным, мудрым, расчётливым. Именно этот человек, засев в толстолобом бычьем черепе, управлял сейчас мощным, неодолимым телом зверя. Человек-бык был так уверен в своей силе, что, пробегая через городище, не обратил внимания на воина в медвежьей шкуре поверх панциря с серебряными драконами. Воин медленно вставал, опираясь на секиру.

Беловолосый выкрикивал свой вызов по-тохарски, и в восточной части городища его поняли лишь Ардагаст, Ларишка и кушаны. Тохарка решительно произнесла:

— Если воины Лунг-отыра не выстояли, то из всех нас сразиться с ним могу лишь я. — И тихо добавила: — А если я... не справлюсь, отступайте с городища и выманите в степь его и гуннов. Только тогда и сражайтесь, слышишь, Ардагаст!

Тут из-за валов донёсся бычий рёв. Карабуга или сам Чёрный Бык — Махиша?

— Городище отдавать им нельзя. Неизвестно, какие мерзкие обряды они успеют совершить до восхода, — сказал Ардагаст.

— Значит, остаётся одно: мне — победить Злого Царя, а вам, мужчинам, — не мешать мне, — усмехнулась Ларишка и погнала коня к проходу во внутреннем валу.

Манжары, кушаны и росы поскакали следом и так спешили, что в узком проходе между поперечным и внутренним валами устроили давку. Ардагаст с трудом навёл порядок. Когда же он первым влетел в ворота внутреннего города, то увидел такое, что

едва не забыл о мировых силах и о своём месте в их схватке. Ларишка лежала на земле недалеко от священного круга. Её ноги были придавлены телами двух упавших друг на друга коней. А над ней стоял на своей колеснице царь тохар с занесённым для удара пылающим копьём.

— Воин Солнца! Ты не отстоишь Аркаима. Это моя ночь, ночь Лунного Царя! Я убью твою женщину и твоих воинов, недостойных зваться тохарами.

Лицо живого мертвеца, такое же бледное, как озарявшая его луна, светилось жестокой радостью убийцы. Ещё миг — и росич бросился бы на помощь жене. Его остановил отчаянный, пронзительный крик Ларишки:

— Ардагаст! Не смей!

Да! Если он или любой из солнечных воинов сейчас схватится со Злым Царём или с гуннами, вокруг городища забушует огненный вихрь. И ринется четырьмя языками, неся гибель целым странам. И в битве за Аркаим победит Разрушитель. Да вот и он (или его раб-колдун?)! Стоит у входа, ревёт на всё городище, мотает чёрной рогатой головой... Росич оглянулся по сторонам. Лунг-отыра не было видно. Его воины бились с гуннами, но ни один не решался поднять руку на Беловолосого.

Время для росича словно замедлило свой бег. Жестом он остановил своих всадников и, оцепенев, смотрел, как пошло вниз огненное копьё-молния. И тут другая, серая молния ударила снизу наперерез первой. Описав дугу, кривой меч Ларишки врезался в древко, отбивая удар. Пылающая бронза с грохотом ударила в землю рядом с тохаркой. Ещё одно быстрое движение руки — и древко треснуло, а царь тохар упал с колесницы, потеряв равновесие. Он тут же вскочил на ноги, выхватил из-за пояса боевой топор, взмахнул им... Но Ларишка, опершись на левую руку, ловко отбила два его удара, ухитрившись не коснуться клинком грозно светившегося серого камня. В левой руке Злого Царя сверкнул огнём бронзовый кинжал.

— Злой отыр, ты разучился убивать мужчин!

Беловолосый, узнав этот голос, вздрогнул и обернулся. В следующий миг копьё, брошенное сильной, уверенной рукой, пронзило его грудь. Древко копья было не из осины, но сила удара повалила неупокоенного царя на спину. Он ухватился руками за копьё, пытаясь вырвать его из груди. Но не успел. Блеснула махайра Ларишки, и беловолосая голова покатилась по мокрой траве. А Лунг-отыр уже подбежал к тохарке, рывком отбросил обе конские туши, помог встать на ноги и вдруг порывисто прижал её к себе. Ларишка мягко высвободилась и побежала к Ардагасту, который, с трудом стряхнув оцепенение,

бросился навстречу ей.

Первым побуждением чёрного быка было броситься на манжара и тохарку, поднять их на рога, истоптать копытами в кровавое месиво. Но человек тут же обуздал зверя. Цари-мертвецы сгинули, и ничья смерть уже не могла придать огненному вихрю, если бы он и возник, нужную силу. Магический опыт не удался, и нужно было думать о том, чтобы унести ноги, одному или вместе с гуннами.

Обладай Бейбарс философским спокойствием даоса, он увёл бы своих воинов, чтобы не сражаться рядом с манжарами и росами неведомо за что — ведь он уже знал, что и второй неупокоенный царь погиб. Но именно это и привело Бейбарса в дикую ярость. Ему, второму после Сына Бога победителю стольких племён, зашедшему на запад дальше всех гуннских джигитов, не дано стать Великим Воином и обрести силу богов? Слушать насмешливые песни о Бейбарсе, сражавшемся за пустое городище? И всё из-за степного бродяги, зовущего себя царевичем! Отомстить, погибнуть вместе с войском, но отомстить виновнику своего позора!

С неистовым, звериным рычанием Бейбарс погнал коня прямо на Ардагаста. Сейчас вождь гуннов и впрямь напоминал барса, шкура которого развевалась у него за спиной, — раненого, обезумевшего от боли зверя. Росич мигом вскочил в седло, но биться ему на этот раз не пришлось. На пути у разъярённого гунна встал Лунг-отыр, пеший, с мечом и секирой в руках. Отбив мечом клинок Бейбарса, он подрубил секирой ногу его коню. Гуннский вождь свалился наземь, но тут же вскочил и бросился на отыра. Тот мечом и топором, словно клещами, схватил меч гунна и вывернул у него из рук. Забыв всякую осторожность, Бейбарс метнулся к отыру с кинжалом, но клинок манжара вонзился ему в горло, и Бейбарс, так и не ставший Потрясателем Мира, с хрипом рухнул в густую траву. Рядом с ним рассыпались в прах тела Злого Царя и его коней. Лунг-отыр ещё раз взмахнул мечом и высоко поднял за косы голову Бейбарса.

— Вот что бывает с тем, кто Лунг-отыра и его племя предаёт, его городок жжёт, его святилище грабит!

Битва как-то сама собой стихла. Потерявшие вождя гунны теснились к валу. Воины Лунг-отыра устали, а въезжавшие во внутренний город воины Зорни и росы не торопились вступать в бой. Манжарские стрелки с луками наготове встали на внутреннем валу. Ардагаст выехал на священную площадь, поднял руку.

— Ну, кто ещё хочет сражаться за священный город Аркаим? Тут есть кому его встретить, какому бы богу он ни

молился. — Он обвёл взглядом смущённо молчавших воинов. — Вам что, всей степи мало, всего леса? Великая зима и великий потоп здесь уже были — до сих пор города пустые стоят, а вы чуть не устроили великий пожар — чтобы ни одного стойбища не осталось, ни одного городка.

— Здесь всегда шла война. Наши предки всегда воевали и помогали нам воевать, — сказал Распараган, и воины согласно закивали.

— Ваши предки что, все были такие, как этот? — Ардагаст указал на кости Злого Царя. — Вас ссорили два мертвеца! Мёртвым никого не жалко и ничего не страшно, у них здесь только могилы, а у нас, живых, весь этот мир! А таким мертвецам, которым в могиле не лежится, у венедов, племени моего отца, не молятся, а выкапывают из земли, да колом осиновым, да в огонь, да в болото к чертям!

— Ты, царь росов, сказал: мы всегда воевали, — задумчиво произнёс Зорни-отыр. — Нет, не всегда! А торговали всегда, даже в голодный год. У нас как-то хлеб не уродил, скот подыхал, я хотел уже в набег идти, а ты много скота пригнал на пушнину менять. И купцы с юга приходят тогда, когда у нас мир.

— Это все гунны. Всех перессорили, всех ограбили. Злые духи сюда их привели! — сказал кто-то, и воины дружно зашумели: обвинять других всегда легче, чем себя.

— Не гневайтесь на нас, люди запада, люди севера, — сказал пожилой гуннский сотник. — Нас послал сам Сын Бога, рождённый Небом и Землёй, поставленный Солнцем и Луной, повёл сам Бейбарс — как их ослушаться? Сам великий шаман Карабуга сказал: боги велят вам здесь сражаться, великую силу дадут. Как ему не поверить?

— Никакого шамана Карабуги нет и не было, — громко произнёс Ардагаст. — Вас дурачил ханец. Имя его — Чжу-фанши.

Гунны разразились возмущёнными криками. Ханьцев они ненавидели больше всего.

— Где он? Где чёрный бык? Содрать с него живьём шкуру, Сыну Неба послать!

Но чёрного зверя нигде не было. Кто-то крикнул:

— Я видел, чёрный бык обернулся большим вороном, прочь улетел. А за ним золотой орёл гнался.

Над головами воинов захлопали могучие крылья. Большой орёл с удивительными золотистыми перьями опустился у священного костра и превратился в низенького длинноволосого человека в шапке с головой орла.

— Ай, не догнал. Сильный шаман, хитрый. Улетает вороном, гляжу — уже три ворона летят. За одним погнался, а то

морок. А настоящий ворон, верно, уже змеёй обернулся, в такой норе спрятался, что и шаманским зрением не разглядишь.

— Отпусти нас с миром, Ардагаст, джигит Солнца, — взмолился гунн. — Мы вам всю добычу отдадим, она далеко отсюда, в стане, его трудно найти. Мы скажем Сыну Бога: не ходи на запад, сами боги эту страну стерегут.

Ардагаст переглянулся с тремя вождями. Те, подумав, кивнули. Битву на городище лучше было не возобновлять: неизвестно, какую колдовскую пакость устроит тогда притаившийся где-то чёрный шаман. Росич повернулся к гуннам:

— Отдайте добычу и всё оружие, кроме луков, и можете уходить. Вас стоило бы продать в рабство, но лучше вернитесь к своему племени и научите его, как жить в мире с соседями.

— А чтобы мир был прочным, отберите четырёх породистых коней, и я на восходе принесу их в жертву, — сказал Хиранья. — И соберите поскорее кости неупокоенных, сожгите вместе с их оружием, а пепел бросьте в реку.

На востоке небо уже светлело. Битва за Аркаим окончилась — через восемнадцать веков.

Ардагаст взглянул на обезглавленное тело Бейбарса и увидел на его поясе застёжку в виде трёх зверей: тигр и гриф боролись с козерогом и друг с другом. Почти такая же, как у Сауаспа и Распарагана, только не золотая с бирюзой, а бронзовая. Вот так эти великие воины и представляют себе жизнь: вечная грызня людей-зверей, племён-зверей, которым помогают боги-звери. Неужели только для этого Род создал мир? Ардагаст, сын Зореслава, вырос в лесах, среди людей, часто бравшихся за меч, но больше любивших мирный труд и презиравших бездельников и грабителей. Тот, кто лучше всех защитит пахаря и пастуха, — это и есть Великий Воин. А тот, кто защитит и пахаря, и воина от тёмных сил, перед которыми бессильна сталь, — и есть Великий Волхв.

В долине у подножия горы Аркаим было шумно. Готовили к погребению тела павших, резали скот, пригнанный сарматами, для поминок и большого пира в честь победы. А Хиранья, Ардагаст с Ларишкой и Лунг-отыр, забравшись подальше, отдыхали от ратных трудов на берегу речки. Они уже успели искупаться и теперь не спеша потягивали кумыс из объёмистого бурдючка. Мужчины, в одних шароварах, подставляли тела жаркому степному солнцу. На тохарке, кроме шаровар, была лёгкая полотняная сорочка.

— Так за кого же были боги в этой битве? — задумчиво сказал росич.

— Как за кого? Мы победили, значит, за нас! —

простодушно улыбнулся отыр. — Золотую Бабу в огне ведь все видели? Я её тоже видел. Лежу, вокруг совсем темно, думаю: совсем убил меня Беловолосый. И вдруг среди тьмы она: вся из золота, из огня. «Ты не умер, отыр. Ты в этой битве ещё двух врагов убить должен. А самого сильного врага ты на Исети победил». — «Какого?» — «Самого себя». И снова светло стало. Встал, перелез через вал и вижу: Ларишка бьётся со Злым Царём. Лучше меня бьётся! Твой меч что, от грозового оружия заговорённый?

— Нет. Просто я две его стрелы мечом отбила и поняла: сила Грома у них в наконечниках, не в древке. Ну, значит, и остальное оружие у него такое же. Я и била только по древку. У Куджулы грозовой меч, тот весь из железа, только рукоять бронзовая.

— Хорошо, Огненная Богиня за нас была, а Солнце и Громовник, которых я в небе видел? Может, ты знаешь, шаман? — обратился к Хиранье царевич.

— А почему боги всегда должны за кого-то быть? — прищурился шаман. — Был бы я богом, погнал бы всех нас с городища молниями и градом, чтобы не затевали таких битв! Наверное, боги хотели узнать, совсем люди глупые в нашей стране или нет. Выходит, не совсем. — Он помолчал и горько вздохнул, посмотрев на городище. — Мудрецы Аркаима столько знали о звёздах, солнце, обо всём, что на небе — ни один шаман столько не знает. Где теперь эта мудрость? Я искал её в Индии, у магов-брахманов, многие из которых со мной и говорить не хотели. Мало нашёл. Что годится в Индии, не годится здесь. Чем тут помогут все наши подвиги?

— Что ж, мы, неучёные воины, хотя бы избавили людей от тех, кто погубил Аркаим, — сказал Ардагаст.

И был пир в долине у реки Аркаима. Славный, богатый пир. Распараган не жалел баранины и кумыса, лошадиного сыра и вина. Он знал: и для него манжары не пожалеют медвежатины, рыбы и пива, когда он придёт с дружиной не в набег, а в гости. В песнях и пляске, а не в битве, состязались сарматы, манжары и кушаны. Кто не сражался за Аркаим, в старости хвалился тем, что побывал на этом пиру.

Царь восточных росов поднял серебряную чашу, полную золотистого хорезмийского вина.

— Ардагаст, великий воин, я желаю пить за тебя! Но прежде скажи: кто ты? Ты мог сражаться за любое из трёх племён, а сражался за всех людей. Ты спас нас всех от живых мертвецов, а главное — от нашей собственной глупости. Ты мог обрести силу

богов — и отказался. Может быть, ты ею и так владеешь? Скажи, с земли или с неба ты пришёл к нам, златоволосый царевич?

— Мир-сусне-хум, За Людьми Смотрящий Человек — так зовут Солнечного Всадника. Он смотрит, чтобы люди по правде жили. Он царевич, сын Нуми-Торума и Золотой Бабы, но родился на земле, в бедной избе вырос, потому и любит людей. Кто же ты, Ардагаст, царевич росов? Я, шаман, не знаю, — сказал Лунг-отыр.

— Кто я? — улыбнулся росич. — Ардагаст, сын Зореслава и Саумарон. «Ард» значит «Огонь». А ещё — «Правда». Огненная Правда, которую в этом мире хранят Богиня Огня и Солнечный Всадник. *Я* — Огненный Гость, Гость Правды. Я гостил у многих народов, и у многих ещё побываю. Я воин, но за меч берусь, чтобы Огненная Правда не ушла из мира. Чтобы святой огонь не погас, а злой огонь не опустошил мир. Чтобы этим, средним миром не завладел Чёрный бог — хватит с него и нижнего. Бог богов высоко, в верхнем мире. А средний мир хранят боги-воины: Солнце, Громовник и Богиня Огня. Но за всеми злыми демонами и их слугами не уследят и они. А если воин защищает дом, что должен делать его взрослый сын? — Он обвёл взглядом пирующих. — Грабить соседа и пить вино? Или встать рядом с отцом? И разве для этого нужно самому быть богом?

— Нет. Нужно быть похожим на светлых богов. Только не так, как эти, которых мы упокоили, — сказал Хиранья.

Два десятка всадников ехали через Уральские горы. Шестерых дружинников потерял Ардагаст в битве за Аркаим. Но с ним пошли на запад трое росов, два манжара рода Гуся и один — рода Медведя. Заходящее солнце указывало путь отряду.

— Вот так, вслед Солнцу, и до Днепра за месяц дойдём, на обжинки у венедов будем, — сказал Ардагаст.

— Если ты по дороге ещё в какие-нибудь славные дела не ввяжешься, — отозвалась Ларишка.

— Ввяжусь, и не в одно, — беззаботно тряхнул золотистыми волосами росич. — Понимаешь, Ларишка, я ведь с Днепра изгоем уехал. Одни меня венедским ублюдком звали, другие сарматским. А вернуться должен славным воином, всей степи известным. Как же мне без подвигов? И где их росичу искать, если не в степи?

Глава 2
ЦАРЬ РОСОВ И ВЕНЕДОВ

Два всадника стояли у подножия громадного вала древнего городища. Оба были одеты в красные кафтаны и штаны. Их пояса блестели золотом и бирюзой, золотом были отделаны ножны мечей и акинаков. Массивными серебряными бляхами сияла сбруя породистых коней. У старшего на шее была золотая гривна с конскими головами на концах. На коротких красных плащах у обоих была вышита золотом тамга, перед которой склонялись все племена от дебрей Полесья до тёмных вод моря Ахшайна, от Карпат до Танаиса[16]. Тамга Фарзоя, великого царя сарматов.

— Вот так Ардагаст овладел золотой чашей Колаксая и убил в поединке Сауаспа. Теперь племя росов соберётся на реке Росаве избирать нового царя, — закончил свой рассказ младший всадник — скуластый, с чёрной, упрямо торчащей острой бородой.

Старший, такой же темноволосый, с хитрым курносым лицом, довольно усмехнулся:

— Говорил же я семь лет назад, что из вас, троих мальчишек, выйдут цари. Раз уж вы тогда не побоялись биться с демонами и чернокнижниками... Теперь Рескупорид — царь Боспора, ты, мой наследник, уже прославился в боях с римлянами за Дунаем, а вот Ардагаст... Ты сам не знаешь, чем он завладел.

— Почему же, знаю. Скифы и венеды верят, что эта чаша упала с неба вместе с секирой и плугом с ярмом. Все эти дары — из солнечного, огненного золота, и только достойный царствовать может взять их в руки и не обжечься, когда они запылают небесным огнём.

— Ты не знаешь, какую древнюю силу разбудил твой приятель, — покачал головой старший. — А может быть, не знаю и я, великий царь аорсов, которому положено всё знать в своём царстве.

Он вдруг соскочил с коня, обнажил меч и принялся взбираться вверх по крутому, поросшему травой склону.

— За мной, Инисмей, царевич аорсов! Меч наголо!

Молодой сармат спрыгнул с лошади и с мечом в руке последовал за Фарзоем. Несмотря на молодость, он, весь в поту, сумел опередить отца лишь у самого гребня вала.

— Понял теперь, какого было брать такой город? Отсюда до подножия вала сорок локтей, я верёвкой мерил. А мы ведь без

доспехов, и сверху ничего не летело. С той стороны вал, правда, пониже — в два человеческих роста, — сказал царь.

С гребня вала открывался вид на городище — большое, круглое, разделённое надвое долиной мелкой речки. Небольшой участок возле вала был отгорожен ещё тремя валами. То тут, то там поднимались похожие на курганы бугры. И — ни мазанки, ни юрты, ни огорода, ни пшеничного поля. Всё покрывал белый саван ковыля. Только за городищем сарматский пастух гнал к речке отару.

— Это Пастырь-град, последняя столица сколотов-пахарей. За тремя валами — детинец[17], там жил царь. Бугры эти — священные, там на праздники жгли костры и туда же сносили золу из домов.

— Венеды тоже по большим праздникам костры жгут, — кивнул Инисмей. — У них весело: хороводы вокруг огня ведут, скачут через него.

— Вот ты и допрыгался с Миловидой, дочерью старейшины Томислава. А потом прятали от меня внука.

— Так ты же хотел меня женить на Саузард Чернозлобной, дочери Сауаспа.

— Потому ты и помог этому бездельнику Андаку похитить её. Молодец! — хлопнул сына по плечу Фарзой. — Избавил меня от такой невестки и такого свата.

— А Ардагаст избавил тебя от твоего лучшего полководца... и первого негодяя в твоём царстве! — рассмеялся Инисмей.

Царь помолчал, потом величественным взмахом руки обвёл городище:

— Видишь, какой был город? Больше моей столицы на Днепре, больше нынешней Ольвии. А Моранин-град в лесах над Тясмином раз в десять больше этого, а Таргитаев-град за Росью ещё больше. А с великим городом Гелоном на Ворскле разве что теперешний Рим сравнится. Сколько же людей нужно было, чтобы всё это построить, заселить, прокормить горожан? А кормили не только себя, но и греков. Река пшеницы текла отсюда на юг. А обратно — река вина, золота, дорогих тканей, доспехов... Куда всё делось? — громко спросил он неведомо кого и сам тихо ответил: — Всё разрушили мы, сарматы.

— Так уж и мы! — запротестовал царевич. — Мы с тобой аланы, аорсов привёл сюда ты. А эту землю разорили сарматы царские, которых ты выгнал за Танаис.

— Многим ли я лучше их? — махнул рукой царь. — Они сожгли города, а на самих сколотов охотились, как на дичь, чтобы продавать их грекам. А я послал на венедов Сауаспа, и тот разрушил последние их городки, лучшие земли отдал своей орде

под пастбища, а самих венедов разогнал по лесам.

— Зачем же ты терпел его так долго, отец? Он предатель, за римское серебро сам не ходил за Дунай и других отговаривал!

— Будь он один такой, я бы велел разорвать его конями! — стиснул кулак Фарзой. — Но вокруг него собрались все, у кого в голове одни набеги, грабежи да пьянки, кто готов продаться за амфору вина и горсть денариев! Все они ездили к нему пировать, бесчинствовать в венедских сёлах и придумывать, с кем бы ещё затеять войну. И если теперь над росами воцарятся Андак с Саузард — так будет и дальше.

— Я понял, отец. Ты хочешь, чтобы царём росов и венедов стал Ардагаст. Он вернёт венедов на эти благодатные земли. Они снова распашут их, населят города, и богатая дань потечёт к нам рекой...

— А потом они не захотят платить этой дани, укроются за валами, и твой приятель Ардагаст объявит себя великим царём сколотов-пахарей. А потом захочет сделаться царём Великой Скифии и покончить с нашей Аорсией.

— Ты не знаешь его, отец! — горячо возразил царевич. — О таком он не говорил даже за чашей вина. Изменить тебе для него бесчестье, ведь он тогда предаст и меня, своего друга.

— Охотно верю. Но в его руках уже один из трёх даров Колаксая. Эти дары — огненное, золотое сердце Скифии, и ими можно овладеть только по воле богов. И я не знаю, чего возжелает Ардагаст, если боги отдадут ему и остальные два дара. То есть не знаю, для каких дел боги готовят этого полувенеда. В тринадцать лет Богиня Огня вручила ему амулет Атарфарна. Теперь ему двадцать лет, а он уже натворил на востоке и здесь столько, что его считают Михром-Колаксаем, спустившимся на землю. Хоть храм ему строй...

— Тем лучше, если избранник богов будет служить тебе.

— А я не бог и не избранник богов. Я великий царь Аорсии. Я создал её вот этим мечом! — Он поднял меч над головой и обратился лицом к полуденному солнцу: — Слышите, боги! Я не бился с дэвами и мёртвыми царями и не держал в руках небесного золота. Но я хочу, чтобы аорсы были в Скифии первыми, а не последними. Ведь и Великой Скифией правили степные цари. Народ воинов должен повелевать народом пахарей — разве не такова Огненная Правда?

— И всё же, отец, с чем мне ехать на север? — почтительно, но настойчиво спросил Инисмей.

Фарзой вложил меч в ножны и сказал спокойно и деловито:

— Я хочу, чтобы царём росов и моим наместником на севере был Ардагаст. Только не говори этого прямо. Я не кесарь,

чтобы назначать царей. Просто дай понять, на чьей я стороне. Кстати, предки Ардагаста были наместниками сарматов царских в этой стране. В крайнем случае пусть зовётся ещё и царём венедов. Но никаких великих царей и никаких городов и городков на севере быть не должно. Пусть венеды живут в сёлах, а защищать их от всех врагов будем мы, сарматы! И чтобы дань со всех венедских племён собиралась исправно.

Фарзой улыбнулся и погладил золотую пряжку на перевязи своего меча. На этой пряжке бог с невероятно хитрым узкоглазым лицом довольно ухмылялся, держа за лапы двух грифов.

— Видишь, сынок? Вот бог охоты. Захочет он, будут звери драться, не захочет, не будут. А ведь это грифоны, звери Солнца, самые могучие, самые храбрые в трёх мирах... Так вот и нужно править царством. И царской семьёй тоже.

— Это ты о моих жёнах? Из них на грифона бывает похожа только Уацират, когда решит, что её, дочь Умабия, царя верхних аорсов, унизили перед гостями. «Унизили» — это если на ней золотых побрякушек висит меньше, чем на Миловиде.

На курносом лице Фарзоя заиграла довольная улыбка.

— На то она и первая жена наследника царства. За Дунаем ты воевал храбро, но не очень удачно, зато добычи взял много. Это все должны видеть. А твоя тихая Миловида тебе редко жалуется, но хорошо умеет плакаться своим венедским родичам, как сарматы притесняют её, мать первородного сына наследника. Ты не знаешь, а я знаю. На то я и царь.

Инисмей хмыкнул и потёр затылок:

— Грифоны, помнится, стерегут золото. А с моими «грифонами» только и думай, идти в набег или гнать скот в Ольвию на продажу.

— Миловида у тебя много не просит. А Уацират намекай, что первая жена тоже кое-что должна. Например, родить наследнику сына, а не только девчонок. Боги, кому же достанется после нас всё это? — вздохнул царь аорсов.

Ковыльная равнина была безмолвна. Молчало золотое солнце — всевидящий глаз голубого неба, Бога богов. Только с одного из курганов, возвышавшихся за городищем, взмыл в небо орёл-могильник и полетел на север. Была то птица или душа сколотского богатыря?

В венедском селе над тихой речкой Соб, далеко к западу от древнего Пастырь-града, в обширной белой мазанке, крытой камышом, за столом сидели двое. Гость, щуплый чернявый грек в коротком хитоне и сарматских шароварах, уже управился с полной миской вареников в сметане и теперь потягивал

золотистый хмельной мёд из лощёной глиняной кружки, закусывая пирогом с капустой.

— Твоё угощение бесподобно, почтенный старейшина Добромир, а твой мёд не уступит хиосскому вину. Ваши простые скифские боги, спустись они с неба, были бы довольны твоими яствами. Это говорю я, Хилиарх, сын Хилонида, бывавший за столом у царя Эдессы и первосвященника иудеев.

Хозяин, дородный, с седеющей бородой во всю грудь, обтёр губы после карасей в сметане и с хрустом раскусил сочное красное яблоко.

— Потому тебя и угощаю, что ты пройдоха. Весь свет прошёл, нигде не задержался, никому не попался. Все ходы и выходы знаешь, многим служил, а голову ни за кого класть не будешь. Вот и скажи мне: если Ардагаст, мой племянник, станет царём росов, что скажут... там, на юге?

Наслаждаясь собственной значимостью, грек допил мёд, съел крупную жёлтую грушу и не спеша заговорил:

— В Ольвии, как и во всей Империи, правят, увы, не философы — волхвы по-вашему — и даже не кесарь с его чиновниками, а торгаши. Чтобы они хоть полюбопытствовали, кто там царствует над каким-то варварским племенем, нужно, чтобы этому племени было чем торговать. А у вас тут много чего есть на продажу. У росов и прочих сарматов — кони и другой скот, шерсть, кожа. У венедов — меха, мёд, воск...

— Пшеница! — подхватил Добромир. — Вот наше золото сколотское, венедское! Когда сколотам-пахарям не мешали землю пахать — все их знали. Всю греческую землю мы хлебом кормили.

— Да, о вас писал Геродот, Отец Истории! — важно поднял палец Хилиарх. — Так вот, если в Скифии появится сильный царь, который даст вашему народу спокойно сеять хлеб, а росам — пасти стада, то на юге, и особенно в Ольвии, этому будут только рады. Кстати, твой род живёт как раз на старом торговом пути из Ольвии к сколотам по Гипанису[18].

Добромир довольно потёр руки:

— Не прогадал, хе-хе! Когда все наши от сарматов разбегались по лесам, по болотам, к чертям да лешим поближе, я несколько родов увёл сюда. Здесь, может, и опаснее, зато земля какая! Одного боюсь: прослышит кесарь про нового сильного царя и пришлёт легион. Нет такого народа, чтобы перед римлянами выстоял. Фарзоя и то одолели.

— Новости из Вечного города доходят до вас слишком поздно, — снисходительно усмехнулся грек. — Это было при Нероне, который веселил Рим игрой на кифаре и бредил завоеванием мира. А кесарь Веспасиан — человек старый,

скучный и бережливый. Он считает каждый медный асе и не хочет никого завоёвывать, чтобы не тратиться на армию. С него хватает войны с иудеями, унаследованной от Нерона.

— Любят боги римлян, если такого царя им послали. За кесаря Веспасиана! — Опорожнив кружку мёда, старейшина заговорщически наклонился к Хилиарху: — *Я* вот и сам такой. Тебе что обо мне говорили? Что я трус, чуть не предатель? Отец мой Властимир и брат Гремислав молились Перуну грозному, брат Зореслав — Даждьбогу праведному, а я — Велесу премудрому и пребогатому. Они погибли под Экзампеем в бою с росами, а я в том бою вовсе не был. Собрал остаток племени да привёл сюда. А кто такой был Зореслав, как думаешь?

— Герой, если судить по его сыну.

Добромир склонился к греку ещё ниже и проговорил полушёпотом:

— Первый сорвиголова в племени! Спутался с царевной росов, словно у нас своих девок мало. А Сауасп, её брат, поднял всю степь — мстить нам за бесчестие.

— Думаешь, сей войнолюбивый муж не нашёл бы другой причины воевать с вами? — усмехнулся Хилиарх. — Есть один товар, кроме хлеба, который всегда нужен на юге. Это — рабы. Вот этим товаром и может стать всё твоё племя, если царём росов сделается Андак.

Старейшина вытер испарину со лба:

— Может, Фарзой за нас вступится, а, гречин?

— Станет он из-за вас ссориться с царём росов...

— Ну, племянничек, обложил, как волков... — Добромир жадно отхлебнул холодного яблочного узвара прямо из горшка. — Да где он сейчас-то?

— За Росью, на Перепетовом поле. У курганов сколотского царя Перепета и его жены. Туда уже сходятся многие росы. А ещё дружина венедов — с Ирпеня, Стугны, Трубежа.

— Лесные вояки, медведей победители... — Старейшина встал, приосанился, разгладил бороду. — Передай царю Ардагасту: из его родного племени к нему придут не юнцы да голодранцы, а мужи зрелые, и не с дубьём да рогатинами, а в доспехах, с мечами. За двадцать лет поднакопили кое-чего. Платить-то за оружие есть чем.

Добромир осенил себя косым крестом — знаком Солнца и поднял кружку мёда, наливши с горкой:

— За Ардагаста, царя росов и венедов!

Из дома старейшины грек вышел довольный и возбуждённый хмельным мёдом. Главное, за чем его посылал Ардагаст, было сделано. Теперь можно было отправиться к молодёжи, что скоро

соберётся на улице, и тешить восхищенных парней рассказами о подвигах — Ардагаста и своих. Слыть героем всё-таки приятнее, чем пройдохой, даже первым в Империи.

Вдруг Хилиарх увидел опёршегося спиной о плетень невысокого полного грека в пыльном плаще. Длинные волосы, свисавшие из-под дорожной шляпы, обличали в нём философа. Хмель разом вылетел из головы сына Хилонида. Этого добродушного учёного из Пантикапея, точнее, силы, стоящей за ним, он боялся больше, чем всех соглядатаев кесаря. А тот уже приветственно махал рукой:

— Здравствуй, Хилиарх. Приятно встретить в Скифии эллина, да ещё не торгаша, а философа. Братство Солнца о тебе не забыло.

Хилиарх спрятал предательски дрожавшие руки в складках плаща. Кинжал он даже не стал нащупывать: против опытного мага сталь редко помогает.

— Стратоник, если ты о ваших деньгах, то ко мне не попало ни драхмы. Проклятый мошенник Потос надул и меня.

— Об этом не стоит и помнить. С нами Потос уже рассчитался.

— Д-да, я слышал, его зарезали в Пантикапее.

— Это сделали кинжальщики Элеазара бен Йаира, который сейчас бьётся с римлянами в Палестине. Потос успел насолить всем. Впрочем, об этом подлеце и вспоминать не стоит. Есть негодяи гораздо более страшные. Ему были нужны только деньги, а этим — власть над миром. Ради этого они способны обратить во зло любое знание, и кому, как не истинным философам, остановить их?

— Зачем я вам? — страдальчески скривился Хилиарх. — Я скверный философ и дрянной человек. Вы живете, чтобы спасти мир от тёмных сил и перенести Царство Солнца на землю. А я умею спасать лишь свою ничтожную жизнь.

— Ты лучше, чем сам о себе думаешь, Хилиарх. Когда Братство узнало, что ты оказался возле Ардагаста, меня послали вслед. Думали, что ты удерёшь с чашей Колаксая. А вот Аполлоний сказал: «Не опасайтесь Хилиарха. Он любит добродетель, хотя и не решается следовать ей. У него душа философа и воина, а не мошенника. Будет жаль, если он так и не познает себя».

В живых чёрных глазах Хилиарха блеснуло удивление.

— Аполлонию из Тианы, величайшему магу и мудрецу, есть дело до меня?

— Ему есть дело до всех добрых людей. На то он и глава Братства. Я вижу, он не ошибся в тебе. Не явилось ли тебе какое-

нибудь благое божество, не просветило ли тебя?

— Да! — вдохновенно произнёс Хилиарх. — Среди мрака Чёртова леса мне явилось Солнце в сиянии огненной чаши. И я увидел царя, которому нужны смелые и честные люди, а не убийцы и пройдохи, купленные за деньги. Увидел простой и добрый народ, среди которого можно жить по заветам лучших наших философов. Боги, ведь я и раньше жил среди венедов, но думал лишь о том, как бы мне, мудрому эллину, провести глупых варваров...

— Теперь я вижу, тебе можно верить. Знай же: над этой страной, над всем миром нависла угроза, и лишь немногие знают о ней. Нерон не умер!

— О, Зевс! Я же сам видел, как горел его жирный труп! Неужели тот, в прошлом году, на Патмосе...

— То был самозванец. Но в его тело вселили дух Нерона.

— Вселили? Слушай, я в магии кое-что смыслю. Две души в одном теле — это безумец, одержимый.

— Да. Но при большом духовном родстве и сильной воле одна из душ может подчинить другую, особенно с помощью сильного и знающего мага. Среди тайных сторонников Нерона такие есть. Тебе знаком некий Левий бен Гиркан?

— Помню. Ученик некроманта Захарии Самаритянина и мерзавец почище своего родича Потоса.

— Теперь он зовётся Луций Клавдий Валент и сам слывёт великим магом.

— Представляю, за какие заслуги Нерон дал ему гражданство, и вообще, что это за компания, — саркастически усмехнулся Хилиарх. — Им, конечно, нужны власть, почести и большие деньги на кутежи. Неужели они не могут выслужить всё это у Веспасиана?

— Они не так просты, — покачал головой Стратоник. — И не так глупы. Им нужно гораздо больше: чтобы Рим снова воевал — без конца, пока не покорит весь мир и не утопит его в той мерзости, на которую ты насмотрелся больше меня, добродетельного книжника.

— Вот поэтому я и решил остаться среди варваров. Душой я с вами, но не знаю, чем могу вам помочь в дебрях Скифии.

— Рука сообщников Нерона дотянется и сюда. Им нужно, чтобы варвары бесконечно воевали между собой, истребляли и продавали друг друга в рабство, перенимали у римлян все их пороки. А больше всего эти сыны волчицы боятся, чтобы на севере не появилось сильное царство. Пьяные, алчные, вечно дерущиеся царьки — вот кто им здесь нужен. Только не отважный и добродетельный царь, подобный Арминию, что истребил легионы

Августа в Тевтобургском лесу!

— Понял, — вздохнул Хилиарх. — Значит, Ардагаст для них — злейший враг, хотя и не убил ни одного римлянина.

— Он убил Захарию, учителя Валента.

— Значит, жди ещё и чар. Вот философ Хилиарх и убежал в скифскую пустыню от порочного мира...

Он взглянул на белые мазанки, утопающие в садах, на красное солнце, клонившееся к закату за желтевшими стерней полями, прислушался к молодым голосам, стройно выводившим песню где-то за околицей, и кулаки его сжались. Простые добрые люди со щедрыми и открытыми душами... Они и не знают, какая чёрная страшная рука тянется к ним. Хилиарх вскинул голову:

— Стоики учили меня твёрдо и бескорыстно следовать долгу. Я смеялся про себя: какой у меня может быть долг перед Римом и Нероном? Теперь у меня есть свой народ и свой царь, а значит — есть и долг.

Стратоник удовлетворённо кивнул.

— Рядом с Ардагастом сейчас волхв Вышата, один из наших братьев. Но он варвар и не знает всего, на что способны люди больших городов. А вместе вы сумеете оградить Ардагаста и его царство от римских козней. — Боспорец взглянул в глаза собеседника. — Помоги нам, Хилиарх, сын Хилонида. Защити золотое сердце Скифии!

— Этот убийца, этот венедский ублюдок сейчас пирует на кургане, будто сам царь Перепет! Ортагн-воитель, когда же я смогу отсечь ему голову и руку на твоём алтаре, а его кожей обить свой колчан?!

Молодая женщина в шароварах и кожаной рубахе, с акинаком у бедра, словно пантера по клетке, расхаживала по обширной, увешанной коврами и устланной медвежьими шкурами юрте. Женщина была стройна и красива: гибкое тело, пышные чёрные волосы. Её гордое лицо не портил даже хищный ястребиный нос. Но то была красота сильной и опасной хищницы. Чернобородый мужчина с весёлым нагловатым лицом, в щегольском кафтане красного шелка умел ценить эту красоту.

— Как ты хороша, Саузард, даже когда злишься!

— Саузард-Чернозлобной меня назвал отец, за которого ты не отомстил! Ты умеешь сражаться только с пьяными венедскими девками! Ты смог совершить только один подвиг — похитить меня!

— С кем бы я отомстил? Почти вся дружина ушла к Ардагасту...

— Которого ты побоялся вызвать на поединок!

— Любимая, я уже хотел броситься с остатком дружины на

его шайку и отважно погибнуть, но подумал: кто тогда спасёт тело царя от надругательства? И кто защитит тебя от всех этих князей, что считают свой род не ниже царского?

Женщина остановилась и одарила мужа милостивым царским взглядом:

— Тут ты прав, милый. Кругом одни предатели и завистники. Только отец мог удерживать этих псов на коротком поводке. И всё равно, опереться нужно на них. Не на тех же голодранцев, что сейчас стекаются на Перепетово поле!

— Да разве это сарматы? — презрительно скривился Андак. — Если сармату не с чем или не на чем кочевать, что он делает? Угоняет скот, как пристало мужчине. А эти остаются ковырять землю, как рабы. Ещё и роднятся с венедами, тьфу! Я хотя бы ни одной венедки в эту юрту не привёл.

— И не пробуй приводить! Хватит в нашем роду одного полувенеда.

Она вытащила из сундука кольчугу хорошей работы, с серебряной бляхой в виде Горгоны на груди, надела её, разбросала длинные волосы по железу, взглянула в большое серебряное зеркало и осталась довольна.

— Говорят, у этой разбойницы, его жены, кольчуга индийская. Ничего, пусть попробует свой меч на моей парфянской. Он у неё лёгкий, кривой — видно, наш длинный сарматский клинок не для её руки. А ты тоже завтра надень панцирь. И обойди сегодня ещё раз всех князей. Пусть и они завтра едут на собрание в доспехах.

— И на конях в броне! — воинственно тряхнул головой Андак. — Покажем этому сброду, каковы настоящие, благородный сарматы. Клянусь Ортагном, эти наглецы тогда побегут, как те рабы-вояки, которых царские скифы разогнали одними кнутами!

— И не жалей подарков князьям. А с их жёнами я поговорю сама. Когда надо, я умею не только ссориться. Между прочим, твой друг Инисмей уже в стойбище. Он что, стесняется к нам зайти? Помню, вы с ним не стеснялись, когда тащили меня в мешке и спорили, кому из вас я достанусь первому.

— Мы же тогда шутили...

— На этот раз он приехал не шутить. Постарайся узнать, что думает его отец. Но что бы ни думал великий царь, мы от своих прав не отступимся.

Возле юрты Андака поджидал важный упитанный грек в дорогом синем плаще.

— Что, Андак, гроза уже миновала?

— Гроза будет завтра, Спевсипп. Саузард хочет, чтобы мы все ехали в доспехах. Я, конечно, люблю битвы, как и всякий

сармат, но где видано, чтобы собрание стало полем боя?

— Поверь мне, Андак, нужно пойти на всё, лишь бы этот разбойник и бродяга не стал царём. Сейчас моё самое большое желание — чтобы над росами воцарились вы с Саузард. Клянусь Гераклом, я не знаю в вашем племени никого отважнее, достойнее и щедрее вас.

— А ещё скажи: никто не пригонит тебе столько рабов, сколько мы.

Лицо Спевсиппа расплылось в угодливой улыбке.

— Я купец и ищу выгоды. Но я знаю, когда нужно быть щедрым. Видишь тот крутой воз? Бери оттуда всё: вино, ткани, оружие, деньги — вы, росы, слава Гермесу, уже научились их ценить. И раздавай всем, кто может тебя поддержать. Только не называй моего имени.

Рассмеявшись, Андак похлопал грека по плечу:

— Не бойся, ты потратишься не зря. Я опустошу для тебя все леса. Не хватит венедов — возьмусь за словен, голядь, литву...

— О, ты станешь самым славным и грозным из царей Скифии, клянусь вашим Ареем-Мечом! Но будь осторожен с Фарзоем и особенно с его сыном. Инисмей тогда в Пантикапее бесчинствовал вместе с Ардагастом... Да вот и сам Инисмей. Прости, князь, но ему лучше меня не видеть, а мне — его, — тихо произнёс Спевсипп и растворился среди юрт и кибиток.

Андак поспешил навстречу царевичу аорсов:

— Здравствуй, Инисмей! Что к нам не зашёл? Саузард уже обижается.

— Для того и не зашёл, чтобы она не обиделась ещё больше. Слушай, когда до вас с ней дойдёт, что вы в цари не годитесь? Тебе же тысячу воинов нельзя доверить, не то что целое войско! Чернозлобная с кем угодно перессорится.

— Это ты так думаешь или Фарзой тоже?

— Отец думает, что, если Бог богов захочет наказать какое-нибудь племя, он вас поставит царствовать над ним.

Поняв, что к князьям ему после Инисмея лучше не заходить, Андак сразу сник и пробормотал:

— Да я что? Никогда я к этому царству не рвался... Но Саузард... Её сейчас не остановишь.

— Вот за это нас греки и зовут «женоуправляемыми», — покачал головой Инисмей.

— Но кому же тогда быть царём? Неужели этому бродяге?

— Это уже решать не тебе и не мне и даже не отцу. А племени и богам.

Полная луна заливала серебристым светом тёмные леса и

поросшие травой поля, одичавшие сады и ковыльные равнины, отражалась в тихих водах Тясмина. Месяц-Велес, муж Солнца, отец звёзд, небесный пастух, правил миром с тёмно-синего неба, словно не родились ещё старшие и младшие боги и не создали земного мира, не наполнили его борьбой и подвигами, счастьем и бедами. Вставали из реки и озёр зеленоволосые русалки, воздевали бледные руки к своему богу, своему ночному солнцу, тянулись к нему перепончатые лапы водяных и мохнатые — леших. Лишь чёрные волосатые черти в гиблых болотах не молились звёздному царю — у них свой, чёрный владыка. Это его сейчас поминают ведьмы, лихие колдуны, упыри.

В ясном ночном небе летел огромный белый кречет. Одни из ночных духов приветливо кланялись ему, другие бормотали злобные ругательства, но не смели преградить путь птице, чьи белые перья переливались в лунном свете. Кречет летел с северо-запада, от Перепетова поля, летел над лесами и забытыми курганами, над заросшими лесом городищами, над громадными валами Моранина-града, над всей безлюдной страной, некогда бывшей сердцем самого богатого и могучего из царств сколотов-пахарей.

За истоками Тясмина, на высоком водоразделе, у перекрёстка двух старинных дорог, острый глаз кречета разглядел цепочку курганов, а в конце её — странное сооружение. Круглый вал ограждал небольшую площадку, в середине которой поднимался высокий курган. В валу, как и в стенах далёкого Аркаима, было четыре прохода: с северо-запада, северо-востока, юго-востока и юго-запада. От каждого прохода, словно клешни, вытягивалось ещё по два изогнутых вала. Главный, северо-западный проход ограждали три пары таких валов, а между ними — две цепочки маленьких курганов. Это был Экзампей, Священные Пути, середина всей Великой Скифии и главное её святилище.

К северу от него лежали земли сколотов-пахарей, к югу — степных сколотов-скифов. Степняки и пахари сходились то в лихих сечах, то на дружеских пирах. Но те и другие одинаково почитали это место, где на кургане, ограждённом валом от козней нечисти, стоял громадный бронзовый котёл, вмещавший в себя шестьсот греческих амфор. Ариант, великий царь Скифии, собрал со всех скифов, кочевых и оседлых, по одной стреле и из сотен тысяч наконечников отлил этот котёл.

Здесь проезжали вездесущие купцы: из Ольвии в города пахарей и великий город Гелон за золотой пшеницей и мехами, и дальше на восток, до самого Урала — за пушниной и золотом. Тут они молили о покровительстве суровых скифских богов и приносили им благодарственные жертвы, вернувшись живыми и с

барышом. Побывал здесь грек Аристей из Проконнеса, который добрался до земли исседонов за Уралом, а духом долетел до Царства Солнца на острове среди ледяного моря и почитался на севере как величайший шаман, а на юге — как бессмертный спутник Аполлона. Был тут и другой мудрый грек, прозванный Отцом Истории.

Много богатых даров от многих племён осело в подземельях под святилищем, много мудрости собрали со всего света хранители Экзампея — жрецы из племени авхагов. Но уже четыре века не возносился к небу дым от жертвоприношений, не неслись в хороводе вокруг кургана весёлые сколоты, не звенели священные песни, не покрывали поле вокруг святилища пёстрые шатры. Ненастным осенним днём сарматы царя Сайтафарна, завалив святилище трупами его защитников, стащили с кургана и разломали огромный котёл, разграбили сокровища в подземельях. А потом с гиканьем и свистом плясали под струями дождя, разгорячённые вином и кумысом. Вина хватило на всех — об этом позаботились ольвийские купцы. Старых жрецов перебили: их не продашь на невольничьем базаре в Ольвии. Молодых и здоровых погнали на юг: эллинам нужна сила варваров, а не их мудрость.

Не стало и самого племени авхатов. Тех, кто не погиб под сарматскими мечами, поглотила ненасытная утроба невольничьих рынков. То же стало и с другими племенами; уцелевшие ютились в маленьких городках на днепровских кручах. К ним бежали немногие спасшиеся жрецы. Но у народа, теперь звавшего себя венедами, уже были другие наставники: лесные колдуны, умевшие ублажить хоть лешего, хоть беса косматого, хоть Ягу — всех чертей мать, хоть самого Чернобога. Этим не было дела до Света и Тьмы, до Правды и Кривды. Трудно было устоять перед насмешками: «Ну что, помогли вам ваши светлые боги?» Нелегко было тягаться в колдовстве с теми, кто с чёртом как со своим братом. И лишь самые твёрдые духом смогли сохранить верность Огненной Правде и передать светлую мудрость потомкам.

Всё это знал белый кречет. Он облетел святилище по ходу солнца, опустился в поле у северо-западного входа и вдруг превратился в человека средних лет, плечистого, с широким добродушным лицом и белокурой бородой, в полотняной венедской одежде. Белый плащ и длинные нестриженые волосы обличали в нём волхва. Ещё сверху он заметил, что к святилищу едут два всадника: один по северной дороге, другой по западной. Первый был сармат в белом кафтане и белом плаще, с мудрым спокойным лицом и длинными седыми волосами. Его высокий

жреческий башлык увенчивала золотая фигурка крылатого архара. Второй — полный длинноволосый грек в пыльном плаще и шляпе. Ко входу они подъехали почти одновременно. Волхв поднял руку в приветствии:

— Доброслав, здравствуй! Стратоник, да светит тебе Солнце!

— Да светит Солнце всем людям! — откликнулся грек и мешковато слез с лошади. — Никогда не любил ездить верхом, да ещё быстро, но чего не сделаешь ради новых знаний. После Геродота здесь, похоже, не бывал ни один образованный эллин. А если и бывал, не написал ни строчки об этом священном месте.

— Зато ты ради строчки в своей книге отправишься в подземный мир к чертям в гости, — покачал головой сармат. — А ты, Вышата, зовёшь меня по-венедски, чтобы напомнить, чьё это святилище? Мы, степняки, когда-то почитали его не меньше вашего. Так что зови меня и здесь Авхафарном.

Сармат легко соскочил с коня, и жрец, волхв и философ радушно обнялись. Они, казалось, не заметили, как из насыпи в южной части вала бесшумно восстало видение: всадница на вороном коне, в чёрной сарматской одежде. Её чёрный кафтан был расшит множеством золотых бляшек, пояс сиял золотом и голубой эмалью, а на пышных чёрных волосах, падавших на плечи, блестел золотой венец. На гордом красивом лице выделялся хищный ястребиный нос. У пояса всадницы висели меч и колчан, а в вырезе кафтана тускло поблескивал наборный панцирь. Воительница беззвучно спустилась с вала и скрылась внутри святилища.

Трое подошли к северо-западному входу, и сармат положил руку на плечо волхва:

— Иди первым, Вышата! Посмотрим, какой из тебя наследник авхатов и потомок великого мага Атарфарна.

— Три пары валов, четыре пары маленьких курганов, а всего семь пар... — задумчиво проговорил грек. — Да это же семь врат семи светил на пути в небесное Царство Солнца! И лишь праведная душа может их преодолеть...

— Не подсказывай, Стратоник! Здесь не греческая школа, и вы не мальчишки, а маги, — строго произнёс Авхафарн. — Гляди, Вышата, я не вмешаюсь, даже если на твоём пути встанет сам страж этого прохода.

— Ваю, бог ветра и смерти, — кивнул Вышата. — Мы зовём его Вием и Стрибогом. Его взгляд смертоносен — для того, чей дух недостаточно твёрд.

— Да, как для того молодого волхва, что вздумал провести здесь три ночи у могилы царицы Саузарин. Не лучше ли тебе,

волхву Сварожичей, Даждьбога и Огня, войти через проход Солнца — юго-восточный? Или Огня — юго-западный? — Голос сармата звучал чуть ли не издевательски, лукавая улыбка пряталась в седой бороде.

— Главный проход — этот, и я пройду им, — тихо, но твёрдо сказал Вышата и пошёл вперёд, воздев руки.

На его пути, между концами двух первых валов, внезапно встала серебристая, струящаяся, с зеркальным блеском стена. Была то ртуть или свет, подобный металлу? Волхв сделал несколько знаков рукой, произнёс заклинание, и стена расступилась перед ним, а затем и вовсе пропала. Потом одна за другой вставали ещё шесть стен: красный жар меди сменялся серым холодом железа, тусклый блеск олова — спокойным сиянием серебра, нестерпимый, полный жизни свет расплавленного золота — мертвенной безнадёжностью свинца. Сердце грека сжималось в восторге всякий раз, когда венед преодолевал очередную преграду. Преодолевал спокойно, словно пробираясь через дремучий, но хорошо знакомый лес, уверенно подбирал заклятия и знаки, иногда доставал из висевшей через плечо котомки какие-то травы или обереги.

— Надо же! Моложе меня, и книг читал, конечно, меньше, а уже прошёл все семь степеней посвящения, — восхищённо бормотал Стратоник.

Наконец пала последняя, свинцовая преграда. И тут в проход, надменно улыбаясь, въехала призрачная всадница и предостерегающе подняла руку:

— Я Саузарин, Черно-золотая, царица росов, хранительница Экзампея. Венедам здесь делать нечего.

— И кто же тебя поставил хранить наше святилище от нас самих? — смело взглянул ей в лицо Вышата.

— Артимпаса, богиня войны, которая дала нам победу над вами. Или вы уже победили росов своими дубинами и рогатинами? — Сарматка, упёршись рукой в бок, закачалась от смеха.

— Побеждают не только силой, царица.

— Чем же ещё? Коварством? Или такими вот колдовскими штучками?

— Правдой и мудростью. Этим оружием ты, похоже, не владеешь.

— Хочешь сказать, что я дура? Знаешь, что мой муж Сауасп делал с такими наглецами?

— «Обличай мудрого — он полюбит тебя. Обличай глупого — возненавидит». Так сказано в священной книге иудеев, — подал голос грек. Вместе с Авхафарном он встал рядом с

Выплатой.

— Здравствуй, царица! От меня, верховного жреца росов, ты тоже охраняешь святилище? — спокойно осведомился сармат.

— Кого ты привёл сюда, Авхафарн? — удивлённо вскинула глаза Саузарин. — Твои чары помогли нам овладеть Экзампеем. За эти двадцать лет...

— Я постарел и поумнел. Мы хотели завладеть золотым сердцем Скифии, а оно не далось нам. Потому что дары Колаксая — только для хозяев этой страны.

— По-твоему, мы здесь ещё не хозяева?

— Нет, Саузарин. И ты — не единственная хранительница Экзампея, — раздался громкий, решительный голос из-за валов.

В проход между изогнутыми валами въехал всадник — молодой, с золотистыми волосами и красивыми тонкими усами, в белой венедской одежде и кольчуге, с мечом и акинаком у пояса. За ним следовали ещё два конных венеда: седой, но крепкий ещё старик и сильный, стройный воин лет тридцати, с лохматыми чёрными волосами и такой же лохматой, тёмной, как грозовая туча, бородой. У всех троих на изорванных кольчугах запеклась кровь. Кони венедов ступали величаво и бесшумно — даже трава не шелестела.

На лице у сарматки появилась язвительная усмешка.

— Тебе, Зореслав, не сидится в небесном Царстве Солнца? А вам, Властимир и Гремислав, мало дел в грозовой дружине Ортагна-Перуна? Мы все погибли тут, под Экзампеем, только я — победительницей, а вы — побеждёнными и неотомщёнными! Благодарите богов, что вы хоть похоронены и не бродите упырями по ночам.

— Мы уже отомщены, — покачал головой Властимир. — Мой внук убил твоего мужа и будет теперь царём росов. А упырём станет Сауасп. Или он для этого мало совершил чёрных дел?

Глаза Саузарин сверкнули яростью.

— Мой муж — великий воин! А царицей росов будет моя дочь. Она отомстит за отца и истребит весь ваш проклятый род, чтобы ни один венед не лез в цари Великой Скифии! Вы все не стоите одного Сауаспа-Черноконного! Он мог стать великим царём вместо Фарзоя и стал бы им, если бы... — её взгляд, готовый испепелить, впился в Зореслава, — если бы не твой с Саумарон ублюдок!

Золотоволосый венед рассмеялся в лицо взбешённой сарматке:

— У венедок поучись голосить по мужу! Ты же его никогда не любила, зато очень хотела сделаться великой царицей. Потому и завидовала нам с Саумарон. Мы просто любили друг друга и за

царствами не гонялись. — Его голос дрогнул. — Это ведь ты подбила Сауаспа на войну с венедами. Он бы вполовину зла меньше сделал, если бы не ты. Ты и мёртвая являлась к нему…

— Чтобы учить его великим делам! Это я сделала его самым славным из сарматских царей. Ты видел, какие жертвы он приносил мне здесь, хоть и не в самом святилище? — Она с вызовом взглянула на Зореслава.

— Понятно? Она не пускает в святилище венедов, а эти трое — сарматов, вот оно и пустует, — тихо сказал Авхафарн Стратонику.

— О чём это вы шепчетесь? — подозрительно спросила Саузарин.

— О том, что в святилище давно не приносят жертв, — ответил жрец.

— С жертвами сюда может приходить только великий царь сколотов-пахарей, а таких царей больше нет и не будет. Или великий царь всей Скифии. Его тоже нет, но он будет. Из моих потомков! — без тени сомнения произнесла царица.

— Вот мы и пришли сюда просить богов о том, чтобы они вручили царство…

— Моей дочери?

— Нет. Ардагасту, твоему племяннику.

— Что-о?! Этому убийце родичей? Попробуйте только войти сюда, вы, мёртвые и живые!

Со своим ястребиным носом Саузарин напоминала сейчас хищную птицу, защищающую своё гнездо. Она воинственно взмахнула мечом, и тот сразу загорелся мертвенным белым светом. В ответ вспыхнули три клинка сразу: у Зореслава — золотым огнём, у его отца и брата — синим.

— Прочь с дороги, нежить! — проревел Гремислав. — Твои кости пора выбросить, чтобы они не оскверняли вал Экзампея!

— Дайте-ка я попробую на ней одно персидское заклинание от призраков. Такой случай для магического опыта просто нельзя упускать! — с азартом произнёс Стратоник.

— А не много ли ты берёшь на себя, Саузарин?

На валу над входом словно из воздуха появилась ещё одна всадница — с такими же распущенными волосами, чёрными, как ночь, в чёрных шароварах, с мечом и колчаном у пояса, на вороном коне с горящими глазами. Но на ней не было ни панциря, ни роскошного кафтана — лишь простая белая сорочка и никаких украшений. Да они и не были нужны той, чьё бледное лицо завораживало страшной, неодолимой красотой Смерти. Белый, холодный свет рассеивал ночную тьму вокруг всадницы. Четверо призраков и трое живых магов благоговейно воздели

руки.

— Славься, Морана, владычица смерти, супруга Солнца!

— Славься, Артимпаса-воительница!

Богиня улыбнулась милостиво и чуть насмешливо:

— Как вы все меня любите, мёртвые и живые! Я рада. А вот решать, кто может сюда входить и кто станет великим царём в этой земле, будем мы, боги. Для этого мы сейчас и соберёмся. Так что, хранители, поезжайте в поле и не подпускайте никого сюда. Да и сами не передеритесь! А вы, жрецы, останьтесь. Ваше дело — говорить с богами в святилище, а дело воинов — оборонять его, правда ведь?

— Эти венеды его втроём не оборонили, так что мне придётся сторожить за четверых, — ехидно заметила Саузарин и непринуждённо обратилась к богине: — Обычно ты являешься мне старой и грозной, а сегодня...

— Может быть, тебе являлась вовсе не я, а моя тётя, — оборвала её Морана и указала на выход.

Призрачные всадники выехали за валы, а три мага наконец-то вошли в святилище. Богиня спустилась с вала, спешилась, села, привалившись спиной к валу, и небрежно сказала:

— Вообще-то старшие боги велели мне не пускать никого из смертных. Но вы, маги, всё равно так хорошо подслушиваете и подглядываете, что... я вам немного помогу. — Она махнула рукой в сторону кургана. — Спрячьтесь в подземельях. А проходить сквозь землю и видеть сквозь неё вы ведь и без меня умеете?

— Хорошо, что я разрыв-траву захватил, — сказал Выплата.

Он уверенно подошёл к северному подножию кургана, достал из котомки растение с острыми зубчатыми листьями и провёл им крест-накрест по склону насыпи. Земля тут же расступилась. Вниз круто спускался узкий ход со ступеньками. Идти приходилось согнувшись чуть ли не вдвое. По мановению руки богини земля за спиной магов сомкнулась. Выплата попросил Авхафарна посветить, и на ладони сармата тут же вспыхнул магический огонь — белый, холодный, но яркий. В одном месте пришлось преодолевать завал. Волхв расчистил его разрыв-травой, а грек укрепил осыпавшийся свод заклинанием.

Наконец они оказались в небольшом круглом подземелье, выкопанном в глине. Жёлтая глина едва проглядывала через белую плесень, словно изморозь покрывшую стены и свод. Здесь уже можно было выпрямиться в полный рост. В стенах чернели входы четырёх коридоров. На полу не было ничего, кроме углей и черепков от греческих амфор. Ничего! Ни золотых и серебряных священных чаш, ни увешанных бубенцами посохов с бронзовыми

навершиями в виде зверей и богов, ни бронзовых жертвенных ножей. Следа не осталось от богатых даров скифских царей: оружия в золотых ножнах, золотых гривен и браслетов тонкой греческой работы, ларцов слоновой кости. Каждый представил себе, как сарматы, завалив священные подземелья трупами жрецов и воинов, разграбив дочиста накопленные за четыре века сокровища, плясали среди трупов с факелами в руках и заливали дорогими винами страх перед местью богов. Каждый был рад бежать, но не смел показать свой страх перед остальными. И ноги в кожаных постолах втаптывали в раскисшую от крови и натёкшей сверху воды глину черепки разбитых вдребезги амфор... Костей погибших, однако, тоже не было: видно, кто-то (тогда же или через века?) собрал и похоронил останки.

Трое сели на подстеленные плащи и стали сосредотачиваться. Авхафарн погасил свой белый огонь. Вокруг них царила тьма, над ними лежало пятнадцать локтей глины и чернозёма, не считая насыпи кургана. Но магическое зрение и слух проникали сквозь толщу земли и тьму, и трое ясно видели и слышали всё, что происходило наверху.

А там Морана, оставшись одна, с самым беззаботным видом плела венок из трав. От этого занятия её отвлекли только два ворона, которые принялись было кружить над святилищем, но быстро улетели, стоило богине взяться за лук. Вдруг прямо перед ней из-под земли восстала красивая, статная женщина в широком светлом платье и высоком кокошнике. Морана поднялась и приветливо кивнула:

— Здравствуй, мама Лада! Я думала, ты с неба придёшь.

— Здравствуй, Морушка! Мне говорили, змей завёлся не то в Тясмине, не то под самим святилищем, я и проверяла. Я ведь за всеми тремя мирами слежу, а ты только за одним... Ну, как у тебя? Муж не обижает?

— Который из двух? Даждьбога я сегодня под землёй не видела, золотая ладья пустая плыла. Наверное, сюда поехал. А старик весь день пропадал у колдунов в Дебрянских лесах, под вечер вернулся, поужинал и снова на коня — как бы не сюда. И вороны, его наушники, тут вертелись, пока я не погнала... Ох, никому я не нужна, кроме тех, кто сам Смерти ищет.

— Неправда. Нужна, ещё и как! Мне, — послышался весёлый молодой голос.

В святилище въехал всадник на красном коне, с длинными золотыми волосами, в белой вышитой сорочке. и золотых сапожках. На красивом молодом лице выделялись тонкие золотые усы. Золотом отливали его руки до локтей. У пояса висел золотой топор. Золотоволосый легко соскочил с коня, подошёл к Моране и

обнял её, а та поцеловала его в щёку и с усмешкой спросила:

— Как это я тебя обогнала, а? У русалок небось задержался?

— Ага. Искал русалку лучше тебя, да так и не нашёл.

Оба рассмеялись, и Морана надела венок на золотоволосую голову своего мужа и брата. А по небу уже раскатился гром, и сильный голос раздался сверху:

— Так что, есть тут змей или нет?

Лада с улыбкой развела руками:

— Нет и не было. Не повезло тебе, сынок, с охотой.

С неба в святилище спустилась колесница, запряжённая четырьмя тёмно-синими, как грозовая туча, конями. Ими правил умелой рукой могучий воин, черноволосый, золотобородый, с мечом и каменной секирой у пояса.

— Не повезло, и ладно. А вот чертей на обратном пути погонять не мешает. В твоём, сестра, святом Моранином-граде с ведьмами непотребство вытворяют, прямо там, где ваш с братом храм был. Сюда бы ещё братца Ярил у с его волками, показали бы тогда бесовскому племени!

— За моими серыми дело не станет! А после выпьем будинского мёда, на травах настоянного!

В ворота въехал совсем молодой светловолосый воин на белом коне и сам весь в белом, с копьём и круглым золотым щитом. Он похлопал по седельной сумке, из которой торчала вместительная амфора.

— Еду я через Гелон, мой город, вижу — сидят старый будин, двое венедов да грек и за меня пьют: и вино, и пиво, и вот этот самый мёд. Будин им показал, где мой храм был. Грек гимн Дионису, мне то есть, спел. А в городе — ни единой хатки. Только сарматы за валами, у Ворсклы, скот пасут на заливных лугах. — На беззаботное лицо молодого бога легла тень печали.

На сильном огненно-рыжем жеребце в святилище въехал муж средних лет, с могучими мышцами кузнеца, буйными огненно-рыжими волосами и такой же бородой, в кожаном переднике. Все почтительно поклонились ему. А он снял с седла мешок и протянул колесничему:

— Что же ты, Перун, за громовыми стрелами никого не прислал? Я думал, вы тут змея бить будете.

— Да нет змея-то. Хорошо, хоть эта дрянь здесь ещё не завелась.

— Конечно хорошо. А то мне снова в небесной кузнице дверь открытой держать да ожидать: вдруг вы, змееборцы великие, снова змея одолеете, а от змеихи ко мне со всех ног убежите?

— Мы, Сварожичи, только воевать со змеями умеем, и то кое-как, — простовато улыбаясь, развёл руками Ярила. — А запрягать их в плуг и валы выпахивать — это один ты, отец, можешь.

— Вот я и выпахивал валы для великих городов... которых вы не уберегли, — проворчал Сварог.

Среди звёзд вдруг появилась ещё одна, ярко-белая, затмевавшая сиянием все остальные. Она полетела вниз, превращаясь на глазах в белого всадника на белом коне. Всадник плавно опустился на вершину кургана. Это был красивый могучий старик с длинными седыми волосами и снежно-белой бородой, одетый во всё белое. Все, не исключая Сварога, почтительно склонились перед всадником. А он неторопливо спешился и сел на склоне кургана. Остальные расселись чуть ниже, у подножия. Небесные кони паслись между курганом и валом.

— Все вроде тут? А прадед Велес где? — спросил старик. — Звали ведь...

— А ему сейчас и так всё видно и слышно, — указал Перун на полную луну. — Не хочет спуститься — его дело. А может, и спустился: я ужа большого в траве заметил. Досадует старый, что не он в этом мире хозяин. Так ведь не он его и творил, а ты, дедушка Род, Белый бог.

— Ты творил, ты и правишь, — поддержал брата Даждьбог.

— Кто творил и правит, с того и спрос больше, — вздохнул Род-Белбог.

— Кто с нас, богов, спрашивать может? — вскинул брови Перун.

— Люди, что нам верят. Для бога, царя, жреца самый большой грех — веру обмануть. Всё равно что отцу детей предать, а старейшине — свой род, — сказал Род. — Здесь самое святое место было во всей земле сколотской. Всех нас тут славили, жертвами ублажали, песнями да плясками веселили. Где же мы были в тот осенний день проклятый?

— Мы сколотое не предавали. Чернобог с Ягой сюда сарматов привели, — сказал Ярила.

— Ну а сам ты где был? — упёрся рукой в колено Род.

— Как где? Под землёй. Мне положено в среднем мире только весной быть.

— А племена твои богатые в каком мире отсиживались? Не твои жрецы их учили: в великом царстве худо жить — много дани платить, далеко на войну ходить, лучше царство малое и не славное, да своё? Вот и не стало царства ни большого, ни малого. — Старик перевёл суровый взгляд на Перуна. — А ты где был с

храбрым племенем воинским?

— А нас туда и не звали. Возомнили авхаты мудрые, что править царством жрецы должны, а не воины, и не признали Слава великим царём. Ещё и убить хотели, еле вырвался он тогда из Пастырь-града. И всё твоим именем, братец светлый да праведный! — Громовник гневно сверкнул глазами на Даждьбога. — Вот мы и не пришли — чтобы попробовали святоши, каково с мудростью без силы. А в бою я сарматам не помогал, хоть они мне большие жертвы сулили.

— Ты не помогал, зато Морана помогла. Это вам, Ортагну с Артимпасой, здесь в жертву пленников сотнями резали, — сказал Род.

— Никому я не помогала. Это всё тётушка Яга, ей и жертвы достались, — возразила Морана.

— Может, и она. Люди перед смертью одно видели — носится над ними какая-то на чёрном коне, с мечом, вся в чёрном и распатланная. Все же знают: где война, там и Смерть-Морана.

— Мои волосы с её седыми патлами спутать! — возмущённо тряхнула пышными чёрными волосами Морана и вдруг заговорила зло, со слезами в голосе: — Да не было меня там, я в нижнем мире была, куда вы меня загнали! И жизнь у людей отбирать вы мне велели! Мало вам одной богини смерти? Попробовали бы сами девять месяцев, от Купалы до весны, под землёй, с теми, кого здесь и поминать боятся! И все за то, что дядюшка Чернобог один раз меня туда силой унёс...

— Не так тебе там и плохо было, если дядюшке помогла меня скрутить, — негромко сказал Даждьбог.

— Вовек не забуду: ты стоишь, к Мировому Дубу привязанный, а Чернобог в тебя из лука целит, и Морана тоже с луком. До сих пор не пойму, зачем? — с усмешкой взглянул Громовник на Морану.

Та, опустив голову, мяла в руках травинки, потом подняла глаза на мужа:

— Ну, обиделась я тогда на тебя... на всех вас, что так долго искали. А на Дубе уже заметила орла, сразу поняла: братец Перун прилетел, непременно поможет. Да разве я могла тебя погубить, чтобы там, внизу, навсегда остаться? *Я* же травы люблю, цветы, ещё ночи — такие вот, светлые, а больше всего — Солнце. — Она вдруг улыбнулась и слегка толкнула локтем Даждьбога.

— Ты всем там нужна, Морушка, — мягко тронула дочь за плечо Лада. — Кого, кроме тебя, дядя по-хорошему послушает? И мы от тебя знаем, что внизу творится. Да и нечистые при тебе не так распоясываются.

— Знают — я могу всё пекло разогнать, если рассержусь! —

задорно отозвалась Морана.

— Лучше бы здесь сарматов разогнала, отлучилась бы на денёк из пекла своего, — проворчал Род. — Да и я хорош был. Всю ночь бился на западе с дикими охотниками, а днём спать лёг. Думал: пусть эти сколоты своим умом живут. В такой час перегрызлись, ещё и у нас помощи просили друг против друга. Учили, учили их Огненной Правде...

— Вот-вот, люди, — подхватил Сварог. — Я их землю пахать выучил, скотину пасти, медь и железо ковать. Сковал для них три дара из небесного золота — самого пламени солнечного. Жрецам — чашу, воинам — секиру, пахарям — плуг с ярмом. Мудрость, победа и обилье — что ещё надо? А они прямо в пастырском храме побоище учинили. Слав своей рукой троих жрецов убил, чашу схватил и прорвался со своими из города. Ни ему потом чаша не помогла, ни роду его. Сам погиб от братней измены, а чашу фракийский царь разрубил. — Тяжёлые кулаки бога-кузнеца сжались. — Лучше б я забрал её, пока цела была!

— Ну вот, у всех нашлись причины злу не мешать, — горько усмехнулся Даждьбог. — Кроме меня, Солнце-Царя, что эти дары когда-то людям принёс. Я и повёл сюда души праведных воинов со своего Белого острова. Не всё ещё и захотели идти ради таких вот потомков. А твоей грозовой дружины, брат Перун, и близко не было. Вот и не выстояли перед нечистью, что дядюшка с тёткой нагнали... Я тоже мог найти на кого обидеться. Только... надо же было хоть кому-то за Огненную Правду постоять, чтобы не говорили, будто она на небо ушла, а здесь одна Кривда осталась! Эх, боги великие, спасители, заступники, за что нам только молятся...

Он обвёл глазами родичей. Те пристыженно отводили взгляды. Лада примирительно произнесла:

— Это я виновата. Что вас, детей своих, тогда помирить не смогла.

— Кто ни виноват, а великого царства нет. И никто из ваших избранников, детушки, возродить его не смог, даже Властимир с сыновьями, — вздохнул Род. — Я бы не собирал вас тут, если бы не стала целой Колаксаева чаша. Не твоя ли работа, сын? — вопросительно взглянул он на кузнеца.

Тот лишь развёл руками:

— Я бы с такой работой и за три дня не справился даже в небесной кузнице, не то что среди леса. Это ж не медный котёл чинить и не серебряный кувшин греческий. Да ещё так, чтобы и следа не осталось! В небесном золоте — сама Огненная Правда. Значит, она выбрала этого Ардагаста.

— Выбрала, да того ли? — возразил Перун. — Кто он

такой? Не сармат, не венед, и кушаном не стал. Двадцать лет молодцу, а его уже где только не носило. Перекати-поле! И жена у него такая же, и дружина.

Род задумчиво разгладил белую бороду:

— Огненная Правда... Она превыше нас всех. Её нельзя изменить, можно только узнать и жить по ней. Или не по ней. Но кто её путь выбрал и с него сойдёт, тот её силу потеряет, будь он хоть самый великий царь или самый могучий храбр. Ту силу сарматы зовут «фарн», а венеды «слава».

— В том и дело, — подхватил Громовник. — Как бы не потерял! Знаю я таких храбров. Где угодно храбрствуют и за кого угодно. Запросто царство добудут и так же запросто отдадут и дальше пойдут.

— Ардагаст не таков! — возразила Морана. — Мог на востоке остаться, во дворцах жить. А вернулся на Днепр. И бесчестных дел за ним нет.

— Да если б были, я бы его громом поразил прежде, чем его рука священного золота коснулась!

— Храбры и цари с пути сбиваются без мудрых советников. А его опекают волхвы из Братства Солнца, — сказал Даждьбог.

— Тоже бродяги, весь свет обойти норовят, — буркнул Перун.

— Вроде меня, ты хотел сказать? — спокойно осведомился Солнце-Царь. — Верно. Я обхожу, а ты по свету носишься. Как те самые храбры непутёвые, что тебе молятся.

— Будет вам! — возвысил голос Род. — Так что, если чаша Зореславичу сама в руки пришла, отдадим ему и секиру с плугом? Мы их тогда с трудом спасли и решили: дать их лишь тому, кто сможет и будет достоин возродить великое царство сколотов. Глядите, потомков сколотов-пахарей совсем мало осталось. А царство Фарзоя — уже добрая половина Великой Скифии.

— Он же её чуть не всю в сарматское пастбище превратил! Великий царь над конями и баранами! — фыркнула Морана. — Нет уж, не для таких я тогда спрятала небесное золото.

— И не для таких я его стерегу, — добавил Перун.

— А от меня такие не получат стрелы Абариса — ключа к нему, — сказал Даждьбог.

— В этом всё и дело, — вмешалась Лада. — Кем будет Ардагаст? Царём под рукой Фарзоя? Его Фарзой первым делом пошлёт за данью с венедов. Сдержит ли тогда Ардагаст сарматскую орду, если сам наполовину сармат? И сохранит ли он золотые дары? Фарзой к ним давно уже подбирается, и не только он.

— Всё верно, мама. Только где сейчас взять такого могута, чтобы сарматов выгнал со всех земель сколотов-пахарей? Есть у вас такой на примете? — обвела Морана взглядом богов. — И кем эти земли заселить? Все ли захотят из лесов выйти, чтобы каждый день сарматской стрелы ждать? А вот если под рукой царя росов и великого царя сарматов...

— Правильно, дочка, — кинула мать богов. — Тогда и росы на землю осядут, с венедами породнятся. Как степные скифы с пахарями. Помните? И кто придумал, что пахари со степняками мирно жить не могут? Не лесные ли колдуны?

— А в лесах-то что творится... — потёр затылок Ярила. — За отеческих богов всегда насмерть стоять готовы. А боги те — хорошо, если я или прадед Велес, а не... кто чернее... И у богов тех служители такие, что не разберёшь, люди они, звери или черти...

Души людские глохнут в таком лесу, будто поле заброшенное! Как в той чаще, где я тебя, Морана, с сестрицей Лелей нашёл. Помнишь, когда дядя вас заставил пасти его стадо звериное-змеиное? На что вы тогда были похожи: кожа как кора еловая, волосы как ковыль-трава...

— Ой, лучше не вспоминай! — зябко передёрнула плечами Морана. — Я, пока не искупалась в молочной реке, в Ирии[19], в воду глянуть боялась.

— А в святых городах на Збруче тёмные друиды хозяйничают. И в Чёрный храм на Черной горе в Карпатах наведываются те, кто злой силы ищет, — сказал Даждьбог.

Род поднялся, воздел руки и торжественно произнёс:

— Пусть же Ардагаст, сын Зореслава, станет царём венедов и росов, чтобы собрать, хоть под рукой Фарзоя, земли сколотов-пахарей. Пусть соединит венедов и росов в один народ. Пусть выведет венедов из лесов на землю предков, пусть очистит леса и священные города от бесовых служителей. Пусть хранит небесные дары от недостойных. Этим он докажет, что владеет золотой чашей по праву, и тогда ему будет дано войти в тайное место и увидеть секиру и плуг — если он добудет стрелу Абариса. Взять же их сможет не подручный царь, но лишь великий царь сколотов-пахарей или великий царь всей Скифии. Вот слово моё, отца и старейшины богов. И пусть ваша помощь будет с Ардагастом, если он сам не отступит от Огненной Правды.

Боги встали и воздели руки к своему старейшине в знак верности его слову. И тут из-за вала донеслись голоса Властимира и его сыновей:

— Назад, нечисть! Это место свято!

А следом — старческий, скрипучий, но громкий и полный

злой силы голос:

— Родичи! t каких пор смертные не пускают бога и богиню на совет богов?

Сварожичи и Морана взялись за оружие. Остановив их движением руки, Род поднялся на вершину кургана. У северо-западного входа три венеда преграждали путь двум всадникам на вороных конях, одетым во всё чёрное, — старику с длинной узкой бородой, заброшенной за плечо, и могучей старухе с распущенными седыми космами. В лицо старика, казалось, навсегда въелась ехидная, ничего в мире не щадящая усмешка. И такая же ядовитая ухмылка отпечаталась на уродливом крючконосом лице старухи. У старика за поясом торчала кочерга, у старухи — железный ткацкий гребень и топор. Рядом с ними гарцевала на коне Саузарин.

Род сложил руки на груди и произнёс спокойным, твёрдым голосом:

— Здесь совет богов, а не бесов. А если ты, братец, забыл, чьё это святилище, то сейчас вспомнишь. Впустите их!

Венеды расступились. Старик подъехал ко входу, и тут же семь пылающих преград из семи металлов встали на его пути.

— Помнишь, как ты со своими чертями рвался на небо через семь врат? И как вы потом летели кто на землю, а кто и сквозь землю?

Насмешливый голос Ярилы подхватил:

— Помнишь, дядя: кто в лес упал, стал лешим, кто в реку — водяным, кто в болото — просто чёртом, а кого и земля не приняла — чёртом пекельным?

— Неба вашего я не взял, но это святилище мои сарматы брали дважды.

— Скольких бесов ты тогда положил? От них и костей не осталось. А один ведь не полезешь, и вдвоём с тёткой Ягой тоже, — ответил Род.

Тем временем остальные боги взошли на вал, и небесное оружие в их руках грозно запылало.

— Боитесь, как бы я ваших священных тайн не узнал? А я и так всё видел и слышал — через мою гадюку. Пока вы моих воронов отгоняли, она проползла. А вы её ещё и за старика Велеса приняли.

— Я ей полосу на спине замазала да пятнышки под глазами нарисовала, всего и дел-то, их-хи-хи! — захихикала старуха.

— Ох и навалили вы подвигов на вашего избранника, верблюд и тот не вынесет! — продолжил Чернобог. — Да если он по-вашему будет делать, его или венеды, или сарматы убьют. А если поумнеет, будет делать то же, что и Сауасп. Потом от Фарзоя

избавится, род его изведёт и соберёт всю прежнюю Великую Скифию. И придётся вам тогда дары отдать ему, самому великому из сарматских царей. Хоть венедов к тому времени, может быть, и вовсе не останется.

— По себе судишь о человеке, братец, — возразил Род.

— Да нет уж, я человека знаю. Мы его вместе создавали.

— Это я создавал, а ты портил. Я человека сделал, сушиться положил, а ты подобрался, оплевал его и истыкал.

— А ты его тогда наизнанку вывернул. Вот и осталась вся моя работа у человека внутри, — самодовольно ухмыльнулся Чернобог.

— Только люди твоим дарам не рады. Вот мы и помогаем смертным от них избавиться. За то нас и славят, а тебя клянут.

Хитрые зелёные глаза Чернобога вспыхнули радостью охотника, подстерёгшего неосторожного зверя.

— Славят вас, светлых да праведных! А вы того стоите? Братец Белбог! Ты даже такого скверного мира без меня создать не смог. Матушка Лада! Была ты женой и сыну своему Роду, и внуку Сварогу, только до правнуков не добралась. И чем я тебе плох? А вы, племяннички внучатые, все на сёстрах женаты. Не ты ли, Ярила, брата Даждьбога к Леле приревновал и убил? Ох и праведный ваш род! А смертных караете: и засухой, и грозой, и недородом... Они и сами уж не разберут, то ли вы их казните, то ли я козни строю.

— И за всё это люди тебя, сестрица, Правдой зовут, а меня — Кривдой, — добавила Яга, с ехидным торжеством глядя на Ладу.

— Мы хотя бы стараемся этот мир сделать лучше, — со спокойным достоинством ответила мать богов. — За то нас люди и любят. Чтобы мир от вашего рода отстоять, нужные могучие боги, а такие не рождаются ни от смертных, ни от простых русалок. А уж кого вы приживаете и от кого, я и говорить не хочу. Противно.

— Брата я убил, и без вины. Но я же и воскресил. И никому не говорил: «Я бог, не смей меня судить и делай так же», — неохотно, но твёрдо произнёс Ярила.

— А кому же это вас, светлых, бессмертных судить? — осведомился Чернобог.

— Да уж не вам, тёмным! По какой правде нас судить будете: по болотной, омутной или подземной?

— И не нам, смертным, — вмешался в разговор богов Зореслав. — Я, когда ночью к Саумарон пробирался, не думал, кто от меня родится и для каких дел и чем всё это для племени обернётся.

— Мы всё доброе в этом мире создали и храним, а вы, тёмные, только портить и разрушать умеете, — сурово произнёс Род.

— Я тебя, сынок, злу не учила. И тебя, сестра, тоже, — мягко проговорила Лада. — Вы сами себя в преисподнюю к нечистым загнали. Стоило вам водиться со Змеем Глубинным? Много вы от него узнали?

— Много! — огрызнулась Яга. — Он всех нас, богов, старше, и род его мудрый, змеиный.

— Одного не пойму, хоть и говорят, что я всё знаю, — развёл руками Чернобог. — Вы себя и людей опутали всякими правдами да законами, а у меня правда простая: мир скверный, и человек тоже, такими уж созданы, вот и сумей прожить в своё удовольствие. Никого я не сужу и не караю, кроме тех, кто меня обмануть пытается. А люди больше любят вас, на смерть, на муки за вашу правду идут.

— А это я человека таким создал, что противно ему без закона жить, будто чуду-юду. Много твоей скверны нужно, чтобы он об этом забыл, — довольно улыбнулся Род.

Ярила переглянулся с Громовником и словно невзначай громко сказал:

— Собирались мы с тобой погонять чертей, а тут как раз главный чёрт и всех чертей мать.

Чернобог тихо хмыкнул и вдруг, словно только что заметив на валу Морану, заговорил на редкость ласково:

— Морана, Смертушка моя безвременная! Ты-то что тут делаешь? До весны ещё далеко, вся осень впереди и зима. Поедем-ка домой.

— Поехали бы ко мне в избушку, а эта вертихвостка домой и сама доберётся, — проворчала Яга.

Убегать сейчас от племянников ей, впрочем, не хотелось. Она уже прикинула: трое богов-воинов, не считая Мораны, да трое небесных воинов-людей против них двоих и сарматки — тут уж не биться впору, а ноги уносить.

Даждьбог обнял Морану за плечи и тихо сказал:

— Ничего, весной я тебя оттуда выведу. Как всегда.

Она поцеловала его в губы при всех и пошла к своему вороному коню.

Через несколько минут святилище опустело. Разъехались боги, кто на небо, кто под землю. С громом ускакали по небу к Моранину городищу трое Сварожичей, на прощанье помахав руками сестре, а за ними и трое венедов. Скрылась в своей могиле на валу раздосадованная Саузарин.

А в подземелье медленно, словно придавленные грузом

увиденного и услышанного, поднимались на ноги трое магов. Авхафарн снова зажёг волшебный огонь.

— Да, такая ноша не для верблюда, как говорил тот чёрный, а для героя... для бога! — воскликнул Стратоник. — Скажи, Вышата, нет ли у Ардагаста божественной крови?

— Не больше, чем у любого в его роду, — покачал головой волхв. — Этот род — от Колаксая-Даждьбога.

— И награда — всего лишь увидеть два золотых дара, — сказал Авхафарн.

— Награда добродетели — в ней самой. Так учат стоики, — бодро произнёс эллин.

— Что ж, поможем Ардагасту нести этот груз. Теперь это наш долг. Особенно мой. Я — потомок Солнцеслава, последнего великого жреца авхатов. А Ардагаст — потомок его врага, царя Слава, — сказал Вышата.

— Ты — отступник, а не ахватский жрец. А твой Ардагаст — изменник и потомок изменника.

В тёмном проходе стоял высокий старик с худощавым, непреклонным лицом, в старинной скифской одежде из белой шерсти. Поредевшие седые волосы стягивала жреческая повязка. У пояса висел бронзовый жертвенный нож. В руке старик сжимал длинный посох, увенчанный золотым навершием в виде трезубца, на котором восседали три птицы с колокольчиками в клювах. Сармат и грек приняли бы его за призрак Солнцеслава, не будь они столь опытными магами. А старик продолжал беспощадным тоном:

— Ты ещё хуже отступников Анахарсиса и Скила. Они искали чужой мудрости в греческих мистериях, а ты нашу чистую веру Света, Солнца и Огня променял на тёмный бред лесных колдунов. Недаром у тебя в роду был Огнеслав-Атарфарн, этот бродяга...

— Атарфарн — не бродяга, а великий маг, — возразил сармат.

— Для вас, росов, — презрительно усмехнулся старик. — Ведь это он привёл в Скифию ваше племя и остальных роксоланов.

— Не только для росов. Книги Атарфарна ценит всякий солнечный маг, — сказал Стратоник.

— Священные тайны передаются от учителя к ученику, а не записываются на пергаментах, которые может прочитать всякий... грек, — высокомерно взглянул на него старик.

— И не только грек, — тут же нашёлся эллин. — Доброе знание светит всем людям, как само Солнце. Прячут от людей только злое или опасное знание.

— Так какого же это знания искал ты у Лихослава в Чёртовом лесу? — устремил старик на Вышату взгляд беспощадного судьи.

Волхв не отвёл глаз:

— Я одолел Лихослава в поединке и вызволил от него половину Колаксаевой чаши, а другую добыл из кургана фракийского царя Котиса. Теперь Огненная Чаша снова едина.

— Огненной Чашей должны владеть мы, ахваты! А в чьи руки ты её отдал? Кого ты вырастил на погибель всей Скифии? Потомка Яромира — незаконного сына Сайтафарна и его наместника над венедами. Это Яромир похитил у нас золотой плуг и золотую секиру...

— Не у нас, а у бесов, посланных Чернобогом, от которых мы, авхаты, не уберегли небесное золото.

— Твой Ардагаст ещё хуже своего предка! Этому бродяге всё равно кому служить — хоть Фарзою, губителю его отца и деда, хоть Куджуле Кадфизу на краю света.

— Яромир спас наш род от истребления. А его потомок уже отомстил Сауаспу, губителю всех сколотое, и скоро станет царём росов и венедов. Так решили боги! Ты ведь тоже их слышал.

— Боги ничего не решили! Они ждут от этого полусармата подвигов, которых он не совершит. Тот, кто восстановит великое царство сколотов, должен прийти с юга — таково пророчество. Ты его ещё не забыл среди твоих греков, сарматов и лесовиков?

— С юга? От кого? Задунайского царства сколотов больше нет — есть римская провинция Скифия. Малая Скифия в Тавриде подчинилась боспорским царям, чтобы устоять перед римлянами. Остаётся царство Фарзоя. Ему подчинились и сколотские города в низовьях Днепра. Там и родился Ардагаст.

— Сарматы — враги нашей веры, осквернители Экзампея, — упрямо произнёс старик. — Они поклоняются Саубарагу, Чёрному Всаднику, а это и есть Чернобог, Ахриман.

— Саубарагу, богу ночных разбоев, поклоняются такие, как Сауасп и его дочка с зятем. И я сделаю всё, чтобы царство не досталось им, — твёрдо проговорил Авхафарн.

Старик тяжело вздохнул, и посох в руке его качнулся, звеня золотыми колокольчиками.

— Шесть веков назад мы, авхаты, принесли сюда с востока учение Света, учение Заратуштры. Теперь нас совсем мало. Не исчезнет ли оно в этой стране вместе с нами?

— Да, исчезнет! — резко ответил Вышата. — Если мы не поможем рождению нового царства. Какое же это учение Света, если прятать его от людей в подземельях? Да ещё чваниться при этом своей чистотой и святостью?

Старик потряс посохом, наполнив подземелье золотым звоном. Яркое сияние разлилось вокруг трёх золотых птиц.

— Прочь отсюда, вы трое! Так велю я, великий жрец авхатов Златослав! Вас впустила сюда Морана, но она уже ушла. Идите, если не хотите попробовать на себе силу трёх миров и трёх творцов мира, скрытую в этом посохе!

— Нас тоже трое, и мы могли бы с тобой потягаться. Но я — твой ученик, и учителя унижать при людях не стану. — Вышата почтительно поклонился старику и достал из сумки разрыв-траву.

Когда трое вышли из-под земли, святилище было пусто. Лишь на склоне кургана сидел низенький старичок с маленькой аккуратной бородкой, в остроконечной шапочке, из которой вытягивались изогнутые рога, состоявшие, казалось, из одного бледного света. Вышата первым поклонился в пояс:

— Слава тебе, старейший из богов! Жаль, что не было тебя на совете.

— Кто меня, старого, послушает? — махнул рукой луннорогий старичок. — Снова битвы затевают... Сам виноват: начал было мир творить да положился на сыновей. А теперь вот люди моим именем ругаются: пошёл-де за море к Велесу. Ещё и слух кто-то пустил, будто бы я и есть тот самый Змей, что у Перуна жену соблазнил. Ну, могу я и змеем оборачиваться, так ведь добрым, домашним.

— Тебе ли, богу, на глупых людей обижаться? Тебя ведь все любят: и пастухи, и пахари, и волхвы, и певцы...

— Только воины не жалуют. А зря. Мудрость и им нужна. Вот и Ардагаст: помню, хороший был мальчишка, в лесу вырос, никто на него мне не жаловался. А теперь побродил по свету. Придёт, поди, в лес и начнёт всё переворачивать вверх корнями, вниз ветвями во славу потомства моего. А лес такого не любит. Так ты, Вышата, придержи, если что, своего воспитанника. Напомни ему, кто в лесу хозяин. Лес, он не злой и не проклятый, хоть и много в нём нечисти. Ты же знаешь, лесной мудрости учился.

Пыль клубилась по дорогам, что вели к реке Росаве с Днепра, Роси, Тясмина. Стучали копыта, звенели чешуйчатые доспехи на людях и конях. Колыхались темляки на увенчанных кольцами рукоятях мечей и акинаков. Сверкали золотом и бирюзой пояса, гривны, браслеты. С гривен и поясов скалились хищные звери. Блестела серебром конская сбруя. Трепетали на ветру увенчанные головами драконов красные знамёна с родовыми тамгами. Красные — цвет Огня и Солнца, цвет воинов. Росы шли на собрание — выбирать нового царя. Ехали гордые князья и столь

же гордые владельцы одной кибитки и двух десятков голов скота. Ехали юнцы, не убившие ещё первого врага, и седые бойцы, устрашавшие скифов, венедов и царских сарматов, рубившиеся с даками и остановившие римских легионеров.

Саузард, в парфянской кольчуге и остроконечном шлеме, уверенно правила породистым вороным конём и глядела вокруг гордо и властно, словно орлица с царского кургана. Царицей сегодня станет она, и только она, дочь великого и страшного всем врагам Сауаспа! Не столь гордо выглядел ехавший рядом Андак. Его шею обвивала золотая гривна в три витка с фигурами волков, терзающих оленя, на концах. Но муж царевны не был уверен, волком или оленем он окажется сегодня, и сама гривна порой казалась ему петлёй аркана. Снова и снова окидывал он взглядом князей. С большинством как будто удалось договориться, но немало и таких, что не спешат высказаться ни за Ардагаста, ни за Саузард.

Вот огромный, как медведь, и такой же добродушный оседлый рос Ардабур, дядя Ардабур, как его все зовут. Едет, грызёт яблоки, доставая их из объёмистой перемётной сумы. Ох и обильны у него сады! А поля ещё обильнее. Для всякого — обедневшего сородича, бездомного венеда, бежавшего от греков раба — у дяди Ардабура найдётся клочок земли, добротное деревянное рало и пара волов. Только паши как следует и неси вовремя оброк. Миролюбив дядя, но в дружине его венеды скачут верхом не хуже сарматов, и ни один угонщик скота от этой дружины ещё не уходил. А вместо выкупа заставляет дядя угонщиков пахать, косить или молотить. Самых же сильных в рало запрягает. Венеды смеются: «Паши, сармат, сам Змей пахал, когда Сварог запрягал!» Запряжённый скрипит зубами от унижения, но помнит: по венедскому обычаю за конокрадство могут просто ногами забить. Зато на обжинки, когда последний сноп и последний пучок несжатых колосьев украшают в честь Велеса, угонщики пьют пиво и гуляют наравне со всеми.

Или Сахут по прозвищу Хор-алдар — Солнечный князь: сильный, стройный, с соломенного цвета волосами и пышными вислыми усами. Кто у него был в роду, будины, что ли? Этот кочует, как и все, но на своих плодородных землях в низовьях Тясмина охотно поселяет венедов-хлебопашцев. На обжинки они его усердно чествуют, а его жена и дочери пляшут с ними в купальскую ночь, хорошо хоть не голые! А богат Хор-алдар несметно. И воин славный. Это он семь лет назад спас Фарзоя от полного разгрома в бою с легионерами Плавтия Сильвана. И за Дунай ходил даже тогда, когда Сауасп туда не ходил. Говорят, молодым он побывал в рабстве у римлян и потому их люто

ненавидит.

А главное — многие росы, даже главы родов, уже ушли на Перепетово поле. По большей части голытьба, осевшая на землю и породнившаяся с венедами, но и не только она. Многих из молодёжи привлекли слухи о подвигах Ардагаста на востоке, об Огненной Чаше. Солнце на землю спустилось, да и только!

Вот и неизвестно, что же их ждёт на Росаве: собрание или поле боя. А главное — если бой, то на чьей стороне будет друг Инисмей? Вот он, весь в красном, кольчуга из-под кафтана выглядывает. А с ним — полсотни закованных в железо аланов, лучших воинов Фарзоя. Видят боги, если бы не Саузард, не стал бы Андак и ввязываться в эту рискованную борьбу за царство. Чего он никогда не любил, так это связываться с противником сильнее себя. С римлянами, например...

Но вот и собрание. Широкий зелёный луг на левом, низменном берегу Росавы. Посредине невысокий круглый вал. Сейчас этот берег гак же безлюден, как и правый, высокий. Где же те, с Перепетова поля?

— Нужно занять правый берег. Брать его с бою будет трудно, — обратилась Саузард к князьям, которые, оставив свои отряды, собрались в середине луга.

— С какого ещё бою, с кем? — спросил Ардабур, добывая из сумы очередное яблоко.

— Как это с кем? — гневной орлицей встрепенулась царевна. — Этот сброд наверняка уже объявил своего полувенеда царём и теперь идёт сюда, чтобы напасть на нас.

— Не те у него силы, чтобы нападать, — махнул рукой Ардабур. — Если же мы первые перейдём Росаву, это и будет война. А прежде чем воевать, нужно иметь царя. Кто поведёт всё это войско?

— Так выберем царя сейчас же, не дожидаясь их!

— Значит, у росов будет два царя? — вмешался вдруг Инисмей. — Тогда я должен буду известить отца, чтобы он решил, кого из двоих признать. А до того я с дружиной встану между вами, и кто первый посмеет напасть, тому придётся сначала сразиться со мной.

Теперь примолкли не только юнцы, начавшие было кричать: «На венедов!» и «Отомстим за Сауаспа!», но и сама Саузард. Воевать с великим царём аорсов и его наследником — к такому никто не был готов. А за рекой уже послышались стук копыт, конское ржание, встало облако пыли. Но никто не посмел не только перейти реки, но и приблизиться к берегу. Хорошо вооружённые росы безмолвно наблюдали, как на высоком берегу вырастает конная лава.

Знатные росы ухмылялись, ожидая увидеть нищих вояк без доспехов либо в панцирях из костяных или копытных чешуек. Конечно, с копьями или хотя бы луками: сармат может всё с себя пропить, кроме оружия. И верно, большинство конников так и выглядело. Только вот стояли такие по краям, а в середине строя — всадники в настоящих железных панцирях и кольчугах. У многих из-под остроконечных шлемов выбивались светлые волосы. Откуда у венедов такое вооружение? В случае чего эта лава быстро перестроится в непобедимый сарматский клин. А на крыльях ещё и пешие венеды с копьями. Если на острие клина окажутся аланы Инисмея…

В самой середине, под красным знаменем с тамгой царского рода, на рыжем коне, покрытом тигровой шкурой — молодой золотоволосый воин. На нём не было дорогих украшений, кроме скреплявшей плащ позолоченной застёжки с эмалью. Но рукоять и ножны его меча сияли чеканным золотом. Рядом стройная темноволосая женщина в кольчуге и шлеме и венед в белом плаще волхва. А ещё — два великана на могучих конях. Один — с очень смуглой кожей и пышными усами, у пояса — громадный двуручный меч. Второй — белокурый, бородатый, в рогатом шлеме.

Аланы тем временем развернулись вдоль левого берега, прикрывая броды через Росаву.

Первым нарушил молчание один пожилой князь, громко и строго вопросивший тех, что стояли за рекой:

— Кто вы такие и зачем явились на собрание росов?

— *Я* — царевич Ардагаст, сын Саумарон, царевны росов, и Зореслава из рода сколотских царей. А это — те, кто хочет, чтобы царём росов стал я.

— Тогда зачем ты привёл венедов? Рабам нет места на собрании!

— Они не рабы, а данники. Венеды останутся на этом берегу, а на собрание ступят лишь росы. Но и венеды хотят видеть меня своим царём.

— Царь венедов? — расхохоталась Саузард. — Вот и царствуй над этими лесными барсуками! А царя росов избирают все росы.

— Царём меня ещё никто не избрал, — спокойно ответил Ардагаст. — Венеды согласны избрать меня, если сначала выберут росы.

— Венеды отныне могут иметь царя, но быть им может только царь росов — такова воля моего отца, — сказал Инисмей.

— Что? Твой отец назначает нам царей? Да ещё из наших рабов? Мы что, разбитое и покорённое племя? — набросилась

Саузард на царевича аорсов. А тот невозмутимо ответил:

— Кто будет царём росов, решат сами росы. На этом собрании. Если у вас тут одно собрание, а не два...

— Там, за рекой, такие же росы, как и мы. Пусть перейдут сюда и станут по своим родам, — сказал Хор-алдар.

Никто не возразил, и Ардагаст первым переехал Росаву, а следом — все его росы. Венеды и прочие иноплеменники остались на правом берегу, не исключая жены и ближайших спутников царевича. Аланы по-прежнему прикрывали брод. Андак поёжился, заметив, что у всех венедов, кроме копий, есть и луки. Он хорошо знал, как метко бьют лесные охотники — даже грозному Сауаспу не всегда удавалось сразу собрать с лесовиков дань.

Росы заполнили луг, оставив свободным пространство вокруг. Посреди площадки, ограждённой валом, чернело кострище. В этом святилище мог приносить жертвы только царь или верховный жрец росов.

Ардагаст, вместо того чтобы стать вместе с царским родом Сауата-Черных, остался у реки, да не один, а со своими дружинниками из этого же рода. Царский род расколот! Да, род и даже племя держала в последнее время вместе только тяжёлая рука Сауаспа... Глядя на это, многие бедные роды тоже стали ближе к реке. Среди них и жреческий род Аорста-Белых. Жрецам ведь пристало не богатство, а мудрость. А вот и Авхафарн в своём высоком белом башлыке... А Хоралдар и Ардабур со своими родами? И не близко к реке, и не далеко...

Первой в круг выехала Саузард:

— Люди племени рос! Что с вами стало? Ваш славный царь Сауасп убит и не отомщён. А вы пустили на собрание его убийцу и слушаете, как он называет себя царевичем и требует царства. Да кто он такой, рождённый от блуда? Что, кто-нибудь гулял на свадьбе его родителей? Где та, что опозорила себя его рождением? Под Экзампеем она сражалась против своего племени, и мой отец там убил её любовника-венеда, а её саму протащил на аркане при всех и продал в рабство. А сынок превзошёл её: убил двух братьев матери, Сауаспа и Сауархага. Убийца родичей — вот имя ему! Видите, каких бродяг и разбойников он собрал со всего света? Они и будут вам господами. Доверьте мне царство, росы, и я отомщу за Сауаспа и очищу племя от этого позора!

Многие одобрительно зашумели, но какой-то молодой воин выкрикнул:

— Неправда, царевна! Ардагаст — лучший из росов. О его подвигах знает вся степь! О них уже песни слагают...

Андак расхохотался:

— Песни! Не Ардагаст ли платит этим певцам? Они не видели того, о чём поют, и никто из нас не видел. Что он делал в Чёртовом лесу — убил и ограбил какого-то колдуна? И откуда у него золотой меч, который могут носить только цари? Из разграбленного кургана?

Ардагаст обнажил меч. Андак тоже взялся за оружие, в душе жалея, что не сбежал с собрания. Но царевич громко спросил, обращаясь ко всем:

— Кто знает греческие буквы?

— Я! — отозвался Авхафарн и, взглянув на клинок, прочитал вслух: «Куджула Кадфиз, великий царь царей кушан».

— Вот кто пожаловал мне этот меч за верную службу. Это ты, Андак, воруешь в сколотских курганах то, чего не можешь добыть оружием. А Сауархага, Чёрного Волка, колдуна и оборотня, я убил, когда он пытался погубить Куджулу и его дружину. Того самого Сауархага, которого вы так боялись, что не смели волка отвадить от стада, если волк был чёрный! А Сауаспу я отомстил за смерть отца и деда и глумление над матерью.

— Ты мстил! Да был ли ваш бой честным?! — Чёрные глаза Саузард готовы были испепелить Зореславича.

— Не был, — спокойно ответил Ардагаст. — В него вмешалась ведьма Чернава, лазутчица царя. Она обернулась змеёй и ужалила моего коня.

— Да, мы всё это видели! — раздались десятки голосов.

В круг выехал Хор-алдар и заговорил сурово и резко:

— Вы ищете мстителя за Сауаспа? А достоин ли он мести? Где он был, когда Фарзой бился с Сильваном? Не успел к месту битвы? Моя дружина почему-то успела. Где все мы были, когда роксоланы и аорсы ходили за Дунай и освобождали сарматов, угнанных Сильваном в рабство?

— Мы охраняли северные границы Аорсии от царских сарматов... — возразил Андак.

— Которые тогда так и не появились. Зато Сауасп и его верные соратники потом разбрасывали серебро в греческих лавках и корчмах. И не в Ольвии, а в Пантикапее — подальше от глаз Фарзоя и его воинов. В каком это славном походе росы добыли столько монет? И что сейчас делает среди росов этот пройдоха Спевсипп с полными возами всякого добра? Не за его ли счёт ты, Андак, засыпаешь князей подарками? — Хор-алдар гневно поднял кулак. — Позор племени, которое можно купить, как гетеру! Позор царю, торгующему честью своего племени! Позор тем, кто гордится родством с таким царём, да ещё и домогается власти!

Поднялся невероятный шум. Одни кричали: «Месть за Черноконного!», другие: «Гнать Сауасповых прихвостней с собрания!» Крики смолкли, лишь когда в круг выехал Авхафарн. На верхушке его башлыка ярко блестел золотой крылатый архар. Все знали: в таком облике является фарн — священная сила, без которой и царь, и всё племя лишаются удачи и благополучия. Над притихшим собранием зазвучал неторопливый уверенный голос жреца:

— Люди племени росов! Прежде чем выбирать царя, вспомните, на чьей земле вы живете?

— Как на чьей? На нашей! Мы её завоевали! — зашумели в ответ.

— На нашей! — раздались голоса из-за реки.

Жрец покачал головой:

— На земле сколотов-пахарей. Здесь их городища и курганы, и курган Сауаспа с ними не сравнится. А разве мы почтили жертвами хоть раз их великих царей? Нет, ещё и грабили в их могилах то, до чего не добрались царские сарматы. Венеды говорят: «Не дашь предкам, они своё возьмут». Так вот, они уже берут. В прошлом году у нас пало много скота, и в позапрошлом тоже. А у венедов хлеб родил хорошо. Что дальше? Голодный воин — плохой воин. Объедать венедов, подобно старому волку, который не в силах охотиться и кормится отбросами возле людей! Такого волка сначала боятся, а потом убивают. Я говорил с богами. Они хотят, чтобы царём этой земли стал тот, кого примут духи сколотских царей. Кто способен увидеть — взгляните! — Он поднял руку к нему. — Они ждут вашего ответа!

Не все, но многие увидели: в небе над собранием стояли кругом всадники в скифских башлыках и кафтанах, расшитых золотыми бляшками, в панцирях и греческих шлемах. Золотом ослепительно сияли их мечи и колчаны, сбруя и рукояти плетей. А над ними вольно парил, уступая блеском лишь солнцу, золотой крылатый архар. Ардагаст, его спутники и венеды почтительно воздели руки. Следом подняли руки Ардабур, Хор-алдар и их люди, потом ещё многие сарматы. Миг спустя видение исчезло. В небе остался лишь солнечный архар, а слева и справа от него появились ещё два сияющих зверя: золоторогий олень и крылатый волк. Первый был родовым зверем сколотое, второй — сарматов.

— Так что же, боги желают, чтобы мы стали рабами венедов? — сверкнула глазами Саузард. — Лучше нам, росам, всем погибнуть в славной битве!

— У рабов не бывает царя, а только хозяин, — покачал головой жрец. — Царя выбирают свободные люди, а фарн ему

дают боги. Кого уважают и жрецы, и воины, и пастухи с пахарями — и есть царь. Царствовать же должны воины — так велит Огненная Правда. Теперь в нашей земле жреческого племени нет, племя пахарей — это венеды, а племя воинов... — Он обвёл глазами собрание.

— Мы, росы! — разом вырвалось из тысяч глоток.

Ардагаст стиснул кольцо на рукояти акинака. Только бы кто-то за рекой не крикнул сдуру: «Не покоримся сарматам!» Но старейшины заранее крепко разъяснили сородичам: кто думает без росов прожить — до погребального костра в лесу просидит.

— И кто же назовёт такого царя, угодного людям, предкам и богам — ты, жрец? А вдруг ошибёшься? — с издёвкой ухмыльнулся Андак.

— Его назовут боги. Дорогу волхву Вышате, хранителю Огненной Чаши Колаксая!

Люди у реки расступились, пропуская всадника в белом плаще, высоко поднимавшего золотую чашу. Два жреца спокойно и величаво подъехали навстречу друг другу, и сармат принял чашу у венеда. На чаше было изображено дерево с птицей на нём. Слева от него лев нападал на оленя, а справа барс терзал кабана. Авхафарн заговорил, держа чашу перед собой:

— На чаше — два великих бога: Солнце и Гром, лев и барс, правда и мужество. А ещё их мать — Апи, великая богиня. Она — Мировое Дерево и птица на нём. Лишь самый правдивый и отважный в племени, и потому достойный царства, может взять эту чашу, скованную из солнечного огня. Подходите же, кто желает царствовать над этой землёй!

Он поставил чашу на вал святилища и отъехал назад. И тут же крылатый архар золотым метеором метнулся с неба и скрылся в чаще. А из чаши вдруг вырвалось и охватило её со всех сторон чистое золотистое пламя. В его колеблющихся языках можно было разглядеть рогатую голову и крылья солнечного зверя.

Первой к чаше с гордо поднятой головой подъехала Саузард. Ей не было дела до сколотских святынь, но она не сомневалась: царства достойна только она, старшая дочь царя. Склонившись с седла, царевна протянула руки к чаше, но пламя заполыхало ещё сильнее. Трижды пыталась она взять чашу и лишь обожгла руки. Но ни разу крик не сорвался с уст гордой дочери Сауаспа.

Андак бросился было перевязывать ей руки, но она прошипела:

— С этим и рабыня справится! А ты скорее к чаше! Конечно, боги хотят тебя: ты мужчина и зять царя.

Царский зять рук не обжёг: убедившись, что золотое пламя перед ним не отступает, он лишь с досадой хлопнул себя по бедру

и отъехал прочь.

И тогда к валу подъехал Ардагаст. Спешился, поклонился чаше, с почтительной осторожностью, но уверенно ввёл обе руки в пламя и поднял пылающий сосуд над собой. В тот же миг золоторогий олень и крылатый волк слетели с неба и, на лету уменьшившись в размерах, вслед за архаром скрылись в чаще. Под громовые крики толпы: «Царь Ардагаст! Ардагаст-Колаксай!» — Зореславич с огненной чашей в руке объехал святилище по ходу солнца и затем вручил её Вышате, а тот — Авхафарну. Отныне у главной святыни царства было два хранителя, и никто не посмел сказать, что его племя унижено этим.

Люди с правого берега повалили на левый, смешались с росами. Соседи и приятели радостно хлопали друг друга по плечам и вместе славили нового царя двух народов. Ларишка при всех расцеловалась с мужем. Андак с опущенной головой слушал насмешки. Дядя Ардабур, дожевав яблоко, запустил огрызком — нет, не в зятя прежнего царя и троюродного брата нынешнего, а точно в землю перед копытами его коня. А дочерью Сауаспа уже овладела дикая, слепая ярость хищницы, у которой из когтей рвут добычу. Заглушая шум толпы, над собранием разнёсся громкий, пронзительный, полный ненависти голос Чернозлобной:

— Ардагаст, убийца родичей! Царь ты или нет, я вызываю тебя на бой!

В руках царевны разом сверкнули меч и акинак. Лицо Ардагаста исказила досада. Меньше всего ему хотелось начинать царствование с убийства двоюродной сестры. Но тут дорогу разъярённой воительнице преградила Ларишка:

— Стой, Саузард! Прежде чем сражаться с мужчиной и царём, попробуй победить меня, женщину!

Длинный меч скрестился с кривой махайрой, со звоном высекая искры. Тохарка легко и умело отражала бешеный натиск противницы. Каждый удар отзывался болью в обожжённой руке Саузард, но царевна, сжав зубы, не издавала ни единого крика. Длинные тёмные волосы обеих всадниц метались в воздухе, словно две чернокрылые птицы бросались друг на друга. Меч сарматки несколько раз соскальзывал со шлема Ларишки, а стальное жало акинака едва задевало кольчугу, всякий раз встречаясь с акинаком тохарки.

Вдруг царевна, сделав ложный выпад акинаком, вонзила его в шею коню Ларишки. С предсмертным хрипом конь упал, придавив ногу своей хозяйке. Чёрные глаза Саузард загорелись, как у хищной птицы, настигшей добычу, крылья ястребиного носа напряглись. Длинный клинок обрушился на тохарку. Но та успела перехватить его, как клещами, махайрой и акинаком, и вывернуть

из руки противницы. Та соскочила наземь с одним акинаком в руке, но Ларишка уже выбралась из-под тела коня и нанесла такой удар махайрой, что шлем сарматки прогнулся и треснул, а она сама рухнула в траву без сознания.

К обеим воительницам уже спешили их мужья. Андак поспешил вынести свою жену прочь из круга и с собрания. Ларишка, приводя в порядок волосы, с сожалением сказала Ардагасту:

— Потерять такого коня из-за этой злобной дуры! Понимаешь, я думала только, как бы её не убить. Чтобы кто-нибудь не взялся тебе мстить ещё и за неё...

— А если хоть один мужчина посмеет вызвать на бой царя, то будет сначала биться со мной, — громко произнёс Хор-алдар.

— А я у такого нахала просто отберу оружие, а самого запрягу в плуг, — добавил Ардабур.

В круг степенно въехал старый князь с лицом, иссечённым шрамами.

— Царь Ардагаст! Я сражался ещё с дедом и отцом Сауаспа и рад теперь приветствовать тебя. Но помни: отныне ты — царь росов, а мы, росы, любим войну. Мы скучаем без набегов и походов. Води нас за бессмертной славой и богатой добычей, и мы не пожелаем себе другого царя.

Росы одобрительно зашумели. Старик испытующе взглянул на молодого царя, и тот не отвёл взгляда:

— Мы — народ воинов. Но что такое воин без чести, думающий только о добыче? Подлый разбойник, и бог его — Саубараг. Настоящий воин защищает жреца, пастуха и пахаря и не предаст их за все сокровища кесаря. Такого воина любят светлые боги и награждают честной добычей, и его душа с поля боя возносится в Царство Солнца. — Он простёр руку над чашей Колаксая. — Клянусь Солнцем и этой Огненной Чашей: никто из вас не будет стыдиться ни тех походов, в которые я вас поведу, ни той добычи, которую вы привезёте. Я, Ардагаст, Огненный Гость, поведу вас, росы и венеды, путём Огненной Правды!

Молчавший до сих пор Инисмей приветственно поднял руку:

— Ардагаст, сын Зореслава! Мой отец, великий царь Фарзой, рад видеть тебя царём росов и венедов, и я тоже. Отныне ты — страж северных границ Аорсии и наместник над венедами. Твой дед Властимир был наместником царских сарматов, не захотел подчиниться аорсам и возмечтал стать царём сколотов-пахарей. Его вины на тебе нет, но помни его судьбу. Твоё дело — собрать до весны дань со всех венедов, днепровских, бужских, припятских и деснинских. И ещё: не восстанавливай ни сколотских городов, ни венедских городков. Они не нужны.

Непобедимая сарматская конница — вот теперь ваша стена, венеды!

Царевич улыбнулся и тихо добавил, обращаясь к Ардагасту:

— А ты с тех пор стал ещё отчаяннее, если ввязался в такое дело, и победил.

Ардагаст вынул из золотых ножен меч Куджулы:

— Слава Фарзою, нашему великому царю!

— Слава! — подхватили росы и венеды.

На поясе у Инисмея, как и у его отца, держал за лапы двух грифонов узкоглазый бог. Бог хитро улыбался, довольный своими учениками.

Буйный пир шумел на берегу Росавы — царский пир. Рекой лилось вино и пиво, мёд и кумыс. Князья не пожалели скота для угощения и подарков царю, зная: тот ещё и прикупит скот для своего стада, ведь Куджула щедро одарил своего лучшего дружинника. А потом можно будет и самим ездить пировать к царю. Земля дрожала под ногами плясунов. Сам Ардагаст танцевал по-венедски — вприсядку и по-сарматски — скрещивая над головой два акинака. Инисмей плясал с чашей вина. на голове, не пролив ни капли, а Хор-алдар прошёлся в танце посреди пирующих, не задев ни одного кувшина, ни одного блюда.

Лишь Андака с Саузард не было на пиру. Царевна с перевязанной головой лежала на подушках в полутёмной юрте. Рядом с понурым видом сидел её муж и рассеянно отхлёбывал кислое боспорское вино из узорчатой мегарской чаши. Сейчас даже хмель не брал его.

В глубине души он был, впрочем, рад, что живым выбрался с собрания. Третьим в юрте был Спевсипп, которому вино уже успело вернуть бодрость духа.

— Зачем мы дожили до этого дня? Племени росов больше нет. Остался сброд, рабы венедского ублюдка. Ни один мужчина, ни один не посмел сразиться с убийцей родичей... — Кулак Саузард бессильно утонул в подушке.

— Всё не так уж печально и не так безнадёжно, — проворковал Спевсипп. — Вы всё ещё богаты и свободны, а недовольных тираном всегда больше, чем тех, кто явно выказывает недовольство. Скоро Ардагасту придётся вести сарматов в поход, и не в далёкие земли, а к венедам за данью. И тогда, — грек хитро усмехнулся, — нужно будет очень немного, чтобы между двумя народами снова встала кровь.

— Да. — Губы Андака растянулись в ехидной ухмылке. — Волк, олень и архар не уживутся в одной чаше — даже в

солнечной.

— Чтобы их помирить, нужно быть богом, — подхватил Спевсипп. — Или героем, как Адмет, что запряг в одну колесницу вепря и льва, и то с помощью Геракла. А изменить природу людей не дано и герою. Боги создали их такими, что каждое племя ищет лишь своей выгоды, а побеждает сильнейший, и боги всегда за него.

Спевсипп не любил Ардагаста. Но не важно, кто будет царём этой варварской глуши — хоть бы и полувенед. Лишь бы и дальше в лесах лилась кровь, горели сёла и городки, а в Пантикапей и Ольвию тянулись невольничьи караваны. Для этого природа, то есть Бог богов, и предназначила варваров в этом жестоком, но прекрасном и мудро устроенном мире.

Мужчины ещё пили и беседовали, но смертельно уставшая царевна уже погрузилась в сон. Она увидела перед собой поросшие травой валы Экзампея и выходящую из вала женщину с ястребиным носом, в чёрном кафтане с золотыми бляшками, очень похожую на неё саму. Мать погибла, когда Саузард не было и года, но призрак Саузарин часто являлся к ней, а Сауаспу ещё чаще. Не доверявшая живым людям и презиравшая их, кроме разве что отца, царевна во всём доверялась лишь мёртвой матери. Вот и сейчас она подошла к царице, уткнулась ей в плечо и тихо заплакала, утирая слёзы волосами.

— Мама, почему всё так случилось? Неужели боги за этого наёмника, этого голодранца...

— Доченька, здесь между богами нет согласия. Многие за него, особенно Солнце-Михр и Артимпаса. Но за нас — Саубараг и другая Артимпаса. Да-да, их две, и старая — за нас, а молодая — за него. Только не вздумай кому-либо отказывать в жертвах. Хуже тогда будет только нам. Но если боги увидят, что этот бродяга не может восстановить царство своих предков, фарн покинет его.

— И вернётся к нам! — вскинула голову Саузард; глаза её пылали восторгом. — Богам нужно великое царство? Это будет царство росов! Мы сравняемся с царскими скифами — теми, что всех прочих скифов считали своими рабами.

— Да, доченька! Рабы должны знать своё место — на этом держатся великие царства. Ардагаст этого не понимает, и его советники-жрецы тоже. Вот он и не будет великим царём. Владыками Скифии будете вы — ты и твой бестолковый Андак. Да-да! И поменьше ссорьтесь с ним. По правде сказать, твой отец был ненамного лучше. Без меня он бы так и остался мелким царьком.

— А росы — безвестным племенем. Мама, ты — богиня

росов!

А пир шумел, раздольный и весёлый, как сама Скифия. И может быть, самым счастливым на этом пиру был маленький юркий грек Хилиарх, сын Хилонида. Он словно перенёсся во времена Персея, основателя златообильных Микен, или Тезея, создателя Афинской державы. Эти простодушные варвары прельщались богатствами его стареющего, больного мира и не ведали, что самое большое их богатство — это юный, здоровый, полный сил мир, раскинувшийся от Дуная до загадочной Серики, родины шелка, и неведомого восточного океана.

А рядом с греком Неждан Сарматич, молодой дружинник царя, описывал свои подвиги в Чёртовом лесу своему отцу — кряжистому чернобородому сармату Сагсару. Тот выслушал, довольно улыбнулся и вдруг строго сказал:

— Ваши венедские девчонки теперь будут от тебя без ума, но не хвались такими подвигами перед сарматами. Сначала ведьмы связали тебя, потом упырицы всадили пару каменных ножей в спину. А убил ты только двух живых мертвецов. Росы скажут мне: «Сагсар, кого ты прижил в венедском селе? Да твой ли это сын? Не провела ли тебя эта венедка?»

— Может, ты и сам не веришь моей матери? — вспыхнул юноша.

— Я-то верю. Иначе не оставил бы для тебя свой меч. Но если хочешь, чтобы поверили мои родичи, соверши этим мечом подвиги, достойные роса. Вот тогда я сам приведу тебя в мою юрту, к твоим братьям и сестре. И моя жена, хоть она и не любит венедов, поднесёт тебе вина в серебряной чаше. Ничего, сынок, — похлопал Сагсар по плечу Неждана. — Отличиться ты сможешь скоро. Этот поход к венедам за данью будет не из лёгких, уж поверь мне. Не думай, что лесовики — и лесовички, хе-хе, — бросятся нам с тобой на шею только потому, что наш царь — полувенед.

Глава 3
БИТВА С ЛЕШИМИ

Наступила осень. Новый царь не спеша, основательно устраивался в низовьях Тясмина, по соседству с землями Хор-алдара. Здесь, на обильных днепровских и тясминских лугах, можно было прокормить большие стада. Многие венеды хотели поселиться на здешней плодородной земле. Зимовник Ардагаст устроил возле запустевшего венедского городка и первым делом возвёл для себя большую белёную мазанку под добротной камышовой крышей.

Но это была не просто богатая и удобная земля. Когда-то здесь жило племя великого царя всех сколотов-пахарей. От нового зимовника недалеко было и до Экзампея, и до заросшего лесом Моранина-града. Повинуясь Фарзою, Ардагаст не позволял заселять городища. Однако восстановил древнее святилище Даждьбога и Мораны в мёртвом граде и принёс там обильные жертвы. Почтил жертвами и курганы сколотских царей и объявил, что могильных татей будет живыми зарывать в землю.

Принёс Ардагаст жертвы и своему деду, отцу и дяде. Их тела после битвы подобрали, сожгли и погребли в одном из сколотских курганов Экзампейские жрецы. Те самые, что так и не вмешались в битву, не желая помогать потомку Яромира и сарматскому наместнику — Властимиру.

Тем временем Саузард с Андаком в пику царю принесли у Экзампея богатые жертвы Саузарин, созвав на приношение многих князей. Лишь в само древнее святилище никто не смел войти. Если же и замечали дым или огонь в проходах между валами, то говорили, что это служат богам призраки погибших авхатов.

А в месяце грудне[20], когда выпал снег и замёрзли реки, царь объявил сбор войску у Перепетова кургана. К тому времени Ардагаст уже собрал себе дружину из тех, кто пришёл с ним с востока, и лучших бойцов росов. Придирчиво отбирая их, царь не смотрел ни на знатность, ни на богатство. Свои дружины и родовые ополчения привели князья. И впервые в поход за данью пошла вместе с сарматами пешая венедская рать.

Часть войска Ардагаст поставил беречь коренные земли на Днепре и Тясмине, поручив её Ардабуру. Остальная рать выступила на запад, по водоразделу Припяти и Буга. Достигнув Случи, войско повернуло вдоль реки на север. Слева, за белой

гладью реки, кое-где виднелись крытые соломой мазанки словен — западных венедов. Справа стеной вставал угрюмый дремучий Чёртов лес.

Венеды, что пошли за Ардагастом, были полянами. Они лишь недавно, да и то не все, были оттеснены Сауаспом на окраину леса. О лесе и его обитателях они привыкли судить с опаской и пренебрежением, словно о нечистой силе. Вечерами у костров слышались разговоры:

— Лесовики, они сами вроде зверей лесных. Здесь вот прежде нуры жили, так они все волколаки, каждый хоть на два дня в году волком оборачивается. Их отсюда литвины за Припять прогнали.

— И живут лесовики по-скотски, звериным обычаем. Едят всё нечистое, голядь[21], та и вовсе людей ест. И браков у них не бывает, только умыкают девок у воды или на игрище. И лаются срамными словами, в душу и в мать, перед отцами и перед снохами.

— А молятся всякой нечисти: лешим, и чертям, и упырям.

— Какие же тут упыри, если лесовики покойников всегда сжигают?

— Жили здесь ещё до венедов дикие люди, что каменными топорами рубились, а мёртвых в каменные домовины клали. Да и сейчас пропадёт кто в лесу — с дерева упадёт, или в болоте утонет, или зверь разорвёт, а тела не найдут, вот и готов упырь. А то ещё злого колдуна ученики его похоронят в неведомом нечистом месте, и неси потом жертвы для их учителя, чтобы не явился.

— Ничего! Покажем им, чьи боги сильней!

Подсаживались к кострам сарматы, подхватывали:

— Побьём лесных медведей! Они плохие воины: ни панцирей, ни кольчуг, ни коней хороших. Вся их война — в болотах прятаться. А сейчас зима, болота замёрзли. Со всех дань возьмём, а кто не даст — переловим арканами и грекам продадим. Так делал Черноконный!

Появлялся у костров и Андак, обычно свысока смотревший на венедов, и принимался хвастать своими подвигами в походах на лесовиков. А лес, тёмный, загадочный, слушал пришельцев и временами отзывался: рёвом, треском, хохотом. Кто следил, кто шумел — люди, звери, духи?

Над бескрайней заснеженной чащобой поднималась гора. На её безлесной вершине возвышался мёртвый ствол, обуглившийся от удара молнии и превращённый рукой человека в идола — трёхликого, клыкастого. Возле идола на трёх валунах лежала каменная плита, красно-бурая от засохшей крови. А вокруг на кольях белели человеческие и звериные черепа, и среди них —

светловолосая голова мальчика лет семи. Вороны даже не успели выклевать глаз и теперь злорадно каркали: мол, здесь служители Чёрного бога, никуда не делись. Рука Ардагаста стиснула золотую рукоять меча.

— Чья работа?

— Потвора, стерва косоглазая, больше некому! — ответила русоволосая женщина с красивым, смелым лицом. — Не будь я Милана, прирождённая ведьма. А мальчонка по-словенски стрижен. Здесь уже никто своих на жертву не даёт, так она за рекой похитила.

Стоявший рядом белокурый великан в рогатом шлеме сжал кулак:

— Как волчица! У нас, готов, закон: кто убивает не на войне и не в поединке, тот волк, его ловят и вешают, как волка, в жертву Одину.

— Сыскать лиходейку и повесить! А тело сжечь, чтобы не появилась ещё одна упырица, — отрывисто приказал Ардагаст. — Займись этим ты, Сигвульф.

— А я с тобой пойду, чтобы она тебе чарами глаз не отвела, — сказала готу Милана и обратилась к Ардагасту: — Придётся мне, царь, с тобой в поход идти. Таких бесовок в лесах полно. Вышата, конечно, великий волхв, но в женском колдовстве лучше меня не разберётся.

— Скажи лучше, без Сигвульфа соскучилась, — улыбнулся Ардагаст.

Тут снизу послышался шум, и двое дружинников подвели к царю белобрысого паренька лет шестнадцати.

— Вот, поймали в лесу. На дереве сидел, с луком, с ножом. Говори царю, что здесь делал?

— Да что можно в лесу делать? Охотился.

Ардагаст заглянул в колчан паренька:

— Охотился? С боевыми стрелами? На какого же это зверя?

— На волка! — с вызовом глянул белобрысый. — Говорят, много волков из степи пришло. За тобой идут, поживу чуют.

Милана подошла, распахнула полушубок пленника:

— На сорочке дреговицкая вышивка. Полушубок на тебе добрый, обут не в лапти — в сапожки. Не простой ты охотник. И не здешний. Так кто же ты?

Парень гордо выпрямился:

— Я Всеслав, сын Вячеслава, князя дреговичей.

— Князь — это конунг. Раньше у венедов были только старейшины и воеводы. Ставить конунгов они научились у нас, германцев, — сказал Сигвульф.

— Похоже, да не то же, — усмехнулся Всеслав. — У

сарматов и немцев царя ставят только из знатного рода. А у нас, дреговичей, князем любого могут выбрать. Мы все родом знатные — от Сварога.

— Так и меня царём выбрали не за один род, — улыбнулся Ардагаст. — Пришлось потрудиться мечом — от Индии богатой и до этого леса.

— В вашей дреговине[22] что, не слышали о славных делах нашего царя? — спросила Милана.

Всеслав бесстрашно глянул в глаза царю:

— Слышали. Ты — не венед, а разбойник сарматский, богохульник и святотатец. Ты убил мудрого волхва Лихослава, осквернил и ограбил могилу Семи Упырей. Теперь идёшь, чтобы у нас волю и веру отеческую забрать, святые капища разорить, сёла сжечь, а нас угнать в неволю к сарматам, под степных богов.

Дрегович перевёл дух, уверенный, что лютый царь росов велит, самое меньшее, содрать с него кожу себе на полотенце и на колчан. Но тот лишь посмеивался, разглаживая тонкие, закрученные на концах золотистые усы. И отважный княжич продолжил:

— А дружина твоя — со всего света горлорезы и тати: и чёрный индиец в ней, и немец в рогатом шеломе, и тохары какие-то безбожные. И служит тебе злыми чарами волхв-отступник, что учителя своего Лихослава предал. А жена твоя — разбойница и ведьма...

Ардагаст вытянул его плетью:

— Это чтобы жену при муже не хаял. А теперь гляди, какой я богохульник и святотатец.

Взявшись за топоры, царь с Сигвульфом и Вишвамитрой подрубили корни дерева-идола. Потом вместе с дружинниками набросили на него несколько толстых верёвок, разом дёрнули, и чёрный идол с треском повалился клыкастым ликом в снег. Охнули десятки венедов-лесовиков из соседнего села, стоявшие ниже по склону. Всеслав затаил дыхание. Сейчас расступится земля, и наглые пришельцы провалятся сквозь неё прямо в. царство того, над кем посмели глумиться. Или вихрь унесёт их за недоступные Рипейские горы. Но лишь потревоженные вороны взмыли в воздух с оглушительным карканьем.

А дружинники деревянными лопатами углубили яму на месте вывороченного дерева и опустили в неё основание только что вытесанного из ствола ясеня идола — остроголового, в шапочке, с бородкой, с рогом в руках. Старый и мудрый бог улыбался, словно всегда стоял здесь, на Лысой горе. Вышата, воздев руки, затянул песнь Велесу, старейшему из богов, и её подхватили все — венеды и пришельцы. Потом Милана очистила снегом и

заклятиями каменный жертвенник, а волхв с особыми заклинаниями собрал и сжёг на костре черепа жертв Чёрного бога, дабы души их освободились от рабства у Трёхликого.

— Ну, так чей это бог? — обратился Ардагаст к дреговичу. — Богатство и мудрость всем нужны: и степнякам, и лесовикам... и дуракам! Скажи лучше, кто вам такого обо мне наговорил?

— Кто? Шум ила Медведич. Он такой могут — никто его не одолеет, даже эти двое. — Всеслав кивнул на индийца и гота.

— Я сражался с ракшасами — по-вашему, с чертями. А Сигвульф — с упырями. Твой Шумила что — бог, бес, чудовище? — добродушно усмехнулся Вишвамитра.

— В лесу бог — медведь. Никого нет сильнее его. И леший его любит, и сам Велес. Отец Шумилы — Чернобор, великий волхв Велеса. А мать — медведица. Он выше пояса человек, а ниже — медведь. А брат его Бурмила Медведич, тот до пояса медведь, а ниже — человек. Родился он от медведя и Костены, жены Чернобора, великой жрицы Бабы-Яги. Бурмила ещё сильнее и лютее брата. Пока живы Медведичи, мы, лесовики, никому рабами не будем! — В голосе паренька звучала гордость.

Хор-алдар сурово взглянул ему в глаза:

— Мальчишка! Что ты знаешь о рабстве? Тебя клеймили, как скотину? Торговались при тебе, продать тебя в рудники или сделать евнухом? А пробовал ты работать в цепях и месяцами не видать солнца? В Лаврионских рудниках нас зимой вели под землю затемно и приводили обратно после заката. Будто мы уже умерли и попали в нижний мир к хозяину мёртвых. А надсмотрщики злые как черти. Работай, ешь и спи — и больше ничего, словно тупая скотина. Плохо работаешь — бьют, скорее умрёшь. Хорошо работаешь — не бьют, только ругают. И знаешь, что мы там добывали? Серебро. То, за что греки могут продать и купить что угодно. Всё твоё племя, например.

— Ты, наверное, быстро заработал на выкуп? — простодушно спросил парень.

Хор-алдар горько усмехнулся, а Хилиарх снисходительно пояснил:

— Лаврионские рудники — не в ваших лесах и не в Сарматии, а в Элладе. Там выкупиться может только тот, кого хозяин отпустит на оброк. А в рудниках выкупом служит смерть. Туда берут только сильных рабов, но и те долго не живут. Понял теперь, что ждёт мужчин твоего племени? Самим сарматам много рабов не нужно.

— Не пугай, гречин! Все погибнем, а в неволю не пойдём!

Ардагаст положил руку на плечо дреговичу:

— Мне ваша гибель не нужна, и неволя тоже. Повести вас к

грекам на арканах хотят вон те. — Он показал рукой вниз, в сторону сарматских шатров. — Видишь знамя с родовой тамгой Сауаспа? Она ведь вам знакома. Там его дочь и зять. Вот и передай отцу: я пришёл только за данью, такой же, какую вы давали Сауаспу. А если князь Вячеслав хочет погубить племя, пусть ведёт его в бой. Иди! Тебя послали на разведку? Так можешь осмотреть весь мой стан и доложить отцу. Мне от венедов скрывать нечего!

Войско росов двигалось дальше на север. Вдруг перед самым конём царя из лесу выскочил волк и лёг на брюхо, положив голову на лапы, словно перед вожаком, и жалобно заскулил. Кто-то из дружинников пустил в него стрелу. Волк увернулся, но не убежал, а запрыгал перед Ардагастом, взлаивая, будто собака.

— Оборотень, что ли? — обернулся царь к Вышате.

В детстве Ардагасту пришлось столкнуться с волком-оборотнем. Худой, облезлый и очень пугливый, он бродил возле села, жил по большей части объедками, падалью и мышами. Деревенские мальчишки, хоть их и пугали волколаком, дружили с ним, подкармливали хлебом, оберегали от собак и охотников. В конце концов Вышате удалось расколдовать его. «Страшный» оборотень оказался безвредным мужичком из соседнего села, которого заколдовала какая-то захожая ведьма — просто так, чтобы похвалиться чародейским искусством перед местными товарками. Не умевший и не любивший охотиться по-волчьи и совестившийся красть, он не решился даже сунуться в волчью стаю и едва выжил в одиночку.

Нынешний волк, впрочем, не выглядел таким заморённым. Вышата достал кусок хлеба. Зверь подошёл ближе, но хлеба не взял, а отбежал к деревьям, призывно взлаяв.

— Да нет, волк вроде настоящий. А нас куда-то зовёт.

Ларишка спешилась, подошла к волку, погладила. Тот заскулил ещё жалобнее и мотнул головой в сторону леса. Ардагаст велел войску остановиться, а сам сошёл с коня. Следом спешились индиец и грек, охочие до всяких скифских диковинок. К ним присоединились волхв и Милана с Сигвульфом, и все семеро двинулись вслед за волком вглубь чащи.

Идти пришлось недолго, хотя и через сплошные буреломы. В незаметном овражке лежал, придавленный упавшим деревом, бородатый мужик в залатанном сереньком кафтане и островерхой заячьей шапке.

— Помогите, люди добрые! Вы уж простите. Никак вот дерева не подниму.

— Такое подниму разве что я, — покачал головой

Вишвамитра, нагнулся и с усилием поднял толстенный дубовый ствол.

Мужику хотели помочь, но он уже и сам встал, кряхтя и потирая спину. Был он низок ростом, невзрачен, лохмат, но в коренастом теле чувствовалась большая сила. Из косматой бороды и волос торчали веточки, хвоя, прелая листва. А вот бровей и ресниц вовсе не было. И кафтан запахнут не как у людей: левая пола сверху.

— Ох, спасибо вам. Лез косолапый через чащу, да дуб, бурей вывороченный, на меня и завалил. Хоть бы помог выбраться! Я зову, а он мимо. Кабы не пёсик мой...

Волк, радостно повизгивая, лизал мужика в лицо. Вышата внимательно пригляделся к спасённому:

— Да ты, никак, леший?

— Леший... без леса, — вздохнул мужик. — Жил я в Дебрянских лесах на Десне. Какой лес у меня был: дубы столетние, сосны, берёзы... А малинники какие, а грибы! И все-то у меня водилось, всякая скотина: лоси, кабаны, туры. Опять же волки, медведи, росомахи... Даже лютый зверь гривастый, священный, заходил. Жена у меня была из людей — мать её сдуру прокляла, ко мне послала, — четверо лешат. Да вот выдумал Чернобор, верховный жрец северян, колдовской способ лес жечь, да так, что без чар не погасишь, и решил показать тот способ перед Чернобогом и Ягой — как раз на моем лесе. И за что это? Всегда со всеми ладил, с чертями даже... — Леший всхлипнул, вытер нос. — Одно пепелище осталось. Скотина, какая не сгорела, вся разбежалась. Лешиха с детьми к себе в село ушла — не знаю уж, к матери или к охотнику одному разбитному. Остался со мной только Серячок, пёсик мой. Вот мы и бродим лесами, а в них, куда ни ткнись, всюду свои хозяева.

— Как тебя хоть зовут, лесной хозяин? — спросил Ардагаст.

— Шишок я, — снял леший шапку и поклонился; лохматая голова его была такая же островерхая, как и шапка.

Леший пригляделся к золотому мечу Ардагаста, к золотой гривне со львиными головами на концах (её сделал наподобие старинных скифских гривен захожий мастер из Ольвии).

— А ты никак сам царь Ардагаст, тот, что Лихославову ведьмовскую свору разогнал, Семерых Упырей одолел, а теперь пришёл лес покорить?

— Да, я. Так про меня уже и духи лесные знают?

— Знают. И встретить собрались — не по-доброму. К северу отсюда стерегут тебя десятеро леших — все страх какие могучие, и людоеды меж них есть. Да ещё бесов болотных с ними целая толпа. А подняли их всех на тебя братья Медведичи.

— А за Медведичами стоят Чернобор с Костеной, а за теми — Чернобог с Ягой... Вот и пошли за данью, — задумчиво произнёс Вышата.

— Сауасп сколько раз за данью ходил, и никогда духи против него не шли, — сказала Милана.

— А что им? Сарматы уйдут, а нечисть останется, и служители её тоже. А мы, только в лес ступили, ни им, ни самому Трёхликому не покорились. Вот и разворошили всё осиное гнездо. Им же тут вольготно было, словно в пекле преисподнем.

Семеро людей и леший молчали, словно лесная тропа вдруг вывела их на край пропасти, идущей до самого подземного царства.

— А может, поладите как-то с ними? — робко сказал Шишок. — Жертвы лешим принесёте...

— Может, ещё и Чернобогу? — резко прервал его Ардагаст. — Не на то я Колаксаеву чашу добыл... К Андаку иди с такими советами — тот всем чертям поклонится и с ними поладит. Только царь пока что не он, а я! И уйти из лесов без дани не могу.

— Значит, пойдём через леса, как тогда через древние колдовские подземелья! — бодро откликнулась Ларишка. — Только идти придётся дальше.

— Клянусь копьём Одина, у тебя, царь, всегда найдётся дело, достойное героя! — воскликнул Сигвульф. — Я-то думал: идём выколачивать дань с лапотников, нечем будет и похвалиться.

— И я думал, что не увижу ничего интереснее охоты на зубра! — подхватил грек. — Клянусь Зевсом, нам предстоит такое, о чём в Элладе только поют и пишут с тех самых пор, как Геракл вознёсся на Олимп!

— Господь Кришна знает, куда послать своих воинов, — уверенно произнёс индиец.

— Я не боялась ни Лихослава, ни бесов его, ни пёсиголовцев. Но чтобы вот так... против всей нечисти разом... Это можно только с тобой, Ардагаст... с вами всеми! — восхищённо сказала Милана.

— И-эх! — ударил шапкой о снег Шишок. — Всю жизнь тихо сидел в своём лесу, никого не трогал, пока вовсе без леса не остался. Нет уж, пусть теперь нас... пусть меня, Шишка, нечисть боится! — Леший поклонился Зореславичу в пояс: — Царь Ардагаст! Возьми меня с собой. Мы, лешие, не только запутать, но и вывести можем. Через любой лес со мной пройдёте — отсюда и до Дебрянщины. И не смотри, что я из себя невидный: медведя голыми руками утихомирю, а если осерчаю да встану в полный рост... Да и Серячок мой получше любой собаки будет.

Волк прижался к ноге хозяина и, подняв морду к Ардагасту, тихо, просительно взвыл. Царь рассмеялся, хлопнул по плечу лешего, потрепал за ухом волка:

— Ну вот, зашёл немного в чащу и сразу нашёл двух бойцов-молодцов. Значит, не одна нечисть в лесу водится!

Рать венедов и росов шла берегом Случи. По-прежнему слева белела гладь реки, а справа стеной стоял лес. Впереди с отборными всадниками, закованными в железо, ехали Андак с Саузард. Узнав о засаде леших, они сами потребовали себе чести первыми сразиться с лесными чертями. На предостережение Выплаты о том, что лешие очень сильны и могут менять свой рост, Андак лишь рассмеялся:

— У них что, есть доспехи? А луки, мечи, копья? Нет? Да мы их по двое на каждое копьё насадим!

Нет, такого случая нельзя было упускать: Ардагаст сражался с демонами где-то на востоке, а он, Андак, сразится с ними здесь, на глазах всего войска.

А впереди уже показалась перегородившая дорогу засека — завал из могучих древесных стволов. Завал продолжался и на льду реки, почти достигая другого берега. А за рекой, прикрывшись круглыми щитами и опираясь на копья, стояли в несколько рядов воины в кожухах и серых свитках. Ни кольчуг, ни шлемов не было ни у кого, кроме стоявших в середине строя всадников, среди которых выделялся высокий предводитель в красном плаще и рогатом шлеме. Собирались они ударить сбоку на росов или только защитить свой берег? Копья пока что не были выставлены вперёд. Ветерок колыхал красное знамя с белым орлом, и такие же орлы белели на червлёных щитах.

Вдруг с засеки раздался оглушительный хохот, свист, вой, хлопанье. Посыпался снег с деревьев, стаями взмыли растревоженные вороны. И производили весь этот шум четверо невзрачных мужичков в серых и зелёных кафтанах и островерхих шапках. А лес откликался им — ещё громче, ещё грознее. Из-за засеки выглядывали ещё какие-то вояки — чёрные, мохнатые, остроголовые, с дубьём и кольями. Андак презрительно усмехнулся. Можно приказать лучникам перестрелять этих уродов и крикунов, но какая же это слава для него, зятя Сауаспа? Придётся атаковать их с копьями и самому скакать впереди, чтобы это хоть походило на подвиг. Завал невысокий, защитников можно достать, если держать копья повыше. Он поднял руку с плетью и крикнул:

— Эй вы, горлодёры, лесная рвань! Разберите эту кучу дров! Нам ещё далеко до привала.

— Сами и разберите, — откликнулись с засеки. — А мы поглядим. Это вам не юрты ставить.

Андак махнул рукой, и сарматы, выставив копья, с гиканьем понеслись вперёд. Мужички переглянулись, подтянули пояса — и вдруг словно ещё четыре могучих дерева разом поднялись над завалом. Четверо в один миг выросли вровень с лесом. Вместо одежды тела их теперь покрывала густая шерсть, у кого тёмная, у кого бурая, но у всех с прозеленью, будто поросшая плесенью или мхом. Под шерстью перекатывались громадные мышцы. Заострённые головы напоминали макушки вековых елей. На грудь падали всклокоченные бороды. Из-под низких лбов и могучих надбровий красным огнём горели маленькие злые глаза. У одного из великанов были копыта и рога, а лицо с узкой бородой сильно смахивало на козлиную морду.

Четверо нагнулись и взяли каждый по увесистому стволу. Потом издали такой рёв, что многие лошади в ужасе понеслись кто на лёд, кто в глубь леса. Андак успел повернуть к реке в последний миг, когда над ним уже поднялась громадная дубина. Другая дубина смахнула Саузард на лёд вместе с конём, переломав ему кости. Ещё два всадника, даже не сумев достать леших копьями, превратились вместе с конями в груды окровавленного мяса, размозжённых костей и искорёженного железа. А четыре великана двинулись вперёд, вбивая в землю и сметая всякого, кто смел встать на их пути. Оглушительному хохоту и свисту леших вторило улюлюканье чёрных мохнатых бесов, выскочивших из-за завала и добивавших раненых. В довершение всего из лесу вышли ещё трое великанов с дубинами и обрушились на войско справа. За рекой рать выставила вперёд копья, но на лёд не спускалась.

Ардагаст тут же приказал всадникам отходить на реку, рассчитывая, что тяжёлые исполины не полезут на не слишком толстый лёд. Но вдруг лёд стал трескаться во многих местах сразу. Тяжёлые доспехи всадников и коней тут же тянули провалившихся на дно. А РП5 тёмной воды высовывались зелёные, как жабы, толстяки с длинными волосами, хватали перепончатыми лапами за ноги людей и лошадей и тащили их под лёд. Этого не ожидал даже Вышата: водяные ведь всегда враждовали с лешими, да и зимой обычно спали на дне или в подводных пещерах.

Ардагаст с Ларишкой оказались недалеко от края большой полыньи. Тохарка быстро справилась с конём и, бросив мужу: «Не допускай этих жаб!», нацелилась из лука в одного из леших. А из полыньи уже выбрался на лёд здоровенный водяной. Другой кулаком крошил лёд, не вылезая из воды и ловко направляя

трещину в сторону царя с царицей. Попробуй достать такого мечом — тут же нырнёт и будет ломать лёд снизу. Ардагаст соскочил с коня, двинулся навстречу первому водяному с мечом в руке — но неожиданно прыгнул в сторону и на лету обрушил меч на зелёную голову второго. Но первый с неожиданным для его туши проворством подбежал, обхватил царя сзади перепончатыми лапищами и бросил бы в воду, не ударь Ардагаст его пяткой по колену.

Упавшие на лёд царь и водяной боролись в опасной для одного из них близости от воды. Ардагасту, чьи руки были прижаты к телу крепкой хваткой речного хозяина, не удавалось ни пустить в ход меч, ни достать акинак. Краем глаза Зореславич заметил, как Андак с Саузард спина к спине отбивались от наседавших на них чертей. Боги, что же с Ларишкой? А тохарка тем временем двумя меткими стрелами выбила оба горящих глаза большому чёрному лешему. Великан дико взвыл, прижал лапы к лицу и, ничего не видя, оступился и рухнул с берега, словно подрубленное дерево. Огромное тело проломило лёд совсем рядом с Ардагастом и водяным, и они оба соскользнули в воду. В последний миг оказавшийся рядом Хилиарх успел ухватить царя за ворот обеими руками. Водяной продолжал тащить Зореславича вниз, лёд под Хилиархом трещал, но даже в воде царь не выпускал из руки меча Куджулы. Подоспевшая Ларишка разрубила махайрой голову водянику, но только второй удар, отсёкший ему лапу, позволил Ардагасту выбраться из мёртвой хватки хозяина реки.

А в это время на берегу козломордый леший бросился с дубиной на Вишвамитру, но запутался рогами в ветвях дуба и промахнулся с ударом. Индиец тут же погнал коня вперёд и тяжёлым ударом двуручного меча подрубил ногу великана. С громовым рёвом тот рухнул, брыкнув в воздухе копытами, прямо в полынью. Из-за реки раздались восхищенные крики. Несколько мгновений спустя в полынье вместо косматого и рогатого исполина отчаянно барахтался... лохматый козлобородый мужичок в зелёном кафтане. Другого, почти такого же, течение затягивало под лёд. Удар меча Ардагаста отправил следом и козлобородого.

— Так они только в лесу могут быть ростом с дерево! — проговорил поражённый эллин. — Видел я сатиров у нас в Аркадии, но они такого не умеют.

— Вот-вот, — улыбнулся царь. — А на лугу леший бывает вровень с травой.

Нежданн Сарматич и его отец Сагсар, оба царские дружинники, были рядом, когда из чащи выступила, словно

ожившее дерево, зеленовато-бурая громада и взмахнула сосновым стволом. Чудовищный удар переломал кости лошади Неждана, но юноша успел спрыгнуть, не выпустив из рук копья. Сагсар, вовремя уйдя из-под удара, всадил копьё в ногу великану. Взвыв, как сотня волков, тот припал на одно колено и взмахнул стволом, пытаясь достать сармата. Тот быстро отъехал подальше, достал лук и принялся стрелами отвлекать внимание лешего. Тем временем юноша с помощью копья взобрался на дерево, пристроился на развилке спиной к стволу и с силой всадил копьё под левую лопатку лесного исполина. Длинное копьё с тяжёлым наконечником, способное пробить насквозь воина в панцире, через глыбы мышц дошло до сердца, и великан рухнул мёртвым. Воины за рекой восторженно кричали, махали копьями.

А Хор-алдар уже навёл порядок среди княжеских дружин и велел засыпать леших стрелами. Выпущенные из хитро изогнутых скифских луков стрелы не могли достать до сердца, скрытого за щитом мышц исполина, но пробивали толстую кожу, вонзались в глаза. Ещё один великан свалился, обливаясь кровью, когда стрела попала ему в жилу на шее. Лешие стали бестолково топтаться на месте, прикрывая глаза от стрел лапами и кое-как отмахиваясь дубинами. Черти трусливо жались за их спинами.

Вышата пытался отводить нечисти глаза чарами, но то и дело натыкался на чью-то чародейскую же преграду. Приглядевшись, он заметил среди бесов длинноволосого человека в чёрном полушубке мехом наружу и чёрной шапке, с тремя кочергами в руке и рогатой маской на лице. Неведомый колдун не только отражал чары Вышаты, но и норовил навести переполох на росских воинов. Над головами людей и бесов скрестилось незримое оружие волхвов.

На льду Ардагаст собрал своих дружинников поближе к восточному берегу. К ним присоединились и Андак с Саузард. Они со своей сильно потрёпанной дружиной прорвались сюда, обойдя полынью вдоль западного берега. Бесы вопили и гоготали за полыньёй, но обходить её, а тем более лезть в ледяную воду не торопились. Водяные пытались ещё ломать лёд, но притихли после того, как двоих из них прикололи копьями, словно острогами. Дружинники, имевшие луки, обстреливали леших. Ардагаст озабоченно смотрел на берег: где же ещё трое леших из десяти, о которых говорил Шишок? И куда делся Сигвульф с пешими венедами, что должны были зайти в тыл нечисти?

Но венеды в лесу как раз столкнулись с тремя великанами и толпой бесов, которые хотели зайти в тыл им самим. Люди шли через лес бодро, посмеивались, предвкушая, как они обрушатся на не ожидающую удара сзади нечисть. Ведь с ними — сам

Сигвульф, победитель упырей, и Милана, лесная ведьма, ещё и леший. Этот как встанет с деревьями вровень! И вдруг словно три могучих дерева сами собою двинулись на полян, а следом — ещё и мохнатая свора с дубьём и дрекольем. Шишок рассчитывал подобраться к врагу поближе и тогда уже встать в полный лешачий рост, но теперь вдруг растерялся. А тут ещё большой длиннобородый леший узнал его и проревел на весь лес:

— Вот ты с кем, предатель, лазутчик людской! По дереву тебя размажу, чтоб лес не позорил!

Вконец перепуганный, Шишок рванул вглубь леса. А длиннобородый — следом, словно буря, круша громадными ногами подлесок и ломая молодые деревья. Верный Серячок хватал великана за ноги, но тот даже не чувствовал: толстую косматую шкуру волчьи зубы не брали. Неожиданно впереди открылась обширная поляна. Из-под снега торчали чёрные пеньки недавно сгоревшего леса. Прыгая через пеньки, Шишок помчался через поляну к чаще. Добежал, уткнулся грудью в непролазные заросли и только тогда обернулся.

И увидел серенький лесовик такое, что захохотал по-лешачьи — гулко, раскатисто. Его враг, сгоряча вырвавшись на поляну, быстро приобрёл обычный рост и вид, выронил ствол-дубину и теперь мотался между пеньков, спасаясь от волка. Наконец Серячок упал в какую-то яму, и длиннобородый со всех ног побежал к спасительной чаще. Шишок, поняв, что ждёт его, если враг снова вырастет, бросился наперерез, с разгону ухватил противника за длинную бороду и врезал тяжёлым кулаком: раз под ложку, другой раз под жох — ниже горла, третий — промеж глаз. Подоспевший волк только покрутил носом, мол, обойдусь на этот раз без падали. Тогда Шишок взял поверженного врага за ноги и потащил в лес, через который только что бежал, ног под собой не чуя. Потом выпрямился гордо, подтянул пояс и вырос хоть и не до верхушек деревьев, но всё же выше середины ствола. Довольно оглядел своё теперь уже великанское тело, пригладил густую серую шерсть, а затем с силой ударил длиннобородого о кряжистый старый дуб и проговорил:

— Вот тебя я по дереву и размазал, чтоб лес не позорил, прихвостень чернобожий! Зачем на людей пошёл? Лес они твой подожгли или зверье извели?

Шишок выломал ствол по руке и уверенным шагом двинулся обратно к месту боя.

Тем временем отряд Сигвульфа бился с оставшимися двумя лешими и их бесовской свитой. Здесь, в чаще, великанам с их громадными дубинами развернуться было труднее, чем на берегу. Да и венеды зря под удары не лезли, а пускали в исполинов

стрелы и метали копья — кто с земли, а кто с деревьев. Другие рубили топорами и кололи рогатинами бесов. Дело привычное — та же лесная охота, только звери попались невиданные, страшные.

Всё же сразить волосатую громаду не удавалось никому, а люди гибли. Тогда Сигвульф крикнул Милане: «Отведи!», указав рукой на одного из леших. А сам полез на высокий дуб, во всё горло осыпая лешака отборной венедской бранью — той самой, которой особенно славились лесовики. А Милана, глядя прямо в горящие красные глаза великана, медленно водила перед лицом руками. И леший вдруг ударил стволом вместо дуба по соседней раскидистой липе, потом отбросил сломанный ствол и принялся огромными лапищами трясти липу и ломать ей ветви, дивясь, куда это всякий раз девается его дерзкий враг. Тяжёлые ветви падали рядом с Миланой, но та не сходила с места, продолжая колдовать. Двое ратников стали рядом, подняв над её головой щиты. Тем временем гот, пробравшись по длинной ветви дуба, оказался у самой головы исполина. С мечом в руке германец прыгнул на плечо лешему и, вцепившись одной рукой в густую шерсть, другой вонзил длинный клинок в шею великана прежде, чем громадная лапа дотянулась до наглой блохи в кольчуге и рогатом шлеме. Кровь лешего ударила фонтаном, с ног до головы окатив Сигвульфа, и огромное тело рухнуло наземь, ломая ветви, сминая кусты, давя зазевавшихся чертей.

Видя это, венеды с дружным кличем «Слава!» устремились на второго лешего. Самый отчаянный ратник, расшвыряв чертей, оказался у ноги великана и с размаху подрубил ему топором сухожилие. Леший повалился на землю, и тут же второй топор врубился ему в запястье, заставив выпустить дубину. Исполин забился, дико ревя, разбрасывая людей и ломая им кости. Вот тут-то и появился из-за деревьев ещё один леший — тоже великан, но чуть не вдвое ниже — и, ухнув, опустил дубину на голову сородичу. Кое-кто, не разобравшись, пустил по нему пару стрел. Лесовик обиженно проревел:

— Куда стреляете, Яга вас забери! Это ж я, Шишок!

И впрямь это был Шишок — такой же серый, коренастый и добродушный, только раза в четыре выше. А Серячок уже ворвался, словно в стадо, в толпу бесов и резал их одного за другим, ловко уворачиваясь из-под ударов. Вконец перепуганные черти бросились наутёк: после Перуновых стрел они больше всего боялись волков. Известно ведь — первого волка создал Чернобог, чтобы тот Белбога покусал, а волк вместо этого бросился на самого Нечистого. Шишок поднял дубину:

— Что стоите, мужики? Нас, поди, на берегу заждались —

вон шум какой стоит!

— Тихо, леший! Не ты здесь воевода! — оборвал его Сигвульф и поднял меч. — Венеды, за мной! Слава!

«Слава!» — понеслось по лесу. Венеды бежали, выкрикивая свой клич, потрясая топорами и выставив вперёд копья. А навстречу им с берега гремел сарматский клич: «Мара!» Словно небесная Перунова дружина, обрушились венеды и росы с трёх сторон на троих леших, топтавшихся на берегу. Шишок выскочил из лесу, увидел перед собой бурую махину, которой он едва доставал до пояса, и не раздумывая изо всех сил ударил ей стволом сбоку по микиткам — под рёбра. Ствол разлетелся надвое, а здоровущий лешак только упал на колени. Шишок бросился на него сзади, двинул великана ногой в крестец и попытался повалить наземь, дёрнув за руку и молотя кулаком по затылку. Но противник быстро пришёл в себя, и плохо пришлось бы серому лешачку, если бы не Хор-алдар. Разогнав коня, он всадил на скаку копьё в сердце великана.

А рядом в ноги остальных двух исполинов уже вонзались, дробя кости, такие же длинные тяжёлые копья. Топоры венедов рассекали сухожилия. Вот уже оба лесных страшилища свалились наземь, и на них градом обрушились удары копий, мечей, топоров, конских копыт. Грозные хозяева леса превратились в груды мяса. Черти, побросав дубье, бежали куда глаза глядят. Они уже не пытались даже отбиваться от Серячка и надеялись только на быстроту ног.

Вместе с чертями бежал и чёрный колдун. Взобравшись на засеку, он вызвал чарами туман и скрылся бы в нём, если бы не Серячок, на чутьё которого туман не действовал. Когда Выплата с Миланой развеяли чары, волк уже сидел над трупом загрызенного им чародея и гордо взлаивал.

Выплата с Ардагастом подошли к трупу. Волхв сдёрнул рогатую маску:

— Скурат, Велесов жрец дреговицкий. То-то он в Чёртов лес наезжал, ещё когда я у Лихослава учился.

— Сжечь его тело на осиновых дровах, только голову отрубить перед тем. Её не сжигайте, и вещи чародейские тоже, — приказал царь. — Пусть дреговичи полюбуются на наставника своего.

За рекой словене восторженно кричали, потрясая копьями. Их предводитель в рогатом шлеме неторопливо выехал на лёд в сопровождении дружины и остановился на середине реки. Ардагаст со свитой выехал навстречу. Заречный вождь был немолод, но силён и строен. Его гордое безбородое лицо украшали пышные вислые усы. К поясу были пристёгнуты меч и

германский боевой нож.

— Я Собеслав, князь словен. Рад приветствовать тебя, Ардагаст, славный царь росов, на границе моей земли. Клянусь Святовитом-Родом, ты бился как сам Перун.

— Я тоже рад... что потешил тебя и твоё войско, — укоризненно взглянул князю в глаза Ардагаст. — Если в светлых богов веруете, зачем стояли там, пока мы гибли?

— Но вы же сражались не на моей земле. Да если бы эта нечисть посмела сунуться на наш берег...

— Нечисть — враг всем племенам и всем людям. И бить её надлежит всюду, где она зло творит. Так велит Огненная Правда.

— Я слышал о тебе много... разного, — улыбнулся князь. — Шумила Медведич говорил, что ты послан Фарзоем покорить словен, и советовал ударить на вас сбоку во время боя. Только я не торопился верить полумедведю. Теперь вижу: ты — настоящий Гость Огненной Правды и великий воин светлых богов.

— Великий воин? Я сегодня убил только одного водяного, — пожал плечами Ардагаст.

— Оружие простого воина — его меч. Оружие князя — всё его войско. Твоё войско сегодня было как одна рука. Иначе ему бы не одолеть эти живые горы.

— Мы с мужем уже имели дело с такими тварями, только помельче, — небрежно произнесла Ларишка. — А ещё в Индии боролись с боевыми слонами. Это нам сегодня и пригодилось.

— Я со своей дружиной так далеко не ходил, — усмехнулся Собеслав. — Но сочту за честь воевать вместе с тобой. А честь для сынов Солнечного Орла превыше всего! Честь и воля. Ты ещё не знаешь, какие воины словене. Мы бились с немцами, сарматами, бастарнами, литвой, и никто ещё нас не покорил!

— Я иду за данью к дреговичам. Не пойдёт ли твоё войско вместе со мной? Думаю, тогда Вячеслав станет сговорчивее. Я не хочу, чтобы венедская кровь лилась зря.

— Да, нам, венедам, хватит врагов и без того, чтобы воевать друг с другом, — кивнул князь. — Мы вместе похороним и помянем твоих воинов, а потом двинемся на север по обоим берегам Случи.

Андак досадливо скривился: ему был нужен не мирный поход, а набег за невольниками и добычей.

Павших в бою с лешими похоронили в двух курганах: в одном сарматов, в другом — венедов. Росов просто опустили в землю, венедов сначала сожгли, а кости ссыпали в горшки. Воины трёх племён славно и щедро помянули погибших: и мёдом, и вином, и плясками, и воинскими состязаниями-тризнами. Все знают:

воинам обычных поминок и жертв мало. Не будет воину покоя, если на могиле его не бьются. А трупы чертей побросали в реку или отвезли подальше в лес, чтобы волков не приваживать возле села. Не знали, как убрать громадные тела леших. Тут помог Шишок. Взял курицу с петухом, сделал им мочальную упряжь — и те запросто потащили мёртвого великана. А потом вдруг дунул сильный ветер — и не осталось от лешего даже костей. Так же прибрали и остальных.

Потом лесовичок предложил пойти в избу троих леших-людоедов — забрать их богатства, пока черти не растащили. Надолго запомнилась та изба даже видавшим виды воинам! Над очагом коптились человеческие руки и ноги, в углу стояла кадушка, полная крови, а на столе в глиняной миске лежали жареные женские груди. В одной яме-погребе возле избы нашли бочку с засоленными внутренностями. В другой — отборные меха и несколько горшков с серебряными монетами.

— Зачем этим нелюдям серебро-то? — спросил потрясённый Нежданн Сарматич.

Хилиарх задумчиво потеребил бороду:

— Я слышал от одного ольвийского купца, будто ему продают меха и невольников страшные скифские сатиры. А другой купец, из Херсонеса, говорил, что эти сатиры покупают у него вино.

— Это верно, вино мы, лешие, любим, — вздохнул Шишок. На поминках он выпил больше всех, а потом ещё и боролся на тризне, и положить его на лопатки смог только Сигвульф.

— Увы, не демоны соблазняют смертных, а наоборот, — глубокомысленно произнёс эллин. — Эти лешие от людей усвоили пагубную страсть не только к вину, но и к деньгам.

— Не просто от людей, а от вас, греков. Это у вас всё продаётся и покупается за серебро, — неприязненно взглянул на него Хор-алдар.

— Лучшие наши философы учили бескорыстию! — возмутился эллин. — А киники вообще презирают земные блага...

— Ваши киники своим учителем зовут скифа Анахарсиса, — едко заметил князь. — Видно, сами просвещённые греки до такой премудрости дойти не смогли. И всё-таки я уважаю этих чудаков киников. — Голос его потеплел. — Там, на юге, я только от них слышал, что рабства не должно быть. А один киник, Деметрий Сунийский, помог мне, когда я бежал из Лавриона и пробирался к Дунаю.

— Деметрий Пёс! — воскликнул Хилиарх. — Вот видишь, тебя спас величайший эллинский философ. Среди киников он то же, что Аполлоний Тианский среди пифагорейцев.

Избу людоедов сожгли вместе с останками их жертв. Ардагаст хотел бросить в огонь и богатства леших, но Хилиарх отговорил его:

— О, царь, серебро и золото — опаснейшее оружие в руках римлян и эллинов. Разве мы так сильны или так богаты, чтобы им пренебрегать? А слитки серебра на пепелище — это соблазн и пожива для злодеев.

— И то верно, — кивнул Ардагаст. — Пусть только Вышата проверит, нет ли на том серебре проклятия.

Проклятие действительно было — несложное, зато сильное и крепко наложенное, и волхву пришлось повозиться, чтобы его снять.

Войско росов двигалось на север по правому берегу Случи. По левому шла словенская рать. Воины были настроены бодро. Что, мол, нам после леших с чертями какие-то лесовики-болотники? Шапками закидаем! О дреговицком колдуне знали все, и многие были уверены, что именно дреговичи направили на них нечисть. У костров часто говорили, что нужно отомстить болотникам за погибших: сёла сжечь, а самих увести на арканах, а кто не сдастся — порубить. Андак и его люди охотно подхватывали такие разговоры, хвалились прежними набегами, расписывали, как щедро греки заплатят за невольников и как весело потом будет погулять в богатой Ольвии. Мы все теперь росы, все сарматы, и воевать нужно по-сарматски. Дани потом не на ком взять будет? А хоть бы она и вовсе запустела, Дрегва эта бесовская! В лесу данники ещё найдутся, главное, чтобы нас боялись.

Ардагаст, слушая эти разговоры, хмурился, но поделать ничего не мог: на каждый роток не накинешь платок, а у войны свои законы. Оставалось надеяться на благоразумие Вячеслава. А ещё — на дреговицких жрецов Даждьбога, к которым Вышата уже послал весточку, и не одну.

И другие разговоры слышались у костров. Многие во время сражения видели всадника. Одни — в небе, другие — в лесу между деревьев. Был тот всадник на белом коне, сам весь в белом, волосом светел, с копьём и золотым щитом, сияющим, как солнце. Сам он не сражался, но у всех росских воинов, глядевших на него, прибывало силы и мужества. А нечисть при виде его тряслась и корчилась. Одни венеды считали его Ярилой, другие возражали: Ярила приходит только весной. Словене называли его Святовитом, но ведь Святовит-Род стар, а этот молод. Сигвульф заговорил было об Одине, но сам же вспомнил, что тот стар и одноглаз, а конь его восьминогий. Сарматы же прозвали неведомого бога Аорсбараг — Белый Всадник — и спорили, кто

он — Ортагн или Михр.

Но в одном все были согласны: что светлые боги помогают их царю. Лишь Андак, Саузард и их друзья при этих разговорах хмурились и твердили, что отважным воинам-добытчикам лучше всего молиться Чёрному Всаднику — Саубарагу.

У устья Случи путь войску преградила новая засека. Она отгораживала мыс между Случью и Горынью и тянулась по льду и дальше, упираясь на востоке в обширное болото. Ратники, молчаливо стоявшие на засеке, были вооружены не лучше словен: копья, да щиты, да луки, доспехов и в помине не было. Конная дружина если и была, то пряталась за засекой. Лишь десяток всадников под синим флагом с золотым львом стоял перед росами у самого берега реки. Среди всадников выделялся воин средних лет, с широкой белокурой бородой, в красном плаще поверх панциря. Старинный круглый шлем, меч в золотых ножнах, волосы до плеч делали его похожим на сколотских царей. А рядом с ним...

С первого взгляда казалось: два медведя в штанах уселись на могучих коней и поигрывают тяжёлыми палицами. Или нет, двое ряженых в медвежьих шкурах. Только вблизи можно было разглядеть, что у одного из них действительно плечи и голову прикрывает медвежья шкура, лицо же у него человеческое, с бурой косматой бородой. Второй же до пояса был самым настоящим медведем. На первом были кафтан и штаны. Из штанин выглядывали когтистые медвежьи лапы. Второй был в штанах и сапогах. У обоих, кроме палиц, имелись ещё и длинные мечи у пояса. От их могучих фигур веяло дикой, безжалостной, нечеловеческой силой. Не могло, не должно было быть таких существ ни среди людей, ни среди зверей. Но они были — не в страшном сне, не в пьяном бреду, а наяву.

Ардагаст с первого взгляда возненавидел этих двух уродов. Сами полузвери и людей хотят сделать лесными зверями — тупыми, злобными, верящими лишь в свою жестокую силу. Шишок с Серячком знают своё место — в лесу, а у этих место где? И если не одолеть их сейчас — не в бою, боя не должно быть, — то может запустеть целый край, а он, Ардагаст, станет «достойным» наследником Сауаспа. Стараясь не глядеть на Медведичей, Зореславич обратился к всаднику в красном плаще:

— Ты ли Вячеслав, князь дреговичей?

— Я, — нелюбезно ответил тот. — А ты, сармат, кто такой и зачем пришёл? Мы твою орду сюда не звали.

— Я Ардагаст, царь росов и венедов, прислан к вам за данью Фарзоем, великим царём сарматов.

— Мы тоже венеды, но ты нам не царь, и твой Фарзой тоже.

А дань тебе рогатинами... — Он замолк, услышав стук копыт по льду. К ним не спеша, важно подъехал Собеслав с дружинниками, под красным знаменем с белым орлом.

— Это нам, словенам, Ардагаст и Фарзой не цари, а не вам. Вы дань Сауаспу давали, а не мы.

— Ты-то здесь зачем, да ещё с ратью?

— Зачем? — усмехнулся в пышные усы Собеслав. — К тебе в гости. Хороший у тебя мёд — липовый с травами. А я привёз тебе дакийского вина, твоего любимого. Это если ты заплатишь дань мехами или серебром, как раньше. А если рогатинами, так их и у нас хватает, — показал князь рукой на обе рати, свою и Полянскую.

Дрегович сокрушённо покачал головой:

— Собеслав, чёрт рогатый! Ты же всегда с сарматами бился, а теперь пошёл к ним в подручные князья? Сукин ты сын!

— Пёсья кровь твоя, а моя орлиная — от Солнечного Орла, — высокомерно взглянул на него Словении. — И под рукой ни у кого ещё не был и не буду. А иду с Ардагастом потому, что он победил десятерых леших, которые бились в полный рост, а чертей — без счета. Пусть не светит мне Даждьбог Сварожич, если я сам этого не видел!

— Я же говорил, Ардагаст самого Трёхликого не боится, так что ему лешие с чертями! — горячо заговорил сын князя дреговичей Всеслав. — А лешие те наших людей хватали, и словен тоже. Нам нужно было на Случи вместе с росами биться, многие так говорят!

Отец только неодобрительно взглянул на отрока, вмешавшегося в разговор старших. Но молчавший до сих пор Шумила Медведич рявкнул во всё полумедвежье горло:

— Такие, как ты, щенки и говорят! Нужны вам сарматы — за конями их навоз убирать!

— А не убрались бы вы такие отсюда в степь? А то в лес, бывает, заходят, да не выходят, — глядя на паренька, угрожающе прорычал Бурмила. Человеческие слова, доносившиеся из его медвежьей пасти, звучали особенно зловеще.

— Ардагаст подбоченился и насмешливо произнёс:

— Шумила с Бурмилой, воители великие! Что-то я вас на Случи не видел. Косматые там были, рогатые были, а вот косолапого ни одного.

— А они здесь воевали. В кулачных боях, а ещё с бабами, — ехидно сказал Всеслав, наглядевшийся за последние дни на прославленных могутов вблизи.

Бурмила погрозил ему когтистой лапой, а Шумила невозмутимо сказал Ардагасту:

— Ты хотел, чтобы мы в первом же бою погибли, дреговицкую землю без защиты оставили?

— Будем биться, пока есть тут лес и болото! — взревел Бурмила. — Лес вырубишь, дреговину высушишь — тогда нас одолеешь!

На засеке одобрительно зашумели.

— На дреговины не надейтесь, — спокойно ответил Ардагаст. — Их сейчас сушить незачем — промёрзли. Вот и это болото конников выдержит, даже в латах — моя разведка проверяла.

— Что же ты, Вячеслав, свою дружину за засекой прячешь? Не хочешь показать, что у твоих людей даже кольчуги не у всех есть? Твой прадедовский панцирь всего войска не прикроет, — с усмешкой сказал Собеслав.

Князь дреговичей только ругнулся в белокурую бороду. Он хорошо представлял, что будет, если сарматский железный клин сомнёт его дружину и выйдет в тыл ратникам на засеке. Поладить бы как-нибудь без боя... Но Медведичи не унимались.

— Не бойтесь, люди леса, безбожной рати! Боги за вас! Скажи, святотатец, за что замучил праведного жреца Скурата? — грозно вопросил царя росов Шумила.

— Праведных жрецов я тут вовсе не встречал, кроме моего волхва Вышаты. Только попался мне в бою один чёрный колдун. И не я его замучил, а волк загрыз. Вот одежда того колдуна. — Царь достал из мешка, поданного волхвом, чёрный плащ и чёрную шапку. — А вот кочерги его бесовские. Вот харя рогатая, — вынул он маску. — А вот и он сам, святой да праведный... перед Чернобогом. — Ардагаст поднял за длинные волосы голову чародея. — Неужто не знали, что он днём Велесу служит, а ночью Нечистому? Или знали, да молчали, особенно те, кто сам ему за чёрное колдовство платил? — Он вернул волхву мешок. — Не обессудьте, добра этого вам не отдам: Огненная Правда такое сжигать велит.

На засеке громко зашумели, заспорили. Заглушая всех, гремел голос Шум илы:

— Со своей Огненной Правдой в степь иди, чтоб ей, степи, дотла выгореть вместе с вами! Мало вам наших мехов, хотите и веру нашу забрать? Против вас только чёрные чары и годятся. Лучше с чертями, чем со степняками. Вы хуже зверей, хуже бесов, а матери ваши все...

И полились, как помои из ведра, грязные, срамные слова, которыми даже в лесу лаяться считали за грех.

Бурмила вторил брату во всю медвежью глотку. На засеке тоже принялись честить вовсю — друг друга, а больше росов и

полян. Те в долгу не остались. Особенно изощрялись в венедской брани Андак и его приятели.

Ардагаст бросил взгляд на Ларишку, потом на Саузард. На лице тохарки было написано отвращение. При ней венеды так ругали только нечисть в Чёртовом лесу. А ястребиное, крючконосое лицо Чернозлобной напоминало стервятника, в нетерпении кружащего над полем боя. Боя! Уже размахивают оружием, вот-вот полетят стрелы, упадут первые раненые... И закипит сражение, и окончится победой его, Ардагаста. Победой, которой не должно быть... Но не должно быть и поражения.

Царь метнул отчаянный взгляд на волхва. Вышата спокойно кивнул, достал из неприметной сумы, висевшей через плечо, свёрток и развернул красный шёлк. Блеснуло чеканное золото. Ардагаст рывком поднял Огненную Чашу над головой и громко крикнул:

— Кто в светлых богов верует — замолчите!

Золотистое пламя взметнулось из чаши к небу. Поражённые воины разом умолкли. Удивительный свет проникал в самую душу — так, что не хотелось больше сквернить её мерзкими словами и мыслями. Даже Медведичи притихли, почувствовав на себе неодобрительные взгляды. В наступившей тишине зазвучал рассудительный голос Вышаты:

— Вы что, мужики? Такими словами только нечисть отваживают. А кто ими людей лает, тот трёх матерей сквернит: родную мать, Мать-Сыру Землю и Ладу, Мать богов.

— Воины пристыженно молчали, иные бормотали покаянные молитвы. А волхв продолжал:

— Что у тебя на знамени, Вячеслав?

— Золотой лев — Даждьбог, синяя вода — Морана, — ответил князь дреговичей.

— А у тебя, Собеслав?

— Белый орёл, что явился на закате в красном солнце нашему пращуру.

— А твоя золотая тамга, Ардагаст, что значит?

— Золотой трезубец — то Богиня Огня на колеснице и два её коня.

— Три солнечных знамени... Склоните же их над чашей Солнце-Царя! — возгласил Вышата.

Два красных стяга и один синий склонились над чудесным пламенем, и оно, не опалив их, скрылось в чаше. Ардагаст опустил затёкшие руки и теперь держал чашу перед собой.

— Так вот она какая, Огненная Чаша, — зачарованно проговорил Вячеслав. — А эти мне говорили, будто ты её Фарзою отдал. — Он бросил неприязненный взгляд на Медведичей.

Дреговицкий князь осторожно протянул руку к чаше, но она вдруг полыхнула пламенем. Он вздохнул и покачал головой:

— Мой предок, царь, пытался её добыть, но даже половина чаши не далась ему. Значит, она не для нашего рода... Так как же с данью, Солнце-Царь? Возьмёшь мехами? Серебра у нас мало.

— По чёрной кунице с дыма, как при Сауаспе. Можно и по серебряной драхме, не откажусь. И прокорм моему войску, пока всю дань не соберём.

— А за что вас кормить-то? Защитите вы нас хоть от литвинов? — задиристо спросил кто-то из знатных дреговичей.

— Конечно. Они, верно, не страшнее леших? — улыбнулся Ардагаст.

— А от готов?

— От любого недруга. Кто обидит вас — обидит меня и самого Фарзоя.

— Тогда ты и впрямь наш царь! Сауасп с нас только брал, словно разбойник.

— Воины, разбирайте засеку! — приказал Вячеслав. — Войны не будет!

— Двести лет в лесу живете, а дух в вас степной, рабский, — процедил Шумила. — Рабами и оставайтесь. А надоест, позовите нас. Мы не обидчивые.

Медведичи развернули коней и под свист и насмешки поскакали к лесу.

Лесное зверье боязливо пряталось: двое людей-медведей на могучих конях ехали широкой тропой.

— Всё из-за тебя, шкодника мохнатого, — выговаривал брату Шумила. — Скотину задирал, девок умыкал. И здесь, и у словен. Да не один, а с шайкой.

— Виноват я разве, что меня девки не любят? Не с такой рожей уродился, как ты.

— Зато тебя медведицы любят, а меня нет. Бабам лепота не главное, был бы мужик силён. А кто нас с тобой в лесу сильнее, братец? — хлопнул он Бурмилу по широкой спине. — Ничего! Провались она в болото, Дрегва эта! Тут лес не кончается, а только начинается. Поедем к нурам. Они лесовики коренные, исконные. Не то, что все эти приблуды. И крови своей лесной, волчьей со степняками не мешали.

Два князя и царь сидели в доме у Вячеслава. Это была обычная землянка с бревенчатыми стенами, наполовину поднимавшимися над землёй, только обширнее прочих лесных домишек. Слюдяные окошки под самой крышей пропускали

немного света, но очаг посреди землянки ярко пылал и хорошо наполнял её теплом. Ни трубы, ни потолка не было, и дым уходил под высокую крышу. Пол устилали медвежьи шкуры. На столе в глиняных мисках дымилось мясо только что убитого зубра. Вячеслав поднял лощёную глиняную кружку с дакийским вином и задумчиво сказал:

— А ведь предки мои из золотых и серебряных чаш пили. Мы только два века назад в эти дреговины забрались от сарматов подальше, когда те с бастарнами[23] дрались. От славных сколотских племён остатки — вот кто мы такие. И сидим в этой болотной крепости, леший нам тут брат, а медведь сват. Только не можем забыть поля раздольные, чернозёмы обильные, быстрый Тирас[24], священный Буг! Там солнце золотое на небе синем, ясном, а здесь сверху тучи, посреди дождь, а снизу болото!

Он залпом опорожнил кружку, налил ещё.

— Мы, словене, всегда в лесах жили и живём, — пожал плечами Собеслав.

— У вас хоть земля хорошо родит, а у нас, что ни год, всё хуже. Болота растут, под ралом земля хлюпает. У колдунов один ответ: уважить чертей болотных жертвой, лучше человеческой. И враги кругом наседают: литвины, бастарны. Теперь ещё готы появились: идут в ладьях по рекам каждую весну, у ладей на носах — головы змеевы. И есть у тех готов воины страшные, зовутся берсерки — «медвежьи шкуры».

— Это вроде Шумилы с Бурмилой? — спросил Ардагаст.

— Хуже. Они, какие уродились, такие и есть. А те медведями оборачиваться могут. И бьются люто, хоть в медвежьем облике, хоть в людском. Им и кольчуги не надобны. Если готы ещё и с бастарнами сговорятся... — Он доверительно наклонился к Зореславичу. — Мы ведь чего боялись: вы с данью уйдёте, а бастарны за ней придут. Ещё и накажут за измену.

— Цернориг, царь бастарнов, давний враг Фарзою и друг римлянам, — заметил Ардагаст.

— Сущий чёрт он, Чернорог этот — так мы его зовём! Лют без меры. Воевать да людей убивать — вот его радость. А с его чёрными друидами сравняется разве что Лихослав, чтоб ему из пекла не выбраться! — Князь сплюнул налево. — На наших священных городищах на Збруче те друиды такое творят, что лучше не поминать.

Собеслав в раздумье крутил длинный ус:

— А ведь сейчас на Днестре мало людей живёт. Поменьше, чем при сколотах. Немного словен, немного даков, бастарнов ещё меньше. Чернорога мало кто любит, больше боятся. — Словен заговорщически подмигнул дреговичу и росичу. — Что, если

разом ударить на него: нам с севера, а сарматам с востока? Тут и конец его чёрному царству! Разве выстоят его друиды перед Колаксаевой чашей?

— Мы тогда всем племенем вернёмся на Днестр, — подхватил повеселевший Вячеслав. — А Дрегву чертям да водяным оставим.

— И из наших многие захотят на юг переселиться. А из вас, дреговичей, кто к лесу привык, пусть селится у нас, — сказал словенский князь.

— Медведя не убили, а шкуру уже поделили, — усмехнулся Ардагаст. — А вдруг я не пойду?

— Без тебя такого медведя никак не добыть, — развёл руками Вячеслав.

— А разве может славный Ардагаст, царь храбрых росов, отказаться от такого подвига? — улыбнулся Собеслав. — Неужели боги не знали, кому дать чашу Солнце-Царя? Может ли Солнце не встать на востоке, не идти на запад, не рассеивать тьму на своём пути? — разглаживая пышные усы, он испытующе глядел на царя росов.

— Ночью Солнце идёт с запада на восток, через всё подземное царство Чернобогово, — ответил Ардагаст. — Даждьбог всю зиму шёл преисподним миром, пока не нашёл Морану и не вывел её весной на белый свет. Нынче как раз зима... Путь мой сейчас — на восток, к нурам и северянам. Нужно, чтобы все венеды в лесу признали царя Ардагаста. Если Чернобог не осилит — к весне вернусь на Тясмин. А осенью, как только мужики с озимыми управятся, двинемся все вместе на Чернорога.

— Напомним, кто такие сколоты, всем, кто за четыре века забыл! — с азартом хлопнул широкой ладонью по столу Вячеслав.

— А если мы и сейчас на восток вместе пойдём? — предложил Словении. — Кто посмеет стать против царя и двух князей?

— Нет, — подумав, ответил Ардагаст. — Стерегите лучше сейчас свои земли. А то как бы и впрямь не разорил их хоть тот же Чернорог. Народ тогда скажет, что мы виноваты, и прав будет.

— А наш лес, выходит, вроде царства преисподнего, — вздохнул дрегович. — И кто его таким сделал: нечисть, или те, кто ей служит, или те, кто их всех боится, словно род наш не от Сварога? Спасибо тебе, Солнце-Царь бесстрашный, что пришёл к нам да напомнил про Огненную Правду не так словом, как делом! — Он наполнил кружку душистым мёдом и поднял её. — За тебя, Гость Огненной Правды!

Войско росов не спеша двигалось по стране дреговичей: вниз по Горыни, потом по Припяти. Заходили за данью и в ближние, и

в дальние сёла. Подсчёт дани на себя взял Хилиарх. С венедскими чертами и резами он освоился так же быстро, как с берестой и костяным писалом. Лесовики поначалу неприветливо смотрели на пришельцев: явились, мол, дармоеды, добытчики степные. Ждали бесчинств, памятных по Сауасповым походам. Но царь настрого запретил обижать данников. Нарушителей судил на глазах у дреговичей и не смотрел, кто венед, кто рос и какого князя воин. Одних велел бить кнутом по голой спине на морозе, других водить по селу с украденным на шее. А двух Андаковых дружинников и одного полянина, что по пьянке пытались опозорить дочь жреца, хотел повесить, но жрец согласился обойтись выкупом.

Дреговичи и пришельцы вместе пировали, охотились, пытали силу в кулачных боях, скачках, стрельбе из луков и иных воинских умениях. А рассказы дружинников Ардагаста о чудесах далёких земель и сражениях с невиданными чудищами слушали разинув рты не только юнцы, но и старые люди. Тем более, что на охоте и в состязаниях лесовики смогли убедиться: не хвастуны перед ними, но храбрые и опытные воины. За такими — словно в Ольвии за каменной стеной. Да и южане видели, что жители дреговин во многом им не уступают. И всё реже слышались теперь речи о «лесных медведях» и «степных волках».

Отказывать в дани, прятаться в лесах, хвататься за луки и рогатины никто не пытался. С одними сарматами в лесу можно воевать, но когда с ними ещё и поляне, и своя же дреговицкая дружина... Вскоре, однако, в ход пошло совсем другое оружие. Внезапные снегопады и бури преграждали дорогу войску. Неведомые болезни отнимали силу у воинов и коней, валили с ног. Большие чёрные собаки, удивительно наглые и хитрые, бросались ночью на лошадей, а то и на людей. Мышью зашуршало, поползло змеёй зловещее слово «чары». Сарматы громко говорили, что дреговичам верить нельзя, а надо сжечь для острастки пару сёл, и вообще, мол, все венеды — колдуны (при этом говорившие поглядывали на Вышату с Миланой).

Однажды утром росы выступили из села, в котором накануне весело пировали в доме старейшины. Но не прошло и часа, как Саузард, схватившись за шею, свалилась с седла. Тёмная опухоль вмиг вздулась на горле царевны, едва позволяя дышать. Не говоря никому ни слова, Андак с дружинниками повернул коней назад к селу. Ардагаст не стал их задерживать. Но в то же село, и более прямой дорогой, поскакали Сигвульф с Миланой и полсотни отборных царских дружинников.

У самой околицы Андак хриплым голосом приказал:

— Готовьте огненные стрелы!

Сарматы сноровисто стали вязать к стрелам сено и припасённые тряпки. Вдруг из-за леса выехал и поскакал к селу ещё один отряд. Андак раздражённо взглянул на него и узнал ехавшего впереди Сигвульфа. Тот предостерегающе поднял руку:

— Не тронь сёла, князь! Так велит царь!

Тёмные глаза Андака вспыхнули гневом, рука легла на рукоять меча. Но спокойные синие глаза гота словно окатили его холодной водой. А Милана невозмутимо произнесла:

— Зачем жечь всё село, если можно сжечь одну ведьму?

— А, так ты знала, кто здесь наслал порчу на мою жену?

— Нет, не знала. Но сейчас узнаю.

Она пригляделась из-под руки к дыму, поднимавшемуся над землянками из дверей и отверстий над крышами.

— Видите, над домом старейшины дым в кольцо закручивается? Это черти верёвку из дыма вьют — ведьма им велит, чтобы работы не просили.

Росы вскачь пустились к дому. Встревоженные венеды выбегали из землянок, многие при оружии. А дружинники уже выволакивали жену старейшины на улицу. Следом, бестолково отмахиваясь посохом и откашливаясь, выбежал её муж. А та уже вопила на всё село:

— Защитите, люди добрые! Да кого это я когда в селе испортила? Ой, да пусть сам скажет хоть один! Я порчу не навожу, а снимаю, все знают!

— Кого испортила, тот в земле лежит. Или молчит со страху. А снимала ты свою же порчу, за большую плату, — прервал её худой, угрюмого вида мужик, опиравшийся на вилы.

— Ты нам с мужем должен, потому и врёшь!

— Да с вами не расплатишься! Где такое видано: отдавай больше, чем взял? Разве у греков... — вмешалась какая-то баба.

— А куда у вас общинное зерно девается, того никакая ведьма не узнает, — откликнулась другая.

— Разболтались тут! — рявкнул во всё горло прокашлявшийся наконец старейшина. — Меня, старейшину с женой, бесчестите перед сарматами — значит, и всю общину.

— Не стал бы ты старейшиной, если бы твоей бабы не боялись. Скажет нечисти лесной, болотной — и пропадёт человек, поминай его потом в навий день с упырями, — сказал угрюмый мужик.

— А тебя вовсе некому помянуть будет, если лесных да болотных богов хаять станешь, — злобно прошипела ведьма.

В ответ раздались возмущённые крики:

— А иди ты в болото с богами своими!

— Доколдовалась, что сарматы из-за тебя село разорят!

Утопить её, бесову прислужницу!

— Лучше сжечь, чтобы не вернулась!

Затравленно озираясь, ведьма с упрёком взглянула на Милану:

— Ведьма, а своих выдаёшь! Сама ведь знаешь: если хоть раз в месяц никого не испортишь — не только чародейная сила слабеет, а и сама хиреешь.

— У нас, природных ведьм, так не бывает, — гордо тряхнула распущенными волосами Милана. — Я сразу поняла: ты ведьма учёная. А ну, расскажи людям, у какого беса училась, как в полночь на перекрёстке светлых богов образа ногами топтала, как отреклась от отца с матерью, как Небо, Солнце, Месяц и звёзды проклинала... Расскажи, кото первого испортила, — мать или отца?

— Матушку. Так не до смерти же, — без смущения ответила колдунья. — В первый раз портить надо только из родителей кого, иначе саму бесы разорвут. — Она игриво посмотрела в глаза Андаку. — Отпустил бы ты меня, князь, по-хорошему, а? Лучше меня никто с твоей княгини порчу не снимет.

— Твою порчу снять — раз плюнуть. — Милана достала из сумки липовую палку с тремя дырочками, покрытую волховными резами, и с силой огрела ведьму по плечу. — Всё, здорова твоя царевна, князь. А если эту стерву помилуешь, она на тебя таких чар нашлёт, что я и за целый день не расколдую... Что, дреговичи, — обвела она взглядом сельчан, — не забыли ещё в дреговинах своих, что по сколотскому обычаю следует делать со злыми и лживыми волхвами?

Ведьма истошно завыла:

— Ой, позвольте мне, люди добрые, да проститься перед смертью безвременной с доченькой, кровинушкой горемычной...

— Это чтобы силу колдовскую ей передать вместе с бесами, что тебе Чернобог в услужение дал? — безжалостно прервала её Милана. — А ну, вяжите её покрепче, да глядите, чтобы никого, детей особенно, за руку не взяла. Ей перед смертью двойная мука, если никому бесовского дара не передаст.

Сколотский обычай дреговичи не забыли: бросили ведьму в телегу, запряжённую волами, обложили хворостом и сожгли. Волов, впрочем, пожалели и обрубили дышло. А колдунья, пока не сгорела, ругалась такими словами, что даже лесные мужики качали головами и сплёвывали налево. Следом разграбили и сожгли двор старейшины, рассудив: «Всё их богатство краденое. Она чужих коров чарами выдаивала, а чёрт её, что змеем огненным летал, по погребам воровал зерно да ей носил, и всё это знали, да в лицо сказать боялись».

Слух быстро пошёл по деревням, и настали для ведьм и колдунов в Дрегве чёрные дни, каких они не могли себе нагадать ни на бобах, ни на костях. Их, перед кем всегда трепетали, кого задаривали, на свадьбе сажали почётнее, чем самих молодых, — теперь били, выгоняли, топили, жгли, стоило росам прийти в село. Иные служители Чернобоговы бежали в чащобы и трясины, но и там их находили Шишок с Серячком, которых никакие чары не брали. Уцелевшие боялись росов больше, чем небесной дружины Перуновой. Бывало, что и на неповинных всем селом набрасывались по злобе да по зависти. Но тут уж Милана, с первого взгляда различавшая настоящих ведьм, защищала невиновных, словно орлица гнездо.

В одном селе пьяная толпа с дрекольем и топорами бросилась на Милану, когда та вступилась за разбитную девчонку, на которую натравили сельчан неудачливые ухажёры. С волшебницей был один Сигвульф, но природная ведьма отвела глаза мужикам, и те нещадно лупили друг друга, покуда тот охаживал их плашмя тяжёлым мечом. Когда пьяные, наконец, разбежались, завидев конных сарматов, германец только и сказал: «Слава Одину, что не убил ни одного дурака».

А настоящие колдуны и ведьмы в долгу не оставались и плели вокруг войска росов незримую паутину злых чар. Вышата с Миланой в походе только и делали, что рассеивали эти чары.

Вид волхва и волшебницы, что ехали верхом и на ходу спокойно и деловито читали заклятия, жгли зелья и чертили в воздухе колдовские знаки, внушал воинам уверенность в своих силах. Все спокойно вздохнули, лишь когда позади остались последние дреговические селения. Дальше на восток с росами пошла лишь небольшая дружина дреговичей во главе с княжичем Всеславом.

Долину Припяти оставили там, где она поворачивала на юго-восток, в безлюдные чащи и болота. За ними на берегу Днепра обитали нуры — волчье племя. Их древняя земля между Случью, Припятью и Днепром, откуда шесть веков назад волчий народ изгнал змеиное племя литовское, до сих пор была почти пуста. Ардагаст повёл росов к городкам нуров самым прямым, но и самым трудным путём — прямо на восток, через леса, по долинам небольших рек. Дреговичи в эту сторону не ходили, а Сауасп водил войско на нуров с юга, долиной Днепра. Люди не брались показать прямой путь от дреговичей к нурам, и войско росов повёл Шишок. Ардагаст рассчитывал неожиданно выйти к нурским городкам. Но росов уже ждали.

Глава 4
ВОЛЧЬЯ НОЧЬ

На крутом холме над Днепром стоял маленький, но надёжно укреплённый валом и дубовым частоколом городок. И городок, и посад внизу были застроены не землянками, как у дреговичей, а высокими рублеными избами. Посреди городка, на площадке вокруг столба, увенчанного волчьей головой, стояли сурового вида бородатые длинноволосые воины в серых кафтанах и наброшенных на плечи волчьих шкурах. Морды волков прикрывали головы людей, когтистые серые лапы болтались у них на груди, перевязанные ниже горла. У всех были шиты и копья, но далеко не у всех — мечи. Кольчугу имел лишь предводитель — высокий, жилистый, с длинными седыми волосами и резким худощавым лицом, помеченным глубокими шрамами. Серые воины внимательно слушали могучего человека с широкой, бурой, словно медвежья шерсть, бородой. Рядом с ним стояло ещё более могучее существо, больше всего похожее на вставшего на задние лапы медведя в штанах и сапогах.

— Люди леса! Волчье племя! Идёт на вас с запада сарматская орда, и ведёт её окаянный, безбожный Ардагаст, которого сами сарматы прозвали Убийцей Родичей. Берёт он дань тяжёлую, всюду разоряет святые капища, истребляет честных жрецов и ведьм. С ним идут волхвы-предатели, что сгубили святого жреца Лихослава. Покоритесь ему — станете рабами сарматам навечно, душою и телом. Сожжёт он ваши городки, а вас угонит на юг, одним прикажет землю для него пахать, других грекам продаст...

— Погоди, — прервал его вождь серых воинов. — По чёрной кунице с дыма — не такая уж тяжёлая дань. И дреговичи ему без боя покорились, а они воины смелые.

— У дреговичей рабья кровь, сколотская, а у вас — волчья. Невелики ваши городки, но никто их не смог взять — ни сколоты, ни царские сарматы, ни росы. Вы чужим богам не молились, крови своей с чужой, нечистой не мешали. Если и вы теперь не выстоите — погибель придёт всем людям леса от проклятых безбожных степняков.

— Да чего там думать! Вы волки лесные, они — степные, крылатому волку молятся. Пришла в ваш лес чужая стая — бить её надо, вот так! — проревел, взмахнув когтистой лапой, медведь-человек.

— Хитрите, медведи! — покачал головой вождь. — Думаете, мы забыли, как вы с братом здесь разбойничали? А теперь хотите нашими руками с Ардагастом воевать? Перед ним не устояли ни черти, ни лешие.

— Вся сила Ардагаста — в Колаксаевой чаше. Это перед ней, как рабы перед плетью, распластались дреговичи. Но вами Колаксаевы потомки никогда не владели. Ваш бог — не Даждьбог, а Ярила, хозяин волков. Что вам эта чаша? — Голос Шумилы зазвучал торжественно. — Князь Волх Велеславич! Убей Ардагаста, сарматского ублюдка, захвати Огненную Чашу, изруби её, брось в болото — и не будет никогда ни Великой Скифии, ни царства сколотов-пахарей.

— Не будет над нами царей! Будем жить в лесу, как всегда жили — по своему закону, не по чужому! — снова вмешался Бурмила.

А его брат продолжил, глядя с вызовом в иссечённое лицо князя:

— Так что, княже, хватит тебя на такой подвиг? Ты ведь не только воин, но и волхв. Не тебе Ардагастовых волхвов-недоучек бояться. Или нам лесного храбра не здесь искать, а у литвы или голяди?

— Волки! Или вы уже не волки, а собаки, сарматской плётки боитесь? — насмешливо скалил клыки Бурмила.

Серые воины возмущённо зашумели. Успокоив их движением руки, Волх сказал Медведичам:

— Мы — волки, были и есть. Всяких сарматов били и перед этими не отступим. Скажите лучше, как вы, северяне: придёте ли к нам на помощь? Это ведь не мы, а вы сарматов боитесь: в самую Дебрянщину от них забрались и всё равно дань даёте.

Шумила развёл руками:

— Мы-то сами не знаем, каких врагов этой зимой ждать: росов, роксоланов или царских сарматов. Да ещё и литва с голядью... Кто первый нападёт, с тем и будем биться. А то пойдём к вам, а от наших сёл одни уголья останутся.

— Ясно, — махнул рукой Волх. — Медведей нынче из берлоги не выманишь. Это волков зимой ноги кормят. Ничего, скоро наш праздник: святки, волчьи дни. Отвадим росов, гостей незваных, так, что дорогу сюда забудут. А вы, медвежьи отродья, глядите: обманете на этот раз — ни в какой берлоге от меня не спрячетесь.

А сам подумал: «Меня подбиваете на то, на что у самих храбрости нет? Сделаю! Вот тогда и увидим, кто в лесу хозяином будет: я, первый лесной храбр, или вы, пройдохи косолапые. Недаром у вас, северян, и князя своего нет».

Росская рать уже несколько дней пробиралась на восток угрюмыми безлюдными лесами. Не видно было здесь дымов от жилья, не слышно ни собачьего лая, ни петушиного крика — словно в тех проклятых глухих местах, куда волхвы нечисть да болезни отсылают. Шли узкой долиной замерзшей речки. Тёмная, непролазная чаща проступала с обеих сторон к самым берегам, часто смыкая над речкой могучие ветви, и тогда воины, входя в полутёмный проход, тревожно поглядывали: не бросится ли сверху рысь. Хмурые заснеженные великаны, казалось, спрашивали: «Зачем вы тут? Без вас двуногих хватает: лешие да черти, весной ещё русалки появятся...» И думали, что лучше: самим ожить да передавить непрошеных гостей или спустить на них всю клыкастую лесную рать? Лес не молчал. В тоскливом волчьем вое, в рёве медведя-шатуна, в свисте и хохоте леших слышалось одно: «Уходи-и-те!»

Унывать людям не давал Шишок. Не ведая усталости, бодро шагал впереди, на весь лес смеялся, шутил, рассказывал всевозможные лесные байки, удачно советовал, где и на кого лучше охотиться. Вечерами приводил к костру знакомых и не очень знакомых леших, и люди щедро угощали их хмельным. Одному известному скверным нравом лешаку — тот не только пугал людей криком, но заваливал буреломом дорогу — Шишок крикнул на весь лес:

— Почто людям пакостишь? А ну, выходи драться! Да не с ними, а со мной!

Между деревьев тут же выросла серая косматая громада с еловым стволом в руке. Сарматы, ехавшие впереди, взялись за копья и луки. Шишок, однако, досадливо замахал руками, потом выбрался на берег, вырос по грудь серому, с разбегу бросился на него, увернувшись от ствола, обхватил противника за пояс, да и швырнул на лёд реки. Проломив лёд, великан стремительно уменьшился в росте и с трудом выбрался из воды. Следом вылез рассерженный водяной, и они с Шишком под дружный хохот людей и хихиканье высунувшихся из полыньи русалок принялись лупить незадачливого драчуна. А потом ещё и заставили расчистить на берегу путь в обход полыньи.

Но обычно с лесными хозяевами люди ладили — за этим тщательно следили Вышата с Миланой. Деревьев ратники зря не рубили, для костров обходились хворостом, дичь без нужды не изводили. На пеньках оставляли жертвы — хлеб да горшки с выпивкой, на ветвях — бусы и холсты для лешачих. Без труда справлялись с чертями, вылезавшими из болот, отгоняли их — кого заклятьями, кого крепкой лесной руганью, а нескольких

самых нахальных догнал и загрыз Серячок.

Гораздо опаснее были упыри, которых в этих безлюдных лесах оказалось на удивление много. Годами лежавшие недвижно в своих безвестных могилах, они теперь, зачуяв людскую кровь, выбирались из них и по ночам шатались вокруг стана, подстерегая зазевавшихся ратников. Наутро в лесу находили трупы — с прокушенными шеями, а то и наполовину обглоданные, и только хорошенько приглядевшись к следам зубов, можно было понять, кто загрыз — упыри или звери. Мёртвых сжигали, чтобы те сами не стали упырями, а на живых мертвецов устраивали настоящую охоту. Здесь опять-таки очень помогал Серячок, хорошо вынюхивавший и раскапывавший упырьи логова. Иные венеды предлагали откупиться от упырей жертвами, но тут Вышата был непреклонен: «Нечисть изводить надо, а не прикармливать — так велит Огненная Правда!»

Ещё больше докучали волки, особенно после того, как рать вышла на водораздел и стала рубить просеку. Волки были тут необычные: на редкость наглые, хитрые и смелые, не боявшиеся даже огня. Нападали они и днём и ночью, в одиночку и стаями. Воровали не только еду, но и то, что волку вроде бы не нужно — к примеру, оружие. Резали коней, но людей поначалу не трогали. По ночам нельзя было заснуть от доносившегося со всех сторон воя. Серячок сердито откликался, потом что-то тихо выл своему хозяину, а тот озабоченно шептался с Вышатой и Миланой. Те, впрочем, по-звериному и сами понимали.

По совету волхвов Ардагаст приказал не убивать волков без крайней нужды. Но разве удержишь степняка, у которого волк загрыз коня, от мести зверю? После очередного нападения на стан утром нашли несколько трупов, пронзённых стрелами: трёх волков и... двоих парней в серых кафтанах и накидках из волчьих шкур. Вышата, взглянув, покачал головой:

— Всё. Теперь между нами и нурами — кровь.

— Тем лучше! — рассмеялся Андак. — Эти нуры — трусы, не смеют даже напасть в человеческом обличье. Так воинам росов нечем будет похвастать.

— Они и людьми не храбрые, — презрительно скривилась Саузард. — Прятаться по лесам, нападать оттуда и отсиживаться в городках — вот и вся их война. А дань с них всякий раз нужно брать с боем. «Сколько волка не корми, он в лес смотрит» — так говорят у венедов. Верно, Всеслав?

— Волки они и есть, — неожиданно горячо поддержал её дрегович. — Их молодые воины волками оборачиваются и на наши сёла нападают. Скот режут, девок крадут.

— Вот и покончим с этим зверьем, — хищно произнесла

царевна, поигрывая кистью на рукояти акинака. — Сожжём все их городки, переловим всех, кто уйдёт в леса, — тут нам помогут наши ведуны. Кто не сдастся — перебьём, остальных уведём на юг. Тогда весь лес нас будет бояться!

— Я пришёл сюда собирать дань, а не охотиться за рабами. Фарзой послал меня покорять племена, а не истреблять их, — отчеканил Ардагаст, глядя в лицо царевне, и обернулся к Всеславу: — А ты с дружиной попробуй поймать живым хоть одного оборотня. Да возьмите с собой Неждана Сарматича или кого-нибудь из молодых росов, они лучше вас арканом владеют.

На другой день к обеду дреговичи приволокли к царю пятерых связанных волков. Лицо Всеслава сияло довольной улыбкой.

— Вот, загнали мы большую стаю в яр. Многие успели наверх выкарабкаться, а тут появился над яром, — юноша понизил голос, — сам Белый Всадник. Молодой такой, всё на нём белое, даже кольчуга, и волосы белые — не седые, а...

— Вроде твоих, — усмехнулся царь.

Воины закивали. Немало из них уже видело в этих лесах неведомого бога. В схватки он не вмешивался, но видно было, что нечисть его боится. Не раз он выводил тех, кто заблудился в незнакомых дебрях и отчаялся уже выйти к войску. А дрегович продолжал:

— Увидев его, волки заскулили. Тут мы и повязали. Пусть теперь Вышата разберёт, кто из них ненастоящий.

Волхв внимательно посмотрел в глаза зверям, потом подошёл к матерому волку с седеющей шерстью, пошарил у него на брюхе, нашёл под густой шерстью чёрный кожаный пояс и с заклятием разрезал его. Задрожал, словно над костром, воздух — и вот уже на снегу лежит вместо зверя связанный по рукам и ногам пожилой, с проседью в бороде мужик самого смирного вида. Милана точно так же разрезала пояс и на молодой волчице — и та обернулась стройной девушкой в белой разукрашенной свитке и белом, расшитом цветными греческими бусами кокошнике. Ардагаст велел развязать пленников. Поднявшись, мужик стоял с опущенной головой. Волколачка выпрямилась, смело взглянув в лицо царю:

— Ты и есть тот окаянный нечестивый царь Ардагаст? Не взять бы нас твоим холопьям, если бы не Ярила, бог наш волчий.

— Что же это он вас так разлюбил? — усмехнулся Зореславич.

— А может, он нашу верность испытать решил? Ну что, отца передо мной мучить будешь или меня при нём бесчестить? Сам поглумишься или всей дружине меня отдашь? Только зря всё

это. Предадим племя — нам тогда ни среди людей, ни среди волков места не будет. Лучше сделай с нами то, что делал со святыми жрецами. Они нас в светлом Ирии встретят, а ты со всей своей ратью в пекле будешь.

— Аты, волчица-красавица, меня, часом, не перепутала с моим дядей Сауаспом? — спокойно улыбнулся Ардагаст. — А святым твоим в пекле самое место. Если бы я хотел погубить вашу землю, то не шёл бы с войском, а погнал бы к вам из Дрегвы всю эту колдовскую свору.

— А бесчестить мой муж никого не будет, пока я здесь, — тоном ласковой пантеры проговорила Ларишка, обняв Ардагаста рукой за плечи.

— У него что, сил только на тебя хватает? Или он твоего меча кривого боится? — дерзко бросила пленница в лицо царице.

— Помолчи лучше, бесстыдница! — вмешался молчавший до тех пор мужик-оборотень. — Из-за тебя все наши беды. Влюбилась без памяти в будина, когда у нас с будинами и северянами немирье было. Ну, умыкнул бы он тебя тихо, так нет, свадьбы захотелось. Вот и обернул князь Волх весь свадебный поезд, двенадцать человек, волками на целый год. И где же он теперь, твой жених отважный? Сам-то нынче ноги унёс... А ещё лезет в вожаки вперёд меня, старейшины...

— Ты, батюшка, Будрыса ещё не знаешь! — вспыхнула волколачка! — Он сейчас половину стаи увёл от дреговичей. Если нас и не выручит, то отомстит. А ты, царь, его ещё узнаешь — когда его зубы твою шею перехватят!

— Ой, боюсь! — рассмеялся Ардагаст. — Один волколак за мной уже охотился — от Днепра и до Гиндукуша, гор Индийских. И был он не серый, как вы, а чёрный.

— Неужели ты Сауархага одолел? — недоверчиво проговорил мужик. — Его, злодея, говорят, и оружие не брало.

— Это ваши копья да стрелы не брали. А мой меч так взял, что дядя мой даже обернуться до конца не смог, с волчьей головой в пекло ушёл. Если вру — пусть он сам по мою душу явится!

— Храни нас Ярила от него, живого и мёртвого! — вздрогнул мужик.

— Ярила — солнечный бог, а я воин Солнца. И племени Ярилы зла не хочу. Идите оба к Волху и скажите: царь Ардагаст пришёл только за данью. Кто её даст, того он от всех врагов защитит. А кто не даст, да ещё Чернобогово племя на помощь позовёт, тому будет то же, что бесам от Перуна и Даждьбога.

Мужик вздохнул, вытер пот со лба, словно не веря, что так легко отделался от грозного сарматского царя, и робко попросил:

— А не могут ли твои волхвы нас снова обернуть? Нам ведь волками ещё десять месяцев быть.

— Неужто вы, нуры, сами не умеете оборачиваться?

— Когда-то у нас все умели. А теперь больше волхвы да дружина.

— Князь наш — сам волхв. Он, кроме волчьего, три опрометных лица знает: летать соколом, бегать туром, плавать щукой. А ещё — пятое, тайное, — с гордостью сказала волколачка.

— А я вот всего только десять знаю, — с простоватым видом развёл руками Вышата. Потом воткнул в снег жертвенный нож и велел мужику перекувыркнуться через него. Тот, кряхтя, кувыркнулся и поднялся волком. Волхв снова воткнул нож и сделал знак нурянке, но та почему-то засмущалась, отвела взгляд. Милана внимательно пригляделась к ней, отвела в сторону и тихо сказал:

— Да стоит ли тебе дальше волчицей бегать? Побудь пока у нас. Ни тебя, ни детей никто обидеть не посмеет.

— Дети волчатами родятся — крепче будут, — покачала головой волколачка.

— Хорошо, я тебе другой пояс повяжу.

— Спасибо тебе, волхвиня, — тепло сказала нурянка и обернулась к Ардагасту: — Не можешь ли, царь росов, отпустить родичей наших? — Она указала на трёх связанных волков. — Это ведь мы их подбили напасть вместе с нами.

Волки в один голос жалобно заскулили, а оборотень-мужик растянулся пред царём на брюхе, положив голову на передние лапы. Ардагаст с усмешкой махнул рукой Серячку, и тот охотно перегрыз ремни на лапах сородичей. Пятеро волков помчались в лес. Дреговичи с сожалением смотрели им вслед: какие шкуры из рук выскочили!

Рать шла дальше к Днепру долиной реки Верицы. Волки по-прежнему нападали, но людей не трогали, если те не загоняли их в угол. Когда до Днепра осталось меньше дня пути, Ардагаст велел разбить стан. Близилось Рождество даждьбожье, — самая длинная ночь в году, когда Лада рожает золотовласого Божича, у которого по колено ноги в серебре, по локоть руки в золоте. Там, на кручах под Славутичем, — небольшие, но крепкие, выдержавшие не одну сарматскую осаду нурские городки: Милоград, Горошков, Чаплин... Поймут ли там, поверят ли сарматскому царю, который не бросается огненным змеем двенадцатиголовым жечь их деревянные твердыни, а празднует сам святую ночь и даёт праздновать им?

К празднику готовилось всё разноплеменное войско. Варили

ячменную кутью с мёдом и орехами, овсяной кисель, колбасы, пекли блины. Вышата давно уже подобрал царскую русальную дружину, одиннадцать воинов: двое венедов, Нездан Сарматич, его отец Сагсар, ещё двое росов, двое кушан, Сигвульф, Хилиарх и воевода Вишвамитра Двенадцатый — сам волхв Вышата. Одного из венедов, погибшего в бою с лешим, заменил Всеслав. Вдали от людских глаз, в лесу или отдалённой хатке волхв обучал дружину русальским танцам, священным колядным песням, помогал готовить и освящать одежды, маски-скураты, жезлы со спрятанными в них чародейскими травами.

Дружинники учились старательно. Великая честь быть царскими русальцами, но и трудность великая. Двенадцать дней между старым и новым годом — самые святые и самые страшные. Вся нечисть гуляет по земле и беснуется хуже, чем на Купалу. Двенадцать вечеров колядуют двенадцать русальцев. И если не будут они усердны, если ошибутся по лености или невежеству — несчастливыми будут для царства все двенадцать месяцев нового года. Но и не приветить колядников, не одарить — грех великий. Кто так делает, накликает несчастье на всё царство, помогает бесовской силе, что хочет сгубить новорождённого бога и его мать, навек погрузить мир во тьму, холод и непроглядное зло. Светлые боги спасают от него людей. Но и люди могут и должны помочь богам в этой извечной битве. Не просто плясуны и певцы колядники — боговы воины, даждьбожья дружина на земле.

Вот уже наступил вечер. Скрылось солнце за тёмными лесами, за дреговицкими болотами, и тьма опустилась на землю, и огласилась рёвом и воем непролазная чаща. Кто воет — волки, черти, неприкаянные души безвестных мертвецов или неуловимые воины князя Волха? Посреди стана уже сложен костёр: большое дубовое бревно и двенадцать поленьев поменьше. То бревно — сам Бадняк, Мировой Дуб, который хочет повалить нечистая сила, чтобы не было ни неба, ни земли, ни верха, ни низа, а одна Преисподняя. Рядом с ещё не зажжённым костром два столба, соединённые двумя сосновыми перекладинами. В перекладины упирается двумя заточенными концами сосновое брёвнышко, обвитое верёвкой. Её за оба конца держат двенадцать воинов — шесть венедов и шесть росов.

Откинулись полы белого шатра, и вышли царь с царицей. Оба без доспехов, хотя и при оружии. Ардагаст — в красном кафтане с золотыми бляшками, красных шароварах, красном плаще с золотой застёжкой. На голове, вместо башлыка, высокая шапка с собольим околышем, как у венедских князей. У пояса — золотой меч Куджулы и акинак. Ларишка совсем преобразилась. Чёрные волосы скрылись под красным шёлковым покрывалом. Из-под

синего плаща с рукавами видно красное платье, расшитое золотыми бляшками на груди и подоле. Ожерелье из индийских самоцветов, бактрийские серьги, золотые с бирюзой, в виде эротов на дельфинах, золотые браслеты боспорской работы с сердоликами и зернью... Все князья и воеводы теперь видели: не зря их царь воевал в далёких землях. И кто бы сказал, что эта величественная и любезная царица способна наравне с мужами разить стрелами и мечом любых демонов, если бы не выглядывала из-под синего плаща увенчанная кольцом рукоять акинака.

Повинуясь взмахам руки царя, воины стали тянуть верёвки то в одну, то в другую сторону. Завертелось брёвнышко, закурился дымок на его концах, наконец появился огонёк, разросся в пламя — и вот уже весело трещит смолистое дерево: родился живой огонь, Огонь Сварожич. Значит, к утру родится и его златокудрый брат. Ардагаст понёс пылающую головню к, костру. Вспыхнули хвоя и хворост, занялись поленья, не спеша разгорелся Бадняк. Полыхает костёр, рвётся в усыпанное звёздами тёмное небо золотое пламя. А там ярче всех звёзд горит золотой плуг Колаксаев, который греки зовут Орионом.

А вой в лесу — всё тоскливее, досадливее. И чего воют? Выходили бы к костру — у Сварожича тепла и света на всех хватит. Венедская душа добра, пожалеет и волка — голодно зимой в лесу, и нечистого заложного мертвеца — каково в холодной земле без покоя лежать? Только ведь не выйдут, а если и выйдут, то за жертвами или для пакостей.

Только теперь под гудение волынки, украшенной козьей головой, удары бубна и звон гуслей, приплясывая, вышли к костру русальцы. Впереди, высоко поднимая шест с ярко раскрашенным весёлым ликом Даждьбога — волхв Вышата.

Все одеты в кожухи мехом наружу, с нашитыми на них косыми крестами из красных лент — знаками Огня и Солнца. В руках — мечи и деревянные жезлы. Лица закрыты диковинными, страшными скуратами, людскими и звериными. Словно явились к людям пришельцы из иного, странного, неведомого и потому грозного мира. И лишь с трудом можно догадаться, что золоторогим туром выряжен могучий, как тур, Вишвамитра, медведем — немногим ему уступающий Сигвульф, козой — Неждан, оленем — его отец Сагсар (имя его и значило «оленеголовый»). Всеслав вместе с молодым кушаном хоршедом изображали коня, накрывшись простыней и держа над собой деревянную конскую голову, клацающую нижней челюстью. Голову Вышаты скрывала мохнатая маска льва — лютого зверя солнечного. А ещё были волк, и греческий купец, и римский

солдат, и кузнец...

Всех потешнее был старик с ехидной уродливой харей и длинной, ниже колен, бородой. Старик грозил всем кулаком и жезлом-булавой, стрелял в людей снегом из особого лука с воронкой, при этом то и дело хватаясь за поясницу и путаясь в бороде. Воины дружно смеялись: вот каков вблизи Мороз-Чернобог, владыка зимы! А представлял его Хилиарх, когда-то в Александрии игравший в сатировских драмах. Он-то видел Трёхликого наяву, тогда, в Чёртовом лесу. И теперь хотел отучить людей от страха перед тем, кто, не способный заставить полюбить себя, мог лишь сковывать холодом тела, а души страхом. Раньше осторожный грек никогда бы не решился так издеваться над Повелителем Тьмы. Но теперь Хилиарх, сын Хилонида, был уже не пройдохой, никому, кроме себя, не нужным, а дружинником царя Ардагаста. Да к тому же — русальцем, воином Солнца. С такими людьми, как эти варвары, не страшно было и умереть: они не боялись демонов — демоны дрожали и отступали перед ними, а духа их не мог сокрушить и сам Разрушитель.

Смешными казались теперь Хилиарху рассуждения философов о бегстве от порочного мира не то в пустыню, не то в собственную душу, о жизни созерцательной и незаметной, о мудреце, у которого нет своего города-отечества. Что он мог считать своим городом, которому стоило служить? Захолустный Кизик, полную ворья и жулья Александрию, могущественный Рим, на службе которому могли преуспеть лишь негодяи? Теперь же он обрёл не свой город, — нет, городов тут нет, но своё племя, свою землю. Он нашёл у варваров то, чего не могли найти у эллинов ни Эпикур, ни Диоген, ни Пиррон-скептик. Мудрые, мудрейшие, но безнадёжно одинокие люди...

А Саузард, глядя на колядников, от злости и досады скрипела зубами. И злило её деревянное рало, выкрашенное золотистой краской, которое несли на себе Нездан с Сагсаром. Сарматы поклоняются золотому плугу, словно какие-нибудь сколоты-пахари, или венеды, или другие ковырятели земли! И пыталась ведь уговорить росов праздновать отдельно от венедов, так не послушали: воевали вместе, вместе и богам послужим, и повеселимся.

Русальцы остановились у костра, поклонились в пояс царю с царицей и запели коляду. Пели о времени изначальном, когда не было ничего, кроме бескрайнего моря и Мирового Дуба о трёх вершинах посреди него. Сели на Дуб три сокола: Велес, Белбог и Чернобог. Ныряли боги-братья на дно моря, вынесли синие и золотые камни и песок и создали небо и землю. Уронил сокол-Белбог слезу, и вырос из неё чудесный храм, в трёх окнах его

солнце, месяц и звёзды. То не ясный месяц, а царь Ардагаст, не красное солнце, а царица Ларишка, дети же их будут как частые звёзды. Царица по двору ходит, как солнце всходит, а в дом войдёт, как заря взойдёт.

Вместе со всеми пел хвалу царской чете и Хилиарх. Он имел дело с царями Коммагены и Эдессы, с кесарями Нероном, Вителлием и Веспасианом, называл их на персидский лад братьями Солнца и Луны и друзьями звёзд. Нерон упивался этой восточной лестью не меньше царьков с Евфрата, а скептик и острослов Веспасиан говорил: «Слушая тебя, грек, я чувствую, что становлюсь богом». Хилиарх в душе смеялся над тщеславием владык и собственным угодничеством. Но лишь теперь он понял подлинный, древний смысл таких восхвалений. Царь должен быть добр и праведен, как светлые небесные боги, согревать и защищать племя, как они. Иначе — какой же он царь?

Сигвульф подставил объёмистый мешок, и весёлая счастливая Ларишка наполнила его хлебом, колбасами, салом, не забыла об амфоре с вином. Хорошо быть славной воительницей, но ещё лестнее для сарматки, а тем более для венедки, слыть хорошей хозяйкой, богатой и щедрой. И дары эти не были платой за лесть. Все знали: не одарить колядников — значит обидеть Даждьбога и Ладу, накликать беды на свой дом и на всё племя.

Вышата достал из сумы Колаксаеву чашу. Ларишка наполнила её мёдом из серебряного греческого кувшина. Волхв вылил на Бадняк мёд, потом вино, потом пиво. Золотистое пламя сливалось с золотом напитков и вспыхивало ещё ярче. А колядники пели о богатом урожае и несметных стадах, которые даруют боги Ардагасту и его царству. Русальцы ударяли жезлами по Бадняку, выбивая снопы искр, а волхв возглашал:

— Сколько искр со священного дерева, сколько звёзд в небе, столько снопов на полях венедов, столько приплода в стадах росов!

Но перед главным обрядом — пляской русальцев — предстояло ещё позвать на Рождество тех, кого и поминать-то не годится: ведь Солнце дарует свет всем, кроме тех, кто сам от него бегает. Ардагаст поднял бактрийскую чашу с горячим киселём и громко позвал:

— Мороз, мороз, иди кисель есть!

Ряженый Хилиарх, выпятив грудь и бросив бороду за плечо, подошёл, выпил кисель с видом олимпийца, вкушающего нектар, и довольно погладил себя по животу. Царь снова наполнил чашу и возгласил:

— Эй, мертвецы заложные, утопленники, удавленники, опойцы, зверем заеденные, в бою безвестно павшие, сколько вас

ни есть в этом лесу, идите кисель есть! А не идёте, так чтобы весь год не приходили!

Притих вой в лесу, заколебалось от ветра пламя: слетались души неупокоенных вкусить сладкий, горячий дух священного напитка. А царь снова позвал:

— Волк, волк, иди кисель есть! А не идёшь...

— Иду-у-у! — протяжно отозвался Серячок, подбежал к Ардагасту, упёрся лапами в грудь и быстро вылакал всю чашу.

Вдруг толпа зашумела, раздалась. Из леса вышел ещё один волк — крупный, седой, почти белый. Перед ним почтительно расступились: «Белый волк, зверь Ярилы!», «Небесный волк, предок наш!» Иные росы даже увидели крылья над плечами зверя. А между деревьями многие заметили Белого Всадника. Только Серячок обеспокоился и недоверчиво заворчал. Ардагаст снова наполнил чашу, протянул её лесному гостю. А тот важно, неспешно прошёл сквозь толпу, приблизился к царю — и вдруг белой молнией бросился на Вышату, норовя выхватить зубами Огненную Чашу. Волхв упал наземь, но чаши из рук не выпустил. Серячок прыгнул наперерез и успел ухватить белого за плечо. Мощные клыки щёлкнули перед самой чашей. А она вдруг полыхнула золотым пламенем. Едва не обжёгши морду, белый хищник отпрянул назад. Сцепившиеся волки завертелись, взметая снег.

Воины остолбенели, не смея тронуть священного зверя. Первым опомнился Хилиарх и схватил хищника за задние ноги. Вишвамитра прижал к земле голову и передние лапы белого волка. Ларишка стянула ему челюсти темляком акинака, а Шишок не без труда оттащил Серячка. Белого волка скрутили поданным кем-то арканом. Вышата опытным взглядом окинул зверя, раздвинул седую шерсть и с заклятием перерезал показавшийся из-под неё чёрный пояс. Задрожал воздух, и перед росами предстал крепкий, жилистый воин с волчьей шкурой на плечах. Волосы его были седы, но лицо, иссечённое шрамами, далеко не старо. Один из дреговичей пригляделся и хлопнул себя по бёдрам:

— Побей меня Перун, это же Волх, князь нуров! Вот так зверь на ловца прибежал!

— Да, я князь этой земли! — гордо вскинул голову оборотень. — А вы здесь — бродяги и разбойники.

Воины возмущённо зашумели:

— Сам ты разбойник! Тебя на праздник позвали, а ты — святыню воровать? Да ещё божьим зверем прикинулся!

— В прорубь его, святотатца!

— К дереву привязать и из луков расстрелять!

— Я тебя, вора, сам на дубу повешу! — прорычал из-под медвежьей маски Сигвульф.

— Я лучше шкуру живьём сниму! — поигрывая акинаком, сказала Саузард.

«За него же всё племя мстить будет», — подумал Ардагаст и, к удивлению многих, развязал путы пленника. Тот поднялся и, окинув собравшихся презрительным взглядом, произнёс:

— Вы храбры всей стаей на одного. Попробуйте победить нашу стаю в наших лесах.

— А зачем мне вас побеждать? — пожал плечами Зореславич. — Дадите дань, такую же, как Сауаспу давали. Святки вместе отпразднуем...

— Ты не Сауасп, — покачал головой Волх. — Тебе мало дани, нужны ещё наши души. Хочешь волхвов извести, веру нашу, сделать нас рабами душою и телом. Кто тебя звал в леса?

— Даждьбог! Это он велит воевать с тьмой и её рабами. А ему самому не рабы нужны, а верные, праведные воины. Разве вы, храбрые нуры, не можете ими стать?

— Не могут, — подал голос из-под деревянной конской головы Всеслав. — Волколаки — Солнцу враги. Когда Солнце меркнет или месяц — это волколаки их пожрать хотят.

— Много ты знаешь, ряженый! — огрызнулся Волх. — Мы чтим Солнце не меньше вашего — и Ярилу, и Ладу, и Даждьбога.

— А если чтите, почто не покоритесь Солнце-Царю, чья власть — от Даждьбога? — сурово спросил Вышата.

— Не вижу тут Солнца, вижу орду сарматскую и её венедских прихвостней, — упрямо мотнул седыми волосами князь-оборотень.

— Солнце здесь — в этом костре, в этой Огненной Чаше, что тебе не далась, в душах у нас — его воинов. Оно с нами, даже среди самой непроглядной тьмы, — твёрдо сказал волхв.

— Даже в эту ночь — святую, страшную, волчью? Что ж, испытаем твоего Солнце-Царя и чашу твою, — зловеще осклабился оборотень и испытующе поглядел в глаза Ардагасту. — Сможешь ли ты, царь росов, с этой чашей в руке пройти до рассвета через лес, напрямик, до моего стольного града Чаплина? Сможет она тебе осветить и указать путь? А на пути там всякое будет... Не пойдёшь или назад повернёшь — будешь биться со всем нашим племенем.

— Иди, Ардагаст. Есть такая сила в Огненной Чаше, — негромко сказал Вышата.

— Да, пойду. Для того только, чтобы не губить вашего отважного племени, — решительно произнёс Ардагаст.

— И мы с тобой! И я! И я! — наперебой зашумели русальцы,

дружинники, простые воины.

— Нет, — властно взмахнул рукой Волх. — Иди один, без воинов, без волхвов своих, без этого лешего, без волка его. Тогда, если дойдёшь, я с дружиной сам тебя встречу у ворот Чаплина, и поклонюсь, и признаю царём над собой. В том клянусь Ярилой!

Ларишка взяла мужа за руку:

— Я царица росов и пойду вместе с царём.

— Я сказал — иди один! — ещё более властно произнёс Волх. — На этой земле пока что указываю я, князь нуров. А твоя царица стоит многих воинов...

Тохарка было вспыхнула, но Ардагаст сжал её руку, и Ларишка смолчала, закусив губу. Но воины не молчали.

— А если наш конунг не вернётся живым — мы отомстим за него! — проревел гот. — Понял, князь? Вы — волки, а я Сигвульф, Волк Победы.

— Да, отомстим! Всё ваше племя изведём! — наперебой закричали росы, поляне, дреговичи.

— Я стану первым мстителем за тебя, царь! Под греческими кнутами нуры будут молить твой дух о прощении! — Голос Андака звучал почти издевательски.

Ардагаст окинул взглядом своих воинов, выкрикивавших угрозы, потрясавших оружием. Волчья стая, беспощадная и преданная ему, вожаку. Да, они отомстят и тем погубят всё его дело. Ему вспомнилось услышанное некогда в Пантикапее об иудейском пророке, который учил не мстить никому: Бог отомстит за всех. Но разве Бог станет мстить за трусов? Значит, остаётся одно — победить.

— Думай о том, куда хочешь прийти, и пламя будет клониться в ту сторону. Помни: пока твой дух будет силён, не ослабнет и сила чаши. А мы будем дальше вершить обряд и тем поможем тебе, — сказал Вышата, вручая царю Колаксаеву чашу.

— Нам не придётся мстить за тебя. Господь Кришна не оставит своего преданного воина, — уверенно произнёс Вишвамитра.

А Ларишка просто без слов крепко обняла мужа.

— Справь праздник без меня как следует, хозяюшка. А завтра праздновать будем в Чаплине, — тихо сказал он ей. — И не бойся за меня: это же наш днепровский лес, а не подземелья в Долине Дэвов.

С чашей в руке царь вошёл в лес, обернулся, бодро помахал другой рукой, и все увидели, как над чашей вспыхнул золотистый огонёк. Следом за Ардагастом в лесу скрылся князь нуров, и никто не попробовал его задержать.

А возле костра уже снова звенели гусли, заливалась волынка,

гремел бубен. Русальцы неслись вокруг огня в неистовом танце. То они подпрыгивали, высоко поднимая руки с жезлами, словно пытаясь улететь в небо, то волчком вертелись вокруг себя. Летучим змеем носилась по ветру длинная борода Мороза-Хилиарха. Замысловатые коленца выделывал «конь», хлопая деревянной челюстью. Скрещивались со звоном клинки. Русальца то бились, показывая своё воинское умение, то просто плясали, соединив мечи в виде солнечного косого креста. А между стремительно мчащимися плясунами-воинами белым лебедем летела Милана — в белой рубахе поверх свитки, взмахивая, как крыльями, распущенными длинными рукавами. А Ларишка взяла за руки Хор-алдара и Полянского воеводу, те соединили руки со своими соседями — и вот уже живая цепь охватила костёр и русальцев возле него, и завертелась, понеслась посолонь, как само солнце вокруг мира.

Хоровод рос на ходу, втягивая в себя без разбору венедов, росов, кушан. И так же без разбору азартно били в ладоши и громко смеялись все стоявшие вокруг него. И никто не забывал об идущем через лес Солнце-Царе. Наоборот, плясали и смеялись, чтобы помочь ему, разбудив волшебную солнечную силу среди мрака волчьей ночи. Венеды пляшут и шутят даже на похоронах не потому, что не скорбят об умершем, а затем, чтобы отогнать силы мрака и смерти.

Ардагаст медленно пробирался тёмным заснеженным лесом. Поначалу, когда отблески костра рассеивали мрак, а сзади доносилась музыка, хлопанье, смех, идти было нетрудно и даже весело. Огонь в чаше и оружие у пояса внушали уверенность в своих силах. Но вскоре весёлый шум праздника остался позади, нагнанные внезапно поднявшимся ветром тучи скрыли луну, и непроглядная тьма обступила путника со всех сторон. Золотистое пламя в чаше рассеивало мрак не далее чем на вытянутую руку и показывало направление на Чаплин, но не дорогу к нему. А прямой дороги туда через лес и не было. Звериные тропы то и дело уводили куда-то в сторону, буреломы и густые заросли преграждали путь. Приходилось всякий раз решать: обходить или перебираться? А он ведь не только не бывал раньше в этом лесу, но и самого Чаплина не видел и представлял его только по рассказам дреговичей. Оставалось лишь надеяться, что волшебная сила Колаксаевой чаши выведет его к волчьей столице, а не к какому-нибудь другому городку из тех, что стоят над Днепром на каждом мысу.

А тьма в лесу не была ни мёртвой, ни безразличной к пришельцу. Безлиственные ветви тянулись навстречу из мрака, царапали в кровь лицо — успевай только глаза беречь, рвали

одежду, обрывали золотые бляшки. Ноги проваливались в глубокий снег, запинались о корни. Из темноты то и дело слышались шорохи, вой, рёв, вспыхивали и снова гасли чьи-то глаза. Привычным ухом венеда Ардагаст различал: вот прошёл вепрь, вот зубр или тур, а вот человек — или чёрт, упырь, леший? Хоть бы успеть до рассвета выйти к Чаплину... Чтобы сократить путь, Ардагаст вынул меч и стал рубить слишком густые ветви и кустарник.

Вдруг прямо перед ним встали два огромных ствола, вверху сраставшиеся в один. Над головой нависали могучие ветви, похожие на руки с растопыренными пальцами. Ардагаст поднял меч, чтобы прорубить кустарник, густо растущий за двумя стволами. И тут вдруг ветви-руки ожили, обхватили его с боков и разом потянули на высоту в три человеческих роста. Его руки были тесно прижаты к бокам, но он не выпустил ни меча, ни чаши. Перед его глазами появилось огромное дупло. Над дуплом горели два больших красных глаза, а в черноте дупла белели два ряда мощных белых зубов. Леший! Только вместо косматой шкуры у лесного хозяина серо-зелёная, похожая на древесную кору кожа.

Правое предплечье ещё свободно. Вонзить меч в руку великану? А если тот, обозлившись, раздавит ему кости или швырнёт оземь с высоты? И Ардагаст, пробормотав «Спаси, Даждьбог светлый!», направил свет чаши прямо в красные глаза лешего. Пламя вдруг полыхнуло так, что исполин, забыв о своём пленнике, прикрыл глаза громадной лапой. Ардагаст стремительно полетел вниз, выронил меч, попытался ухватиться за ветку, но та сломалась, лишь задержав его падение. Разрывая в клочья одежду, царь упал в кусты. Рядом из снега торчал меч. Чаша, по-прежнему полыхая золотым огнём, отлетела в сторону. И тут над ней нависла громадная, как комель ствола, стопа лешего. Скаля зубы и злобно урча, великан прикидывал: раздавить золотой огонёк или человека?

Превозмогая боль, пронзившую всё тело, Ардагаст вскочил, молнией бросился вперёд, схватил обеими руками меч и изо всех сил ударил по огромной ноге. В тот же миг из чаши вырвался столб огня и ударил в подошву великану. Запахло горелым мясом. Громогласно взвыв, исполин упал на спину. Мгновение спустя на снегу лежал, держась рукой за стопу и жалобно скуля, мужичонка в серо-зелёном кафтане. Царь занёс над ним меч.

— Ой! Пощади меня, грозный царь Ардагаст, богом Велесом молю! О-ой, больно-то как!

— А, так ты меня знаешь!

— Ой! Тебя весь лес знает. Да разве я посмел бы, если бы

сам хозяин лесной не велел?

— Какой ещё хозяин в лесу над лешим? Нечистый?

— Да нет, светлый! Солнце наше ночное!

От кого, но от Велеса Зореславич вражды не ожидал.

— Он сам велел или передал через кого?

— Передал. Через Шумилу Медведича.

— Вот оно что! — облегчённо рассмеялся Ардагаст. — Если этот урод брехливый ещё посмеет тебе что передавать, встань в полный рост да двинь его ногой так, чтобы за Днепр улетел либо в лепёшку расшибся.

— Ой! Не скоро я теперь смогу в полный рост подниматься, да и ногой двигать. Чтоб я ещё когда полумедведям этим поверил!

Постанывая и держась за деревья, лешак похромал вглубь чащи. Ардагаст обессиленно опустился на снег, ощупал себя. Хорошо, хоть у самого кости целы. Значит, нужно идти дальше.

На поляне праздник шёл своим чередом. Пляска окончилась, князья и воеводы отошли к своим шатрам, а русальцы теперь обходили их по очереди и пели коляды, каждому особую. Весёлые и хитрые колядники знали, кому пожелать овец как звёзд на небе, кому табун коней вороных под золотыми сёдлами, кому полей широких снопов как частого дождика, кому трёх золотых кубков — зелена вина, красного вина и хмельного мёда. А вот Андаку спели про то, как он, славный хозяин, орлами пашет, стрелой сеет, луком волочит и у богов просит жита густого, колосистого. Многие воины смеялись, зная, что среди росов род Саута больше всех презирает хлебопашество и любит набеги. Потом восхваляли Саузард: и ходит она, как месяц выходит, и сияет, как золото, от дорогих подарков мужа, и красива так, что у окна лучше не сажать — украдут вместо девицы. Тут уж со смеху покатилось всё войско. А колядники ещё и спели про худые времена, грешные: брат на брата меч поднимает, сестра на сестру чары готовит.

Царевне, слушавшей всё это, оставалось только губы кусать от злости, а потом ещё и щедро одарить русальцев. Даже она знала: не уважишь колядников, они тебе совсем другое пропоют, все беды на семью и хозяйство накличут, и Солнце их, своих воинов, услышит.

Но вот русальцы, обойдя всех вождей, снова собрались у костра. Начался главный обряд. Под звуки бубна и волынки, украшенной козьей головой, и выкрики: «Го-го-го, козонька! Го-го-го, белая!» — плясал ряженный козою Нездан, а на него наступали волк, медведь и старик с луком. За ними топтались кузнец с солдатом. Теперь уже никто не смеялся. Все ведали: эта золоторогая белая коза — сама Лада, что в глухую, холодную

ночь должна родить Солнце. А за ней охотятся Чернобог-Мороз и его слуги, хотят убить её, чтобы вечной стала волчья ночь, чтобы не наступили ни утро, ни весна.

Ларишка украдкой смахивала краем шёлкового покрывала слёзы с лица. Это её Ардагаст сейчас пробирается через тёмный застывший лес с маленьким золотым солнцем в руке! Больше всего она хотела оказаться там, во мраке, среди волков, демонов, упырей и биться рядом с мужем, даже если этот бой станет для них последним. О Анахита, хоть бы не видеть, как ехидно кривятся губы под ястребиным носом Саузард! И эта змея с её гулякой-мужем будет царствовать после них? А великое царство росов и венедов погибнет, не родившись? Нет, если произойдёт то, о чём не хочется думать, она, Ларишка, должна жить и остаться царицей. И найти останки мужа, и похоронить их по-царски, чтобы не стал он ещё одним упырём в этом жутком лесу. И ещё надо будет отыскать Огненную Чашу, куда бы ни унесла её нечисть. Вряд ли даже у колдуна Чернобора с ведьмой Костеной хватит чар, чтобы её уничтожить. Котис Фракийский смог лишь разрубить чашу, и то наверняка без колдовства не обошлось... Прежде Ларишка никогда не думала о том, что она будет делать без Ардагаста. Не гнала мысль — просто не думала. Но тогда она не была царицей.

Загудела тетива, и белая, покрытая льдом стрела попала в златорогую козу, и упала она на колени, и рухнула на бок, сражённая булавой Мороза-Воеводы. Бросились волк с медведем, чтобы растерзать её, но Чернобог тут же отогнал их, как собак, от добычи и подозвал гречина, чтобы продать ему за драхмы и сестерции мясо, шкуру и серебряные копытца с золотыми рогами. Многие тут вспомнили Сауаспа, а иные, глядя на его дочь с зятем, вслух говорили: «Эти продадут и землю нашу, и небо, и само Солнце». Мороз с купцом алчно торговались и грязно бранились, а легионер уже размахивал мечом, требуя отдать ему козу даром, потому что весь скот в Скифии принадлежит его императору...

Ардагаст шёл ночным лесом. Золотое пламя колебалось, указывая дорогу, длинный кушанский меч рассекал преграды. Не пушистые ковры, не мозаичные полы стелились под ноги царю — снег, да валежник, да вывороченные бурями корни. Не под дворцовыми арками проходил он — под низкими сводами из переплетённых ветвей, с которых за шиворот сыпался снег. Тьма без предела была впереди, и тьма смыкалась сзади. Вот вспыхнула во тьме пара жёлтых огоньков, потом ещё и ещё — спереди, с боков, сзади. Огоньки всё ближе, всё громче вой: волки перекликались, окружая добычу.

Волки, бывает, уносят детей, но редко осмеливаются броситься на сильного вооружённого мужчину — разве что такой вот голодной зимой. Если волки — настоящие. А если под волчьими шкурами прячутся безжалостные людские души? Побежишь — нападут сзади, пока справишься с передним. Залезешь на дерево — не уйдут, а в Чаплин надо попасть до рассвета. Выбрав ствол пошире, Ардагаст привалился к нему спиной и стал ждать. Можно было бы, кроме меча, взять и акинак, но куда девать чашу? За пазуху не сунешь — одежду прожжёт. Да и умеет Огненная Чаша сама за себя постоять, хотя, может быть, и не всегда. Значит, может послужить и оружием в руках избранника богов.

Волки, совершенно не таясь, подбирались всё ближе. В золотистом свете чаши блестели белые клыки, из пастей вырывалось рычание. Ардагасг выставил вперёд меч и громко заговорил:

— Вы кто, волки или люди? Если волки, так я вам не баран. Глядите, на этот меч напоретесь, в этом огне изжаритесь. А если люди, так что, в Даждьбога не верите, Огненной Правды не ведаете? Так узнайте на себе её силу. Она — в этой чаше! — Внезапно он заметил между деревьями неуклюжую бурую громаду. — Бурмила, ты? Чего прячешься у волков за спинами? Выходи биться!

Ответом ему был рёв, переходивший в раскатистый хохот;

— Ур-р-хо-хо! Ну как же я волков обижу, добычу отниму? Хоть я при случае и люблю человечинкой полакомиться. Сладкая она, будто мёд...

— А ты чашу отдай, тогда, может, и умолим отеческих богов выпустить тебя и войско твоё, — раздался ехидный голос Шумилы. — Порадей о своих людях, царь, пока мы добрые.

Двое молодых, сильных волков-переярков бросились на Ардагаста сразу с двух сторон. Он сделал выпад мечом навстречу одному, направил другому в морду пламя чаши. Первый переярок упал с рассечённым горлом, второй, дико визжа, покатился по снегу с обгоревшей дочерна на груди и морде шерстью. Матёрый вожак взвыл, и вся стая бросилась на Ардагаста. Но в его руках теперь было словно два меча — серый стальной и пылающий золотой. Царь широко взмахнул рукой с чашей. Самые осторожные звери отскочили назад сразу, более смелые — получив ожоги. У одного от головы остался лишь обгоревший череп. Ещё одному волку Ардагаст всадил меч в брюхо. Тем временем зубы другого впились царю в плечо. Зореславич быстро направил пламя чаши ему в бок, и волк повалился на снег с жутким визгом.

Самые смелые из волков, как оказалось, не родились зверями. Рядом с обгоревшим корчились на снегу два крепких парня с волчьими шкурами на плечах. У одного хлестала кровь из распоротого живота, у другого чернела на боку страшная рана, через которую были видны сожжённые внутренности. Чародейские пояса у обоих оборотней лопнули, и теперь волколаки умирали в людском обличье. Двумя ударами меча Ардагаст пресёк их мучения.

Зореславич, переведя дыхание, привалился к дереву, ощупал плечо. Волчьи зубы порвали в клочья кафтан и плащ, разорвали кожу, но глубоко не проникли. Уцелевшие волки жались к деревьям, скулили от боли, огрызались, но не уходили. Что-то удерживало их. В темноте за спинами зверей Ардагаст заметил белое сияние. Вот оно приблизилось, и царь увидел всадника на белом коне, во всём белом. Всадник стоял далеко, так что лица его не удавалось разглядеть, и был совершенно безмолвен.

Из темноты послышались приглушённые голоса: «Уходить пора! Дурак, не вмешается он — не время! Позовём Железного... Батюшкино заклятие помнишь? Ладно, лучше я позову». Потом громко заговорил Бурмила:

— Шавки вы, а не волки! Погодите, сейчас придёт всем волкам волк, что само Солнце съесть может!

Внезапно налетевший из тьмы порыв холодного ветра заставил колебаться солнечное пламя. Во мраке вспыхнули две красные точки. Заскрипел снег под чьими-то лапами, затрещали ветви. Волки, не исключая матерого вожака, перепуганно заскулили, поджав хвосты. Из чащи неторопливо вышел громадный, немногим меньше медведя, волк. Его тело вместо кожи и шерсти было покрыто тускло блестящим темносерым металлом. Но металл этот был гибок, словно обычная кожа, и чудовище напоминало ожившую железную статую. Красные глаза горели безжалостным огнём, способным испепелить в душе самую волю к борьбе.

Вожак прижался к земле, положив голову на лапы. Остальные волки легли на спину, выставив незащищённое брюхо: терзай, обороняться не посмеют. Белый Всадник был всё так же неподвижен и безмолвен. Железный Волк раскрыл пасть, чёрную, как воронёная сталь. Блеснули железные клыки, острые, как кинжалы.

Солнечное пламя нисколько не пугало зверя. Он облизывался темно-красным языком, слюна капала на снег, словно при виде лакомой добычи. Торжествующее рычание вырвалось из пасти, и вместе с ним волнами накатывался беспощадный, могильный холод.

— Что, царь, Смерти не видел, Тьмы не видел, Зиму в тёплых краях забыл? Вот они! Куда сунулся с плошкой своей в нашу святую ночь? — Голос Шумилы был полон ехидного торжества, и ему вторил рёв и хохот Бурмилы: «Ур-р-хо-хо-хо!»

Вот и всё. Бесполезен стальной клинок. Не поможет и солнечное пламя. И не так он, Ардагаст, силён, чтобы, словно Геракл, о котором он много слышал от греков, одолеть неуязвимого зверя голыми руками. Рука царя стиснула золотую рукоять меча. На круглом навершии смешной добродушный медведь, путаясь в лозах, поедал виноград. Медведь — зверь не Чернобога, а Велеса. И ещё — Перуна-громовника. Вспомнился другой меч Куджулы — Гроза Дэвов. Древний меч с бронзовой рукоятью, наделённый силой Грома. А золотой амулет-перекрестье, принесённый Ардагастом, придал мечу ещё и силу Солнца. Меч в золотых ножнах, подаренный росичу Куджулой, был обычным мечом индийской стали без всякой магической силы. И всё же...

Ардагаст направил клинок вперёд и левой рукой прижал к его перекрестью верхним краем Колаксаеву чашу. Золотое пламя вновь вырвалось из неё, устремилось вдоль клинка, обволокло его, вытянулось ещё дальше, удлиняя меч. Железный Волк злобно завыл, подался назад. Значит, есть то, чего и сама Тьма боится, даже в самую длинную ночь года! Не дожидаясь, пока зверь прыгнет, Ардагаст сделал выпад, подавшись всем телом вперёд и продолжая прижимать чашу к перекрестью. Но чудовище уже метнулось навстречу, сбило с ног ударом сильного тела. Железные зубы щёлкнули над ухом, сорвали шапку. Однако золотой меч уже прожёг стальную шкуру и вошёл по рукоять в грудь зверя. Внутренности Железного Волка оказались вовсе не железными! Кровь хлынула из груди, закипая и обращаясь в красный пар, обжигавший Ардагасту лицо.

Стальные когти рвали кафтан, впивались в грудь. Зореславич повернул меч в ране, пытаясь добраться до сердца и продолжая выжигать солнечным огнём утробу зверя. Если бы сейчас бросились остальные волки... но они лишь, дрожа, наблюдали за поединком. Вдруг красные глаза железной твари погасли, рычание оборвалось. Тяжёлая туша по-прежнему придавливала Ардагаста к земле, но это была уже тяжесть мёртвой железной статуи с окровавленными когтями и княжьей шапкой в зубах.

Зореславич напряг силы, сбросил с себя огромный труп и поднялся, пошатываясь. Кто нападёт первым — волки или полумедведи? В темноте послышались шаги. Ещё один враг? Из чащи вышел немолодой, с длинными волосами цвета волчьей шерсти человек, одетый в белое, с кнутом в руке. Он низко

поклонился Белому Всаднику и сказал:

— Прости, светлый боже, что не углядел за стадом.

Потом строгим взглядом окинул волков и покачал головой:

— Ах, бездельники, Чёрный бог вас создал! Только оставь вас... На кого набросились, дурачье серое? Досталось вам, и мало! В село не полезли — там же сейчас всю ночь гулянка. Так гоняли бы чертей по лесу — у них теперь тоже гульба.

Волки виновато поджали хвосты и опустили головы, а вожак что-то провыл по-своему. Волчий пастырь сердито прорычал в ответ и продолжал по-человечьи:

— Этих оборотней-сорвиголов давно пора было из стаи гнать. Нашли кому верить — полумедведям! Вот и напоролись на того, с кем сам Железный не сладит. — Он обернулся к Ардагасту и степенно поклонился: — Прости, избранник богов, моё стадо непутёвое. Поверили, щенки глупые, будто Ярила велел у тебя Даждьбогову чашу забрать... Не скажешь ли, где воевать будешь, чтобы я знал, куда волков гнать?

Ардагаст улыбнулся, покачал головой:

— У готов «радовать волка» значит «воевать». Ты уж прости, пастырь, я твоё стадо не обрадую. Хочу без войны пройти по лесам.

— Светлые боги тебе в помощь, царь. А всё же от войны в такое время не зарекайся... Дай-ка я раны твои погляжу.

Уже не опасаясь, что волки бросятся на кровь, Зореславич снял кафтан и сорочку, и волчий пастырь, порывшись в котомке, смазал и перевязал ему плечо и грудь. Потом обернулся к зарослям и погрозил кнутом:

— А вы, пройдохи косолапые, вон отсюда! Пойдёте за царём — всю стаю на вас спущу!

— Да не тронем мы твоего царя. Пусть дальше идёт. Люди опаснее зверей. Особенно мёртвые, — зловеще проговорил Шумила.

Сердечно попрощавшись с волчьим пастырем, Ардагаст зашагал вглубь леса.

Чернобог с купцом и легионером ещё препирались над телом козы, когда гусли зазвучали весёлой, радостной мелодией, и в пляс пустился золоторогий олень — новорождённый Даждьбог. Следом понеслись, высоко подпрыгивая и вертясь, могучий тур с золотыми рогами и лев — другие воплощения Сварожича-Солнца. И побежали от них Мороз и его свора. Поднялась вновь коза и принялась бодро отплясывать под пение остальных:

Где коза ходит,
Там жито родит.
Где не бывает,
Там полегает.
Где коза ступ-ступ,
Там жита семь куп.

Войско ликовало. Что им теперь волчий лес со всеми его нечистями и нежитями? Сгинут, как гибнет сама Тьма каждый день и каждый год, когда рождается-воскресает Солнце. А людям нужно всего только не поверить, что Тьма правит миром даже в самую длинную ночь года.

Потом Вышата торжественно заколол козла в жертву Солнцу и принялся варить его целиком в большом бронзовом котле. А колядники двинулись вокруг всего стана, пропахивая в снегу борозду позолоченным ралом. Рало тащили тур-Вишвамитра и медведь-Сигвульф, а за ралом шёл кушан, ряженный кузнецом Сварогом. И разносилась по лесу песня о золотом плуге сварожьем, в который запряжены двенадцать созвездий — золоторогих волов, и ещё два медведя, и две вороны, и две синицы. А вверху ярче всех звёзд сиял небесный Плуг — Орион. Саузард и другие ненавистники Ардагаста рады были бы бежать, но куда — в волчью тьму, одинаково враждебную всем пришельцам с юга?

Ардагаст уверенно шёл ночным лесом. Правая рука сжимала меч Куджулы, а в левой полыхало золотым пламенем огненное сердце Скифии — чаша Колаксая. Лес слегка поредел. Дорога шла через замерзшее болото. Иногда под сапогами трещал лёд и чавкала грязь. Болотные черти куда-то попрятались и лишь изредка давали о себе знать воем и улюлюканьем. Вдруг впереди треснул лёд, и из болота поднялась высокая тёмная фигура. То был не бес, а бородатый светловолосый воин, одетый по-скифски, с колчаном и акинаком у пояса.

— Я Любомир, воин и родич Таксага, Быстрого Оленя, царя скифов-пахарей. Кто ты, воин? Я чувствую в тебе нашу кровь, а в руке твоей — Колаксаева чаша. Неужели возродилось царство сколотое?

— Я Ардагаст, царь росов и венедов. Род моего отца — от Таксага, а по матери я — сармат из царского рода росов.

По бледному лицу воина потекли слёзы, руки благоговейно простёрлись к золотому пламени.

— Даждьбог светлый, ты услышал нас! Я знаю сарматов. Вместе с ними мы разбили полчища Дария Персидского. А пришли сюда — покарать трусов нуров, что не помогли нам против персов. Я со своим десятком шёл к их городку Горошкову. Волколаки загнали нас в это болото. Никто не выбрался. Солнце-Царь, отомсти за нас, неупокоенных!

— Отомсти за нас, неупокоенных! — донеслись глухие голоса из-подо льда.

— Я пришёл сюда не мстить, но устанавливать мир. На то боги дали мне Огненную Чашу. А по вам, родичи, я справлю тризну и принесу вам достойные жертвы.

— Богам виднее, — склонил голову мёртвый сколот и негромко добавил: — А нурам мы и сами мстим, стоит им забрести на болото.

Ардагаст двинулся дальше, и вдруг из-за кочки к нему выбежала девочка лет тринадцати, одетая, несмотря на холод, лишь в вышитую белую сорочку с пояском. Лицо девочки было красного цвета. На белой шее краснели простенькие бусы.

— Дяденька Ардагаст! Ты ведь в Чаплин идёшь, да? Проведи меня хоть до погоста. Я Милуша, Дубовика дочь. Меня мертвецы сколоты в болото затащили, заели, упырицей сделали. А я кровь пить не хочу. Ещё они меня жить с ними заставляют, а чуть что — грозятся чертям отдать или сарматам, те ещё злее. Скажи родичам, пусть сожгут меня.

— Эх, родичи, родичи! — с укоризной взглянул Зореславич на подбежавшего Любомира.

— Солнце-Царь, она заест тебя! Волчьему племени верить нельзя, они все нас ненавидят.

— Меня и сам Железный Волк не заел. А такого племени, чтобы в нём добрых людей не было, я и в Индии не встречал... Для вас, родичи, всё сделаю, как обещал. Но девчонка эта со мной пойдёт.

Он круто повернулся и быстро зашагал вперёд. Милуша семенила рядом и торопливо говорила:

— Ты не бойся, дяденька, я ещё никого насмерть не заела. Пока в земле лежу, мне кровь совсем не нужна. И сейчас я не голодная, до городка легко дойду. Только когда долго иду, слабею, если крови не попью. — Она тронула его за руку и тут же отдёрнула свою руку. — Ой, от меня, наверное, холод идёт?

— Через кафтан и рубаху не заметно. Вот от Железного Волка холод так холод, — улыбнулся Ардагаст.

— Мне теперь всегда холодно, — вздохнула девочка. — Только от крови теплее становится или от хмельного.

В душе Ардагаст тревожился, не раздразнит ли упырицу

запах свежей крови у него на плече и груди. Но виду не подавал: пристало ли взрослому воину бояться жмущейся к нему запуганной девчонки?

Она шла справа от него, отводя глаза от солнечной чаши и его левой руке. Внезапно Милуша схватила царя за локоть:

— Дяденька, не иди сюда, тут сарматы лежат. Давай лучше вон там обойдём.

Ардагаст пригляделся. Вокруг уже заметно посветлело, хотя в чаще, наверное, было всё ещё темно.

— Чего мне их бояться? Я сам по матери сармат. А в Чаплин надо успеть к рассвету.

— Конечно, — кивнула девочка. — Мне на солнце быть нельзя. Двигаться не смогу и совсем страшная стану, а всё равно не умру. Я солнышко люблю... — она шмыгнула носом, — любила, а теперь и глядеть на него не могу, даже на чашу твою.

Они шли дальше напрямик через болото, а лёд уже трещал, и из-под него один за другим поднимались бородатые воины в коротких сарматских плащах, в кольчугах, панцирях и остроконечных шлемах. Один из воинов торжественно поднял руку и заговорил:

— Здравствуй, воин. Я чувствую в тебе нашу кровь. Но плащ твой изорван, и тамгу нельзя разглядеть. Назови свой род и племя.

— Я Ардагаст, царь росов и венедов, из рода Сауата племени росов.

— Мы — царские сарматы, и росы — враги нам, — нахмурился мёртвый воин. — Но в тебе кровь нашего рода, я чувствую.

— Я назвал родство по матери. А по отцу я потомок Яромира, сына великого царя сарматов Сайтафарна и сколотской царевны.

Мёртвый сармат пригляделся к чаше и воскликнул:

— О, Саубараг! Это же Колаксаева чаша! Значит, ты смог отбить половину её у фракийцев, а половину — у венедов?

— Чашу я добыл по воле богов.

— Значит, ты — их избранник. — Мёртвый сармат воздел руки к небу. — Слава тебе, Ортагн, ты прислал могучего мстителя! Нас завёл в это болото предатель-нур. Никто не выбрался живым. Но его тело оборотни потом вытащили и сожгли, а мы уже два века томимся непогребёнными. Мы знаем дорогу к их городкам — Чаплину, Горошкову, Милограду — и пробираемся туда ночами. Мы бы извели всех, если бы не чары их колдунов. Но мы проведём твоё войско — только отомсти за нас! Сдери кожу с их мужей, обесчесть и продай грекам их женщин,

насади на копья их детей, сожги их деревянные логова! Родич, отомсти за нас!

— Родич, отомсти за нас! — подхватили мертвецы. В лунном свете блеснули клинки мечей и акинаков. Судя по навершиям в виде полумесяца, им было не меньше двухсот лет, но они не могли даже заржаветь, пока призрачная жизнь не покинет тела их хозяев. А из-за деревьев и кочек выходили другие сарматы. У них мечи были с кольцами на рукоятях, а на плащах желтели росские тамги.

— Ардагаст, Сауайты-Черный, царь и родич наш! Сауасп привёл нас в эти гиблые места и даже не отомстил как следует за нашу смерть. Он думал только о добыче. Отомсти за нас, родич! Дай нам напиться досыта крови подлых нуров!

В раскрытых ртах над бородами блестели длинные белые клыки. Дрожащая Милуша прижалась к Зореславичу. Не вздумала бы загрызть его, страшного царя росов и родича упырей, чтобы спасти своё волчье племя... Да что ему до этой нечисти лесной? Честь рода и племени — превыше всего. Какого рода? Какого племени? Он венед по отцу, а нуры — тоже венеды. Хилиарх говорил ему: «Человек — гражданин всего мира. Я бы посоветовал тебе, царь, следовать мудрости стоиков, если бы не видел множества негодяев, способных предать любой город и именно так оправдывающих себя». Он взглянул в золотое пламя Колаксаевой чаши — и вдруг вспомнил слова Вышаты: «Племя воина Солнца — все, кто в этом мире следует путём Света». На душе стало легко и светло. Он обвёл спокойным взглядом жаждущих крови мертвецов.

— Я ещё не мёртвый, чтобы упырей на живых вести. Хотите — соберитесь вместе, тогда мои волхвы сожгут ваши тела, чтобы ваши души очистились и ушли к предкам.

— Неотомщённому не будет покоя и на небе. Или мы ошиблись и ты не наш родич?

— Не нужны мне такие родичи! Вы зачем сюда пришли — грабить, жечь, в полон уводить? Разве нуры ваши стада угоняли, ваши стойбища жгли? Пусть за вас Саубараг мстит, которому вы перед набегом молились! С дороги, нежить болотная!

Он широко взмахнул в обе стороны — чашей влево, мечом вправо. Солнечное пламя взметнулось высоко, и на мече блеснуло серебро — Ардагаст посеребрил клинок ещё перед боем с Семью Упырями. Мертвецы шарахнулись в стороны. Драться с родинами царю всё же не хотелось, да и некогда было. Только бы не напали сзади!

— За мной, Милуша! — шепнул он девочке и бросился бежать, отбив на ходу несколько клинков.

Быстро оправившись, упыри с воем и бранью последовали за ним. Мимо уха просвистела одна стрела, вторая.

— Дяденька, я сзади побегу, тебя прикрою. Мне стрелы не страшны, если не серебряные! — крикнула Милуша.

Они бежали, и с их пути спешили убраться не только потревоженные кабаны, но и всегда охочие до пакостей болотные черти. Нечистые лишь швыряли вслед увесистыми палками, подбрасывали под ноги чурбаны. Девчонка во всё горло ругала чертей отборными словами, услышанными не то от упырей, не то от мужиков в городке. Вдруг послышался лай собак. Ну вот, до жилища совсем немного осталось. И до рассвета тоже... Ардагаст оглянулся. Девочка сильно отстала от него. Да ведь ей же чем светлее, тем труднее двигаться. Упырям-сарматам, правда, тоже, зато у них стрелы. Крикнув Милуше «Ложись!», царь обернулся и направил чашу на приближавшихся мертвецов. Те бросились врассыпную, а один сармат, оказавшийся впереди всех, вспыхнул, как факел, и рухнул на лёд.

Девочка, у которой в спине торчало три стрелы, с трудом поднялась и тут же упала. Ардагаст взвалил её себе на спину. Милуша обхватила его за шею, и он снова побежал. Руки упырицы неприятно холодили шею, ледяное дыхание — щёку. Над ухом раздался умоляющий голосок:

— Дяденька, я тебя не укушу, только не бросай меня! Вот, снова в меня попали. Что они со мной сделают, если поймают!.. Ой, у тебя кровь через повязку проступила! Я твой плащ в зубы возьму, чтобы тебя не укусить, ты только меня не бойся.

— Ты тоже не бойся, я тебя этой падали неупокоенной не отдам.

Деревья расступились, открывая белую гладь замерзшего Днепра. А справа, над берегом, начинался посад. Только бревенчатые избы, вытянувшиеся вдоль улицы, были почему-то маленькие: локоть в высоту и длиной в человеческий рост. Запыхавшийся Ардагаст не сразу сообразил: это же кладбище со срубцами-домовинами над могилами. А между домовинами стояли, пристально вглядываясь в пришельцев, светловолосые люди в белой венедской одежде, с волчьими шкурами на плечах — старцы, мужи, женщины, дети... Их прозрачные тела слегка светились мягким белым светом. Ардагаст остановился, облегчённо вздохнул: упырей здесь, где хоронили лишь сожжённых покойников, быть не могло — только духи умерших.

Стоявший впереди старик поднял резной посох:

— Идите прочь, сарматы! Это место святое.

Относилось ли это к упырям или и к самому Ардагасту? Девочка соскользнула с его спины и быстро заговорила,

обращаясь к старику:

— Пращур Мироволод! Это Ардагаст, он не сармат, то есть... не совсем... он — царь венедов... и сарматов тоже.

— Царей у венедов ещё не было, — медленно проговорил старик. — И цари сюда с добром никогда не приходили. Но я вижу силу Солнца в твоей чаше.

Сзади загудела тетива. Ардагаст обернулся. Стрела лежала на снегу у самой границы кладбища, словно наткнувшись на незримую стену. А его преследователи со всех ног убегали в глубь болот. За Днепром разгорался костёр зари, и упырям оставалось только удирать поскорее в болото, лишь бы подальше от солнечных лучей.

— С чем пришёл ты к нашему племени, царь Ардагаст? — спросил старик, устремив на Зореславича испытующий взгляд.

— С миром и Огненной Правдой.

— Верю. Я видел в Ирии твоего отца и деда. И твоих воинов, павших в битве с лешими.

Милуша вдруг опустилась наземь, простонав: «Не могу... Солнце...» Она села, опираясь на руки. Лечь на спину ей не давали торчавшие в спине стрелы.

— Помоги ей. Солнечный огонь лучше всего очищает упырей, — сказал Мирволод.

Ардагаст направил чашу на девочку. Золотистое пламя охватило её тело, и вскоре от него остались лишь пепел и белые обломки костей, среди которых краснели спёкшиеся бусы и раскалённые наконечники стрел. А рядом стояла сама Милуша, полупрозрачная и светящаяся, и с благодарной улыбкой глядела на царя росов.

— Иди теперь в наш стольный град. Не забудь сказать её родным, чтобы пришли похоронить. И помни: мы, нуры, не зверье лесное и не бесы, хоть и нет у нас и не было ни великих городов, ни царей в золоте. «Нура» значит «земля». Наше племя Мать Сыра Земля любит за то, что мы в глухих лесах не забыли, как землю пахать.

Зореславич поклонился духам нуров, вложил меч в ножны и зашагал к городку, окружённому валом с частоколом на нём. Дорога через кладбище перешла в улицу посада. Вид у Ардагаста был совсем не царский: рваная шапка, изодранные и окровавленные плащ и кафтан. Но сияли золотом меч Куджулы и гривна со львиными головами, в поднятой руке полыхала чаша Колаксая. А из-за Днепра вставал во всей своей красе новорождённый Даждьбог Сварожич, и страшным сном казалось при его свете всё, что творилось в самую длинную ночь года. Из рубленых изб выглядывали нуры, дивясь оборванному человеку с

солнцем в руке. А перед воротами городка, по эту сторону рва, стояли в ряд воины в волчьих шкурах. Посредине, перед самым мостом — седовласый князь в кольчуге. Серый металл сливался с серым мехом.

Вспомнились слова Сигвульфа: «Волчьим клятвам не верь — так сказал Один». А что? Ударят сейчас с двух сторон между рёбер, князь мечом снесёт голову, и веками будут хвалиться нуры в песнях, как убили безбожного царя Ардагаста. Андак на его месте стал бы первый мечом рубить, солнечным пламенем жечь — просто так, для страха, а потом сказал бы, что коварные волколаки хотели на него напасть. И душой бы не покривил — всех по себе мерит. Вот потому-то и не далась ему Огненная Чаша! Нет, нельзя сейчас даже руки на меч положить. И солнечная чаша теперь — не оружие. Она даётся лишь тем, кто верит: Чернобог не создал людей, а лишь испортил, и есть Солнце в душе человеческой, как и на небе.

Он подошёл к городку совсем близко. Князь нуров не спеша поднял правую руку в степном приветствии, потом приложил её к сердцу, опустил и медленно, словно спина его не гнулась, поклонился в пояс Ардагасту. Воины-волки разом протяжно завыли. Князь выпрямился. На суровом, меченном шрамами лице его играла добрая и чуть лукавая улыбка.

— Здравствуй на многие лета, Солнце-Царь! Теперь вижу: остановит тебя только тот, с кем сами боги не сладят... А сейчас милости прошу с дороги в баню. Заодно и ранами твоими займусь: ведь волхв.

— Только пошли сначала гонца в мой стан. А то как бы не заждались и не пришли мстить за меня, волколаками порубленного.

Волх махнул рукой одному из воинов. Тот перекувыркнулся, оборотился волком и побежал к лесу.

— И ещё: скажите Дубовику, чтобы собрал и похоронил кости своей дочери Милуши. Они на краю кладбища лежат, и сжигать не надо. Чиста она теперь перед богами и людьми. Да к её душе никакая упырья грязь и не липла.

В жарко натопленной баньке было тепло и уютно. Хозяин с гостем уже вымылись, попарились с квасом и теперь потягивали из глиняных кружек боспорское вино, закусывая пирогами с требухой. Раны Ардагаста были тщательно промыты, смазаны и перевязаны. Из-под полока выглядывал банник — маленький, голый, с огромными глазищами и волосами до полу — и только качал головой, слушая рассказ гостя. Никогда бы не подумал, что может человек такую трёпку задать всей лесной нечисти, да ещё в

святую волчью ночь! Нет, с таким лучше не шутить — кипятком не шпарить, одежду не прятать — хоть бы и глухой ночью париться вздумал...

— Да, если бы не эта девчонка, я бы ещё подумал, можно ли тебе служить, — говорил Волх. — Если уж ты не побоялся нашу упырицу на себе нести — значит, мы для тебя люди, а не зверье хищное, как вы, поляне, про нас думаете. Мы-то в лесу не самые страшные. Даже когда волками оборачиваемся, человечины не едим... Как, по-твоему, намного я старше тебя? — неожиданно резко спросил он.

Ардагаст окинул взглядом поджарое, сильное тело князя, литые мышцы, потом худощавое, усталое лицо, которое ещё больше старили седые волосы — именно седые, а не мертвенно-белые от рождения, как у Злого царя.

— Если по телу смотреть, то лет на десять... ну, на двадцать. А если по лицу, то и больше.

— А если по душе, то лучше и вовсе не заглядывать... Мне и тридцати нет. Я моложе тебя был, когда напала на село голядь. Отца увели, мать, сестру, жену с сыном маленьким. Мы, воины, погнались следом. Не спешили, думали — ради выкупа людей угнали голядины. И вдруг нашли в лесу капище Поклуса-Чернобога... — Он закрыл лицо руками, застонал-завыл раненым волком, залпом выпил кружку вина, потом ещё. — Съели они всех. Не с голоду. Обычай у них такой.

— Хилиарх, грек мой, всё рассказывает о каком-то племени андрофагов-людоедов. Вроде живут они не то к северу от скифов-пахарей, не то на северном краю света, за пустыней.

— Зачем так далеко искать? На полночь от нас голядь живёт, в верховьях Славутича и Двины.

— Они что, всё людей едят?

— Да нет, только дружинники и волхвы, и то тайком. Верят, что от того сильны, и храбры, и красивы станут, как те, кого съели... Собрал я тогда дружину и мстил — люто, страшно. Не жалели ни старого, ни малого. Голядки детей пугали Седым Волком — мною. Но человечины мы не ели, хоть и подбивали иные наставники премудрые. Вдруг явился мне воин — молодой, безбородый, волосы золотые, как у тебя, — и говорит: «Остановись, Волх Велеславич, не то в пекле будешь». — «Я, — говорю, — мщу по правде». — «По какой правде — преисподней? Ты давно уже не мстишь, а Чернобогу жертву приносишь». — «Откуда знаешь — сам разве в преисподней был?» — «Я там каждую ночь на золотой ладье проплываю. А ты умён и смел, не только мстить сможешь — всем племенем править». И пропал, только свет вспыхнул — я чуть не ослеп. Тогда я и задумал всех

нуров сплотить, такую рать собрать, чтобы все боялись к нам с разбоем приходить. Тогда мстить незачем будет. Избрали меня за храбрость великим воеводой, потом князем — тут уж я сам настоял. У нас ведь царя лет триста не было.

— И как, удаётся тебе, что задумал?

— Когда как, — вздохнул князь. — Раньше в лесу редко воевали, реже, чем у вас в степи. А последние двадцать лет — словно Чернобог все племена в котле мешает. В устье Вислы объявились готы из-за моря, бьют пруссов, те — литву, литва и голядь — нас, будинов, северян. А с юга — орды сарматские.

— И все-то вас, нуров, обижают, — прищурился Зореславич. — Да ведь и вы волки, не овцы. Ваши молодые воины на всех соседей нападают — и на полян тоже.

— И у вас, сарматов, молодых хлебом не корми, вином не пои, дай только в набег пойти, — не смутился Волх. — Такие удальцы племени не спрашивают, и племя за них не в ответе.

— Так вот, теперь не будут твои переярки удальство выказывать на венедах — ни на полянах, ни на дреговичах, ни на северянах. Без них врагов хватит.

—Это кто ещё смеет волку в лесу указывать, на кого ему нападать? — хрипло проговорил князь.

Он, казалось, и впрямь забыл обо всех клятвах. Серые глаза зажглись звериным огнём, крепкие зубы оскалились, мышцы напряглись — вот-вот бросится. Но спокойным оставался взгляд голубых глаз Ардагаста.

— Кто смеет? Царь. Мне и волк служит. Настоящий. И леший, хозяин его. Этот, если встанет в полный рост, весь твой стольный град по брёвнышку раскидает.

— Откуда у тебя власть такая, что все пред тобой склоняются? Ни у кого в лесу такой нет. — Голос князя дрогнул.

— Власть моя — от Солнца. И пока я верен Огненной Правде, не покинет меня огненный фарн — слава царская.

— Завидую я тебе, Солнце-Царь, — вздохнул Волх. — Мне вот на всех приходится оглядываться — на вече, на старейших. Хуже всего — на колдунов. Нашепчет кобник плюгавый, и не помогут ни меч, ни кольчуга. Потому я и выучился на волхва. Через какие обряды прошёл, кого видел, как тебя сейчас — лучше не говорить, да и нельзя. Одно открою: мог бы иметь власть над лесом больше твоей, если бы продал душу тому, кого добрые люди не поминают. Да ведь я оборотень, а не бес, и бесом становиться не хочу. Эх, разогнать бы всех чёртовых слуг, как вы в Дрегве разогнали!

— Разгоню, если ты со мной заодно будешь, и не тайком, а так, чтобы все знали: есть у них не только князь, но и царь.

— Непросто будет уговорить нуров сарматам покориться.

— Сам видишь: мир такой стал, что не отсидишься даже в волчьем лесу. И ведь не сарматы вас победят, если вздумается воевать, а греческие купцы, что ждут не дождутся вас в Пантикапее на невольничьем базаре.

— Век бы их, гречинов, не видеть, с товарами ихними да с обманами, — проворчал Волх. — Да любят девки стеклянные бусы, а я вот вино...

— С греками торговать можно, лишь бы себя не продавать и племя своё. И не воевать ни с кем в угоду грекам.

— Дивлюсь я: ты такой славный храбр, а воевать, похоже, не любишь. И другим не велишь. Не заскучали бы с тобой мои волки... Да и твои степняки.

— Ну, за войнами у меня дело не станет, — улыбнулся Ардагаст. — Солнце велит сражаться только за Правду. А у неё столько врагов — зачем ещё воевать ради Кривды, продавать друг друга за серебро? Людоеды сунутся — их проучим. А осенью задумали мы с Собеславом и Всеславом идти на Чернорига бастарнского и его чёрных друидов.

— Этих в одиночку никто не одолеет. А пять племён вместе... Эх и натворим мы с тобой дел, Солнце-Царь! — повеселел Волх.

Снаружи раздался шум, прогремел голос Сигвульфа:

— Говорите, где царь?

— А если что с ним сделали, так лучше в лес не суйтесь. Это я вам говорю, лесной хозяин! — шумел на весь город Шишок.

— Не съели мы вашего царя, — ответил какой-то нур. — Здесь он, с князем в бане парится.

— Раз не съели, значит, он теперь и ваш царь, — раздался категоричный голос Ларишки. — А я — царица. Кто не согласен — пусть выходит со мной биться, хоть на четырёх ногах, хоть на двух.

Ардагаст натянул чистую сорочку и штаны, приоткрыл дверь.

— Ларишка! Не изводи зря лучших воинов леса!

Тохарка спрыгнула с коня, подбежала к мужу, крепко обняла его. Заиндевевшая кольчуга холодила тело через рубашку.

— Зря ты кольчугу надела. Этим волкам верить можно.

— Видно, такие волки водятся только в венедских лесах, — покачал головой Сигвульф.

Войско росов вместе с дружиной Волха шло от городка к городку, собирая дань. И первой в ворота входила царская русальная дружина. Обходили дворы, славили богов и хозяев, заклинали обилие и благополучие, на весь год. Нуры принимали русальцев сначала настороженно, потом с охотой. Издавна ведь

чужого волхва считали сильнее своего.

Да и весело становилось с приходом росских колядников. Редко кто в лесу решался даже на святки смеяться над нечистью и смертью так, как они. Страшный зубастый покойник вдруг выскакивал из гроба и принимался плясать под шутки и прибаутки. Кузнец перековывал старых на молодых. Убитый бык воскресал и принимался бодать девок, а журавль — клевать их. Грек норовил купить солнечного коня, чтобы оставить глупых скифов с деньгами, но без света. Шум, смех, визг... Ну какой же царь Ардагаст нечестивец и безбожник, если с ним такие благочестивые люди приходят? После них, поди, нечисть целый год не посмеет сунуться.

Несколько наглых чертей под видом ряженых попробовали затесаться среди колядников, чтобы наброситься на веселящихся людей, забывших страх чернобожий. Только Серячок сразу учуял нечистых и так покусал, что те еле ноги унесли туда, куда люди бесов посылают.

Но шутки и смех стихали, когда Вышата с Миланой ставили деревянную чашу со знаками двенадцати месяцев по ободку, наливали воды, пускали по ней деревянный ковшик-утицу и начинали гадание. Двенадцать святочных дней — лучшее время для гадания про весь будущий год. Куда укажет солнечная уточка, что возвестит — дожди или засуху, обилие или недород, войну или мир? Для верности ещё гадали по птичьему полёту, по расплавленному воску и олову, по золе е жертвенника, и у царских волхвов всё сходилось. А потом девушки бросали в чашу свои простенькие бронзовые колечки, браслеты, подвески, и Милана ворожила им суженых-ряженых.

А служителям чернобожьим пришлось не лучше, чем в Дрегве. Их гнали из городков, топили, жгли, часто даже не дожидаясь прихода росов. Разрушали капища Чернобога и Яги, в потайных заклятых местах отыскивали и разоряли могилы злых колдунов, выкапывали и жгли упырей. Ни живые, ни мёртвые лиходеи не могли укрыться от духовного зрения Вышаты и тонкого нюха Серячка, с которым мог состязаться лишь князь нуров, когда оборачивался волком.

Уцелевшие колдуны и ведьмы сбегались в Милоград — древнюю столицу нуров у устья Березины. Там плелась паутина злых чар, способных без боя погубить целую рать. Колдовали здесь сильнее и злее, чем в Дрегве, — чувствовалась многовековая выучка с тех ещё времён, когда предки нуров пришли в эти глухие чащобы и их ведуны набирались недобрых знаний от колдунов диких лесных племён. А солнечный волхв с природной ведьмой рвали и жгли эту незримую паутину силой

Света. Трудно было двоим выдержать такое напряжение — ведь надо было ещё и колядовать, и гадать, — но на помощь приходили нурские волхвы Ярилы и Велеса, и даже природные ведьмы Мораны. Не раз Вышата вспоминал о своих друзьях Стратонике и Авхафарне. Но южанин и степняк, хотя и были сильными магами, не разбирались в лесных чарах так, как сам Вышата, и мало чем смогли бы помочь.

А Сигвульф тихо ревновал Милану к волхву, хотя тот и не пытался явно отбивать её у него. Но колдунье нравилось быть рядом с сильным чародеем, многознающим и весёлым. Германец же в колдовстве мало что понимал. В его племени волшебство считалось бабьим делом, не слишком достойным воина (хотя величайшим колдуном был Один). Зато, когда Милана с Вышатой волхвовали в шатре или лесном капище, тот умело расставлял охрану и сам по морозу, на ветру расхаживал вокруг, чтобы эти двое могли вести магический бой, не опасаясь ни стрелы из тьмы, ни копья, ни ножа, ни волчьей пасти. Наградой готу был тихий голос Миланы: «Иди в шатёр, Сигвульф, не мёрзни. Мы колдовать окончили, а те до утра теперь не полезут — злые часы прошли, добрые настали. Иди же! Вышата устал, спит. Это у меня, бабы, сил на всё хватит. Будем любиться назло всему Чернобогову племени!» И все ревнивые подозрения тут же куда-то пропадали, словно отогнанные стрелами волки.

К Милограду Ардагаст с Волхом подступили лишь в последний день святок, обойдя почти все нурские городки на западном берегу Днепра. Ров стольного града был очищен от снега, мост разобран, дубовые ворота накрепко заперты. Из-за частокола выглядывали хмурые лица воинов в волчьих шкурах и длинноволосых волхвов в чёрных плащах. Колдуны с надеждой вглядывались в догоравший костёр зари. Вот-вот наступит ночь — последняя из волчьих ночей, а тогда уж...

— С чем и с кем явился в святой город, Волх Велеславич, отступник, недостойный называться ни нуром, ни волхвом? Ты, сарматский пёс, предал своё племя и отеческих богов. — Голос волхва звучал грозно, длинная седая борода гневно колыхалась, рука вздымала посох. Будто сама Праведность явилась обличить великого грешника. Но князь лишь презрительно скривился:

— Лучше у сарматов быть псом, чем у бесов, как ты, Злогор.

— Побойся проклятия богов, окаянный!

— Знаю я тех, чьим именем вы клянёте. Сам глядел в рожи их мерзкие. Всё, кончилось их царство и ваше! Солнце-Царь пришёл!

— Как смеешь безбожного сармата царём называть и дань

ему давать? Почто веча не собрал здесь, в Милограде, как заведено?

— Вече соберу, когда вас тут не будет, чтобы народ чарами не морочили.

— Хватит! Не с тобой, псом, буду говорить, а с хозяином твоим... Ардагаст, царь росов! Ты говоришь об Огненной Правде. Так гляди! — Он простёр руку над рвом, пробормотал заклятие. И тут же со дна рва почти вровень с заострёнными верхушками брёвен частокола поднялось стеной зловещее черно-красное пламя. Сердца Ардагаста, Ларишки и дружинников-кушан невольно дрогнули. Агнейя! Это страшное оружие богов они уже видели в деле под стенами Таксилы в Индии. От какого беса или захожего колдуна узнали лесные ведуны тайну огня, способного погубить мир? Огненная стена встала во всю длину рва, от глубокого оврага до обрывистого берега Днепра. А Чёрный волхв безжалостно продолжал:

— В этом огне и ты сгоришь, и чаша твоя, как воск, растает. То пламень самого пекла! А если и преодолеешь его, то знай: все, кто в этом святом граде может держать оружие, будут биться с вами, чужаками, насмерть. А кто не может, уже собрались в храме Ярилы и сожгут себя там живьём в жертву волчьему богу, чтобы вам живыми не даться.

— Он, проклятый, их не Яриле — Чернобогу в жертву обречёт! — стиснула руки Милана.

— Что, нарвался, Гость Огненной Правды незваный? — раздался знакомый ехидный голос Шумилы. — Это тебе не с лешаками! На твой огонь у нас свой есть.

— И правда у нас своя — лесная да болотная! — высунулась над частоколом медвежья морда Бурмилы.

Ардагаст лихорадочно соображал. Тогда, под Таксилой, потребовалась магическая мощь двенадцати мудрецов, чтобы одолеть чудовищное оружие. Но пройти через огонь смогла и сотня воинов Куджулы, над которой развевалось священное Знамя Солнца. Что, если рискнуть: ринуться сквозь пламя с Огненной Чашей? Вишвамитра склонился к Зореславичу:

— Доверь мне Колаксаеву чашу, царь. В ней та же сила, что в Знамени Солнца, которое я нёс рядом с Куджулой. А тебе самому не стоит рисковать собой: ты давно уже не простой дружинник.

— Спасибо тебе, Вишвамитра. Но Огненная Чаша может погибнуть только вместе со мной. Если я не сберегу золотого сердца Скифии, то уже не буду Солнце-Царём.

— Есть другой путь через пекельный огонь, — вмешался Вышата. — Не в Индии, так здесь. Святые вечера-то ещё не

прошли, сегодня последний. Ну-ка, дружина святая, слезай с коня, надевай скураты, берите жезлы, да мечей не забывайте!

Двенадцать ряженых под звуки волынки и бубна подошли к пылающему рву. Вышата поднял шест с расписным ликом Даждьбога:

— А кто вам сказал, что мы с войной пришли? Русальная дружина добрых людей не бьёт, не клянёт, а благословляет. Воюет же только с теми, кто самому Солнцу враг. Или у вас тут не Милоград, а Чертоград кромешный, преисподний?

— Чарами нас хотите одолеть, раз мечи слабы? — ухмыльнулся Шумила. — А мы колядовать и сами умеем, хоть кого напугаем!

Он надел медвежью маску и стал почти неотличимым от брата. Другие колдуны и их воины принялись надевать хари одну другой страшнее и уродливее: чёрта, мертвеца, чёрного быка, волка, чернокожего мурина, упыря... Словно и впрямь само пекло бесовское таилось за дубовым частоколом, готовое ворваться в земной мир и заполонить его тьмой, страхом и смертью. Злогор в трёхликой маске Чернобога потрясал тремя кочергами. Свист, гогот, проклятия, срамные шутки...

Но Вышата взмахнул жезлом, и русальцы запели о том, как рубили сосну, что выросла от земли до неба, и строили мост, а ехали по тому мосту три праздника — Коляда, Новый год да Святая вода, три бога — Даждьбог на коне, Овсень на свинье да Велес на быке. Под стройные звуки песни расступилось зловещее черно-красное пламя, и прямо перед воротами через ров перебросился мост, состоявший из одного лишь света. Сначала он был узок, словно клинок меча, потом расширился и заиграл всеми цветами радуги.

— Мост на небо, в царство богов, — восхищённо проговорил Сигвульф.

— Мост в Царство Солнца. Только праведный может пройти по нему. Ну что, сынок, у кого из нас грехов меньше? — обратился Сагсар к Неждану.

— Мост выдержит тех, кто идёт в бой за Свет и Правду, а не ради корысти, — сказал Вышата и тихо добавил: — Я говорил царю, чтобы ров после нас забросали вязанками. В войске всякие люди есть. А сейчас откроем ворота, раз хозяева сами не хотят. — Он снова повысил голос. — Тур, конь! Ко мне.

Индиец в бычьей маске и Всеслав с кушаном Хоршедом, изображавшие коня, подошли и стали рядом с Вышатой. Волхв позвал одного из царских дружинников и велел ему принять у всех троих оружие и жезлы. Потом отдал Сигвульфу шест с солнечным ликом, а дружиннику — жезл и пару жертвенных

ножей. Сумку с Колаксаевой чашей волхв ещё раньше отдал царю.

Хилиарх внутренне напрягся. Выдержит ли мост из света его, всю жизнь хитрившего и обманывающего ради денег, да и в этом походе надеявшегося поживиться? Не лучше ли отстать потихоньку, а в городок вбежать вместе с остальным войском, по вязанкам? Ему хотелось выжить, но не меньше хотелось разогнать и перебить всю эту гогочущую свору в масках и чёрных плащах, засевшую в городке. Сеять страх и обман, властвовать над тёмными, запуганными людьми — это было для них ремеслом, ради этого они готовы были уподобиться любым демонам. Некроманты, гадатели по звёздам, книгам и чему угодно, самозваные провидцы — он ещё на юге насмотрелся на этих вымогателей, интриганов, обманщиков. От своих собратьев из дебрей Скифии они отличались лишь тем, что из книг приобрели больше знаний, которые можно было обратить во зло людям.

Заметив колебания грека, Вышата взглянул ему в глаза и коротко бросил: «Нас на мосту должно быть двенадцать. Как месяцев в году». Хилиарх припомнил венедскую пословицу: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». Разве может одно из созвездий зодиака бежать с неба? Или какой-нибудь месяц — из года? Стоики правы: избегать судьбы — тщетно и недостойно. Только вот судьбу человек может и должен выбирать себе сам.

Вышата простёр руки над «туром» и «конём» и произнёс:

— Три светлых бога, три праздника, три святых зверя — в наших крепких телах, в наших праведных душах. Да выйдут они, да сокрушат врата чернобожьи!

Будто светящееся облако окутало их, потом погасло, и вместо них явились три чудных животных: белый конь с золотой гривой и серебряными копытами, вепрь с золотой щетиной и белый золоторогий тур. Золотое сияние исходило от всех троих. Разом бросились они вперёд, и мост из света под их копытами не застучал, не загудел — запел, зазвенел торжествующей музыкой. Из-за частокола полетели в них стрелы, копья, да не простые, а заклятые — и только упали бессильно в пекельное пламя. Вепрь ударил в ворота рылом и клыками, тур — рогами, конь — копытами, и дубовые створки, задвинутые тяжёлыми засовами и защищённые чарами, не выдержали и распахнулись, охваченные пламенем.

Следом по мосту устремились остальные русальцы. Вместе с ними бежал и Хилиарх, и мост пел под его ногами. На бегу он заметил, что черно-красного пламени нет не только над радужным мостом, но и под ним. Но с обоих боков дышали жаром две огненные стены, готовые сомкнуться и обратить дерзких пришельцев в пепел, лишь только ослабнет сила светлых чар. Нет,

не решился бы грек пройти этим мостом даже в императорскую сокровищницу, не то что в бесовское кодло — если бы он был один, а не в бесстрашной дружине воинов Солнца.

А на вечевой площади, начинавшейся сразу за воротами и занимавшей большую часть городка, уже кипел бой. Ведуны и их воины — кто в человечьем облике, кто в волчьем — со всех сторон бросились на троих сияющих зверей. Какой-то волколак с разгону вскочил на спину коню, но тур-Вишвамитра тут же поднял оборотня на рога. Ещё один оборотень угодил под копыта коню. Ряженым чёртом ведьмак ударил вепря-Вышату колдовским посохом. Посох сразу же вспыхнул, как солома, а его обладатель в следующий миг отлетел назад с распоротым животом. Нур в медвежьей шкуре подбежал к коню сбоку, нацелился копьём — и рука его вместе с копьём упала на снег, отсечённая мечом Сагсара. В городок ворвались с мечами и жезлами в руках восемь русальцев. Резные навершия жезлов, скрывавшие в себе чародейские травы, ярко светились. Ещё ярче сиял, рассеивал наступающие сумерки лик Даждьбога на шесте в руке Сигвульфа, ряженного медведем.

Увидев, что Шумила отвлекает внимание золотого тура спереди, а Бурмила подбирается с дубиной сбоку, Сигвульф взревел по-медвежьи и бросился на помощь. Медведичи, грозно рыча, двинулись на него с тяжёлыми палицами. Гот прыгнул навстречу Шумиле и быстрым выпадом вонзил ему меч в руку выше запястья, одновременно махнув сияющим ликом в сторону Бурмилы. Солнечный жар опалил шерсть на голове и плече полумедведя и едва не ослепил его. Его брат, выронив палицу, отскочил в сторону. Бурмила, оглушительно ревя от боли, ухватил палицу двумя лапами и, вертя её перед собой, устремился на гота. Когтистые лапы Медведича держали оружие ничуть не хуже человеческих рук. Германец подался назад, а со спины к нему уже подбирался с мечом в руке Шумила. Золоторогий тур не мог прийти на помощь Сигвульфу: один из ведунов оборотился чёрным туром, теперь два могучих быка бились, тучами взметая снег и в кровь раня друг друга острыми рогами.

Вдруг неведомая сила ударила Бурмилу сзади, швырнула наземь. С неожиданным проворством Медведич вскочил, взмахнул палицей, но, завидев перед собой клыки золотого вепря и меч германца, бросился бежать. Штанина его была разорвана, из распоротого клыком бедра текла кровь, но и это не могло задержать пол у медведя, с виду столь неповоротливого. Второй Медведич хотел было ударить Сигвульфу в спину, но тут на Шумилу налетел с мечом Сагсар. Заметив бегство брата, Шумила

кое-как отбился от роса и скрылся среди сражавшихся. Из-за моста раздался воинственный бычий рёв. Волх, не желая уступать росам в воинской волшбе, соскочил с коня, перекувыркнулся и стал могучим серым туром. Он вихрем промчался через радужный мост, влетел в ворота и с разбегу вонзил рога в шею чёрному быку. Теперь уже два тура, белый и серый, расшвыривали рогами наседавшее на них чернобожье воинство.

Русальны бились, сгрудившись у ворот. На вырывавшихся вперёд Сигвульф покрикивал. Рассеявшись по вечевой площади, их маленький отряд быстро утонул бы среди множества врагов, которые сейчас, столпившись, мешали друг другу. Многие ведуны пускали в ход колдовские посохи, удар которых мог обездвижить или лишить сознания даже сильного бойца. Перерубить же такой посох мог лишь заговорённый меч. Помня наставления Вышаты, русальны отбивали посохи жезлами, и колдовское оружие ломалось или вспыхивало, не выдержав благой силы Солнца и трав.

А по другую сторону рва стояла с воздетыми руками Милана. Её взгляд беспокойно искал среди сражавшихся золотого вепря и высокого воина в медвежьей шкуре. Сердце колдуньи рвалось туда, к двум самым близким ей людям. Быть рядом с ними, в самой гуще боя, как тогда, в Чёртовом лесу… Но она сейчас не могла позволить себе думать о них. Её дело было удерживать чарами радужный мост. А это значит — не просто повторять заклятия. Волшебные слова немного значат, если за ними не стоит могучая воля чародея, умеющего сосредоточить свою волшебную силу. А ещё нужно было не поддаваться злым чарам, что накатывались на неё со стороны городка: чёрными волнами отчаяния, страха, телесной и душевной слабости. Обычного же оружия колдунья могла не бояться: два дружинника надёжно прикрывали её щитами от стрел.

Тем временем дружинники под градом стрел бросали в ров сквозь радужный мост вязанки камыша и соломы. Вымоченные в проруби вязанки всё же не выдерживали долго соседства пекельного пламени — начали сохнуть, дымиться, тлеть… Когда верхние вязанки достигли краёв рва, нижние уже горели. Ардагаст взмахнул мечом и с криком «Слава!» первым погнал коня через мост. В левой руке его полыхала золотым огнём, рассеивая наступившую темноту, Колаксаева чаша. Следом с блестящей в золотом свете махайрой скакала Ларишка, а за ней — всё войско, и могучее, победное пение радужного моста неслось к небу. Многие воины и в старости гордо говорили: «Под Милоградом я скакал по радужному мосту, и копыта моего коня не коснулись вязанок». Те же, кто не мог этим похвалиться,

улыбались: «Может быть, мой конь был грешнее меня».

Степным ураганом ворвались росы в городок, и бесовской рати осталось бежать, спасая свои шкуры, или подороже продавать жизнь. Рядом со всадниками рубили врага русальцы. Хилиарх, преследуя волхва в чёрном, шитом серебром плаще, загнал его к самой стене детинца, и тут волхв обернулся к нему. Лицо ведуна покрывала такая же, как у Хилиарха, маска старика — злобного, краснолицего Мороза-Чернобога. Только длинная седая борода у волхва была своя, а маска имела ещё два лица, обращённые вправо и влево. Три лица означали власть Разрушителя над всеми тремя мирами. В левой руке колдун сжимал посох с навершием в виде человеческого черепа, в правой — три связанные вместе кочерги. Глазницы черепа горели красным огнём. По тому, как старик держал своё необычное оружие, в нём чувствовался опытный боец.

Грек выставил вперёд меч и жезл-булаву. И вдруг… словно само время остановилось для них двоих. Вокруг кипела битва, а Хилиарх замер, не в силах ни ударить первым, ни оторвать взгляда от трёхликой маски и смотревших сквозь её прорези зелёных глаз, полных холодной, беспощадной мудрости.

— Кого ты хочешь сразить? Бога, владыку трёх миров? Или себя самого? Думаешь, на тебе его личина? Нет. Он в тебе. Во мне, во всех людях. Я вижу твою душу. Ты такой же, как мы, и хочешь того же. Только заблудился во тьме и прибился к тем, что за солнечным зайчиком бегают.

Зелёные глаза проникали в душу до самого дна, ворошили в ней всё, словно кочерга — угли в печи. Хилиарх вдруг вспомнил все бесчестные, скверные дела, которые делал или хотел сделать — ради денег, ради милости владык, ради спасения своей никому, кроме него самого, не нужной жизни… И все так делали, даже те, чьим ремеслом было наставлять сограждан морали и произносить речи о добродетелях предков. А волхв продолжил:

— Что тебе до этих сорвиголов? Они сами не знают, на кого и на что замахнулись. А ты умный, понимаешь: мир не переделать. Солнцу место на небе, не на земле. Ардагаст всё равно себе шею свернёт. Зачем тебе вместе с ним пропадать? Убей его и разруби чашу. А мы тебя такому научим — там, на юге, всё этим добудешь.

Голос его был тихим, но не вкрадчивым, а уверенным, словно он говорил с давним сообщником. Хилиарху вспомнилось всё, чем он наслаждался, чему завидовал в Империи: обильные яства, дорогие вина, ласки продажных женщин, власть, почести… Вспомнилось — и вызвало лишь отвращение, словно вино с перепою. Да стань он хоть проконсулом, хоть императором — всё

равно будут завистники, доносчики, шпионы, тайные убийцы. Куда до них здешним упырям с волколаками! Там каждая ночь — волчья, особенно для того, кто дорвался, наконец, до золота и власти. И ради этого погубить Солнце-Царя и его дружину, где все могут доверять друг другу? Хилиарх почувствовал себя так, будто ему предложили стать тем волколаком, что пожирает Солнце, но никак не может пожрать.

В памяти словно высветило: узкая улочка в ночном Ершалаиме, толстый мытарь Менаше, валяясь в ногах у троих суровых иудеев с кинжалами, кладёт перед ними пухлый кошель с серебром, обещая дать ещё больше, но их предводитель с отвращением отбрасывает кошель ногой в сточную канаву и всаживает кинжал в спину мытарю. То были сикарии — беспощадные враги Рима и его приспешников. Он тогда успел спрятаться в сточной трубе и потом подобрал кошель. Неповоротливому Менаше повезло меньше. Люди, которых нельзя купить за деньги! В то время они казались Хилиарху безумцами.

— Думаешь, обманем? Не бойся, уж ради этого скаредничать не будем.

Этот жрец Тьмы говорил словно предводитель базарных воров! Вместо ответа, грек выбросил обе руки вперёд, отбил жезлом посох, а мечом — кочерги и одновременно ударил ведуна ногой в живот. Правая рука, пронизанная страшной болью, вдруг онемела и выронила меч, на клинке которого выступило чёрное пятно. Но и колдун не устоял на ногах и рухнул в снег. В следующий миг Хилиарху пришлось отражать направленный в лицо точный удар посоха. Сияющее мягким золотистым светом круглое навершие столкнулось с огненноглазым деревянным черепом. Яркая вспышка чуть не ослепила эллина. Череп на посохе раскололся, из трещины вырвалось облако чёрного дыма, и пламя охватило весь посох. Колдун отбросил горящий посох и, прежде чем грек успел опомниться, поймал его кочергами за ногу и рванул. Нога вмиг онемела, и Хилиарх упал. Ведун поднялся над ним с занесёнными кочергами. Уродливая маска вдруг превратилась в лицо... самого Хилиарха — хитрое, самодовольное, расплывшееся в скептической ухмылке. А чёрный дым из посоха стал сгущаться, приобретая очертания жуткой клыкастой и когтистой твари с перепончатыми крыльями.

Мелькнула дрянная, трусливая мысль: «За что пропадать? Сдаться, пока не поздно!» Отгоняя её, эллин громко выругался по-венедски и взмахнул левой рукой с жезлом. Волхв перехватил кочергами жезл под навершием и потянул к себе. Хилиарх напряг мышцы руки. Свечение жезла ослабло, холод волной прокатился по руке, плечу, груди, подбираясь к сердцу. Раздался треск, но

раскололось не древко жезла, а навершие. Из него вышло зелёное облако и приняло вид женщины в длинном платье, с распущенными волосами и воздетыми руками. Чёрная тварь метнулась к ней, и в воздухе закружился чёрно-зелёный вихрь.

Из последних сил удерживая жезл, Хилиарх вдруг заметил, что кочерги в руках его двойника раскаляются, краснеют. Ещё немного — и колдун, вскрикнув, выронил их. Рывком приподнявшись, грек ударил его жезлом в лицо — своё собственное лицо. Полыхнуло красное пламя, и ведун рухнул в снег рядом со своим противником. Теперь на Хилиарха глядело не его лицо, и даже не трёхликая маска, а почерневший, обгорелый череп. Следом рассеялись в воздухе оба призрака — чёрный и зелёный. Обессиленный вконец грек потерял сознание.

Схватку Хилиарха со Злогором не заметил никто. Внимание всех привлекло пламя, взметнувшееся вдруг из-за стены детинца. К этому времени большинство защитников Милограда уже погибло или сдалось. Вышата-вепрь с разгону выбил ворота, и росы ворвались в детинец. Горел храм Ярилы — невысокое деревянное строение, покрытое искусной резьбой, с конским черепом над входом. Из храма доносились крики, плач — и стройное пение. В зимнюю ночь, среди звона оружия и воинских кличей жутко звучали слова песни, которой все венеды славят в середине весны приход весёлого и щедрого бога.

Ходит наш Ярила
Да по всему свету,
Полю жито родит,
Людям детей плодит.
А где он ногою,
Там жито копною,
Где он ни взглянет —
Там колос зацветёт.

А в тёмном небе, куда рвались языки пламени, вдруг проступила, затмевая сиянием звёзды, громадная фигура Белого Всадника. В одной руке он держал пучок колосьев, в другой — мёртвую человеческую голову. Жизнь или смерть нёс он, юный и весёлый, людям, что сейчас убивали друг друга или сами себя? С криками «Ярила с нами!» из-за домов выбежали воины в волчьих шкурах и волхвы в чёрных одеждах и с удвоенной яростью бросились на пришельцев. Иные, обратившись волками, вцеплялись во врага и гибли под мечами, не разжав клыков.

Серый тур-Волх вышиб рогами дверь горящего храма, но никто не выбежал наружу, только ещё слышнее стала песнь обречённых. И тогда вепрь-Вышата принял снова человеческий облик. Не обращая внимания на свистевшие рядом стрелы, он достал из-за пазухи вышитое полотенце и, тихо произнеся заклятие, швырнул полотенце на крышу храма. Тут же над крышей взметнулась неведомо откуда взявшаяся волна и обрушилась на храм. Огонь мигом погас, и так же сама собою стихла битва. Уцелевшие защитники городка сдались росам.

— А ну, выходите! Не хочет светлый бог такой жертвы.

Один за другим из обгоревшего храма выходили женщины с детьми, девушки, старики. Шли медленно, пошатываясь, опустив головы, которые терзала одна мысль: «Наш бог отступился от нас!» За стеной послышался шум, и в детинец въехали ещё распалённые боем Андак и Саузард. Они со своей дружиной не торопились ступить на радужный мост. И дождались лишь того, что на них бросилась выскочившая из лесу свора чертей, волколаков и упырей, вызванных заклятиями Злогора. Трудно пришлось бы воинам рода Сауата, несмотря на железные доспехи, не подоспей на помощь со своей дружиной Хор-алдар, уже въехавший было в городок.

Волх устремил гневный взгляд на старика в обгоревшем белом плаще:

— Яроцвет, жрец Ярилы и старейшина Милограда! Кто надоумил тебя сжигать храм с людьми — Злогор? Или Милоград и впрямь стал Чертоградом, если здесь чёрные волхвы указывают светлым?

Старик гордо вскинул глаза на князя и царя:

— Указывать мне может лишь Ярила. Я решил принести ему в жертву себя, храм и собравшихся в храме во искупление великого греха племени нуров. Но бог не принял жертвы. Племя недостойно даже покаяния. — И волхв опустил седую голову на грудь.

— Чем же это вы так грешны? — спросил Вышата.

— Боги дали нам только эту землю — и волю. Со времён Сварога мы никому их не отдавали. А теперь сами покорились чужакам — по твоей вине, отступник! — Глаза жреца были готовы испепелить князя. — Ты, воин, хотел сравняться с нами, волхвами. И стал холопом сарматского царя, и сделал холопами всех нуров. Нет больше волчьего племени — ты убил его вольную душу! А ты, Ардагаст, Убийца Родичей, хуже упырей, хуже сарматов. Бес в людском обличье — вот ты кто! Упырям кровь нужна, сарматам — дань, а тебе — ещё и души наши, словно бесу. Царство твоё — пекло на земле. Я всё сказал — теперь мучь меня,

казни за своё правдивое!

Волх взялся за меч, но Ардагаст остановил его и спокойно улыбнулся, глядя на нуров и нурянок, спасённых из огня:

— Не за что мучить-то. Ну разве я похож на беса, а, бабы? Или это пламя даждьбожье, что в моей руке, похоже на то пекельное, которым вас чернобожьи слуги оградить хотели? Видите, то уже погасло, когда погибли колдуны, что его держали, а это горит. Есть солнце и посреди волчьей ночи!

— А он красивый, будто сам Даждьбог... И по-нашему хорошо говорит. А чаша и впрямь будто солнце — ласково так светит, — вполголоса заговорили женщины.

— Люди леса! Царь Ардагаст не хочет вам ни смерти, ни неволи. Покоритесь не ему, а Солнцу, которое дало ему это чашу! — громко произнёс Вышата.

— А кто не покорится, — нарочито грозно сказал Ардагаст, — того и впрямь в рабы отдам... вот ему!

И Зореславич указал на Андака, так и щупавшего нурянок масленым взглядом. Саузард, недовольно кривясь, постукивала плетью по ладони. Из-за спин дружинников вдруг появился Шишок. Ступать на радужный мост он по робости не торопился, вот и попал вместе с дружиной Андака в самую гущу схватки с нечистью.

— Чего там! Я, лесной хозяин, Солнце-Царю служу, а вы что, хуже? Да я сейчас трёх бесов до смерти пришиб да двух упырей, а волк мой их загрыз и вовсе без счету! Не скоро они теперь к вам сунутся!

Весёлый, добрый смех прокатился среди нуров. И вот уже лесовики, только что насмерть бившиеся с росами, наперебой заговорили:

— Да мы что, черти преисподние — с Солнцем красным воевать? За что бились-то, да ещё в святую ночь? Обморочили нас ведуны проклятые! Вот он, грех-то перед светлыми богами...

— Ну так пошли с нами, колядниками, наутро к священной проруби от грехов очищаться! — сказал Вышата, беря в руки шест с солнечным ликом. — Только прежде я верну человеческий облик двум святым зверям.

Он снова простёр руки над конём и туром, и глазам удивлённых нуров вместо двух животных предстали три русальца.

— О Кришна! — воздел руки индиец. — Воистину я словно воплотился в бога. Быками у нас зовут могучих богов и великих воинов.

— Ну, каково быть конским крупом да задними ногами? — спросил Всеслав Хоршеда, выбираясь из-под покрывала. — Это тебе не плясать невпопад для смеха!

— Каким крупом? Я всем конём был, и передними ногами бил нечистых, и задними.

— Так и я... тоже был. Вот чудеса даждьбожьи! А грек говорил, что не уживутся две души в одном теле...

— Что, Яроцвет, остался один? — с торжеством взглянул на жреца Волх. — Не будет тебе огненной смерти, получишь водяную. Велю тебя бросить в священную прорубь.

— Зачем? — возразил Ардагаст. — Чтобы глупые бабы духу его молились? Пусть лучше очистится в проруби со всеми.

Утром, ещё до рассвета, победители и побеждённые толпой повалили к Днепру, где во льду была вырублена большая прорубь в виде креста — знака Солнца. Не молитвы волхвов, не священные песни — сами лучи восходящего солнца освящали воду. Колядники сняли маски, разделись и первыми окунулись в ледяную воду. Окунули в прорубь и Хилиарха — трижды, с заговорами, — и подвижность вернулась к его руке и ноге. Следом окунались все, кто считал себя грешным.

А конные дружинники разъезжали, махая мётлами и плетьми, и кричали: «Идите уже, святки, с богами, да через год возвращайтесь!» Святые и страшные вечера прошли. Кончилась волчья ночь над древней нурской землёй.

Глава 5
ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ И ЛЕСНАЯ ЦАРЕВНА

Росская рать перешла Днепр и двигалась долинами Сожа и Ипути на восток, собирая дань со здешних нуров. А дальше к востоку, за водоразделом, по Десне и её притокам, среди непролазных Дебрянских лесов, лежала Чёрная земля. Так её звали не только южане-сколоты, боявшиеся тёмных чащ, но и её обитатели — рыжеволосые будины. Эти будины были похожи — и не похожи на своих южных сородичей, построивших вместе со степняками-гелонами и сколотами великий город Гелон на Ворскле. Такие же дружные, миролюбивые и весёлые, так же почитавшие хмельного и щедрого на урожай бога Рагутиса, которого венеды звали Ярилой, а греки — Дионисом Гелонским.

Но чтили они другого бога, чёрного и страшного, как лесные дебри, в которые и днём солнце не пробивается через сплетение ветвей. Его звали Поклусом — «пекельным» и Вельнясом — «чёртом». Его не любил никто, но все боялись. Он мог одарить колдовскими умениями — оборотничеством, ясновидением, знанием языка зверей. Мог дать богатство, особенно скот. А мог утопить, повесить, содрать живьём кожу. Мог втянуть в колдовскую пляску, от которой парни бросались в болото, а девушки вешались. Пошёл человек в лес и пропал — значит, душа и тело его достались Чёрному богу. Заходило солнце, тьма чащобы сливалась с ночной тьмой, ночная — с подземной, и восставал из этой беспредельной тьмы её владыка, и носился на чёрном коне, поднимал вихрь, и горел огнём его единственный глаз, и развевалась седая борода.

Люди дрожали, заслышав среди ночи стук копыт, пробивавшийся сквозь вой ветра и треск ветвей. И лишь те, кто не боялся никого и ничего, готов был попрать все законы богов и людей, решались сами искать встречи с ним, чтобы приобщиться к его тёмной мудрости и колдовскому могуществу. Верно служили Подземному вороватые огненные змеи, шкодливые домовые, черти. Но вернее всех были люди — те, что добровольно сделались колдунами и ведьмами. Они-то и были настоящими хозяевами леса, ибо их боялись так же, как их владыку и учителя.

Когда-то предки будинов пришли в Чёрную страну с юга. Давно исчезли жившие тут до них племена лесных охотников, забылись их имя и речь. Но не исчезла тысячелетняя злая мудрость лесных чёрных колдунов — они сумели найти себе

учеников и наследников среди пришельцев.

В своих небольших городках будины отбивались и от нуров, и от сколотов с гелонами, и от сарматов. Только волчье племя сумело потеснить будинов с запада, а южане не очень-то и рвались селиться в Черной стране. Её жителей мало трогало творившееся на юге — даже гибель под сарматскими мечами их южных сородичей и падение великого Гелона.

Но двадцать лет назад, когда самые отважные из полян погибли у Экзампея, остальные ушли кто на Буг с Добромиром, кто в леса на Ирпене и Почайне, большинство же подалось за Днепр. Вёл их тихий осторожный старейшина Доброгост. Он и не думал соваться в Чёрную землю, хотел осесть в низовьях Десны, но орда Сауаспа уже перешла Днепр и напирала сзади. Доброгост ещё надеялся договориться с царём будинов, вышедшим с войском навстречу беглецам. Но тут на будинов обрушилась сарматская конница. Погибли и царь, и его дружина. А росы погнали впереди себя полян завоёвывать страну Чернобога.

Плохо пришлось полянам, когда к стрелам и копьям упорных защитников городков прибавилось колдовство. Непролазные заросли и топи вдруг появлялись на пути пришельцев за одну ночь. Огненные змеи, врываясь в стан, уносили припасы, а заодно и жгли всё, что в стане может гореть. Волколаки нападали целыми стаями, изводили скот и лошадей, загрызали людей. Иной же раз, перебив внезапно вышедшую из леса стаю, венеды обнаруживали под волчьими шкурами своих же соплеменников, недавно пропавших в дебрях.

Тут-то и выдвинулся неприметный до той поры жрец Велеса Чернобор. Про него многие говорили, что он учился чёрному волхвованию не то у Лихослава, не то у литовских колдунов. Никто, однако, толком не знал ни как он прибился к беглецам, ни откуда у него двое детей-полумедведей. Главное — вскоре все убедились, что его волшба лучше всего одолевает чары лесных колдунов. Это быстро отбило охоту допытываться, откуда взялась такая спасительная волшба. А вскоре жрец совершил во спасение племени подвиг: в одиночку отправился на переговоры с верховным жрецом будинов, возглавившим их после гибели царя.

Будин неожиданно быстро согласился на всё, чего требовал Чернобор, точнее, Сауасп. Согласился, чтобы хозяева и пришельцы поселились вместе, не имели царей и платили дань сарматам, чтобы лесовики покинули свои городки, а поляне новых не строили. «Вам больше не нужны города. Моя конница защитит вас от любого врага. Не нужны вам теперь цари — чтобы не тянуло на мятеж» — так сказал Черноконный. Некоторые, впрочем, видели, как вместе с Чернобором шёл крупный чёрный

волк, и шёпотом говорили: «Да не Сауархагли это, прости, Белбог, что поминаю?» Сауаспова брата-оборотня боялись больше, чем всех лесных колдунов.

Так или иначе, а в Чёрную землю пришёл мир. Будины оставили свои городки и поселились где в одних сёлах с пришельцами, а где и отдельно. Вскоре стали родниться с дружелюбными и незлобивыми венедами, переняли их язык. Места в лесу всем хватало: не ленись только расчищать дебри под пашню. Вот так и стало из двух племён одно. Сарматы называли его «саварами» — «чёрными». Сами же обитатели Черной земли звали себя на венедский лад «северой» или «северянами»: ведь их новая родина лежала севернее благодатной Полянской земли.

Великим старейшиной всей земли с самого начала избрали Доброгоста, а верховный жрец вскоре умер, передав перед смертью знак своей власти — двоерогий кривой посох — Чернобору. Вся Севера почитала святого жреца. Ведь умел он сладить с любым богом, любым духом, хоть чистым, хоть нечистым. А уж как ладил — о том лучше было не знать, а коли знаешь, так зря не говорить. Чтобы не пришли к болтуну или любопытному из леса такие гости, каких не то что к ночи, но и ясным днём лучше не поминать.

Даже о том, каким богам служил Чернобор, говорить опасались. Он распоряжался на Медвежьей горе — в древнем священном городе будинов. Там стояли идолы двенадцати богов. Поклуса-Чернобога среди них не было. Но ведь Подземному и служат тайно, ночью, в неведомом месте. Поговаривали о какой-то пещере под горой, где будто бы жили чудовища — не то медведи, не то змеи. Но уж искать ту пещеру, а тем паче войти в неё не решился бы ни один северянин. Кроме тех, кто приобщился к тёмной мудрости. Таких даже среди венедов развелось немало, гораздо больше, чем было на юге. Жадные и мстительные, они, однако, хорошо ладили с будинскими колдунами и ведьмами, перенимали друг у друга злые чары и держали поселян в страхе чернобожьем.

Главных из двенадцати идолов обычно называли Медведь и Медведица. Венеды их считали Велесом и Велой, его женой, будины — Вельнясом и Велоной, богиней мёртвых. Видели, впрочем, в Медведице и Ладу, и почитали её на Велик день, когда Мать-Земля именинница, день равняется с ночью, а медведь встаёт из берлоги. Медведю служил Чернобор, Медведице — его жена Костена. Её боялись ещё больше, чем её мужа. Говорили, что она и есть великая ведьма лысогорская, которой подчиняются все ведьмы, слетающиеся на Лысую гору над Почайной. А ещё поговаривали, что Медведь с Медведицей — это Чернобог с Ягой.

Может быть, и так, мудрым волхвам виднее... А простому человеку лучше и не знать. Не то можно состариться прежде времени... или вовсе до старости не дожить.

Просторная, добротно срубленная изба Чернобора стояла на берегу Святого озера, укрытого в густом лесу к северу от Медвежьей горы. За обильно накрытым столом собралась вся семья: сам хозяин, его жена, жрица Яги Костена, их дочери Лаума и Невея и оба Медведича. Седьмым был юркий хитренький будин с лисьим личиком, обрамленным рыжими волосами, — Скирмунт, муж Невеи и заместитель верховного жреца.

Чернобор — дородный, с длинными чёрными волосами и бородой во всю грудь — восседал во главе стола. За его спиной, в красном углу, на полочке стояла деревянная фигурка Велеса — остроголового, с серебряными рожками и рогом в руках. За ней — расписной образ Лады-Мокоши с птицами в воздетых руках. А вот что стояло за дощечкой-образом, увидеть было нельзя.

Костена вопреки своему имени была женщина сильная, мускулистая, с пышной грудью. Потому, видно, и приглянулась медведю, которому община отдала её в невесты, чтобы умилостивить священного зверя и уберечь скотину и людей. Её тогда оставили привязанной к дереву возле берлоги: возьмёт девицу лесной хозяин или съест — его воля. Велик и страшен был тот медведь, раза в полтора больше обычного. Никто не посмел на него с рогатиной выйти. Через полгода, когда зверь снова залёг в спячку, Костена вернулась в село беременная.

Люди чуждались «медведицы», и она поселилась в лесу у старухи ведьмы, о которой лишь другие колдуны и чёрные волхвы знали, что она и есть великая ведьма лысогорская. Костена, невзлюбившая людей, охотно училась ремеслу ведьмы, позволявшему пакостить всем и при этом жить за счёт запуганного и часто бессовестного люда. Один молит спасти от порчи, другому хочется приворожить чужую жену, этой — навредить соседке, той — извести постылого мужа...

Старуха, довольная ученицей, передала ей не только свои знания, колдовскую силу и чертей-помощников, но, перед смертью, и власть над ведьмами Полянскими и нурскими. А будинских ведьм Костена и сама к рукам прибрала. Решительная, наглая и сильная в колдовстве, она могла обратить любую соперницу хоть волчицей, хоть собакой, хоть козой шелудивой, да так, что расколдовать могли только боги или сама Костена.

Но это было позже, а тогда отвергнутая людьми женщина родила забавного поначалу полумедвежонка. Вскоре в избушке ведьмы появился молодой ещё волхв со столь же необычным

младенцем на руках. Волхв, чтобы овладеть, по учению древних лесных колдунов, особой чародейской силой, сошёлся с медведицей и прижил от неё ребёнка. И медведица-то была непростая, на редкость крупная, лютая, сильная. И любовника-человека отпустила от себя, только когда повстречала медведя столь же могучего, как сама — отца Бурмилы.

Колдун и ведьма, ни ведавшие ни страха, ни стыда, пришлись друг другу по душе. (Что не мешало каждому из них, для пользы разных колдовских дел, изменять другому со всевозможной нечистью.) Их косматые сыновья росли на редкость сильными, буйными и жестокими. Утихомирить их, иной раз с помощью чар, могли только родители — если хотели. Быстро отбив у сверстников охоту насмехаться над собой, Медведичи стали собирать вокруг себя сначала самых отчаянных мальчишек, потом — парней, охочих, как и они, до девок, драк и всевозможных бесчинств. Шумила с братом играючи справлялись с самой тяжёлой сельской работой, но трудиться на земле не любили. Особых способностей к колдовству они тоже не имели и потому стремились сделаться славными воинами. Вокруг них то собиралась, то рассыпалась шайка, лезшая во всякие набеги и усобицы.

Казалось, Медведичи просто носятся по лесу, как буря, ломающая всё на своём пути и никому не подвластная. На самом деле большую часть их разбойных подвигов направляла опытная рука их отца. Чем больше в лесу усобиц, тем легче в нём хозяйничать — тем, для кого ремеслом стало разжигать раздоры и самые низкие человеческие страсти. Кто смел противиться невидимой власти жреца с Медвежьей горы, на того обрушивалась тяжёлая лапа его звероподобных сыновей.

Зато с сарматами медвежья семейка никогда не тягалась и другим не давала. Сарматы приходили, собирали дань и, набезобразничавшись всласть, уходили. А хозяином в Севере оставался Чернобор, давно прибравший к рукам осторожного и не шибко храброго Доброгоста. Тот ведь твердил: лишь бы не война, всё племя тогда пропадёт, куда нам с росами биться. Если же находился удалец, готовый биться, — с ним Медведичи вдруг затевали ссору, кончавшуюся для него смертью или увечьем. Вот и приходили сарматы в Чёрную землю будто на отдых.

В своё время молодые ещё Медведичи, привыкшие уже, что среди людей им соперника нет, едва унесли ноги от вставшего в полный рост лешего. И усвоили одно: незачем лезть в драку с более сильным, если рядом хватает слабых. Показывай на них силу и прослывёшь могутом.

Сёстры Невея и Лаума удались в мать — такие же высокие,

сильные, широкие в кости, с пышными белёсыми волосами, распущенными по плечам, как заведено у ведьм. И в колдовстве, и в беспутстве они немногим уступали матери. Неудивительно, что взять в жёны Невею решился только на всё способный Скирмунт, а на ещё более шалую Лауму жениха вовсе не находилось. Она, впрочем, не огорчалась: приворожить чарами для развлечения могла любого парня, а черти и лешие любили её и без чар.

А на столе чего только не было: и свиная печёнка с чесноком, и свиные же головы с хреном (всё — от обильных новогодних жертвоприношений), и кровяные колбасы, и медовые пряники, и тарань в мёду, и медовая сыта... Поесть тут любили и знали, кого и как заставить давать для этого стола всё, что хочется хозяевам, ещё и радоваться, что угодил могучим чародеям и их богам.

Бурмила запускал когтистую лапу в горшок с мёдом и облизывал её, урча от удовольствия, а мать ласково поглаживала его по спине, покрытой густым мехом:

— Кушай, кушай, дитятко! Какой ты у меня заботливый: из Милограда раненый уходил, а корчагу с мёдом для матери унёс.

— Далась тебе эта корчага, — проворчал Шумила. — Лучше бы мехов побольше из Яроцветова тайника вытащили, пока храм не загорелся.

— Так ведь мёд-то какой: вербовый, такой только нуры и умеют добывать!

— Кому что... Мне вот досадно, что нурскую землю не отстояли. Эх, кончилось волчье племя неодолимое! — Он ударил ладонью по столу так, что задрожали миски и кружки. — Были волки, а стали псы Ардагастовы. Теперь жди всю его свору сюда, и не позже чем через месяц. А у нас народ трусливый, на сармата и дохнуть побоится.

— Сами его таким и сделали, — подал голос Скирмунт.

— Кто же знал, что у росов всё так переменится, — развёл руками Чернобор. — Что бы этот щенок без Вышаты смог? Выучил покойный Лихослав себе на погибель... Помню, сидит Вышата с греческой книгой — её и сам учитель прочитать не мог — и говорит: «Зачем ты, Чернобор, власти ищешь? Может, ты не для неё рождён? Спросил бы свою долю-рожаницу. Вот ради мудрости стоит обойти весь этот мир и ещё два мира. Всё у человека можно забрать — и власть, и дом, и землю, а мудрость — нет». Изводить таких надо, пока не стали... мудрыми! — стиснул кулаки волхв.

— А этот Ардагаст, говорят, красивый, — мечтательно и игриво проговорила Лаума. — Причаровать бы его... Шумила, не достанешь ли его следок?

— Может, лучше волос? С головой вместе? — огрызнулся Шумила.

— Мало ещё знаешь людей, дочка, — покачала, головой Костена. — Такой ради своих светлых богов хоть какую лапушку бросит, и без всякой отсушки.

— Лучше порчу навести, — хищно осклабилась Невея. — Обернусь сорокой, украду хоть платок его...

— Не пробуй, сестрица, самой хуже будет, — махнул рукой Шумила. — У него два волхва всего, зато какие сильные! Хоть какие чары отведут, да на того, кто насылал. Всей нурской землёй справиться не смогли с этим выкормышем Вышатиным.

— Не в одном Вышате дело, — задумчиво произнёс Чернобор. — От него след идёт на юг к Братству Солнца. Этим до всего на свете дело есть, как богу их. Не успокоятся, пока на свете есть Чёрная земля и мы в ней.

— Вот-вот, с юга идёт вся эта погибель, — вмешался Скирмунт. — Дреговичи, нуры, будины — всё водились со сколотами да с сарматами. Значит, нужно защитников искать на севере. Позовём сюда северных лесовиков. Зачем нам сарматы? Пусть хозяином леса будет лесной царь, а не степной.

— Это кто ещё? — почесал затылок Бурмила. — Радвила Рыжий Медведь, князь литовский? Он ведь только в прошлом году сюда с набегом приходил. Или Гимбут-людоед? Им у нас детей пугают.

— Главное, при них нам место будет, — возразил Скирмунт. — А при Ардагасте — нет.

Густые брови Чернобора сошлись, взгляд стал словно у хищной птицы, высматривающей добычу.

— На юге солнце сильнее всего. А на севере вовсе не бывает. На ножнах степных мечей бьётся грифон, птица Солнца, со змеем преисподним. На силу юга, силу Солнца, нужно силу Земли. А где почитают змей больше всего, а, зять?

— На севере, у литвы, голяди, пруссов, — откликнулся Скирмунт. — Вот где берегут истинную, старинную веру. С ней никто нас, лесовиков, в степь не уведёт.

— Решено! — Чернобор опустил на стол широкую пятерню. — Поезжайте, сынки, на север, к Гимбуту и Радвиле. Скажите: верховный жрец Чернобор именем Поклуса и всех лесных богов призывает вас уничтожить проклятого Ардагаста, заклятого врага всего леса. Наградой же вам будет Чёрная земля: приходите и владейте нами. Но прежде, сынки, идите к Визунасу, жрецу Поклуса. Он был у нас в прошлом году и знает тайну пекельного огня. Пусть знает: только этим огнём можно истребить войско Ардагаста и его чашу, но если нападать, а не обороняться, как в Милограде.

— Далеко ехать-то, — встревожилась Костена. — Как твоя

нога, Бурмилушка?

— Давно зажила, — махнул рукой Бурмила. — Братец Шумила хорошо кровь заговаривать умеет.

— У него на человечьем теле заживает лучше, чем у меня на медвежьем, — кивнул Шумила.

Бурмила по-звериному, без ложки, выел миску овсяной каши и лапой вытер морду:

— Хороша каша, а из Славятина овса была бы ещё лучше. Что, так и не прислал овса?

— Нет, только сала и холста, — ответила мать.

— Вот сквалыга, а ещё старейшина! Послать бы к нему змея по овёс, а, батя?

— Я ему ещё лучше устрою, — усмехнулся Чернобор. — Собирается Славята сына женить. На нурянке какой-то. Если ещё и меня на свадьбу не позовёт — весь свадебный поезд оберну волками. С волками родниться — по-волчьи выть. Пусть вспомнят, кто в лесу хозяин!

У самых истоков Сожа, неподалёку от долины Днепра, на холме поднималась над заснеженным морем лесов Тушемля, или Медвежья Голова, — священный стольный град голяди. Здесь, в отличие от венедских городков и сёл, ни у кого, даже у князя, не было своего собственного дома. Жили всем родом в одном длинном доме, подковой изогнувшемся вдоль вала и деревянной крепостной стены. Посреди городка стоял столб, увенчанный медвежьей головой с оскаленными клыками. Вокруг него — круглая ограда из двенадцати идолов.

Двор крепости заполняли светловолосые молодые воины с копьями и топорами, одни — с медвежьими шкурами на плечах, другие — в добротных чёрных полушубках. Мечи были не у многих. Это была младшая дружина двух племён. Старшие дружинники, старейшины родов и сами князья сидели в длинном доме. Юноши расхаживали по двору, затевали, чтобы согреться, борьбу или поединки на копьях и гадали: о чём это переговаривается знать двух племён с полумедведями, чья шайка разбойничала и в голядских землях — в верховьях Днепра, и в литовских — к западу от него по Березине?

В самой большой комнате длинного дома, украшенной по стенам головами оленей, зубров, туров, вепрей, увешанной медвежьими и рысьими шкурами, за большим столом сидели знатнейшие лесовики — суровые, длинноволосые, без бород, но с длинными вислыми усами. На одном конце стола расположились рядом оба князя. Радвила, по прозвищу Рыжий Медведь, и впрямь напоминал медведя — большого, неуклюжего и с виду

добродушного, но способного натворить много страшных дел. Совсем иначе выглядел хозяин городка — Гимбут. Тёмные волосы, редкие среди голяди, мрачное лицо с резкими чертами, недоверчивые, колючие серые глаза. Было жарко натоплено, и Радвила распахнул кафтан и расстегнул рубаху, обнажая поросшую рыжим волосом могучую грудь. Но угрюмый чёрный, подбитый рысьим мехом кафтан Гимбута оставался запахнутым.

Против князей сидел старик в белой жреческой одежде, с неостриженными волосами и бородой, семь раз опоясанный расшитым священными знаками поясом, — Ажуол, верховный жрец голяди. Он служил Перкунасу-громовнику, которого здесь почитали в облике медведя. Мудрого и рассудительного жреца племя уважало. Но для князя и его дружины гораздо больше значило слово жреца в чёрных одеждах, носившего жуткое имя Визунас. Так звали дракона, что пожирает души мёртвых, не сумевшие выбраться с помощью медвежьих и рысьих когтей на гору к богу неба. Гимбут с дружиной исправно поклонялись Перкунасу, как и всё племя. Однако Громовник мог дать телесную силу, мужество, победу — но не ту таинственную, колдовскую силу, что воздвигает избранных воинов над простыми. Этой силой Смерти владел и наделял ею Поклус. Его многознающий слуга Визунас справлял для князя и самых близких к нему дружинников страшные обряды, кончавшиеся людоедскими пиршествами.

Сейчас главный жрец сидел рядом с Медведичами, на которых почти все глядели с недоверием и даже враждебностью.

— У вас в Черной земле что, воевать разучились? Или нас хотите в засаду заманить? — Радвила смотрел на них насмешливо, словно на не умеющих как следует врать мальчишек. — Так мы и засады не побоимся. Только вас поведём связанных. И если что... пустим на мясо! — Он загоготал на всю комнату. — Вашими медвежьими половинами я бы и сам полакомился. А остальное пусть возьмёт себе Гимбут. Ума от вас не наберёшься, так хоть силы прибавится.

Собравшиеся покатились со смеху.

— Да они просто лазутчики, — презрительно скривился Гимбут. — Небось гадаете, зачем мы оба здесь, да ещё с войском? Скажу. Мы собрались в набег как раз на вашу Чёрную землю. И подставлять ради вас, трусов, головы под сарматские мечи не собираемся. Да! Вы, венеды, трусы и сарматские рабы, и ни на что больше не годитесь.

— Мы трусы? — взревел Бурмила. — Кто так думает, пусть выходит и бьётся хоть с одним из нас двоих! Кто кого одолеет, тот того и съест! Били мы ваших родичей будинов и вас побьём!

Собравшиеся возмущённо зашумели. Некоторые вскакивали, хватались за оружие. Радвила поднялся и сбросил кафтан, всем своим видом показывая, что готов драться не только с Медведичем, но и с настоящим медведем. Шумила бросил отчаянный взгляд на Визунаса. Тот спокойно встал, по-особому взмахнул рукой — и вдруг словно могильным холодом дохнуло на всех, заставив притихнуть самых буйных. Взгляды всех невольно обратились к жрецу. Его худое бесстрастное лицо обрамляли рано поседевшие волосы, падавшие на покрытые чёрным плащом плечи. На чёрной рубахе были серебром вышиты три черепа — человеческий, бычий и конский — и две змеи.

— Вы, драчливые петухи, ещё ни поняли, кто и зачем пришёл в лес? Этот Ардагаст — не просто сармат и явился не только за данью. Он не ищет ни добычи, ни рабов на продажу. Зато ему уже покорились три сильных племени. Теперь они будут воевать только с его врагами, почитать только его богов. Откуда у него, безродного бродяги, такая сила? Боги восстали друг на друга, вот что! У него чаша бога Солнца. Вот кто хочет сделать нас рабами своей Огненной Правды! Она, к примеру, не велит людям ни почитать Тьму, ни вкушать мясо людей.

Гимбут стиснул руки. Его лицо застыло. Слова князя падали тяжело, как удары молота:

— Из всех лесных племён только у нас, голяди, самые благородные воины и жрецы едят человеческое мясо. Если мы не станем это делать, мы уже не будем голядью. — Голос его гневно возвысился. — Кто позволил этому Ардагасту делать нас сарматами?

— Вас сделают не сарматами и не венедами, а такими же ублюдками без рода и племени, с нечистой кровью, как он сам. Не будет ни голяди, ни литвинов, ни нуров, а только рабы Солнца и Солнце-Царя. Он приведёт с юга своих венедов, они будут сводить наши леса под пашню, и непокорным станет негде укрыться. Он станет водить вас в походы на край света именем Солнца, и вы не сможете сказать «нет», ибо у вас не будет бога, противящегося Солнцу, — сказал Визунас.

— Если такова воля светлых богов, не должны ли мы, смертные, ей покориться? — медленно произнёс верховный жрец.

— Кроме светлых богов, есть ещё и тёмные, и они не уступают силой светлым. Выбирайте же, воины леса, пока не поздно, ибо Огненная Правда не позволит вам даже выбирать!

— Огненная Правда не запрещает, а велит каждому сделать выбор, — возразил Ажуол. — И карает того, кто избрал зло.

— Что есть зло? — с вызовом усмехнулся жрец. — То, что неугодно богу. Какому богу? Тому, которого ты избрал. Я,

Визунас, всю жизнь служу Поклусу и праведен перед ним. А ты, Ажуол, кому служишь — Солнцу или грозному Перкунасу? Когда Перкунас сотрясает небо своей колесницей и покрывает его тучами, куда девается солнце?

— Огонь един, — покачал головой жрец, — в солнце и в громе, в месяце и звёздах. Скажи лучше, куда девается твой бог, когда Перкунас мечет в него громовые стрелы?

— Вот-вот, — подхватил Радвила. — Мы же не боги и даже не черти. Каково нам лезть в битвы богов? Чаша, что у Ардагаста, говорят, хоть кого сожжёт.

Все выжидательно глядели на двух жрецов. О Медведичах словно забыли. Казалось, крыша длинного дома расступилась, и в небе встали громадные фигуры богов, готовых к битве, с невиданной силой оружием в руках.

— На небесный огонь у нас есть другой — пекельный, — довольно улыбнулся Визунас. — Верховный жрец Чернобор нашёл способ вызывать его в этот мир. В прошлом году мы, жрецы Подземного, собрались в Черной земле и Чернобор на наших глазах сжёг целый лес. Сам Пекельный явился поглядеть и остался доволен. Я — один их тех, кому доверена тайна пекельного огня! В этом огне сам Ардагаст сгорит, а его чаша расплавится.

— Это дело! — хлопнул рукой по столу приободрившийся Радвила. — Поджарим всех его сарматов в железных панцирях с конями вместе!

— А потом поедим жаркого. — Хищная улыбка тронула хмурое лицо Гимбута.

— Всех поджарим! Сами поедим и волков накормим степняками! Дорогу в наш лес забудут! — зашумели, загалдели разом воины двух племён.

— А что огонь пощадит, всё вам достанется: мечи, кольчуги, панцири, золото, серебро, каменья. Да ещё целый обоз дани с двух земель! — подлил масла в огонь Шумила.

— Стойте, безумцы! — воздел двоерогий кривой посох Ажуол. — Вы пойдёте дорогой чёрной, путём Вельняса! Вспомните: если чёрт прячется за дубом, Перкунас разбивает дуб, если за зверем — убивает зверя, если за человеком — разит человека.

— Не пугай зря, почтенный жрец! — отрезал Визунас. — Перкунас с Солнцем не всегда ладит. Незаметно, чтобы Громовник помогал Ардагасту. Сейчас зима, Перкунас не гремит. Зато Кавас, Чёрный бог войны, всегда поможет нам.

— Так спросите же богов, угоден ли ваш поход?

— Уже спрашивали, и гадание было удачным.

— Гадали о набеге на Дебрянщину, а не о битве с росами.

— Так что, ещё одно гадание? — вмешался в спор жрецов Радвила. — И новые жертвы, конечно? Знаю я ваши штучки! Нет уж, идём на Чёрную землю, как решили, и будем бить всякого, кто посмеет выйти против нас: хоть сарматов, хоть чертей!

— Черти против нас не станут: мы — воины Вельняса, главного чёрта! — громко произнёс Гимбут, обнажил меч и вонзил его перед собой в стол. — Я, Гимбут, князь голяди, клянусь обречь в жертву Пекельному Ардагаста, царя росов, и всё его войско!

— Я, Радвила, князь литвинов, клянусь в том же!

Ещё один меч вонзился в стол. Все возбуждённо шумели, словно уже вернулись с победой. Лицо Шумилы расплылось в довольной ухмылке. Рычание Бурмилы перерастало в гулкий хохот: «Ур-р-хо-хо-хо!» Радвила подошёл к ним, хлопнув обоих по плечам:

— Я Рыжий Медведь, вы — полумедведи, всего нас два медведя, и ещё медвежий бог с нами! Всех заломаем, кто в наш лес сунется!

И он заревел медведем во всю силу своих могучих лёгких. Медведичи взревели ещё громче, снаружи откликнулась младшая дружина. Лишь старый Ажуол молчал, стиснув руками посох, и с болью в душе глядел на людей, позволивших себе превратиться в стаю жадных и неразумных хищников. Впервые он, голядин, пожалел, что за всю свою долгую жизнь ни разу не воспротивился людоедским обычаям своего племени. Ажуол лишь не участвовал в них: он ведь жрец Перкунаса, а не Поклуса — и этого хватало, чтобы совесть оставалась спокойной.

В длинном доме шумел буйный пир. Как самых дорогих гостей потчевали на нём Медведичей. Только верховный жрец ушёл в свою комнату, преклонил колени и воззвал к Перкунасу. Бог явился ему, огнебородый, златоволосый, с пучками огненных стрел и каменным топором-молотом в руке. И повеление его было таково, что сердце старика едва выдержало. Но верховный жрец понял, что иначе нельзя, ибо слово его уже не остановит войско, душой и телом предавшееся Поклусу. Ажуол вышел из городка, добрался до неприметной лесной поляны у священного дуба и завыл по-волчьи. Из чащи вышел сильный, матёрый волк. Он выслушал всё, что сказал ему жрец, кивнул лобастой головой и побежал долиной Сожа на юг.

— Ну вот и Индрикова поляна. Отсюда что до нурских сёл на Унече, что до северских на Судости добрых полдня идти. И всё равно на Велик день и оба Ярилиных дня идут сюда на игрище

парни и девушки из обоих племён. Такое уж место святое. Говорят, вышел тут из-под земли Индрик-зверь, да от солнца закаменел. — Шишок раздвинул ветви, и на поляну вышли четверо: Ардагаст, Вышата, Хилиарх и Неждан.

Посреди обширной поляны возвышался громадный валун, похожий на лежащего зверя — большого, горбатого, неуклюжего. Одна сторона камня была сколота. Вышата смахнул с неё снег, и на сером камне проступил рисунок красной краской: невиданный зверь, лохматый, с хоботом и изогнутыми бивнями. Ниже были изображены два зверя: красный лев и чёрный медведь, напряжённо застывшие друг против друга, а между ними — обнажённая беременная женщина с рогом в руке.

— Слон! Здесь, в холодных дебрях Скифии! — удивлённо воскликнул грек. — Только... какой-то странный. Я видел слонов и африканских, и индийских, но с такими бивнями, да ещё с шерстью! А лев... Или это львица, гривы почти нет? Почтенный Гай Плиний Секунд — он с моих слов записал кое-что о янтаре, зубрах и турах — разинул бы рот от удивления! А ведь рисунки свежие. Неужели такие звери ещё водятся в этой земле?

— Свежая только краска, — покачал головой Вышата. — А сами рисунки выбиты в камне в те времена, когда Перун, Даждьбог и другие младшие боги ещё не родились, а Сварог не научил людей пахать землю и приручать скот.

— Золотой век Кроноса? — проговорил поражённый эллин.

— Лесные колдуны знают об этом веке лучше ваших поэтов, — улыбнулся волхв. — Люди были тогда могучими и свободными, как дикие звери, с которыми они сражались, мясом которых жили. Тогда не Перун бился каменным топором и дубовой палицей, а охотник в шкурах убитых им зверей. Хочешь его представить — вспомни вашего Геракла. Те люди жили не в городах, и даже не в сёлах, а в пещерах и хижинах из звериных костей и шкур. Но они не бросали друг друга в тюрьмы, не заковывали в цепи, не гнали кнутом на работу. Племя не кормило вельмож, чиновников, наёмников и прочих дармоедов, а если воевало с другим племенем, то до первого убитого или раненого. Колдуны в рогатых шапках не писали книг, но знали многое, забытое вашими мудрецами.

— Да, уж наши философы, даже киники, не захотели бы жить в том веке, — усмехнулся Хилиарх. — То ли дело рассуждать о нём, возлежа на пиру у богатого покровителя...

— Те люди почитали Мать Зверей, Мать Мира и Хозяина Зверей — мохнатого и рогатого Велеса. А ещё — богов-зверей. Из них самыми сильными были Индрик-зверь, Великий Медведь и Великий Лев. Вот они, все трое, — указал волхв на камень. —

Индрик владел силой земли, Медведь — грома, а Лев — солнца. А ещё был Чёрный Бык, владевший силой Тьмы, — ты, Ардагаст, дважды сражался с ним. Тогда здесь не было лесов...

— Да неужто? Я такого и от старых лешаков не слышал, — изумился Шишок.

— Откуда вам, лешим, знать. Тогда на севере среди льдов играли Мороз-Чернобог и Зима-Яга, а здесь лежали степи, выстуженные их дыханием. Потом огонь Сварога и пламя золотых рогов Небесной Оленихи-Лады растопили льды. Наступил потоп, и звери-боги ушли в нижний мир. Всё переменилось в земном мире, и люди покинули пещеры. Но были и есть волхвы, что спускаются в пещеры и в забытых святилищах вызывают богов-зверей, чтобы приобщиться к их силе. Теперь ты понял, Ардагаст, против кого и чего мы посмели восстать? Медведь с медведицей, от которых родились Шумила с Бурмилой, — не простые звери. То дети Великого Медведя. Их вызвал из нижнего мира Чернобор, а научил его Лихослав.

Ардагаст выдвинул из ножен кушанский клинок, бросил взгляд на суму Вышаты:

— Люди это зверье с камнями и дубьём одолевали, а нам Сварог дал железо, и Даждьбог — свой золотой огонь. Позор мне будет, если отступлю, если позволю медведям и их поводырям людей в страхе держать. Где есть царь — тёмные, звериные волхвы править не должны.

— То не простые звери, — повторил Вышата. — У них — сила Грома. Они где-то здесь, в Черной земле, и бегать от тебя, как их сынки, не будут. И справиться с ними тебе будет не легче, чем Перуну и его Громовичам, небесным воинам, со Змеем Глубин. Только Хозяйка Зверей может помочь нам. Вот для чего мы сегодня косулю ловили.

Волхв кивнул Серячку, и тот выволок из кустов связанную косулю. Неждан сложил перед священным камнем костёр. Вышата разжёг огонь, бросил в него особые травы. Потом развязал косулю и тихо сказал ей:

— Сейчас пойдёшь к Небесной Оленихе.

Встрепенувшаяся было, почуявшая свободу косуля вдруг покорно замерла, подняв голову к покрытому облаками небу. Из сумки Вышата достал древний кремнёвый нож и перерезал косуле горло, затем положил её тело на костёр. Чёрный дым потянулся к небу. Запах палёной шерсти сливался с запахом жареного мяса. Волхв воздел руки:

— Зову тебя, Хозяйка Зверей, Мать Зверей, людей и богов, Мать Мира! Зову тебя по обычаю белых лесных волхвов! Из нижнего мира пришли звери, которым не место в среднем мире.

Открой нам, волхву и воину: как одолеть их?

Затрещали сучья, и на поляну выбежала молодая белая олениха с золотыми ветвистыми рожками. За ней бежали три собаки. Олениха прыгнула через костёр — и вдруг над самым пламенем обратилась в девушку с распущенными светлыми волосами, в белом полушубке и шароварах, с луком и колчаном через плечо. Собаки следом за ней перелетели через огонь. Девушка одним махом взобралась на священный камень, уселась на нём, свесив ноги в добротных сапожках, и звонко рассмеялась:

— Так вам кого нужно: бабушку Ладу, тётушку Ягу или меня, Девану? Мы все Хозяйки Зверей. Особенно я. Правда, волчок?

Серячок припал к земле и, подняв морду к юной охотнице, приветственно завыл. Четверо людей и леший низко поклонились богине. Выпрямившись, волхв взглянул ей в лицо и спокойно произнёс:

— Я злых не звал. И чересчур молодых тоже. Мы на таких зверей охотимся, каких ты в этом мире уже не застала.

— Зато в нижнем мире я и на них охочусь. Я там зимой бываю, вместе с тётей Мораной. Она просила тебе, Ардагаст, помогать.

— То-то мне весь поход на охоте везёт, — улыбнулся Ардагаст. — Довольна ли нашими жертвами, богиня?

— Довольна. И вами самими тоже. Давно я таких охотников в этих лесах не видела. С вами только Волх с дружиной сравняется.

И тут из-за валуна раздался женский голос:

— Слазь с камня, егоза. Его здесь для меня поставили, когда ни тебя, ни родителей твоих, Перуна с Летницей-громовницей, ещё не было.

Пожав плечами, Девана соскользнула с валуна и принялась возиться с собаками. А вместо неё на камне появилась статная женщина средних лет, совершенно нагая, с пышными распущенными волосами. Ни большой живот, ни крупные груди не делали её полное здоровья тело уродливым. В руке она держала турий рог. Люди и леший опустились на колени и благоговейно простёрли руки к Матери Зверей, а волк повалился перед ней на спину, подставляя незащищённое брюхо, словно перед самым сильным вожаком.

— Для вас я, верно, на лешачиху похожа? — окинула взглядом собравшихся богиня.

— Да такую лешачиху можно разве в добром сне увидеть! — восхищённо произнёс Шишок.

— Знаю я, как вы, лешие, за людскими бабами и девками

бегаете, — усмехнулась богиня, повела рукой и приняла вид столь же полной жизни, но более стройной женщины в зелёном платье и расшитом жемчугом кокошнике. В руке её по-прежнему был турий рог.

Хилиарх чувствовал себя если не богом, то героем. Увидеть сразу двух богинь, Кибелу и Артемиду! Актеон за меньшее поплатился жизнью. Он, правда, увидел Хозяйку Зверей купавшейся...

— Мать Лада, ты знаешь, в Черной земле живут медведь с медведицей, дети Великого Медведя. С их помощью Чернобор держит людей в страхе. Скажи, как их одолеть вашему избраннику? Ведь он не Громович и не имеет грозового оружия, — почтительно сказал Вышата.

— И пусть не просит его у Перуна. Отец не любит помогать избранникам дяди Даждьбога, — вмешалась Девана.

— Силу Грома можно одолеть силой Солнца. Грозового зверя победит солнечный. Ты ведь умеешь оборачиваться лютым зверем? — спросила Лада волхва.

— Умею, но не сыном Великого Льва. Этого не умел даже Лихослав. Не умеют этого и жрецы Митры, хотя они сохранили многое из мудрости пещерных колдунов.

— Зато это умеют мои жрицы. Мужчинам такого умения лучше не доверять, — торжествующе улыбнулась Лада. — Но тебе, пожалуй, можно. Научит тебя та, которую ты оставил в Чёртовом лесу. Ищи её в моем доме в столице Черной земли.

— Скажи ещё, владычица, где логово тех медведей? — спросил Вышата.

— Этого не знаю даже я. И Перун гонялся за ними с молниями, но логова не нашёл. Чернобор, а скорее, сам Чернобог защитил его сильными чарами. Ничего, эти звери сами на вас выйдут, если пойдёте в Чёрную землю.

Сказав это, Мать Зверей оборотилась белой оленихой с большими, ярко сияющими золотыми рогами, оттолкнулась серебряными копытами от камня и полетела к небу.

— Даже мои собаки не смогли тогда найти логова, — развела руками Девана. — И всё равно я тебе, Ардагаст, помогу. Ты — великий охотник.

Она взобралась на камень — и ещё одна золоторогая олениха поскакала в небо вслед за старшей.

Следом пронеслись три пса. Ардагаст потёр затылок:

— Обнадёжила, спасибо. Значит, они на меня медведей выманить хотят. Охотился я в Бактрии на тигра с приманкой. Привяжешь ягнёнка, а сам сидишь в засаде. Вот только убить зверя я ягнёнку не поручал.

— Вот тебе и светлые боги всемогущие, — протянул Неждан.

— Всемогущих богов нет, — покачал головой Вышата. — Ни светлых, ни тёмных. Думаете, боги с небес глазеют на наши подвиги, будто римляне на гладиаторов? Нет, мы вместе с ними бьёмся за этот мир. Если бы не мы, воины светлых богов, бесы давно бы завладели средним миром и пошли приступом на небо, как в начале времён.

— А там, на юге, ещё рассуждают о едином всемогущем и всеблагом Боге, создателе прекрасного мира. Эти философы никогда не бывали ни в ваших лесах, ни в римских трущобах за Тибром, — сказал Хилиарх. — А я скорее поверю тем, кто учит, что земной мир создал злой и глупый бог... Поверил бы, если бы не наш поход.

— Да разве мог Род-Белбог создать леших-людоедов, упырей, чертей! — вскинулся Неждан. — Или стал бы их хоть терпеть по своей воле?

— А сотвори мир Чернобог, откуда бы в нём взялись мы? Мы, что уже крепко насолили чернобожьему племени, а насолим ещё больше, если живы будем, клянусь Перуновой стрелой и даждьбожьим золотом! — задорно рассмеялся Ардагаст.

Шишок задумчиво почесал островерхую голову:

— Мы вот, лешие, от тех чертей пошли, что в лес упали, когда их светлые боги с неба гнали. И люди нас нечистью зовут. А только что я, к примеру, плохого людям сделал? Ну, пугал да путал ради шутки. Да ещё наказывал тех, кто ни леса, ни меня, его хозяина, уважить не хотел. А теперь вместе с вами нечисть бью. И Серячок мой её вон как гоняет, хоть первого волка сам Чернобог сотворил. Выходит, не всевластен Пекельный-то даже и над своим творением.

— Это уж кто какого бога к себе в душу пустит, — сказал Вышата. — Я как-то спросил персидского мага: «Может ли Ахриман-Чернобог навсегда одолеть Ормазда-Белбога?» — «Может. Но кто допустит такую мысль и смирится с ней, тот сделает первый шаг к трону Ахримана», — ответил маг. «Но разве не трусливо убегать от мысли?» — «Трусливо дать ей завладеть собой».

— Так оставим же всемогущего бога слабым духом! — воскликнул Хилиарх. — А сами, пока наши руки держат меч, будем делать всё, чтобы Разрушитель не стал владыкой мира. В этом мы сможем сравняться с богами!

— И-эх! Да попадись мне теперь сам Чернобог, я бы постарался хоть дубину об него обломать перед смертью! — ударил шапкой оземь Шишок.

Вдруг острый взгляд грека заметил на снегу возле камня след, который он не мог перепутать ни с чем. Много лет назад он холодной палестинской ночью сидел в развалинах, дрожа от страха и прижимая к себе мешок с серебром. Монеты с профилями кесаря и иудейских царей были бесполезны против царя зверей, чей рёв доносился снаружи. А наутро Хилиарх увидел на песке такой же крупный когтистый след.

— Значит, львы всё-таки водятся у вас? Их уже не осталось ни в Элладе, ни даже во Фракии.

— Да, — кивнул Вышата. — Мы, венеды, зовём льва «лютый зверь»![25] Но это — не Великий Лев.

Серячок вдруг взволнованно заворчал. Словно в ответ ему снизу, от подножия склона, донёсся могучий, величественный рёв, сквозь который едва пробивались человеческие голоса. Этот рёв грек тоже не мог спутать ни с чем.

— Кажись, накликали, — вздохнул Вышата и первый стал осторожно спускаться крутым склоном.

Тёмно-жёлтый, черногривый зверь отличался от виденных Хилиархом разве что более густой шерстью. Грозный рёв волнами катился из пасти вместе с клубами пара. Прямо перед царственным хищником стояли, прижавшись к деревьям и выставив перед собой мечи, двое — парень и девушка. Свитки у обоих были новые, праздничные, расшитые по краям: у парня рыжая, у девушки белая. Праздничным был и крашенный пурпуром шерстяной платок девушки. Юноша был собой крепкий, видный, с выбивающимися из-под шапки буйными светло-рыжими кудрями. Миловидное лицо его спутницы застыло в испуге, обе руки отчаянно сжимали меч.

Остановив жестом троих воинов, уже взявшихся за оружие, Вышата встал между юной парой и львом и спокойно заговорил:

— Не трогай их, лютый зверь, священный зверь. Видишь, у нас острые мечи, но мы не охотимся на тебя. Иди своей дорогой, во имя Матери Зверей.

— Э-э, да он учуял жареное мясо, — сказал Шишок и обратился ко льву: — Не повезло тебе, царь звериный, ты уж прости. Косулю мы не жарим, а сжигаем. Хозяйке Зверей в жертву. Так что зря ты пришёл. Моему пёсику и то ничего не досталось.

Серячок с сочувствием взглянул на грозного зверя. Тот поревел ещё для важности и неторопливо, гордо удалился. Ардагаст с усмешкой взглянул на юную пару:

— Как же это вы додумались у лютого зверя на дороге стать, да ещё с железками? Совсем растерялись, видно?

— Почему растерялись? — как-то нетвёрдо возразил

парень. — Я сам из лютичей, а матушка моя — жрица Лады и лютого зверя. Я и говорю ему как положено: не трогай-де, священный родич, нас, иди своей дорогой...

— А для верности меч выставил? Или не знал, чем себя перед девицей показать: воинским умением либо родством со священным зверем? Я, кстати, тоже из лютичей — царского рода сколотов-пахарей. Как тебя хоть зовут, родич?

— Ясень, Лютослава и Лютицы сын.

— А я — Добряна, дочь Доброгоста, великого старейшины северян, — сказала девушка и, взглянув на золотые ножны меча и росскую тамгу на плече Зореславича, робко спросила: — А ты, верно, Ардагаст, царь росов? Я думала, ты совсем не такой...

— А какой — на всех чертей похожий? Больше слушай Чернобора с его сынками косолапыми...

— У нас многие радовались: нашёлся такой могут, что Медведичей проучил! — задорно улыбнулась Добряна. — И думали: этот Ардагаст должен быть матёрый муж, сильнее и лютее медведя, грозный, как сам Перун. А ты — совсем молодой и... добрый, будто само Солнце.

Только тут Ардагаст заметил, что к её мечу привязана свеча и хлеб.

— А вы никак со свадьбы? Не из тех ли молодцов, что сегодня у Гордяты, старейшины из Мглина, дочь увозом забрали?

— Ну, не так уж и увозом, — приосанился Ясень. — Выкуп всё-таки дали, и немалый. Да попробовал бы Гордята не взять! Мы как налетели спозаранку, мглинцы не успели и за рогатины схватиться. А мы им — вина корчагу: хотите — бейтесь, не хотите — пейте. Не всё же волколакам наших девок умыкать. Они тут, на Индриковой поляне, на игрищах, уже сманивали — и почепских, и костинских.

— Так ведь дорога из Мглина в Косту вон где, — указал Шишок. — А вы аж тут оказались.

— Да вот пришлось в обход ехать. Мы хотели на свадьбу взять Белогора, мглинского колдуна. А он совсем больной лежит и говорит: «Это Чернобор на меня хворь наслал. Обиделся, что его на свадьбу не позвали. Глядите, не едьте назад той же дорогой: на ней верховный жрец уже зарыл в снегу колдовские пояса, чтобы всех вас волками обернуть». Стали в обход пробираться, да и сбились совсем. Мы с Добряной пошли дорогу разведать и набрели на лютого зверя, — развёл руками парень.

— Гак давайте я вас выведу, — предложил Шишок.

— Э-э, да не ты ли, мужик, нас запутал? — сказал, приглянувшись к лешаку, Ясень.

— Очень мне надо вас путать! — с гордым видом хмыкнул

лесовичок. — Поважнее тут, в святом месте, дела были. Мы, может, с великими богинями только что говорили вот как с вами, непутёвыми.

— Да с тобой разве что лесные богини говорить станут: лешихи там, чертовки, русалки...

Возмущённый Шишок готов был полезть в драку, но тут парня перебила Добряна:

— Почему? Он же тут не один. С царём Ардагастом боги запросто говорить могут. А вот с ним — и подавно, — кивнула она в сторону Вышаты. — Ты ведь Вышата, великий волхв? — обратилась девушка к чародею.

— Я уже и великим стал, — покачал головой Вышата. — Жаль, в Экзампее этого не знают. Просто не привык отступать перед злыми чарами, вот и всё моё величие.

— Так поехали с нами на свадьбу! — радостно воскликнула Добряна. — Из наших волхвов и волхвинь никто не решится против Чернобора ворожить, разве только Ясенева мать... И ты, Солнце-Царь, на свадьбу приходи, и вы все!

— Погоди, красавица. Я ещё обычаи венедские не забыл. На свадьбу ведь не светилка, приглашает вроде тебя и не дружка. Вдруг не приглянемся мы жениху или родителям его? — сказал Ардагаст.

— Да наш Славобор тебя больше всех уважает, и отец его Славята, костинский старейшина! Говорят, пришёл наконец в мир сколотский царь.

— Что ж, тогда надо и мне, царю, их уважить! Шишок, скажи Серячку, пусть бежит в стан и скажет Милане, что я в Косту на свадьбу еду.

Поезжан[26] нашли внизу, в глубоком овраге. Они слышали рёв и теперь спорили: поладит ли сын волхвини с лютым зверем или нужно идти на помощь? И вдруг перед ними предстали те, кого простодушные лесовики считали чуть ли не за богов или за вернувшихся из Ирия храбров и волхвов золотых сколотских времён. Конечно же и Славобор, статный рыжий молодец с весёлым простоватым лицом, и его невеста, сероглазая нурянка Желана, были рады пригласить на свадьбу самого царя Ардагаста. А узнав, что провести их берётся леший, а защитить от чар — великий волхв, поезжане совсем ободрились и затянули песню о князе, встретившимся между трёх дорог с Даждьбогом.

Ой ты боже, ты Даждьбоже,
Сверни же мне с дороженьки,
Ты ведь богом год от года,

А я князем раз на веку.

Князей у северян не было, но у своих соседей-нуров они уже выучились называть жениха князем. Да и впрямь, Славобор рядом с царём-гостем казался поезжанам и себе не меньше князя. А поглядывая на золотистые волосы и золотой меч царя, иные думали: уж не сам ли Даждьбог вышел навстречу им и их князю? Ведь и лютый зверь — даждьбожий, царский зверь.

По настоянию Вышаты Шишок вывел поезжан на ту дорогу, с которой они свернули из страха перед чарами Чернобора. Ехали шагом, а волхв шёл впереди, прощупывая дорогу духовным зрением. Вдруг он остановился и плавно воздел руки. Из-под снега поднялись и заколыхались, будто встревоженные змеи, четырнадцать чёрных поясов. Попробуй поезжане проехать здесь без волхва, и каждого из них обвила бы сама собой чёрная полотняная змея, лишая человеческого облика надолго, если не навсегда. Но теперь страшные пояса, повинуясь взмахам рук волхва, извивались и сплетались в один клубок. Ардагасту это напоминало виденных им в Индии змей, плясавших под дудку заклинателя.

Наконец Выплата достал кремнёвый нож и метнул прямо в зловещий чёрный клубок, словно Перун — громовую стрелу в Змея. Вспыхнуло пламя, и от чародейских поясов осталась лишь горстка пепла и чёрное пятно на снегу. Волхв обернул к поезжанам весёлое довольное лицо:

— Всё! Гуляйте, князь с дружиной! А Чернобор пусть теперь новые колдовские тряпки готовит. Не простая это работа, клянусь Велесом!

Добряна всю дорогу расспрашивала Ардагаста. Верно ли, что он в Милограде бился с самим Ярилой, волчьим богом? Ну, со светлыми богами только бесы воюют. Правда ли, что мать родила его от самого Даждьбога? Нет, она не изменила бы своему Зореславу ни с каким богом. А чтобы нечисти спуску не давать, не обязательно от бога родиться. Говорят, он, Солнце-Царь, сквозь любое пламя может пройти? Сквозь пекельный огонь дважды проходил. А вот в горящий сарай лезть не рискнёт. Разве только там будет такая красавица, как она, Добряна.

Девушка сама стеснялась своих вопросов и сама смеялась, слушая ответы Ардагаста. И всё равно спрашивала снова и снова, лишь бы слушать этого удивительного, словно из сказки пришедшего витязя — могучего, бесстрашного и при этом доброго и весёлого, совсем не похожего ни на приставших к ней

наглых сарматских удальцов, ни на страшных своей звериной силой Медведицей. Ясеню не очень-то нравилось это внимание Добряны к красивому и сильному чужаку, пусть и царю, но внимание его самого то и дело отвлекал Вышата, расспрашивавший о племени, о Черноборе, но больше всего почему-то о Лютице, матери Ясеня.

Село Коста лежало у лесной речки. Непролазные леса и топи защищали его лучше любых рвов, валов и частоколов. Ардагаст здесь снова увидел привычные ему с детства белые мазанки, крытые камышом и соломой. Только тут они были ради тепла чуть больше углублены в землю. Самая большая и нарядная мазанка принадлежала старейшине Славяте. Сам Славята, дородный, с добродушным румяным лицом, встретил поезжан в дверях, благословил молодых хлебом-солью, а его жена, низенькая хлопотливая будинка, осыпала их рожью и хмелем. Знатным гостям-росам хозяева обрадовались не меньше, чем их сын.

Посреди жарко натопленной мазанки пылал очаг. Над ним поднимался главный столб, на котором был вырезан отец богов и людей Род — такой же полный, бородатый и добродушный, как сам хозяин, с рогом — знаком достатка — в руках. Три обильно накрытых стола стояли вокруг очага. Ардагаста и его спутников усадили на самом почётном месте, возле красного угла, где на полочке стояли деревянные фигурки богов.

Добряна сняла свитку и платок, и царь — да и не только он — залюбовался юной северянкой. Русые волосы стягивала алая лента, с которой свисали бронзовые подвески: на средней — лик Лады с окружёнными сиянием глазами-солнцами, на остальных — трёхпалые лапы её птиц. Пышная коса с синей лентой в ней ниспадала ниже пояса. В ушах блестели бронзовые серёжки, на руках — браслеты. На белой сорочке, расшитой птицами, оленями и знаками Матери-Земли, ярко выделялись три ряда разноцветных стеклянных бус и лунница — знак Велеса. Помочи скромной клетчатой понёвы[27] скрепляли две бронзовые застёжки со знаками Солнца. Глаза, синие, как у самого Зореславича, глядели на мир просто, открыто и доверчиво. Настоящая лесная царевна! Не было на этой царевне ни золота, ни серебра, ни самоцветов. Не походила она ни на лихих степнячек, ни на южных красавиц, чьи чёрные глаза сулили невиданные наслаждения. Но все светлые боги наделили её не только своей защитой, но и тихой, спокойной, как святое лесное озерцо, красотой. А ещё — доброй и чистой душой, скромным, но не безропотным нравом: не побоялась ведь зверя лютого, не смутилась перед Солнце-Царём.

Заметив восхищенный взгляд царя, Ясень нахмурился, но в душе возгордился: сам царь росов, Даждьбог земной, и тот любуется его Добряной! Да кто ещё сравнится с ней во всей Севере? А мать всё прочит ему в невесты свою ученицу Мирославу. Нет уж, хватит с него и матери колдуньи, да хранят её все боги...

А молодой уже поднёс гостям по чарке мёда, и дружка Ясень вывел молодых из-за стола и поставил перед родителями. В руках у матери был расписной образ Лады с птицами в воздетых руках, а у Славяты — пышный каравай. Весь мир был вылеплен на том каравае: Мировой Дуб, над ним солнце, месяц и звёзды, а под ним — плуг с ярмом, секира и чаша. И это не ускользнуло от внимательного взгляда Вышаты. Он поднялся и громко произнёс:

— Вижу, благочестивые люди тут живут, не забыли в лесах дебрянских, в Черной земле о дарах Колаксаевых.

— Где те дары? Укрыты богами ради грехов наших, — вздохнул старейшина.

— Один дар уже вернулся, и добыл его царь наш Ардагаст. Вот Огненная Чаша Колаксая!

Вышата достал из сумки золотую чашу, и глаза всех гостей устремились к святыне. Слёзы потекли по щекам Славяты.

— Возвращаются времена святые, золотые! Благослови, святой волхв, молодых Колаксаевой чашей, если го угодно богам и царю.

— Богам и мне всякое святое дело угодно, — улыбнулся Ардагаст.

Ясень наполнил чашу лучшим греческим вином, и Вышата поднял её над головами молодых:

— Славобор и Желана! Вы из разных племён, но светлые боги над вами — одни, и одна для всех людей Огненная Правда. Огонь её един — и в солнце, и в этом очаге, и в этом золоте. Живите же мирно и честно, как она велит, и да не придётся никому из ваших детей и внуков воевать со своими родичами!

Потом Славята благословил молодых караваем:

— Идите, дети, почивать и будьте честными, как этот хлеб честный.

«Огонь очага, чаша, хлеб — самые простые вещи учат этих скифов тому, чему нас не могут научить философы, рассуждающие о Боге как высшей добродетели и высшем благе... и тут же грызущиеся из-за курицы за столом у распутного богача!» — подумал Хилиарх.

Священная чаша обошла вкруговую всех гостей, и жених с невестой отправились в камору, где на необмолоченных пшеничных снопах уже была постелена постель. Теперь гости

должны были петь песни о любви. И тут чистым, высоким голосом запела Добряна. Песня была о девушке, что не знает, где теперь в раздольной степи её милый и что делает: пасёт ли стадо бесчисленное, лежит ли врагами посеченный, тешится ли в белом шатре с другой. Даст Лада, вернётся милый осенью, а его уже сын ждать будет. Молодёжь, особенно девушки, охотно подпевала. Но как только пение стихло, одна из баб негромко, но так, чтобы все слышали, произнесла:

— Срамница! Это же девки поют, что с сарматами путаются и сколотных от них приживают.

Будто кто ком грязи бросил на чистую скатерть... Неждан Сарматич в упор взглянул на языкастую бабу:

— А по мне, песня хорошая. Я, может, сам вот так и появился на свет. *Я,* Неждан, сын Сагсара, царский дружинник и русалец, что бился с упырями, лешими и нурскими ведьмаками! А кто назовёт меня сколотным или ублюдком, будет биться со мной по-сарматски! Мечом да акинаком владеть труднее, чем языком паскудным...

Гордо вскинув голову, он упёрся одной рукой в лавку, а другую положил на увенчанную кольцом рукоять акинака. Ардагаст спокойно произнёс:

— У моих родителей тоже свадьбы не было. Только сарматка у меня была мать, а отец венед. Он в кургане под Экзампеем лежит, а где она — одни боги ведают. Не дали им счастья злые люди — вместо свадьбы войну затеяли. Ту самую, что вас в эти леса загнала.

— А кто царя посмеет назвать сколотным... — зловеще начал Неждан.

— Тому я, лесной хозяин, горшок на голову надену, головой о дверь трахну, а ежели после того поднимется — гнать буду до самого леса! — закончил Шишок, воинственно смахнув крошки с бороды.

Все засмеялись. Славята примирительно сказал:

— Сколотами когда-то звали только степных скифов. А тех, кто у наших праматерей от них рождался — сколотными. Славные то были храбры — ни в лесу, ни в степи никто их одолеть не мог. Эх, измельчали люди, коли таким именем лаяться стали... Вы, молодые, и не видели, какие города великие строили сколоты, под какими могилами их хоронили — повыше иной здешней горы. Всё на юге осталось...

Тем временем из каморы вышли весёлые, довольные молодые. Всё вышло хорошо: и жених оказался не слаб, и невеста честная. Любиться до свадьбы ведь не грех только на игрищах: на Купалу да на Ярилу. И что там случилось, того перед свадьбой не

скрывают. В другие же дни такое — перед Даждьбогом грех, а перед людьми стыд. Любознательный Хилиарх далеко не сразу разобрался в этих венедских обычаях и из-за этого пару раз едва не был побит.

На ссору уже никого не тянуло, и Славята предложил:

— Ты, Нежданн, чем по-сарматски драться, лучше сплясал бы по-сарматски.

— Идёт! — загорелся Сарматич. — А ну, у кого есть акинаки или хоть ножи охотничьи, готовьте их: будете мне по двое бросать. Вышата, сделай милость, сыграй сарматскую плясовую! Вот и бубен.

Волхву передали бубен, и музыка зазвучала, нарастая, будто лавина. Нежданн обнажил меч и акинак и пошёл на носках, скрещивая на ходу клинки. Он двигался сначала плавно, потом всё быстрее, неистовее, выкрикивая боевой клич «Уас тох!» — «Святой бой!». Клинки в его руках мелькали как молнии, звенели, будто в ожесточённом бою. Вдруг он сунул и меч, и акинак за ворот кафтана и призывно протянул руки. Сарматич на лету поймал два акинака, пронёсся по кругу, звеня сталью и высекая искры, потом взял оба клинка в зубы и снова протянул руки. Новую пару акинаков он поставил на предыдущую остриями вниз, сверху надел на рукояти свой бышлык и продолжал плясать, скрещивая два охотничьих ножа. Ритм музыки стал замедляться, слабеть, и Сарматич принялся всаживать ловкими бросками в земляной пол одну пару клинков за другой, продолжая при этом плясать между ними. Наконец в руках дружинника осталось лишь его собственное оружие, и он остановился, воздев его к небу, и выкрикнул в последний раз: «Уас тох! Уасса!»

Парни азартно хлопали в ладоши в такт пляске. Девушки с замирающими сердцами следили за мельканием клинков. Мужики и бабы только качали головами. Словно стальной вихрь, готовый искромсать любого, носился по мазанке перед их глазами, и проделывал всё это не какой-нибудь степной находник, а обычный венедский парень в вышитой матерью сорочке, выглядывавшей из выреза кафтана. Ардагаст удивлялся: когда Сарматич успел так выучиться? Похоже, только в походе.

С видом победителя Нежданн уселся на место. Ясень смело взглянул в лицо Зореславичу:

— Хорошо росский дружинник пляшет. А сам царь? Говорят, сарматы умеют по накрытому столу проплясать и ничего не перевернуть. Сможешь ли так, царь росов?

— Смогу, — кивнул Ардагаст.

— А за каждую опрокинутую миску или кружку — по греческой драхме. Идёт? — едко усмехнулся кто-то из мужиков.

— По ромейскому авреусу[28], — небрежно бросил царь.

— Ты полусармат, так дойди хоть до половины стола, — совсем уж дерзко произнёс Ясень.

Снова загремел бубен. Ардагаст вскочил на стол и легко двинулся на носках, звеня акинаком об меч. Лесовики посмеивались, прикидывая, сколько же золотых придётся выложить царю-плясуну. Но росич был уверен в своих силах. В пляске быстр и ловок тот, кто таков же в бою, если только хмель его не одолеет. Ардагаст же помногу не пил даже на пиру. Он прошёл не только весь стол, но и остальные два стола, и платить не пришлось ни единой монеты.

— А по-нашему, по-венедски, спляшешь? Не разучился в далёких землях? — не унимался Ясень.

И тут из-за стола встала Добряна. Поправила косу, переглянулась с Вышатой, уже взявшим в руки гусли, взмахнула зелёным вышитым платочком — и пошла-поплыла белой лебедью под звон струн. Плыла и словно невзначай остановилась перед царём, ласково, без вызова взглянула ему в глаза. И царь росов поднялся, снял пояс с мечом и акинаком, сбросил кафтан, оставшись в белой рубахе, вышитой знаками Солнца. Теперь его трудно было отличить от собравшихся северянских парней. Только таких золотистых волос и тонких закрученных усов не было ни у кого из них.

Все затаили дыхание, глядя кто с одобрением, а кто с ехидцей. Ардагаст встал перед Добряной, широко развёл руки, будто готовясь обнять девушку, притопнул красным сапожком и пошёл прямо на неё, выбивая ногами мелкую дробь. А северянка поплыла назад, словно завлекая. Чистые синие озера глаз манили, будто оазис в пустынях, изъезженных росичем на Востоке. Ох, не русалка ли это? Нет, спят теперь русалки до весны в холодных омутах... Да и не могли боги спрятать злой соблазн за такой доброй красотой!

Ардагаст сложил руки перед собой и пошёл вприсядку вокруг девушки.

Плясал лихо, но без дерзости. А она подняла руки вверх и завертелась, похожая в своей белой рубахе на тянущуюся к солнцу берёзку. Как листок на ветру развевался зелёный платочек. Так пляшут на Ярилу девушки, прикрытые лишь цветами и листвой, пляшут в облике Додолы, супруги Перуна, призывая с неба дождь, лучший дар Громовержца любимой. А гусли играли всё быстрее и звонче. Теперь оба плясали лицом друг к другу, в полный рост, сначала разведя руки, потом взявшись за них. И тонули одна в другой две пары синих и голубых глаз. А солнечные глаза Лады сияли с подвески на

красной ленте, стягивавшей русые волосы Добряны. Весёлый, помолодевший Вышата довольно глядел на молодую пару. Ведь не всегда он был великим волхвом, и ему было что вспомнить.

Наконец стихли гусли. Ардагаст с Добряной поклонились друг другу. Девушка, вдруг засмущавшись, проскользнула на своё место. Ардагаст торжествующим взглядом окинул собравшихся. А Ясень, всё это время молча комкавший скатерть и пивший кружками густое будинское пиво, поднялся и вышел на середину комнаты.

— Здоров ты девок одолевать, сармат! А теперь одолей-ка парня. — Ясень с силой ударил шапкой оземь. — Перепляс!

Разом зазвенели гусли и зарокотал бубен. Два парня принялись плясать друг против друга. Танцевали и вприсядку, и с подскоком, и упёршись руками в пол позади себя. Громко хлопали себя и по голенищам, и по пяткам, и по бёдрам. Высоко прыгали и вертелись волчком по-русальному. Сильные молодые ноги сгибались и скрещивались в самых замысловатых коленцах, взмётывая солому, устилавшую пол. А ну, кто ловчее, удалее, неутомимее? Гости вели счёт коленцам, хлопали, подбадривали: «Давай, царь! Не уступай, венед!»

Наконец на двадцатом коленце Ясень упал и бессильно растянулся на полу. А Зореславич ещё прошёлся на носках по-сарматски и потом не спеша выпил кружку пива и подмигнул с трудом поднявшемуся сопернику: знай, мол, родич, когда на пиво налегать.

А гости одобрительно шумели:

— Наш! Даждьбог видит, наш, венед! Вот тебе и сколотный... Такие, видно, сколоты и были...

— Говорят ещё, сарматы умеют плясать с чарой вина на голове и ни капли не пролить, — заговорил Ясень, отряхивая солому.

— Вот ты и спляши. С миской каши, — под общий хохот отозвался Неждан.

Тогда Ясень взялся за Шишка. Охочий до хмельного лешак уже успел хорошенько распробовать и вино, и мёд, и пиво и теперь дремал, уткнувшись носом в миску с варениками. Ясень вместе с несколькими парнями подобрался к нему и громко сказал:

— А не поглядеть ли нам, честные гости, как леший пляшет?

— Я спать хочу. Идите вы к лешему, — пробормотал Шишок.

— Вот мы к тебе и пришли. А ну, иди плясать! Видали такого: пить в гостях здоровый, а потешить гостей слаб!

Парни подхватили низенького лешака под руки и потащили на середину хаты. Тот брыкал ногами в воздухе и норовил наступить своим «носильщикам» на ноги, а потом вместо пляски улёгся возле очага и громко захрапел. Его принялись тормошить. Лесовичок дёрнул кого за руку, кого за ногу и устроил кучу малу, из-под которой ловко выбрался, ещё и стянул у кого-то дудку и принялся, громко дудя, бегать по хате. Его не без труда поймали, снова втащили на середину. Леший ругнулся, ударил об пол островерхой шапкой и вдруг пошёл в пляс, да так, что все только рты разинули, а потом принялись осенять себя косыми крестами. По комнате словно лесная буря носилась, вихрем взметая солому. Крепкие ноги лешака выбивали ямки в земляном полу. С оглушительным свистом и уханьем он несколько раз перескакивал через столы, умудряясь при этом ничего не задеть ногами. Побушевав вволю, Шишок с важным видом плюхнулся на лавку и одним духом выдул целый горшок пива. Гостям оставалось только гадать: прикидывался ли лесной хозяин пьяным или мог пить больше, а трезветь быстрее людей.

Ардагаст вместе со всеми беззаботно хохотал над выходками лешачка и чувствовал себя так, будто вернулся наконец в родные места, к своему роду и племени. Ему ведь было всего двадцать лет, и до тринадцати он рос в таких же лесных венедских сёлах. И мог бы всю жизнь прожить между этих простых и добрых людей, удалых и мирных одновременно. Заботился бы только об урожае да о скотине. Не бродил бы Чернобог знает по каким землям, не переворачивал бы в них всё вверх дном, не лез в распри богов. Не звали бы его ни Убийцей Родичей, окаянным и безбожным, ни богом земным. И любил бы он такую вот лесную красавицу, тихую и добрую.

Вдруг он заметил за слюдяными оконцами какие-то мерзкие хари. Бесы (не Чернобором ли посланные?) пытались влезть в хату, но не могли одолеть построенной Вышатой волшебной зашиты. Люди и не замечали их, а кто замечал, лишь злорадно крутил нечистым кукиши. Ардагаст усмехнулся. Пока бродят в среднем мире те, кому место в нижнем, и не только бесы, — кто-то должен быть воинами, волхвами, царями. Именно для того, чтобы такие вот мирные и добрые поселяне могли сеять хлеб, добывать зверя и птицу, любить своих русых красавиц и не ползать на коленях перед бесами и людьми, что не лучше бесов. А уж кому кем жизнь прожить — решают при рождении смертного три рожаницы-суженицы, три вечные пряхи. И идти против них — только путать нити мировой пряжи.

Тут как раз стали разрезать каравай — каждому гостю по доле. Священный каравай — не просто хлеб, а весь мир. Боги

никому в этом мире не отказывают в доле — кроме тех, кто сам себя отлучил и от людей, и от богов или не сумел своей долей распорядиться достойно.

Свадьба гуляла всю ночь. Ардагаст заснул под утро, а проснулся от отчаянного лая. Собаки разрывались так, словно в село вбежал волк. Какой-то непроспавшийся гость выглянул в окошко и завопил на всю хату:

— Волки! Волколаки с сарматами напали! Сам Седой Волк тут!

Люди вскакивали, хватались за оружие. Из каморы выскочил Славобор — в одной рубахе, зато с мечом. Но достаточно было царю гаркнуть: «Тихо, дурьи головы! Кто на кого напал с перепою?» — как все замерли, с надеждой глядя на него. В дверь постучали. Ардагаст надел пояс с оружием и первый шагнул к двери. Остальные сгрудились позади кто с акинаком, кто с рогатиной. Ох, не стукнула бы и впрямь Волху в голову какая-нибудь старая племенная вражда.

Волк за дверью действительно был — Серячок, тут же бросившийся к протиравшему глаза хозяину. Был и Седой Волк, а ещё Хор-алдар, Ларишка с десятком дружинников — нуров и росов. Суровым и тревожным было лицо волчьего князя.

— Война, царь. Голядь с литвой идут на Чёрную землю. А подбили их на войну Медведичи. Меня волки известили.

— Немедля едем в Почеп, к Доброгосту. Было бы с вами больше воинов, налетели бы на Медвежью гору и схватили прощелыгу Чернобора, — решительно сказал Зореславич.

— Погоди, царь, — возразил Вышата. — Я Чернобора ещё по Чёртову лесу знаю. Его ещё уличить сумей: как бы ни напакостил, вывернется и на других свалит. Не поймаем на горячем — выйдет, будто мы святого жреца безвинно мучим. И ехать сразу нельзя, чтобы обиды не было. Я должен справить главный обряд: обвести молодых вокруг священного дерева.

— Лишь бы ты моего мужа ни с кем тут не окрутил, — вмешалась Ларишка. — Что, Ардагаст, не нашёл себе здесь второй жены?

— Даже и наложницы, — с улыбкой покачал головой Зореславич.

— Вот и хорошо. А то я слышала про северянский обычай: после свадьбы всем гостям попарно мыться в бане, а кто без жены пришёл, с чужой моется. Как, я не опоздала?

Пара синих глаз с восхищением и завистью глядела на тохарку. Так вот она какая, царица Ардагастова! Лицо совсем нездешнее, узкоглазое и всё-таки красивое. И как ладно сидит на

ней кольчуга! Куда ей, Добряне, до этой удалой поляницы[29]... нет, её доля — Ясень, такой же лесовик, как и она сама. И никуда она из лесов дебрянских не денется, как и её племя. Только будет помнить до самой смерти, как плясала с золотоволосым Солнце-Царём...

Небольшой отряд выехал из Косты после полудня и направился к Почепу. Происходившее вчера теперь казалось Ардагасту дивным сном. Он сам обо всём рассказал Ларишке, и та только обрадовалась, что её мужа так уважают даже никогда не видевшие его северяне. Нет, не променяет он Ларишку, с которой прошёл сквозь колдовское пламя и тьму бесовских подземелий, ни на какую царевну! Даже на лесную, родную душе, как сам венедский лес.

Почеп, главное селение Черной земли, лежал на холме среди поймы реки Судости. Укреплениями северянской столице, не защищённой даже тыном, служили обширные болота. Весной они превращались в заводь, а холм — в остров. Для отягощённых доспехами сарматских конников холм был доступен разве что зимой.

Кто-то уже успел известить Доброгоста, и теперь он стоял у порога своей большой белой мазанки с головой чёрного орла на коньке. В облике чёрного орла Перун слетел в нижний мир, чтобы спасти брата Даждьбога, пленённого Чернобогом, и стрела, пущенная подземным владыкой в громовую птицу, вернулась и поразила его самого. Не только Чёрного бога почитали в Черной земле, но и его грозного противника. Великий старейшина северян был невзрачным щуплым человечком, прямо-таки тонувшим в роскошной шубе из черно-бурых лис. Важности ему не придавала даже окладистая чёрная борода, сливавшаяся с мехом шубы. Румяное лицо с потешным красным носом, любезное до приторности, напомнило Хилиарху какого-то давнего знакомого, и отнюдь не варвара. Рядом стоял высокий тридцатилетний мужик совсем не воинственного вида, хотя и в наборном панцире и при мече — великий воевода Воибор. Десятка два женщин и девушек, празднично наряженных, вышли к приезжим с хлебом-солью.

— Здравствуй на многие лета, славный царь Ардагаст со своей царицей! Да хранят вас все боги великие! Здравствуй, Волх Велеславич, сосед, хорошо, что с миром пришёл! Рад я, что ты у нового царя в почёте.

Северяне стройными голосами запели величальную царю с царицей. Ардагаст с довольной улыбкой принял хлеб-соль. Хорошо, что хоть здесь его встречают не рогатинами и не злыми

чарами. Вот тебе и Чёрная земля!

А Доброгост уже с поклонами приглашал гостей в свою хату. Дубовый стол ломился от яств — когда только успели наготовить! Была тут и жареная вепрятина, и копчёное турье мясо, и греческое вино, и крепкое будинское пиво, и даже кумыс — для дорогих сарматских гостей старейшина нарочно держал дойных кобылиц. За столом хозяин первым делом поднял чару за великого царя Фарзоя. Потом он осведомился, кому Фарзой велел теперь собирать дань с северян — Ардагасту или Роксагу, царю роксоланов. Услышав, что давать дань новому царю росов должны все, кто давал её Сауаспу, Доброгост рассыпался в похвалах мудрости Фарзоя и бесчисленным добродетелям Ардагаста.

Потом старейшина с воеводой принялись поносить лютую голядь-человекоядцев и безбожную литву. Узнав же об их новом нашествии, бросились заверять царя росов в преданности северян и готовности кормить его рать сколько понадобится.

— Корм людям и лошадям — само собой, — сказал Ардагаст. — Главное, соберите ополчение, и как можно скорее. Я с войском пойду с Ипути прямо на Десну, навстречу людоедам. А ваша рать пусть идёт по Десне вверх.

Старейшина развёл руками. Голос его враз сделался робким, извиняющимся:

— Так ведь народ-то у нас тихий, мирный. Двадцать лет войны не видели. Опять же и оружия мало. От набегов да разбоев ещё можно отбиться или там в лесу пересидеть, на болоте... Нам ещё Сауасп говорил: «Вам городки не нужны, росская рать вас от всех врагов защитит». Мы ведь дань всегда исправно давали.

— Вот как! — прищурился Хор-алдар. — Мы будем умирать за вас, а вы — платить? Ты что, кесарь или парфянский царь, чтобы нанимать сарматов? Сарматская кровь стоит дороже, чем ты думаешь.

— Да мы уж ничего не пожалеем...

— Лишь бы самим не воевать! — ударил кулаком по столу Волх. — У вас что, мужики вовсе перевелись? Оружия у них мало! Рогатины, луки, поди, у всех есть — без этого в лесу не проживёшь. Топоры с коротких топорищ на длинные древки пересадить — вот вам и оружие.

— Мечи и акинаки здесь тоже у многих припрятаны, если уж ими щеголяют на свадьбах, — добавил Хилиарх.

— Словом, на войну пойдёте наравне с моими ратниками, — резко и решительно произнёс Ардагаст. — У устья Ветьмы, у вашей северной границы, буду вас ждать. Понял, великий воевода?

— Как не понять, — закивал Воибор. — Царскую волю

исполним, как божью.

— Царь только телом человек, властью же — как сам Даждьбог, — расплылся в угодливой улыбке Доброгост.

Хилиарх наконец вспомнил, на кого походил великий старейшина. На Мнесарха, ритора из захолустного аркадийского городка Мегалополя, где Хилиарх учился подростком. Ритор вот так же изощрённо лебезил перед каждым заезжим имперским чиновником (на которого при случае мог сочинить столь же изощрённый донос). А потом наставлял учеников: не важно, правдива ли твоя речь, главное, чтобы она была приятна и убедительна для того, к кому обращена. Особенно же любил аркадский Цицерон восхвалять мощь римского оружия, избавившую эллинов от войн и от необходимости самим защищать себя... Нет, нужно будет непременно объяснить царю, какова цена таким сладкоречивым верноподданным!

Пир у старейшины ещё продолжался, когда Вышата незаметно покинул его дом и направился к необычного вида круглой мазанке. На двери её были искусно вырезаны два лежащих льва — могучие и в то же время удивительно добродушные, с улыбающимися мордами. На бёдрах львов были нанесены знаки Солнца, а из хвостов вырастали пышные побеги.

Волхв, не спрашивая, тихо открыл дверь и оказался в круглом, слабо освещённом помещении. Вдоль всей стены шла земляная скамья, устланная вышитыми покрывалами. Дым от пылающего очага уходил в отверстие в крыше. Над очагом поднимался деревянный идол Лады. Богиня стояла, подбоченившись, златоволосая, в зелёном платье. Лицо её прикрывала маска львицы. По обеим сторонам идола в двух нишах стояли ещё две подбоченившиеся деревянные богини: по правую руку — светловолосая Леля в зелёной одежде, по левую — черноволосая Морана в красном платье. Две мировые силы — Жизнь и Смерть, цветение и засуха, земля и огонь.

А между ними — их мать, владеющая силами Земли и Солнца и обращающая их во благо всему живущему.

Белёные стены были щедро и ярко расписаны. Деревья и цветы, солнце, месяц и звёзды, кони, олени, львы, волки, павы, лебеди, петухи... И все они обращают свои взоры к странному невиданному существу с окружённой сиянием головой грифона, лебедиными крыльями, человеческими руками, женской грудью и львиноголовыми змеями вместо ног. Бежать бы от такого грозного чуда, а всё живое тянется к нему. И не только звери и птицы, но и два солнечных бога — Даждьбог и Ярила. Оба на конях, один с секирой, другой с копьём, от голов золотые лучи расходятся. И сжечь засухой, и оживить теплом могут мир. Но

крепко держит их коней под уздцы чудо-богиня, и поднимают руки солнечные братья, приветствуя Мать Мира. Ведь она и есть весь мир со всем живым и добрым, чем он полнится.

А можно ведь в этом мире видеть только злое, хищное, уродливое, и тогда Мать Мира обернётся к тебе страшным ликом Яги.

— Что ищешь в нашем храме, пришелец?

На Выплату глядели гордо, но без надменности, две жрицы в белых сорочках, расшитых священными знаками, без понёв, с распущенными волосами. Одна — молоденькая рыжеволосая девушка, на вид тихая и скромная. Другая — женщина средних лет с темножелтыми, почти рыжими, как львиная шерсть, волосами. Сорочка плотно облегала её стройное сильное тело. На груди висел бирюзовый египетский амулет в виде льва, что припал к земле, готовясь к прыжку. Среди деревьев и цветов, которыми была расшита сорочка, бирюзовый зверь и впрямь словно затаился в лесу. Вот-вот бросится он на ничего не подозревающую добычу. Жрицы выглядели вовсе не воинственно — даже жертвенных ножей при них не было. Но чувствовалось, что в обеих таится что-то сильное и грозное, что просто так не выходит наружу, но что лучше не будить, если сам не имеешь такой же силы.

— Здравствуй, Лютица, — тихо сказал Выплата. — Не признала? Значит, сильно переменился. А ты вот та же, только ещё краше стала.

Старшая жрица подбоченилась, окинула волхва насмешливым взглядом:

— Что-то зачастили ко мне прежние милые дружки. Вот и пёсиголовец приходил, тот самый, черноухий. Послала его туда, откуда такие приходят, ещё и заклятие добавила, а то бы не отвязался.

— Матушка-наставница, может, мне уйти? — тихо спросила девушка.

— Оставайся, Мирослава. Ты и священные тайны беречь умеешь, и грешные. Это вот Выплата, что теперь великим волхвом слывёт. Любил он в Чёртовом лесу меня... и не только меня. А потом нашёл в том вертепе самую святую да чистую — Милицу, наложницу Лихославову, да и сбежал с ней. Небось и её успел на кого-то покинуть?

— Конечно, для тебя она — разлучница. А для меня... — Он замолчал и вдруг сказал с неожиданной злостью: — Радуйся, нет её больше. Схватили её в Херсонесе холуи кесаревы. Знали, что из меня тайны Братства Солнца ни пыткой, ни чарами не вытянешь, вот и взялись за неё. А я не смог даже в дом тот войти — такими

чарами его Захария-чернокнижник окружил. Ждали, что я не выдержу и всё выдам, и тогда они сотни людей сгубят, да каких людей! — Он стиснул кулаки. — Ныне светлая душа её там, где дай Сварог и всем нам быть.

Только теперь наблюдательная Мирослава заметила в белокурых волосах волхва седые пряди. Лютица простёрла руки к идолу богини смерти:

— Морана свидетельница, не просила я у неё для вас с Милицей никакого зла! — Она вздохнула. — Тогда злилась на вас, а теперь всё понимаю. Мы в Чёртовом лесу все сходились ради чар и между собой, и ещё... лучше не вспоминать с кем. И ты, и я. Только её Лихослав в это не втягивал, для себя берег.

— Он и нас с тобой в самые чёрные свои дела втягивать не торопился. Ни людей губить не заставлял, ни от светлых богов отрекаться. Как рыболов, не торопился подсекать. Как же, солнечный волхв, Огнеславов потомок, и лютого зверя волхвиня сами к нему пришли! Он и старался сначала души соблазном опутать: видите, чёрному волхву всё можно, ничто не грешно, а мудрость и власть его велики.

— Слышала я, как ты Лихослава одолел. На тройной звериный поединок вызвал, а в засаду посадил лихую степнячку-лучницу, царицу нынешнюю.

— Никого в засаду я не сажал. Бьёмся мы в птичьем облике: я — кречетом, он — вороном. И вдруг чую: крылья тяжелеют. Кто-то ещё чары наводит, а обернуться, поискать его — некогда. Тут и пустила царица одну стрелу в Лихослава, а другую — в ведьму, что чаровала бесчестно.

— Туда им и дорога! А с Захарией тем, нелюдем, рассчитался ли?

— Да. В Пантикапее. И кончил его Ардагаст — тринадцать лет тогда мальцу было. Это я вырастил Зореславича на страх всей нечисти и слугам её. — В голосе волхва зазвучала не похвальба — спокойная заслуженная гордость.

— Ну а сам как? До сих пор один?

— Я — странствующий волхв, — ответил, словно камень в стену уложил, Вышата. И этим всё было сказано. Нищих-бездельников у венедов не бывает. Если кто странствует, значит, особую долю ему сплели рожаницы. Волхв-странник не может иметь ни своего очага, ни семьи, ничего, кроме самого необходимого. Зато превосходит он мудростью и силой обычных волхвов. Поэтому и почитают его люди, и зовут к себе, и ни в чём не отказывают: ведь ему мало что и надо — для тела, а для души много. А уж как он распорядится своей духовной силой — от него зависит.

— Это вы, мужики, так можете, — вздохнула Лютица и торжествующе улыбнулась. — А я вот себе мужа нашла. Лютослава, Зореславова двоюродного брата. Какой храбр был! Под Экзампеем только Саусп его одолеть смог. Я уж потом пыталась Черноконного извести, да никакие чары его не брали. Крепко заворожил его, видно, братец волколак! А против твоего Ардагаста не выстоял проклятый! — В жёлтых глазах Лютицы блеснула звериная радость. — За всех ему отплатил Зореславич! Стоило жить, чтобы это увидеть.

— Мы все видели в волшебной чаре, — с восторгом подхватила Мирослава. — Я тогда от радости матушке на шею бросилась, говорю: «Есть Даждьбог праведный на небе! И Белбог есть!» А она мне: «Лада-Правда есть и была там прежде них обоих».

— Думаю, и без Мораны здесь не обошлось, — добавила Лютица. — Заметила я её там — духовным зрением. Никогда она не любила Черноконного, хоть он и усердно молился Артимпасе. Ей угодны воины, а не подлецы вроде него... И всё равно сразил его не бог, а твой воспитанник. Спасибо тебе за Ардагаста, Вышата! За мстителя.

— Знаешь, чего я больше всего боялся? Что найду тебя в Чёртовом лесу. Или не там, но... такой же, как Лихослав. Ты ведь всё-таки... лютица. А у него для тебя лютых дел немало нашлось бы.

Жрица сложила руки на груди, глаза её раздражённо сверкнули.

— Да, лютица! Природная ведьма Матери Зверей. И хвост у меня есть, ты сам знаешь... очень даже хорошо. Только я человек, не зверь лесной!

— И это я знаю — очень хорошо, — спокойно ответил Вышата. — Значит, не сумел в тебе Лихослав одного лютого зверя оставить. Это у него было страшнее всех чар — в любом зло находить и выращивать, как траву ядовитую.

Лютица взглянула на волхва с благодарностью, голос её потеплел:

— Хорошо, что ты пришёл. И что такой же добрый остался. Надоело всё это дурачье, что меня, лютицы-оборотницы, боится. Унесёт лютый зверь корову, тут же: «Ох и чем это мы жрицу-матушку прогневили?» А тут, в лесу, иначе нельзя. Нужно, чтобы меня все боялись, даже Чернобор с Костеной. Тогда хоть меньше зла творить будут.

— И боятся. Как саму Мать Зверей! — с жаром воскликнула Мирослава. — Ты только скажешь Чернобору про звериный поединок, у него сразу вся храбрость пропадает.

— Ты, скромница моя, тоже пугать умеешь, — погладила ученицу по рыжеватым волосам волхвиня. — Оборотилась лютицей и гнала Бурмилу ночью через всё село. Думал, если ты, голая, чародейные травы собираешь, так с тобой всё можно.

— А Ясеня я не стала бы пугать. Даже в шутку, — вздохнула девушка.

— И чем они с Мирославой не пара? — с сожалением сказала Лютица. — А он всё с этой Добряной.

— Твой сын — ладный парень. На свадьбе чуть Ардагаста не переплясал, — сказал волхв.

— Он не только плясать умеет. — Лютица с гордостью обвела рукой святилище. — Храм заново расписал и лютых зверей на дверях вырезал. Видишь, как Мать Зверей и Богов изобразил? Точно так, как она нам с Мирославой явилась, хоть сам при том не был.

— Мне она тоже явилась. Вчера, на Индриковой поляне, — совсем буднично сказал волхв. — В самом древнем своём облике. И велела идти к тебе. Знаешь ли, где Чернобор прячет двух Великих Медведей?

— Наверняка не знаю, но, думаю, берлога у них не одна. Есть на Дебрянщине несколько мест, сильными чарами укрытых. Даже я не могу увидеть, что там. Чары давние, ещё будинские. Одно в горах Черниговских, другое у стрибожьих дубов на реке Смородине, третье — пещера под Медвежьей горой.

— Да, вернее и сама богиня не знает. Трудно этих зверей найти, а одолеть труднее. Чтобы победить Великого Медведя, грозового зверя, нужно оборотиться солнечным зверем, Великим Лютом. — Волхв помолчал и произнёс отрывисто и твёрдо: — Научи меня этому, Лютица. Так велит Мать Зверей. За этим она меня к тебе и послала.

Лютица подбоченилась и с игривой насмешкой сказала:

— Неужто не умеешь? Такой великий волхв, в полуденных землях учился, а теперь пришёл к неучёной ведьме в леса дебрянские!

— Я десять опрометких лиц знаю. Все двенадцать только Лихослав ведал. Могу и лютым зверем обернуться, а Великим Лютом — нет. В таинствах Митры-Даждьбога все семь степеней прошёл. Его жрецы многое сохранили от пещерных волхвов, только этого превращения и они не знают.

— И знать не могут! Это женское волхвование, а оно старше мужского, как сама Лада старше всех богов, кроме Велеса. Да знаешь ли ты, что ни один мужик не узнал этой тайны за все несчитаные века с тех пор, как Мать Зверей открыла её моей праматери? Ты ведь не первый к тайне подбираешься. Знаешь ли,

чем кончали те, на чей след ты ступил?

В жёлтых глазах светилась угроза. Бирюзовый лев словно готов был ожить и броситься на пришельца. Даже Мирослава, тут же отрезавшая ему путь к двери, не казалась теперь тихой и безобидной. Но Вышата не отвёл взгляда.

— Всё знаю. И ещё знаю: служишь ты Ладе, не Яге. Иначе — извёл бы тебя вместе с тайной твоей, как тех ведьм дреговицких и нурских. Скажи: можешь ли одолеть Чернобора и кодло его?

— Нет. Но и они меня не могут. За двадцать лет... — Голос её дрогнул. — Вышата, милый, зачем я забралась в это царство Чернобогово? Им, проклятым, тут сама земля помогает. Болота эти, дебри, буреломы... — Стыдясь нахлынувшей вдруг слабости, она отвернулась и резко вытерла глаза волосами.

— Вот видишь. Бывает так: двое дерутся, ни один одолеть не может. И тут приходит третий...

— Это — вы с Ардагастом. Да, верю, что тебя Лада прислала! Верю без клятв! Знаю, меня ты не обманешь. Я же не нечисть какая, не колдунья Чернобогова... — Голос её снова дрогнул.

Вышата без слов обнял волхвиню. Та мягко высвободилась:

— Ты же странник...

— Бывает конец у странствия. Когда боги захотят.

Лютица расправила волосы, обернулась к ученице:

— Мирославушка, следи за всем, только сама оборачиваться пока что не пробуй. — Потом положила руки на плечи Вышате и, глядя ему в глаза, заговорила ровным голосом: — Это превращение — простое, но и трудное. Сначала забудь — ненадолго, никуда они не денутся — всех светлых богов, кроме Лады. Нет их ещё, не родились. И леса этого нет, а есть холодная степь, вольная, бескрайняя и лютая, а в ней — могучие звери, а над ними — Мать Зверей. Вижу, твой дух уже там. Теперь слушай заклятие...

Глава 6
ОГОНЬ ПЕКЕЛЬНОГО

Уже несколько дней войско росов стояло на правом берегу Десны, против устья Ветьмы. Ардагаст давно бы мог двинуться на север, навстречу литве и голяди. Мог бы даже выйти на Десну гораздо севернее и обрушиться на находников сбоку или сзади. Но нужно было заставить северян почувствовать, что живут они не просто в Севере, а в державе росов и венедов. Потому и терял Ардагаст время, поджидая северянскую рать. А ниже по Десне — за полдня доехать можно — поднималась Медвежья гора. Какие ещё козни готовились там? А находники уже под голядским городком Габией, и это тоже полдня пути.

Наконец царю донесли: передовая рать северян подходит. Ардагаст выехал навстречу. Сотня пещцов, десяток конных. Впереди — Славобор Славятич. Знамя с чёрным орлом. Где же Воибор?

— Здравствуйте, ратники! А остальные когда подойдут?

— Не подойдут, — опустил голову Славобор. — Это всё. Чернобор и его свора заморочили людей гаданиями да знамениями. Будто ты богами отвергнутый, и из твоей рати никто живым не вернётся, а кто пойдёт к тебе, у того нечисть всё хозяйство сгубит. Одни чертомолы долгогривые ворожат, что боги Чёрную землю Гимбуту отдали, другие — что нас только роксоланы защитить могут. И все разом: не идите на войну, богов не гневите, авось пронесёт. Прости нас, тёмных, Солнце-Царь.

— За что же вас прощать? Ваша сотня честь всей Северы спасла. А что Воибор?

— Да он больше всех отговаривал народ к тебе идти. Лесом-де должен лесной царь править, а не бродяга степной, и лучше под людоедами, чем под кумысниками.

— Прихвостень Гимбутов! Ничего, идите в стан, а завтра — в битву.

— Поставь нас впереди всех, царь-отец! Пусть знают Северу!

Среди воинов Ардагаст заметил Ясеня:

— Здравствуй, Лютич! Спасибо, не посрамил честь нашего рода.

— А я, может, не пошёл бы, если бы не матушка моя да не Добряна. Тронулась девка: только о тебе и говорит. Мне все уши прожужжала: воин-де ты или кто? А матушка со всеми ведьмами переругалась и передралась. Говорит, что ты богами послан, и все

гадания сходятся.

— Ну, тогда ты точным сарматом сделался! — рассмеялся Ардагаст. — Нас, сарматов, греки «женоуправляемыми» зовут.

— Вот и пусть тобой управляет твоя поляница, а мою Добряну не трожь, хоть ты и Солнце-Царь. Есть, знаешь, сказка про молодца, у которого Даждьбог невесту украл. А молодец на небо поднялся, всё там перевернул да милую вызволил.

— То, верно, не Даждьбог, а Ярила был. А я в лесу ещё ничьей невесты не испортил. Понял, родич? Прежде чем на небо лезть с богами тягаться, научись-ка на земле чертей и чёртовых слуг одолевать.

Наутро войско росов двинулось на север, к речке с красивым названием Белизна, которая впадала в Десну, рассекая своей долиной высокие кручи правого берега. А с севера к Белизне приближалось войско Радвилы и Гимбута.

Два князя глазами опытных воинов присматривались к выходившей из леса росской рати. Венеды не страшны — те же самые пешцы с копьями, топорами и луками. Но вот закованные в железо конные сарматы... На Радвиле были чешуйчатый панцирь и германский рогатый шлем. На Гимбуте — невесть как попавший в эти северные места греческий панцирь с серебряным ликом Горгоны на груди и остроконечный сарматский шлем. Доспехи голядина были выкрашены в зловещий чёрный цвет. Кроме князей, железные доспехи или хоть шлемы имели не больше десятка человек во всём войске. Даже конные дружинники были всего лишь в кожаных панцирях.

— Да, не рискнул бы я биться с сарматами в поле, — потёр затылок Радвила. — Лучше бы уже в городках защищаться да из леса нападать.

— Жалеешь, что ввязался? — надменно вскинул взгляд на него Гимбут. — Или твои литвины храбры только за чаркой мёда?

— На своих погляди! — огрызнулся Рыжий Медведь. — Из деснинских городков людей пришлось вести на войну чуть ли не силой. На Десне что, уже другое племя? А в Габин перед нами вообще закрыли ворота. Поход-де неугоден Перкунасу! Это всё верховный жрец Ажуол мутит воду.

— Долгий мир портит любое племя, — презрительно скривился Гимбут. — Начинают пускать чужаков в свою землю, мешать с ними кровь... На Десне рядом с городками завелись целые венедские сёла. В Габии старейшина — венед Вальдимар. Ничего! Этих сёл больше нет. Хвала Поклусу, их жители послужили священной пищей моим воинам, а твоим — рабами. А Вальдимар своё получит после битвы. Сейчас я не хочу тратить силы на его городок.

— Ну и как нас встретят в Черной земле после ваших священных закусок?

— Со страхом и трепетом, вот как! Как самого Поклуса! Чернобор об этом позаботится. Запугать их всех сразу, с ходу, чтобы страх вырвал из рук оружие!

— Да уж, венедами меня не напугаешь... А вот сарматы... Тут одна надежда на тебя, жрец. — Радвила взглянул на Визунаса. — Сейчас, правда, зима. Твои змеи и ящерицы все спят.

— Не все. Змею, которого я вызову, холод не страшен. Он сам кого угодно... согреет, — зловеще усмехнулся жрец.

На пеньке лежали знаки Каваса-Чернобога — череп вепря, копьё-трезубец и охотничий рог. Визунас расправил чёрный плащ, возложил поверх шапки венок из можжевельника и взмахнул кривым посохом. К нему подвели бородатого пленника — венеда. Венед вгляделся в стоявшие за рекой росские отряды и вдруг закричал:

— Наши! Чёрный орёл! Эгей, северяне!

Оба князя нахмурились. Чернобор заверял их, что северяне воевать не пойдут. Сколько же их пришло под знаменем с чёрным орлом? И сколько ещё ждёт на юге?

Ударом трезубца в горло Визунас враз оборвал крик пленника. Потом, подняв к белёсому небу окровавленный трезубец и посох, возгласил:

— Кавас! Кавас, Чёрный бог войны, помоги нам! Ты любишь кровь и смерть — мы убьём сегодня много врагов. Ты любишь страдания — смерть их не будет лёгкой. Мы покорим Чёрную землю, и там будет царить твой закон, как царит он в нашей благословенной земле. Дай же нам силу уничтожить проклятых пришельцев, о Кавас, Чёрный бог войны!

Не все, но многие увидели в небе всадника на чёрном коне, в чёрной одежде, с кровавым трезубцем, в шлеме, похожем на кабанью голову. Над головой всадника вился чёрный коршун. А навстречу, с юга, ехал по небу другой всадник на белом коне, весь в белом, с копьём, в сопровождении трёх белых волков. И этого всадника видели, особенно в войске росов, многие, но не все.

— Кавас! Кавас с нами! — кричали голядь и литвины.

— Белый Всадник! Аорсбараг! — вторили им из-за Белизны.

Высоко подняв меч, Гимбут заговорил, и его сильный, уверенный голос враз перекрыл крики толпы:

— Воины леса! На нас идут чужаки, чтобы попрать наши обычаи. Они закованы в железо, но они не смеют вкусить пищи настоящих воинов — мяса врага. Поэтому они сами станут нашей пищей! Мы избранники самого сильного из богов, ибо нет ничего сильнее Тьмы и Смерти. Мы истребим врагов Подземного, и

наградой нам будут их богатства!

— Гимбут! Гимбут — избранник богов! — в восторге ревело войско. Их вождь в чёрных доспехах на чёрном коне, стоял перед ними, могучий, бесстрашный и безжалостный, как сам бог войны.

А в это время в небе происходил не слышный никому с земли разговор:

— Ты что это тут делаешь, племянничек? До весны ещё рано.

— Зато тебе, дядя, никогда и нигде не рано.

— А как же? Трава не всегда зеленеет, солнце не всегда светит. А тьма везде и всегда есть. Даже и в летний полдень в тени.

— Это свет везде и всюду есть. Для того я и тут, чтобы тебе это напомнить.

— Да кто ты здесь такой? Тут тебя Рагутисом зовут, а молятся тебе одни пьяницы.

— Здесь теперь земля росская, венедская есть и будет. Венеды меня не только за столом чтут. А росы мне ещё одно имя дали: Аорсбараг, Белый Всадник, бог мужей-воинов.

— А мне вот голядские и литовские мужи жертву принесли, и ещё больше принесут.

— Ты, дядя, и без жертвы готов людям пакостить.

— Это ты, племянничек, даром помогаешь кому надо и кому не надо. Шёл бы лучше отсюда да мне не мешал...

— А то что? Живьём хоронить ты меня уже пробовал. В яме сорока сажен глубиною, под досками железными, под щитами дубовыми. Гвоздями забивал, песками присыпал. А я всё равно воскрес и на белый свет вышел.

Белый Всадник поудобнее перехватил копьё, волки его разом зарычали. Чёрный Всадник вздохнул:

— Ну чего тебе надо-то здесь?

— А ничего. Чтобы ты сейчас ни во что не лез. Или не надеешься ни на своего колдуна, ни на рать людоедскую? Давай лучше просто постоим и посмотрим, чьи воины сильнее телом и духом.

— Что ж, посмотрим. Только и ты ни во что не лезь.

Тем временем на земле Визунас, предоставив своим помощникам рубить и резать тело пленника на кусочки и причащать имя дружинников Гимбута, сам сосредоточился на колдовстве.

Воины Ардагаста, наблюдая из-за реки мерзкий обряд, негодовали, готовые с ходу броситься на войско бесоугодников. Но царь росов спокойно обдумывал, где нанести удар. Он, конечно, полагался на помощь богов, но прежде всего — на своё

воинское умение. Вражеская рать стоит высоко на склоне горы, посредине пешцы с копьями и лучники, по бокам — конные дружины. Рассчитывают, что сарматский железный клин ударит, как заведено, в середину. Только ему придётся спускаться, а потом подниматься крутыми склонами долины Белизны под стрелами лесных охотников. Тут на него и ударят с двух сторон всадники в кожаных панцирях, отважные и лютые, как хищные звери, чей дух они сейчас будили в себе: одни — человечиной, другие — медвежьим рёвом.

Со стороны замерзшей Десны склоны ещё круче. Значит, лучше всего ударить конницей слева, выше по течению Белизны, где долина не так глубока. Пешие же венеды пусть сражаются с пешими врагами. А конница, чтобы князья ничего не заподозрили, пусть пока стоит посредине строя.

Так Ардагаст и расставил своё войско, на ходу утихомиривая чересчур торопливых. Только бы с Медвежьей горы не прилетели какие-нибудь злые чары! Но Вышата с Миланой заверяли, что оттуда никаких чар не чуют.

И вдруг над снежной гладью замерзшей Белизны взметнулась такая знакомая стена черно-красного пламени. Она быстро растянулась по всей долине речки, перегородила Десну. Грохотал, подобно грому, ломавшийся лёд, клубы пара смешивались с огнём, делая невидимым вражеское войско. Когда же пар рассеялся и пламя погасло, вместо заснеженной долины и замерзшей речки перед глазами росов предстало длинное и широкое болото. А через всю Десну протянулась широкая полынья.

Но самое страшное появилось в тылу у росской рати. Всё то чёрно-красное пламя разом вспыхнуло по всей чаще, взметнулось выше верхушек деревьев. Ревущее, изрыгающее дым огненное пекло потянулось от Десны до долины Белизны, от полыньи до болота. Громадная чёрная тварь с зубчатым хребтом, нетопырьими крыльями и парой когтистых лап то взмывала над лесом, то скрывалась в нём, извергая клубы пламени из клыкастой пасти.

— Колдовской огонь Черноборов. Тот самый, что сжёг мой лес. Только змея такого там не было, — с трудом проговорил побелевший как мел Шишок.

— Это огненный чёрт-змей. А пламя — пекельное, то же, что в Милограде. Чары идут не с Медвежьей горы, а из-за речки. Значит, Чернобор ещё с кем-то поделился тайной. — Вышата пригляделся к вражеским рядам. — Наверняка ворожит вот тот ведун в чёрном плаще и с трезубцем. Только пламя поддерживать плохо умеет, вот и вызвал себе в помощь змея. — Голос Вышаты

звучал спокойно, уверенно, даже буднично, но лицо волхва омрачила тревога.

Замысел князей и их ведуна был теперь ясен всем. Войско росов оказалось в ловушке между огнём, водой и грязью. К трём стихиям добавился ещё и сильный ветер, внезапно поднявшийся и гнавший огненный шквал прямо на росов. Назад пути не было: ни по высокому берегу — там вовсю бушевал огонь, ни по Десне, — разве что вплавь через полынью, в ледяной воде. Оставалось идти вперёд, чтобы, завязнув в болоте, гибнуть под стрелами и копьями лесовиков. Выше по Белизне в чаще скрывался засадный полк — нуры во главе с Волхом. Сумеют ли они хоть сами вырваться из колдовского пекла?

— Царь, я эти места знаю, — обратился к Ардагасту Ясень. — Здесь болото неглубокое, даже весной. Промокнешь, перемажешься, но не утонешь. Ударим всей ратью через Белизну, а то пламя всё равно туда загонит.

— Пешцы, может, и не утонут, — покачал головой царь. — А на конях, в железе сразу завязнешь. Этого-то болотному племени и надо.

Взоры всех обратились к Вышате.

— Этот огонь проклятый только чарами погасить можно. Ты такие, поди, знаешь? — с надеждой взглянул на волхва лешачок.

— Не знаю. То есть подобрать чары смогу, но на это время нужно. А здесь скоро стоять нельзя будет, особенно в доспехах.

Действительно, жар становился невыносимым. Доспехи раскалялись, и это чувствовалось даже сквозь одежду. От дыма и гари всё труднее было дышать, глаза слезились.

— А если мы сквозь огонь пойдём? — с отчаянной храбростью предложил Шишок. — Сделай радужный мост, Вышата, а?

— Его можно построить только на святки.

Ратники зашумели, заволновались:

— Пропадём ни на беличий хвост! Не сгорим, так утонем! Или к чёрту в зубы, или голяди на прокорм!

Одни, кашляя от дыма, зло ругались, поминали всех чертей и мать их Ягу. Другие молилась Белому Всаднику, даже если сами и не видели его в небе.

А за рекой бесилось от радости воинство Пекельного. Все, ничем не поможет бог солнца своему избраннику! И Перкунас не гремит, да и не время ему. Литвины ревели медведями, и громче всех в этом диком хоре гремели голоса обоих Медведичей. Теперь-то они отплатят за своё бегство из двух земель! А Бурмила ещё и побалуется человечиной. Голядины с хохотом кричали: «Эй, росы, сдавайтесь! Мы не всех съедим, нам нужны рабы!» Даже

деснинские голядины, что с неохотой пошли за Гимбутом, теперь думали только о лёгкой победе и богатой добыче. Что победит, и без труда, никто не сомневался: Чёрный бог войны в небе над ними, и его белый противник не смеет сражаться. Многие уже мечтали как о самой большой награде о том, чтобы заслужить в бою право отведать мяса пришельцев.

Гимбут с Радвилой самодовольно улыбались. Они помнили сказанное Визунасом: Пекельный даст власть над лесом достойному — тому, кто уничтожит пришельцев и их златоволосого царя с его чашей. Каждый из двух был уверен: именно он достоин стать великим царём лесных племён. Нет, в походе они не ссорились. И ещё в начале его договорились: Гимбуту достанется Севера, а Радвиле — нурская земля и Дрегва. Но каждый уже прикидывал, как и когда он избавится от другого.

А среди росов ядовитым нарывом назревала усобица. Саузард, кривя губы в язвительной усмешке, проговорила:

— Вот зачем Огненная Чаша дала нам такого царя — чтобы мы сгорели вместе с ним.

Всеслав резко обернулся к ней:

— А если сгорим, так что? Огненная смерть — самая святая. Из огня душа прямо в Ирий идёт. Или ты, сарматка, такой смерти боишься?

— А зачем всем погибать? — громко и зловеще произнёс Андак. — Одного царя и бросим в огонь вместе с его чашей. Умилостивим Саубарага. Вот он, над нами, и Аорсбараг не смеет биться с ним. Мало будет Чёрному Всаднику — и волхва с царицей следом отправим.

Возмущённая Ларишка схватилась за меч. Саузард с издёвкой взглянула в лицо ей, потом Ардагасту:

— Ну же, царь с царицей! Пожертвуйте собой ради племени росов — и мы с мужем первые почтим ваши души богатыми жертвами.

— Саубараг! Жертву Саубарагу! Спаси племя, царь! — закричали князья — приятели Андака. Они-то не собирались бросаться ради племени в огонь.

Даже среди венедов многие кричали:

— Прогневили мы Чернобога! Откупиться надо жертвой великой!

Дружинники царя сгрудились вокруг него, взялись за оружие. В ответ сторонники Андака выставили копья, готовые силой загнать Ардагаста в огонь. Нестерпимый жар мутил сознание, распалял кровь. Ещё немного, и люди бросятся истреблять друг друга на радость зверью за рекой. Ардагаст взглянул поверх голов на приближающуюся черно-красную стену и вдруг вспомнил поле

у стен Таксилы, где такая же огненная стена расступилась перед всадниками Куджулы Калфиза. Расступилась, ибо над ними реяло священное Знамя Солнца, красное с золотым львом. И нёс это знамя Вишвамитра. Сейчас он был рядом — невозмутимый, готовый ко всем, что Кришна-Солнце может послать кшатрию, и сжимал древко знамени — красного с золотым трезубцем, означавшим Солнце на колеснице. Это знамя обычное, не священное. Но у росов есть Колаксаева чаша — застывшее солнечное пламя. Ардагаст протянул руку к волхву:

— Вышата, чашу!

Блеск даждьбожьего золота сразу успокоил многих. Когда же золотой огонь взвился над чашей в руке Солнце-Царя, умолкли даже самые непокорные.

— Гляди, Ардагаст, пекельный огонь может растопить солнечное золото, — предупредил Выплата. — Один конец прохода будешь держать ты с чашей. Другой — мы.

Ардагаст поднял над головой пылающую чашу и меч:

— Сигвульф, Славобор! Ведите пешую рать на людоедов. Ясень! Со своим десятком останешься охранять волхва с волхвиней. Гляди, чтобы ни одна стрела до них не долетела. Все конные — за мной! Даждьбог с нами и Белый Всадник!

И Зореславич погнал коня прямо в бушующее пекло. Не испугался верный конь чернобожьего пламени, не сбросил седока. И дрогнуло перед ним, перед солнечным огнём чаши, перед посланным Выплатой чародейным ветром само пелаю, вызванное на землю жрецом со змеиным именем. Дрогнуло и расступилось. И помчалась конница росов между двух огненных стен. Вслед ей нёсся сильный холодный ветер, сбивая пламя, не давая ему сомкнуться. Волшебство Выплаты было простым, но надёжным: ветер против огня, холод против жары.

За рекой не сразу поняли, что произошло. Решили было, что росы бросились в огонь, лишь бы не сдаваться лесовикам. А потом внималлие князей и их войска отвлекли пешие венеды. Лучники остались на склоне горы — перестреливаться с вражескими лучниками. А остальные, крича во всё горло «Слава! Даждьбог с нами!», скатились вниз по склону, вброд одолели неглубокую Белизну и двинулись через болото, увязая где по колено, где чуть не по пояс. Из болота вылезали чёрные, остроголовые черти, когтистыми лапами хватали пещев за ноги, валили, тащили в трясину. Люди, вовсю матерясь, рубили и кололи нечистую силу.

Литвины с голядью хохотали, глядя, как венеды барахтаются в грязи и холодной воде. Князья не спешили атаковать: пусть глупые венеды вымотаются побольше. Да что они вообще могут

без своих закованных в броню сарматских хозяев? Но смех разом оборвался, когда мокрые, грязные, на всех чертей и водяных похожие люди ринулись вверх по склону. Ни храбростью, ни упорством, ни владением топором и рогатиной южные лесовики не уступали северным. Топоры раскалывали щиты, крушили головы. Враг прикрылся щитом? Бей его копьём в лицо или в ногу — что он не успел укрыть. Железа на нём нет, а медвежья шкура или кабанья кожа не толще, чем у тех, с кого её содрали. И сам этот вояка не страшнее зверя, которым вырядился.

Трудно пришлось венедам, когда с двух сторон на них ударили конные дружины князей и принялись рубить мечами, колоть копьями и топтать копытами. Но тут сверху раздался дружный многоголосый вой. Большая стая волков — как на подбор, крупных, матерых — выбежала из леса и разом набросилась на литвинов и голядь. Сильнее и нещаднее всех был большой седой волк. Лошади, испугавшись зверей, не слушались всадников, неслись прочь или скатывались со склона, ломая ноги. А вслед за волками на войско князей обрушились пешие и конные воины в волчьих шкурах.

«Где же Ардагаст с конным войском? Неужели сгорел?» — думал Сигвульф и от этой мысли рубился ещё отчаяннее. Если великий конунг мёртв — отомстить за него как можно страшнее и пасть самому! Один, Отец Битв, возьми мою жизнь — Сигвульфа, бродяги-воина, но спаси конунга Ардагаста, не дай погибнуть не рождённым великому и святому царству! Заметив среди голяди всадника в чёрном панцире с серебряной Горгоной (об этом панцире знали все нуры), гот стал пробиваться к нему, крича: «Эй ты, людоедский конунг, пожиратель трупов! Попробуй съесть меня, Сигвульфа!»

Гимбут рубился хладнокровно и расчётливо. Люди, которых он убивал или слал на смерть, были для князя всё равно что дрова или звери на охоте. В этом бою ему нужна была слава, и большая, чем у Радвилы. Если Ардагаст и впрямь сгорел, то нужно сразить хоть бы этого гота в рогатом шлеме — одного из лучших росских воинов. И скорее, пока до него не добрался Радвила или один из этих дуболомов-Медведичей. Князь повернул коня навстречу готу.

И вот уже зазвенели мечи о доспехи. Крепкого и выносливого Сигвульфа не могли свалить с ног даже удары мечом по шлему. Но и достать мечом князя было трудно: у того, кроме панциря, был ещё и обитый железом щит, Сигвульф же по сарматскому обычаю сражался без щита. А сбоку к германцу уже подбирался, расшвыривая людей тяжёлой палицей, Шумила. Князь рявкнул на него: «Пошёл вон, косолапый!» Но тот лишь зарычал по-медвежьи.

Вдруг на пути у Медведича оказался Славобор. Сначала он оробел. На него, совсем молодого северянского парня, надвигался Шумила, которого никто в Севере не мог одолеть ни в кулачном бою, ни в поединке на оружии. А следом уже с громогласным рёвом пробивался его ещё более могучий и свирепый брат. «Бежать! Надо было лезть в эти битвы царей!» — мелькнула трусливая мысль. Бежать, вернуться к Желане... Куда бежать — в болото, в огненное пекло?

С чем вернуться — с позором? Хвалился ведь на всё село со сколотскими витязями сравняться... Да что он, на медведя никогда не ходил? И северянин ударил копьём, защищаясь от палицы, в правую руку Медведича. Тот от боли выронил оружие. Следующий удар пришёлся вскользь по рёбрам, но свалил Шумилу с коня. Полумедведь вскочил, левой рукой выхватил меч. Но тут на Славобора набросился высокий голядин с топором, а на Шумилу — целая свора волков. Отбиваясь от них мечом, он уже не пытался подобраться ни к северянину, ни к Сигвульфу.

А седой волк, теперь уже не тратя времени на стычки и уворачиваясь от ударов, пробирался к Гимбуту. Тот заметил волка и понял: оборотень не станет ждать окончания поединка, ему нужна не слава, а месть. Князь развернул коня, чтобы уйти от Сигвульфа, но тот подрубил коню ногу, и Гимбут оказался на земле. Он вскочил, снова схватился с готом на мечах, а волк пробирался всё ближе...

— Кавас! Кавас, помоги! — в отчаянии закричал голядин.

В небе Чёрный Всадник занёс трезубец. Три белых волка угрожающе зарычали, а Белый Всадник с усмешкой произнёс:

— Не балуй, дядя!

Белой молнией метнулся седой, но крепкий зверь и сомкнул челюсти на горле князя. Последней мыслью Гимбута в этой жизни была та, что ещё ни разу его не посещала: «А тому ли богу я служил?» А волк поднял морду и издал торжествующий вой. Потом перекувыркнулся и поднялся седоволосым воином. Радость озаряла его худощавое лицо.

— Последний! Последний из тех, что сгубили мою семью. Он тогда был только сыном князя. Прости, Сигвульф, что немного славы у тебя забрал.

Волх поднял меч Гимбута, поймал чью-то лошадь, оставшуюся без всадника, и бросился в гущу боя теперь уже в человеческом обличье и верхом.

Но куда же делись росские всадники? Они уже почти преодолели огненное пекло, когда перед ними появился дух этого пекла. Змей восседал на обугленной вершине дуба, растопырив перепончатые крылья и широко разинув пасть. Ардагаст громко

приказал всадникам остановиться. Потом направил пламя Огненной Чаши прямо в пасть пекельной твари. И в тот же миг изо рта змея вырвалось пламя, такое же, как то, что бушевало вокруг.

Два огня — золотой и черно-красный — столкнулись в воздухе, растеклись, образуя полупрозрачную огненную завесу. Переливаясь золотыми, красными и чёрными струями, она быстро затягивала выход из огня, и чародейный ветер не в силах был её прорвать. Хуже того — он понемногу слабел, и жар огненных стен усиливался. Андак с Саузард, оказавшиеся со своей дружиной в другом конце прохода, в самом хвосте конной рати, прикидывали, не повернуть ли коней назад. Только куда после этого — в болото? О сдаче в плен гордая царевна с мужем не думали. Рука Ардагаста быстро наливалась тяжестью. А жрец в чёрном плаще с вышитыми на нём тремя черепами — человеческим, конским и бычьим — злорадно ухмылялся, проницая духовным зрением сквозь огонь. Ещё немного, и рухнет вся бестолковая волшебная защита пришельцев, огненные стены сомкнутся, и от царя росов и его конницы останутся одни обгорелые кости, прикипевшие к оплавленным панцирям.

Чернобор с женой, дочерьми и зятем, сгрудившись вокруг волшебной чары с водой, наблюдали за схваткой. Верховный жрец Черной земли был доволен. Не так уж глуп оказался голядский колдун, и даже змей пригодился. Сейчас сгинут Солнце-Царь и его войско, растает в огне Колаксаева чаша, и тогда хозяевами леса станут жрецы Пекельного. Потому что все гордые князья и конунги станут заискивать перед ними, владеющими неодолимым огненным оружием!

А в Почепе, в храме трёх богинь, две жрицы вглядывались, затаив дыхание, в такую же чару. Как хотелось им обеим быть сейчас рядом с Вышатой и Ясенем вместо этой Миланы...

Но никто не заметил, как, прежде чем переливающаяся завеса и огненная стена успели сомкнуться, между ними проскочил лешачок в сереньком кафтане и островерхой шапке. Обычно осторожный и боязливый, он сейчас кипел от ярости при виде горящего леса. А уж когда перед ним появился один из поджигателей, то словно сам Перун-змееборец вселился в Шишка. Встав в полный лешачий рост, он схватил крепкий еловый ствол и одним ударом смахнул змея с дуба. Ошарашенный змей, напоровшись перепончатым крылом на острый сук, забился, заревел от боли, плюясь огнём в небо. Струящаяся завеса враз пропала.

Ардагаст направил на змея пламя чаши, но чёрная чешуя не поддавалась солнечному огню. А Шишок уже подбежал и всадил

свою ель прямо в пасть чудовища. Серячок, подскочивший следом за хозяином, бегал вокруг, рычал, лаял и норовил укусить змея, но волчьи клыки лишь скользили по чешуе. Дохнув огнём изо всей силы, змей вмиг испепелил смолистый ствол, а следующий клуб пламени изрыгнул прямо в лесовика. Но опоздал: Шишок за миг до того, испуганный потерей оружия, стал ростом не с человека даже, а с низенький кустик, возле которого стоял. Подоспевший Вишвамитра обрушил двуручный меч на шею чудовища. Голова, похожая разом на волчью и крокодилью, отлетела со второго удара, но тело продолжало биться, ломая кусты и деревья.

Ардагаст огляделся: где же Шишок? Неужели не оставила от него проклятая тварь даже пепла? И тут волосатая серо-зелёная гора снова выросла перед царём. Обеими руками леший поднял тело змея над собой и заревел, захохотал, засвистел на весь лес. Ему вторили торжествующие крики росов. Потом лешак взял громадную тушу за хвост, раскрутил её, сам едва удержавшись на ногах, и забросил в самую глубь огненного пекла, взметнув огромный сноп искр выше леса. Индиец добродушно усмехался в пышные усы. А Шишок вытер пот и бодро сказал:

— Давай, царь, я вас через лес проведу.

И войско двинулось лесом дальше. Впереди шагал огромный леший и где надо расшвыривал завалы, выворачивал деревья. Последними шли Вышата с Миланой. Но Визунас, растерявшийся было после гибели змея, снова принялся колдовать. С Медвежьей горы его поддержал своими чарами Чернобор, но сила их ослаблялась расстоянием, и верховному жрецу оставалось лишь досадовать, что он не отправился на Белизну сам. Больно уж привык действовать чужими руками. Обернуться вороном и полететь на помощь голядину? Можно не успеть. Да и побаивался великий чародей Черной земли меряться силами с Вышатой, с которым он не мог сравняться ещё в Чёртовом лесу.

Огненная стена встала перед росами, когда те переходили Белизну там, где река была мельче, а склоны долины не столь круты. И снова пекло расступилось перед огнём Колаксаевой чаши и ветром Вышаты. Бесовский огонь растопил лёд, но прогреть мёрзлую землю в пойме не успел, и всадники не завязли в грязи. Не остановил их и горящий лес. Шишок даже в нём умудрялся находить дорогу. Когда они наконец вышли из огня на опушку леса, Ардагаст спросил Хилиарха:

— Ну что, твой почтенный Гай Плиний Секунд прошёл бы с нами через всё это?

— Ты его не знаешь. Ради одной главы в своей книге он не отойдёт от вулкана, пока не кончится извержение. А смерти он,

как подлинный стоик, не боится. Ибо она, как и все дары судьбы, от человека не зависит. В его воле лишь встретить их достойно или недостойно.

Радвила, заметив смерть Гимбута, лишь усмехнулся. Поклус знает, кому посылать гибель, а кому победу. Один соперник наверняка сгорел, с другим сквитался Седой Волк: «Тоже небось не пожалел жертв Подземному». Если сейчас удастся справиться с венедами, значит, Пепельный судил сделаться царём леса ему, Радвиле Рыжему Медведю. Как он тогда заживёт — не хуже сарматского царя! А человечины всё равно есть не будет. Пусть это делают голядины. А он их будет посылать в бой впереди всех. Чтобы все враги боялись воинов великого князя лесного края.

И вдруг со стороны леса заржали кони, зазвенели доспехи. В первый миг литвинам и голядинам подумалось, что это духи сгоревших росов выходят из огня. А мохнатый великан с дубиной, верно, какой-то дух, что поведёт их в царство мёртвых. Но тут загремел над деснинскими кручами страшный сарматский клич: «Мара!» И разом пропала у северных лесовиков охота воевать. Не думали уже ни о победе, ни о добыче, ни даже о славной смерти. Да как биться с этими железными людьми, которых даже огонь пекла не берёт? Конные и пешие бежали кто в лес, кто в болото, кто по льду через Десну — лишь бы уйти от сарматских копий, способных пробить не то что кожаный, а и железный панцирь, от длинных мечей и метких стрел.

Славным и опытным воином считали все Радвилу Рыжего Медведя. Умел он побеждать, нападая из засады, ночью, врасплох. Умел отсидеться в крепком городке, истребить слабого врага, уйти от сильного непролазными дебрями. Потому и возвращался всегда из походов если и не с добычей, то живым и здоровым, после чего князь с дружиной принимались дни напролёт пировать или просто валялись на звериных шкурах и потягивали меды и пиво. Работать эти крепкие, здоровые мужи не любили — на то есть невольники, простые родовичи, жёны. Не можешь или не хочешь стать дружинником — значит, корми его. Не лез Радвила ни в какие рискованные дела. И в это не полез бы, не надейся князь на богов и колдунов. И мечтал отнюдь не о славной гибели за племя или богов, а о спокойной старости, когда, окружённому славой, не нужно будет даже воевать, а только попивать крепкий мёд, слушая песни о собственных подвигах.

Теперь, когда сарматы железным вихрем обрушились на его войско и не помогли ни боги, ни чародеи, Радвила даже не пытался собрать людей и увести их из-под удара, а просто хлестнул коня и погнал его к спасительному лесу. Кто-то из богов всё же заботился о князе. Не настигли его ни копьё, ни стрела, и

косматый великан, расхаживавший вдоль окраины леса, не вбил еловым стволом в землю вместе с лошадью. Узкими лесными тропами скакал Радвила на запад и клял на чём свет стоит колдунов. Да чтобы он ещё когда связался со всеми этими ведунами! Да чтоб они все провалились в пекло, к своему хозяину! Чтоб их Перкунас огненными стрелами бил заодно с чертями и змеями!

Выбрались живыми из побоища и полумедведи, тоже не склонные отдавать жизнь за что бы то ни было. Бурмила вынес на себе израненного и искусанного волками брата, скатился вместе с ним с обрыва, и, добравшись до припрятанных в укромном месте у берега коней, косолапые храбры переехали по льду Десну и скрылись в дебрях к востоку от неё.

Визунас, видя, что битва проиграна, позаботился о войске не больше бросившего его князя. Жрец не служил никакому племени, но лишь самому себе и своему хозяину — Подземному. Да и какое было дело до людей тому, кто наполовину не был человеком? Не зря он носил имя дракона — пожирателя душ. От кого родился будущий жрец — об этом знал только он сам, да тёмная ночь, да его мать-ведьма, да ещё несколько колдунов. Сейчас Визунас думал лишь о том, чтобы уничтожить виновников своего поражения, покуда они были утомлены волховным боем.

Не обращая внимания на дружинников, охранявших его в течение всего боя, жрец обернулся вороном и перелетел Белизну. Ясень и его воины опешили, когда на их глазах чёрная птица превратилась в невысокого, с коня ростом, но длинного чёрного ящера. Чудовище шло на людей, разинув усаженную острыми зубами пасть. Оно не имело крыльев, не изрыгало огня. Но от его чёрного чешуйчатого тела, от четырёх мощных когтистых лап, от могучего хвоста, взметавшего снег, веяло нездешней, безжалостной силой. Ещё страшнее когтей и зубов ящера были его глаза, горевшие холодным синим огнём. В них не было ярости огненного змея — лишь неумолимость и всесилие смерти. Смерти окончательной и неотвратимой, ибо души, скатившиеся со стеклянной горы на дно преисподней, не ждала уже никакая жизнь, даже самая жалкая и мучительная. Их пожирал дракон, отец чёрного жреца.

Простые северянские парни застыли, опустив оружие, не в силах даже убежать. Ясень беспомощно оглянулся на волхвов. Вышата едва держался на ногах, поддерживая Милану, склонившую голову ему на плечо. Длинные распущенные волосы волхвини падали ей на лицо. Ящер, взглянув на северян, мотнул большой вытянутой головой: мол, уходите. Как просто: если слаб — не мешай злу. Кто тебя осудит, если отступил там, где не

выстоял сам великий волхв Вышата... А вдруг и выстоит? Вот он достал из сумки кремнёвый нож — наверняка не простой... Может, чёрного змея другое оружие не возьмёт? Перун разит змеев каменными стрелами. А они, северяне, простые воины, не Громовичи небесные.

От Белизны до Почепа было дальше, чем до Медвежьей горы, и чары двух жриц доходили плохо. Зато доходил их мысленный зов. И Ясень услышал тихий, но настойчивый голос матери: «Ты что, сынок? Зачем я тебе отцовский меч дала?» И другой, девичий голос: «Ясень, милый! Это же гивойте! Просто гивойте!» Гивойте! Так называли будины больших, в локоть длиной, чёрных ящериц, которых они держали дома и поклонялись им, как домовым. А домашних ужей почитали не только будины, но и венеды.

Рука Ясеня, в растерянности теребившая пояс, вдруг легла на увенчанную кольцом рукоять меча. С этим длинным мечом его отец Лютослав бился под Экзампеем. И навеянное синими глазами могильной твари оцепенение разом прошло.

— Ребята, вы что, ящериц не видали? Это гивойте-переросток, вот и всё! А ну, в копья его, в топоры его! Перун-змееборец с нами!

Издав злобное шипение, ящер бросился на людей. Он мог бы мощными челюстями перекусить пополам любого из них, мог переломать кости одним ударом хвоста. Но сейчас на него разом обрушились удары семи рогатин и трёх топоров. Не ожидавший такого отпора, Визунас повалился на бок. Встать ему уже не удалось. Теперь его били прямо в незащищённое брюхо. Хвост перестал двигаться после удара топором по крестцу. Ясень всадил копьё в пасть змею, и, пока тот крушил зубами прочное древко, Лютич разрубил ему мечом шею. Ломая оружие, северяне без устали рубили и кололи, пока вдруг не обнаружили, что кромсают тело не ящера и не человека, а невиданной твари в чёрной человеческой одежде, с зубастой головой ящера и чешуйчатыми когтистыми лапами.

— И от кого только такие родятся! — с омерзением сплюнул кто-то.

— Не так родятся, как делаются, — возразила Милана, приводя костяным гребнем в порядок волосы. — Я вот природная ведьма, и твоя, Ясень, матушка тоже, так что из того?

— Да знаю я этого ящеровича, — махнул рукой Вышата. — Нашлось кому его опекать да учить всем гадостям ведовским. И всё равно, кто бы он был без Гимбута и его людоедов?

— Или Чернобор без наших старейшин, трусливых да угодливых? — подхватил Ясень. — Ох и перетряхнём мы Северу, дай только Даждьбог всякого добра и силы царю Ардагасту!

— Спасибо вам, парни, что я хоть от чар передохнул, пока вы тут на ящерицу охотились, — улыбнулся Вышата, показывая на тело Визунаса. — Ну что, не так страшен змей пекельный, как его ваш Ясень малюет?

— Я теперь с любого из вас, ребята, Перуна-змееборца напишу! — рассмеялся Ясень.

— А с себя самого напиши Ярилу, — подмигнула Милана. — Тебя небось тоже девки любят?

— Любят, да не все, — ответил с виду беззаботно сын Лютицы, но в глазах его появилась затаённая печаль.

В расписанном Ясенем храме две жрицы радостно обнимались, глядя в волховную чару. А на Медвежьей горе чернобородый ведун ударил по столу кулаком так, что и чара опрокинулась. Но тут же взял себя в руки. Главное — он ни в чём не замешан. По крайней мере, в глазах глупых поселян. Он умнее, а значит, сильнее всех этих царей, князей, великих и малых старейшин. Порвалась одна сеть? Сплетёт другую, ещё хитрее, и поймает в неё этих спесивых глухарей. Хозяином леса останется тот, кто знает его тайны, кто бы там ни величал себя владыкой лесных племён.

А в небе над Белизной Белый Всадник рассмеялся в лицо Чёрному:

— Плохие твои бойцы, дядя, что с мечом, что с чарами.

— Есть ещё одно поле боя — в душах смертных, и твоих бойцов тоже. *Я* там много чего оставил...

На горе над устьем Белизны были сложены костры. На них лежали тела росских воинов-венедов. Из росов-сарматов в бою никто не погиб, но их, прошедших сквозь земное пекло, уважали теперь даже больше, чем остальных воинов Солнце-Царя. Тела врагов бросили в болото или в полынью. Это даже не было глумлением. Ведь северные лесовики, забыв исконный обычай сжигать мёртвых, хоронили их по законам забытых лесных племён: на деревьях да в воде. Вот пусть и идут к чертям, своим союзникам, да к водяным. Лишь тело Визунаса сожгли сразу.

Перед Ардагастом, восседавшим на коне, стоял связанный князь Радвила. Его схватили в лесу разведчики-нуры, посланные в погоню Волхом. Без оружия, хотя и в панцире и медвежьей шкуре, князь выглядел жалко. Его голова опустилась на грудь, длинные рыжие усы уныло висели. Своей понурой массивной фигурой он напоминал медведя, посаженного в клетку. Радвила был уверен, что его сожгут живьём в жертву Перкунасу-Перуну и душам погибших, как поступали сами литвины со знатными пленниками. Но Рыжий Медведь не падал на колени, не просил пощады. На него смотрели пленные соплеменники, и

единственное, что ему ещё оставалось в жизни, — это умереть достойно у них на глазах.

— Повесить бы его на дубу или в болоте утопить. Литвины на нас каждый год в набеги ходят, хуже сарматов! — горячо убеждал царя Славобор.

— Повесить! — вторил ему Сигвульф.

— А ты что скажешь, князь? — обратился царь к Волху. — Твоим нурам они набегами не меньше докучают.

Седой Волк улыбнулся и разгладил вислые усы:

— Литвинов много — от Сожа и Днепра до Немана. И воевать они умеют и любят. Покорить их трудно и долго. За убитого князя будут мстить всем племенем. А набеги... Мы на них ходим, они на нас. Это колдуны твердят: «Не мирись со змеиным племенем литовским». Почему? Эти хоть людей не едят. А вот земли у них свободной много.

— Набегом пройтись по их земле. Добычи, полона много возьмём, — хищно осклабился Андак. Пленные, которых его дружинники переловили арканами, лишь разожгли алчность у зятя и дочери Сауаспа.

— Фарзой послал нас не в набег, а за данью, — возразил Хор-алдар. — Скоро весна, а дань с Черной земли ещё не собрана.

Выслушав соратников, Ардагаст громко приказал:

— Развязать князя, вернуть ему меч.

— Я слышал, один голядинский князь в подобном случае пронзил себя мечом из гордости, — заметил Хилиарх.

— Этот не пронзит, знаю я его, — усмехнулся Волх.

Действительно, вконец растерянный Радвила лишь прижимал оружие к груди и благодарно кланялся царю. А тот без высокомерия, но решительно говорил:

— Ты заплатишь выкуп — не за себя, а за свою землю и племя. За то, что я не пойду на них войной. Ещё разрешишь венедам селиться в ваших землях — по Днепру и Березине, если не хочешь больше воевать со мной.

— Да чтобы я когда посмел воевать с тобой, избранник Солнца! — воскликнул Радвила. — Сам Поклус меня не заставит! Грозовым мечом Перкунаса клянусь, огнём священным!

— Значит, ты мне больше не враг. О выкупе поговорим вечером в шатре.

— Могу ли я выкупить и своих воинов?

— Договаривайся с теми, кто их взял. Это не моя добыча.

— Да что можешь за них дать, медвежий царь! Уж не больше греков. Ты, наверно, ни вина не попробовал, ни греческого серебра в руках не держал, — презрительно скривился Андак.

Лицо князя покраснело, рука стиснула меч. Но тут перед царём предстали два десятка людей в серых венедских свитках. Самый старший заговорил, простирая руки к Ардагасту:

— Солнце-Царь, отомсти за нас и наших родичей по Правде. Мы из села Черней. Нет его больше, ни Сколотова, ни Соложи, ни Высокого. Все венедские сёла по верхней Десне разорил проклятый Гимбут. А всех, кто уйти не успел, нелюди его съели. Иные наши с голодью породнились, так тех жарили живьём и мясо у живых ещё отрезали.

Венеды возмущённо зашумели, закричали:

— Месть! Месть! Смерть людоедам!

— Всё их племя проклятое, нелюдское извести! — срывающимся голосом выкрикнул Славобор.

— Может, ещё и сами их есть будем? — взглянул в глаза юноше Вышата.

— А что? Разве они люди?

— А волхв их — полузмей, — поддержал друга Ясень.

В Севере детей даже Ягой так не пугали, как голодью.

— Пошли бы вы, парни, к полынье головы остудить, — громко произнёс Хор-алдар. — Что, от крови без вина захмелели? Бывает после первого боя.

— Что ты знаешь, сармат? — вспыхнул Ясень. — Ты мальцом от голяди прятался, как мы? Видел, что после их пиров остаётся? У вас, поди, таких соседей нет.

— Есть соседи и страшнее. Греки и римляне, — отрезал Хор-алдар.

Хилиарх похолодел. Вокруг него были варвары — дикие, воинственные и жестокие. Он посмел об этом забыть — и они сами ему напомнили, в каком мире он оказался. Посмей он сейчас заступиться за злосчастное племя — и его, гречина, не пощадят. Он бросил взгляд на Вишвамитру. Индиец разглядывал пленных с омерзением. На его родине людей ели демоны, но не люди.

Ардагаст помахал рукой, призывая к тишине, и громко спросил старого венеда из Черней:

— Человечину ела вся голядь?

— Нет, только дружина князя. У них кабанья голова на кафтанах нашита. А ещё волхв их.

Ардагаст подъехал к пленным, обнажил меч, поднёс его к лицу белобрысого верзилы в чёрном кафтане с белой кабаньей головой.

— Ты ел людское мясо?

— Ел! — с вызовом ответил по-венедски белобрысый. — Мы все ели. Это пища настоящих воинов. Даже вы, сарматы, боитесь

её есть. Только мы, голядь, не боимся. Поэтому нас никто не сможет покорить.

— Стервец ты, Симилис! — не выдержал один из чернейских венедов. — У тебя же мать венедка. А ты лютовал хуже самой голяди — выслуживался перед князем.

Ардагаст взмахнул мечом, и белобрысая голова полетела в снег.

— Рубите всех этих... «кабанов»!

Засвистели мечи и топоры, и через несколько мгновений из пленных дружинников Гимбута в живых не осталось ни одного. Остальные голядины молча дрожали или падали на колени, молили о пощаде, клялись всеми богами, что на войну их взяли насильно. Литвины с отвращением смотрели на своих недавних союзников.

— Ай, какие вы злые, венеды, — развязно ухмыльнулся Андак. — Зачем всех убивать? Пойдём по земле голяди. Кто посмеет воевать — убьём, остальных переловим и продадим грекам. И всё, что в городках — скот, меха, — будет наше. Данью нужно делиться с Фарзоем, а добыча вся останется нам.

— Росы! Что-то этот поход больно скучен: всего две битвы да один приступ, — разнёсся звонкий, сильный голос Саузард. — Что за жизнь для сармата — никого не ограбить, не угнать скотины, ничего не сжечь? Веди нас на голядь, царь росов!

— В поход на голядь! — зычно крикнул Седой Волк и издал призывный вой вожака, тут же подхваченный нурами.

— В поход на голядь! Месть! Добыча! — кричали дружно сарматы и венеды.

— Перкунас, пронеси эту грозу мимо Литвы, — бормотал Радвила, забывая, что сам втянул своё племя в войну с росами.

Ардагаст до боли прикусил губу. Снова его войско превращалось в волчью стаю — безжалостную, алчную, мстительную. Он взглянул на Хилиарха, на Вышату. Грек, неизменно спокойный и рассудительный, сказал:

— Есть сила, перед которой отступает и царь, будь он хоть Александр. Эта сила — его собственное войско.

— Сейчас их даже боги не образумят. Уступи им, но не во всём. Венеды бывают злы, но отходчивы, — тихо произнёс волхв, склонившись к царю.

Ардагаст окинул взглядом своё войско. Он, царь, не мог его победить ни мечом, ни чарами. Его оружием тут могло быть лишь слово. А ещё — знание собственного народа. Зореславич выехал вперёд, поднял руку, и толпа сразу притихла.

— Вы хотите похода и добычи? Хорошо. Мы пойдём на голядь, но только на деснинскую. Помните, за нами ещё Чёрная

земля. А что касается добычи, то я, ваш царь, отказываюсь от своей доли в мехах, скоте, мёде — во всём. А вместо этого отдайте мне весь полон. Кроме «кабанов», конечно, — им пощады не будет. Заслужил ли я этого, воины?

— Ещё чего! Пленные — самая ценная добыча... — возмутился было Андак, но Хор-алдар резко оборвал его:

— Ты кому служишь, Фарзою или Спевсиппу? В огонь идти твоя дружина — последняя, а за пленниками гоняться — первая.

Андаку с Саузард осталось только прикусить языки. Чтобы тебя слушали на собрании росов, нужно проявить в бою храбрость, а не жадность. То же, о чём сказал Хор-алдар, видели слишком многие. А над Спевсипповыми подарками Андаку и его приятелям потешалось всё войско.

— Ничего! Назло ему сделаем так, чтобы пленных было поменьше, — сказала Саузард на ухо мужу.

А войско уже наперебой кричало:

— Согласны! Согласны! Для тебя, Солнце-Царь, ничего не жаль!

Горькая скептическая усмешка легла на лицо Хилиарха. Он вспомнил свои споры с людьми из Братства Солнца. Век Кроноса, Царство Солнца, где нет «моего» и «твоего», богатства и нищеты, рабов и господ... Возможно ли оно не для душ праведников в горнем мире, а на земле, для обычных людей? Нет, доказывал он тогда, большинство людей слишком слабо духом, порочно и подвержено соблазну. Жить, как в Царстве Солнца, в этом мире могут лишь нищие дикари, не ведающие соблазнов, вроде финнов[30], что не знают вкуса молока и хлеба и ютятся в шалашах среди лесов и тундр. А варвары, которых любят хвалить не видевшие их вблизи? Это те же дикари, только уже вкусившие соблазнов и начавшие портиться.

Что ж, он оказался прав. Если даже Ардагаст, лучший из варваров, воспитанник Вышаты, члена Братства Солнца... Зачем ему столько рабов? На продажу, чтобы накопить больше серебра и не дать усилиться Андаку и его шайке? Разумно и предусмотрительно для царя. А рабы и так были у сарматов и у венедов. И конечно, даже попасть на невольничий базар для несчастных лучше, чем быть зарезанными во имя мести. Из рабства можно бежать, или выкупиться, или выслужить свободу... например предав других рабов или донеся на господина.

Да, Хилиарх мог быть доволен своим умом и знанием жизни, не дававшими ему увлечься прекрасными, но несбыточными мечтами. Но на душе почему-то было скверно, словно он покорил, наконец, давно желанную женщину, а она оказалась дурой или шлюхой. На похоронах он был молчаливее и пасмурнее самих

венедов, на тризне бился с мрачной сосредоточенностью, а на поминках выпил больше обычного, но долго не мог опьянеть.

Блаженная Гиперборея, что ты — земная страна или обитель праведных душ? Эвгемер и Ямбул, побывали вы в Царстве Солнца на далёком острове в южном океане или видели духовным взором ту же загробную обитель? Или просто описали в своих книгах мечту, прекрасную и добрую, как само Солнце? Но если человек столь слаб, подл, жаден, откуда у него способность к такой светлой мечте?

На горе над Белизной всю ночь горели костры, далеко разносились песни, то печальные, то весёлые и разгульные, а в долине волки, пригнанные многоопытным Волчьим Пастырем, вытаскивали из воды и пожирали трупы и протяжным воем славили своего хозяина — Белого Всадника.

На другой день войско росов подступило к городку, который голядины называли Габия, в честь богини огня, а венеды — Владимировым, по имени его старейшины и основателя. Городок был невелик, но неплохо укреплён: глубокий ров, вал, переходивший в крутые склоны горы, дубовый частокол. Блестящий лёд покрывал стенку рва и вал, заранее политые водой. Перед большим войском городок, однако, не мог долго выстоять, если некому было нападать на осаждавших снаружи, из леса. Завалить ров, выбить тараном ворота или поджечь городок стрелами... И всё же Ардагаст медлил с началом приступа. Прервать этот поход он не мог, но можно было хотя бы избежать крови. Если только осаждённые не побоятся жаждущих мести венедов и сдадутся ему, царю прежде не виданных ими росов.

Особенно рассчитывал Зореславич на старейшину, венеда Владимира — Вальдимара. Лет сорок назад он, не поладив со старейшиной, ушёл из Полянского села близ устья Десны, пробрался через нурскую землю, чудом не попав в зубы волколакам, и, наконец, поселился в одиночку в глухих лесах между Десной и Сожем. Как-то голядины, отчаявшись справиться с громадным свирепым медведем, решили отдать зверю в невесты красавицу, дочь тогдашнего князя от наложницы (правда, нелюбимой, отосланной вместе с ребёнком). Но, придя к берлоге, увидели мёртвого зверя и израненного молодого венеда. Подивившись отваге и силе Владимира, они подобрали его, выходили, приняли в род. Он женился на спасённой княжне, стал среди голядинов видным человеком, а лет двадцать назад основал новый городок. С нурами Владимир воевал храбро и умело, но с будинами и северянами хорошо ладил, и те его уважали за честность и миролюбие.

Зореславич не ошибся. Росы ещё не начали бросать вязанки хвороста в ров, когда со стены крикнули:

— Росы, мы войны не хотим! Здесь верховный жрец и все деснянские старейшины, они хотят говорить с вашим князем.

— Нечего с людоедами говорить! — зашумели было венеды, но Ардагаст махнул рукой: пусть выходят.

Приоткрылись тяжёлые ворота, через ров был переброшен мостик, и из городка вышли десять стариков с резными посохами. Впереди неторопливо, с достоинством шёл Владимир — совершенно седой, но по-прежнему могучий, ещё и теперь способный выйти на медведя. Рядом тяжело ступал, опираясь о двоерогий посох с замысловато закрученными концами, верховный жрец Ажуол. Все старейшины были в голядинских чёрных кафтанах, лишь один — в венедской серой свитке.

Владимир поклонился царю и, возложив обе руки на посох, сказал:

— Царь Ардагаст! От тех, кто в битве уцелел, мы знаем: светлые боги за тебя, сам Чернобог тебя одолеть не может. А мы люди, не боги и не черти. Мы все, деснинская голядь, готовы покориться тебе и давать дань, какую укажешь.

— Не верь людоедам, царь! — воскликнул Волх. — Сейчас тебе что угодно пообещают, а уйдёшь — за старое примутся.

— Тебе с них дань брать — только лишние хлопоты. Лучше уведи их с Десны подальше, чтобы не вернулись, а их земли отдай нам, северянам. В Черной земле уже теперь тесно, — сказал Славобор. Он уже не горячился, как вчера, а говорил рассудительно и важно, будто старейшина. Битва сильно подняла молодого парня в собственных глазах и в глазах его воинов, да и прочих венедов.

— Никакой с них дани! Вон людоедов из леса, без них зверья хищного хватает! — зашумели венеды.

Вчерашнего озлобления, однако, не было. Поостыв после битвы, венеды уже не призывали ни истреблять голядь, ни есть её.

Вперёд выступил старейшина в серой свитке:

— Солнце-Царь, смилуйся над голядью. Я — Путша, старейшина села Высокого. Владимиров род нас укрыл от Гимбута, не пустил «кабанов» его в городок.

— Мы бы никогда не пошли на тебя, избранник Солнца! Гимбут нас заставил, угрожал городки разорить, если не дадим воинов. А нам верховный жрец Ажуол говорил: Перкунасу этот поход не угоден, — наперебой заговорили старейшины голядинов.

— Ажуол — святой жрец, — громко всхлипнул Радвила. —

Если бы я тогда в Тушемле послушал его, а не этих полумедведей!

— Какие вы тут все святые да праведные, — иронически прищурился Ардагаст. — Мы, случайно, в Ирий не забрели? Одно село спасли — награди вас Даждьбог, а где остальные делись? Где вы были, когда «кабаны» чуть не у вас на глазах людей ели? Или Гимбута князем без вас выбирали? — В голосе Зореславича звучал гнев.

— Что мы могли сделать против Гимбута? С ним были лучшие воины племени, — развёл руками один из старейшин.

— Вы могли впустить венедов в городки, закрыться в них и позвать меня на помощь. Я бы поспешил даже с одной конницей.

— Твои всадники быстры, но Гимбут до их прихода успел бы разорить не один городок. Мы что же, должны были погибнуть ради людей другого племени? — В голосе старейшины звучало самое неподдельное удивление.

— Да, должны были! — безжалостным тоном ответил Ардагаст. — Так велит Огненная Правда.

Чьё ваше племя? Какого бога — Белого или Чёрного?

— Мы не знаем таких богов, — растерянным голосом сказал старейшина и вопросительно взглянул на Ажуола.

Но вместо него ответил Вышата:

— Белбога вы зовёте Владыкой Судьбы и Первейшим, Чернобога — Поклусом, и Вельнясом, и Кавасом! Теперь вспомнили, что есть Свет и есть Тьма?

— Мы голядь... Мы чтим всех богов. — Голос старейшины дрожал. Городок его был самым северным на Десне, и всё, что происходило среди богов и людей за пределами его рода и племени, старейшину мало тревожило. И вдруг словно боги перенесли его вместе с родом в другой, огромный и непонятный мир. И правил в этом мире золотоволосый князь с золотым мечом, и его голубые глаза с гневом глядели на старейшин.

— Всех чтите? Я это видел — вчера на Белизне. Ни один из ваших, насильно на войну уведённых, ко мне не перешёл. Вместе со всеми чествовали Чёрного с Гимбутом, вместе со всеми орали: «Всех не съедим, нам рабы нужны!» Так вот, сами теперь станете рабами. Слушайте мою царскую волю: один лишь Владимиров городок будет стоять, как прежде. Остальные сдадите моему войску со всем, что в них есть. А ваши роды пойдут со мной на юг, в Полянскую землю. Что в руках унесёте, то и ваше. Будете для нас, росов, землю пахать, скот пасти, рыбу ловить. Когда заработаете себе на выкуп, можете, по венедскому обычаю, хоть в нашем племени остаться, хоть идти на все четыре стороны. Можете и сюда вернуться, но жить будете вместе с венедами. А

городков здесь вовсе не будет, кроме Владимирова. И ещё: всех, кто человечину ел, выдадите. На смерть.

Старейшины покорно склонили головы. Золотой князь был нещаден, как солнце в летнюю жару, но справедлив.

Молчавший до сих пор верховный жрец с горечью произнёс:

— Во всём виноват я. Что всю жизнь терпел людоедские обычаи. Что не проклял при народе именем Перкунаса всех, кто пошёл в этот бесовский поход. Что не поднял вас на войну с Пекельным и его полчищем. Надеялся в стороне остаться и вас тому же учил... Разреши мне, царь, идти на юг вместе с голядью. Если тебе нужен такой старый раб...

— Прости, жрец, но не ищешь ли ты снова лёгкого пути? — возразил Выплата. — Скажут: предатель ушёл со своим хозяином. А ведь ты всё ещё верховный жрец всей голяди...

— Я понял, — прервал его Ажуол. — Да, я вернусь в Тушемлю и буду, пока жив, делать всё, чтобы снова не собралось людоедское войско Пекельного. А если меня убьют, то я слишком стар, чтобы бояться смерти. Да это и будет лишь расплатой за то, что всю жизнь старался быть в мире со всеми богами.

Саузард тискала в руках плеть, тщетно ища глазами, на ком бы её обломать, не нарываясь при этом на поединок. Она-то надеялась на настоящий поход, чтобы кровь и дым пожарищ разбудили в росах воинственный дух и Ардагаст не сумел сладить с мужами-волками. А он провёл её, словно грек на базаре! Да не Хилиарх ли подсказал ему эту затею?

А Хилиарх смотрел на солнце, вдруг выступившее из-за облаков, на ослепительно блестевший в его лучах ледяной панцирь городка и облегчённо улыбался. На душе эллина стало легко и светло. Нет, не зря сеял Вышата солнечные семена в душу своего воспитанника. Конечно, рабство никому не сладко, кроме тех, кто лишён самой любви к свободе. Но лучше такое рабство, чем то, что ждало был голядь среди просвещённых греков и римлян: превратиться в товар, в клеймёную рабочую скотину. Хотя там, на юге, вольноотпущенник мог стать если не императором, то его первым вельможей... и первым негодяем во всём Риме. А Царство Солнца... Что ж, это хотя бы шаг к нему, и эллинам будет чему поучиться у варваров с Борисфена-Днепра.

В этот же день в городке Владимир на славу угощал царя и его сподвижников. За столом старейшина спросил Ардагаста:

— Говорят, ты, царь, вырос на Днепре, у четырёх священных гор близ устья Десны?

— Да, в селе Оболони на Почайне, — кивнул Зореславич.

— А не знал ли ты там мужика Ратшу? Лет сорок ему сейчас.

— Ратша? Да ведь он учил меня оружием владеть. Он воин хороший, под Экзампеем бился. Его, бывало, обзывают сколотным, а он: «Я сколотный, во мне дух сколотский, а в вас — холопский». Он в поход со мной только из-за болезни не пошёл: грудью слаб стал, ещё и ногу сломал.

— Это из-за его матери я из рода ушёл, — вздохнул Владимир. — Она, знаю, умерла. А об отце своём он что-нибудь говорил?

— Говорил. Иной раз поссорится с кем и скажет: «Мой отец у голяди старейшина, а ты кто?»

— Эх, побывать бы у него, покуда я жив, — мечтательно улыбнулся Владимир.

— А вот наведу лад в Черной земле, и будет тебе дорога прямоезжая хоть до Оболони, хоть до Экзампея. Непременно будет, на то меня боги в мир послали!

Глава 7
ХОЗЯИН ЛЕСА

Шумно и весело было в обычно малолюдных окрестностях Медвежьей горы. Со всей Черной земли съехались сюда старейшины, воеводы, волхвы со своими семьями и близкой роднёй. Горели костры. Приезжие пировали и возле костров, и в длинном доме на горе, поставленном ещё будинами. Наедались блинов и напивались хмельного без всякой меры, благочестия ради, ибо веровали: как в эти дни наешься-напьёшься во славу богов и предков, так и весь год будешь сыт и богат.

Катались с обледенелых склонов горы на салазках и на донцах от прядок — чтобы лен хорошо уродил. На льду Десны тешились кулачными боями — и парами, и стенка на стенку. Ездили наперегонки на санях и верхом. Неслись вокруг горы лихие тройки — с песнями, со свистом. Чествовали молодожёнов: то песнями величали, то на санях катали, то заставляли целоваться раз по двадцать, то в снегу закапывали.

Шла Масленая неделя — первая неделя месяца сухого[31]. Провожали Зиму-Морану и готовились встретить Морану-Весну. В седьмой день первого весеннего месяца свершится чудо: выведет Даждьбог черноволосую коварную красавицу Морану из подземного царства, и станет она вместо холода и гибели нести миру тепло, обилие, радость.

Всё нынче было напоказ: и богатые шубы, и расписные сани, и разукрашенные лошади, и удальство, и разгул. Только за всем этим весельем чувствовалась неизбывная тревога. Все знали: с севера идёт царь Ардагаст с непобедимым войском, с богатой добычей. Что-то ждёт теперь ослушников? А кого страшней было ослушаться — царя или могучих тёмных богов? А вдруг да разразится ещё их гнев над ним и его воинами? Солнце небесное и то на ночь в преисподний мир уходит.

Может быть, от этого страха и гуляли отчаянно, с безобразиями. Даже степенные, уважаемые мужи позволяли себе многое, а молодёжь и вовсе удержу не знала. Обрезали у коней хвосты и упряжь, опрокидывали сани, охальничали при всём народе, воровали в соседних сёлах всё, что могло гореть. Воровали, конечно, не просто так, а для священного костра. И вообще чуть ли не всякое озорство в эти дни оправдывалось прадедовским обычаем. Если в ином мире непорядок, боги между собой разбираются, то что со смертных взять? Больше всех

озорничали сарматы. Носились с гиканьем на буйных конях, сбивая людей, перескакивая через плетни. Приставали без разбору к девкам и к замужним. Чуть что, лезли в драку, выхватывали оружие: «Венед, воевать умеешь? Покажи!» Были это не росы, а роксоланы.

Наконец в шестой день сухого разнеслось: «Идут! Идут!» С севера, из-за речки Рожаницы, показались, блестя доспехами на солнце, конные росы. Ветер колыхал красное знамя с золотой тамгой. Рядом развевались стяги лесных племён: дреговицкий с золотым львом, нурский с волчьей головой, северянский с чёрным орлом. Сурово, молчаливо глядели царь и его воины на празднично наряженную толпу, и под этими взглядами невольно умолкали даже пьяные. За конной ратью шла пешая, следом понуро брели пленные голядины. Эти, впрочем, были рады, что поплатились свободой, а не жизнью.

Толпа поначалу совсем притихла, не ожидая для себя ничего хорошего. Потом, увидев северянскую дружину, стали высматривать своих родных, приветствовать их криками, спрашивать о тех, кого в рядах не было видно, — ранены они или... Воины-северяне махали своим руками, откликались им на ходу, но из строя не выходил никто — таков был строгий приказ царя, ибо неизвестно было, что ждёт росов у Медвежьей горы, — может быть, засада. Воины из других племён ругали собравшихся вместо войны на праздник северян, обзывали их трусами, лежебоками, медведями в берлоге.

У ворот священного грродка стояли главные правители Черной земли — Доброгост, Чернобор, Воибор. За ними теснились старейшины. Рядом с верховным жрецом были только его жена — ведьма Костена — и зять-помощник Скирмунт с Невеей. Сильно потрёпанный волками Шумила отлёживался в чаще, Лаума выхаживала его, а Бурмила рыскал по лесам, собирая самых отчаянных голядинов, бежавших от росов в дебри. Владыки Северы стояли пешие, опираясь на посохи. А над ними всеми возвышался, восседая на породистом коне в серебряной сбруе, немолодой уже, но красивый сармат в кольчуге с большой золотой бляхой в виде оленя на груди и красном плаще с похожей на росскую тамгой — царь роксоланов Роксаг, Сияющий Олень. Увидев его, Ардагаст насторожился, готовый ко всему. Этому красавцу и удальцу с чёрной кудрявой бородой и тонкими закрученными усами везло решительно во всём и всё сходило с рук. Он с одинаковой лёгкостью соблазнял женщин и обманывал царей, многие, особенно сами роксоланы, считали его любимцем Артимпасы — богини войны и любви.

Его племя владело богатейшими землями Скифии от Днепра

до Танаиса, летом пасло скот у развалин Гелона и других будинских городов (не забираясь, однако, в леса), зимой — на прежних пастбищах царских скифов у Днепра и Меотиды. В своё время он отложился от великого царя сарматов, похитил его жену и вместе с Фарзоем загнал царских сарматов далеко на север. Когда же Фарзой бился с легионами, Роксаг предал и его. Но когда в Империи появились три кесаря сразу, именно Роксаг пошёл вместе с Инисмеем за Дунай и надолго отбил у римлян охоту продвигать границу Империи за эту реку. При этом осторожный и хитрый Фарзой оказался вроде бы и ни при чём: ну, воевали роксоланы с римлянами, а заключить мир помог Инисмей. Роксаг покорялся то Фарзою, то не ладившему с ним царю аланов Гоару, чьи владения простирались от Танаиса до границ Хорезма, а при случае ещё и грозил снова привести на юг царских сарматов. В степи говорили: «Есть три великих царя сарматов, но кто из них самый великий, решает Сияющий Олень».

Этот-то царь сейчас приветственно поднял руку, хитро и весело улыбаясь Ардагасту: мол, угадай, что я тебе приготовил. Зореславич небрежно ответил на его приветствие и окинул укоризненным взглядом старейшин в роскошных шубах:

— Празднуете, лучшие мужи Северы? Пируете?

— Пируем, во славу богов и предков, — степенно отозвался Доброгост. Старейшина не дерзил царю, не обзывал безбожным и окаянным, но от недавнего подобострастия не осталось и следа.

— Мы вот тоже... пировали. На кровавом, огненном пиру! Напоили гостей незваных — упились они, не проспались. А вы вот и званые не явились. Жрали блины да вареники, пока мы за вашу Дебрянщину кровь лили! Помянули вы хоть блинами тех северян, кто в битве пал, кого нелюди Гимбутовы съели?

— Заложных и неупокоенных поминают на святки да на Ярилу, — преспокойно ответил великий старейшина.

— Кто в святом бою за светлых богов погиб — не заложные! — возмущённо выкрикнул Славобор.

— За тех, кто погиб, ты в ответе, отроче неразумный, — наставительно произнёс Воибор. — Ты их на войну повёл, не я.

— Да, он повёл! И потому отныне великий воевода северянский — Славобор Славятич, а не ты, трус и изменник! — властно произнёс царь росов.

— На великое воеводство меня племя поставило, — выпятил грудь Воибор.

— Вы теперь не только в племени живете — в царстве. Моём царстве!

— А мы тебя, Зореславич, царём не хотим, — всё тем же спокойным тоном уведомил Ардагаста великий старейшина. —

Не нужны нам подвиги твои да войны. Соседи из-за тебя на нас пошли. Что же дальше-то будет? Мы люди тихие, а ты на нашу землю битвы богов накликаешь, чтобы от неё одно пепелище осталось. Пусть лучше с нас дань берёт Роксаг. Он и веры нашей не трогает, капищ не разоряет, святых жрецов не губит. Будем кланяться великому царю, чтобы нам быть под царём роксоланов.

«Какому великому царю — не говорит», — про себя заметил Ардагаст.

Чернобор поднял двоерогий посох и возгласил:

— Царь Ардагаст! Ты неугоден нашим богам. Уйди из Черной земли, твоё царство и так… слишком велико.

Неожиданно на помощь царю росов пришла Саузард. Даже её ненависть к Ардагасту отступила, когда царевна увидела, что завоёванное её отцом может уйти из рук племени. Она взмахнула плетью, подъехала почти вплотную к Роксагу и во весь голос заговорила:

— Что-о?! Эта земля наша, росская. Попробуй только собрать тут хоть связку беличьих хвостов! Видишь? — Она указала плетью на венедскую рать. — С нами воины леса. Сунься сюда хоть со всем своим войском, и его кости останутся здесь. А тех, кто выберется из леса, перебьют и переловят всадники Фарзоя.

— Со мной тоже будут воины леса, царевна. — Роксаг, нахально усмехаясь, указал на северянских старейшин. У тех мурашки по коже забегали. Превращение Северы в поле битвы между двумя сарматскими ордами в расчёты лучших мужей никак не входило. Боги бессмертные, хоть бы всё обошлось угрозами!

А росы уже одобрительно шумели, венеды крыли роксоланов руганью, дружинники Роксага отвечали им тем же. Видя, что назревает схватка, Хор-алдар обратился к царю роксоланов:

— Царь Роксаг! Мы с тобой вместе били римлян. Помнишь, как я спас тебя, когда твой раненый конь завяз в глубоком снегу?

— Помню. Если бы не ты, висел бы я на кресте, а мой доспех — в римском храме. Артимпаса меня не забыла — послала тебя.

— Так вот, война между нами нужна только римлянам. Кое-кто на юге очень хочет избавиться от Ардагаста. — Князь пристально взглянул в глаза Роксагу. — Или, может, щедрый Спевсипп уже одарил тебя? Или этого колдуна с чёрной бородой, который стравливает нас между собой? Хочешь ослабить своё племя — позволяй им и дальше водить себя на аркане.

Неприязненные взгляды со всех сторон обратились к Чернобору.

— Пошарить бы у него в доме, да и в святилище. Небось не

меньше римского серебра найдётся, чем у Лихослава, учителя его, — громко произнёс Нежданич.

— Верно. Был у него какой-то грек, ещё осенью, — поддержал сарматича Славята.

Старейшины зашептались, заспорили, одни остались рядом с Доброгостом и волхвами, другие собрались вокруг Славяты.

— Так каким это богам я неугоден? — в упор взглянул Ардагаст на верховного жреца. — Не греческому ли Гермесу — богу тех, кто колдует, ворует да торгует?

Верховный жрец по-прежнему стоял, величаво опираясь о двурогий посох и словно не замечая собиравшейся вокруг него грозы. Презирая всех, не посвящённых в колдовскую премудрость, он сейчас опасался разве что Вышаты.

— Да, ему. Гермеса на юге зовут Трижды Величайшим. А у нас — Велесом. Ты что же, думал, воюешь с лешими, чертями, волхвами? Нет, с самим Хозяином Леса. С тем, кого все лесные духи, и звери, и люди-лесовики чтут. Народы в лесу меняются и языки, а законы и хозяева лесные остаются те же. Ты кто, бог, чтобы всё в лесу переменить?

Глаза волхва из-под густых чёрных бровей глядели сурово, обличающе, словно сам бог явился посрамить великого грешника.

— Он избранник богов! — воскликнул Славобор.

— Всего-то? — Могучая чёрная борода верховного жреца затряслась от смеха. — А вдруг боги те слабы окажутся против старейшего из богов? Где тогда кости ваши неупокоенные лежать будут, воины светлых богов? А может и вовсе не остаться ни костей, ни души — ничего!

— Был, говорят, один великий царь, — словно невзначай заговорил Роксаг. — И задумал он на небо взлететь. Сел в корзину, запряг четырёх орлов... Только вот вниз лететь пришлось быстрее, чем вверх. То ли он совсем разбился, то ли голос с неба услышал: не лезь туда, где место лишь богам и духам.

Хилиарх вспомнил, что подобную историю он читал в книге, которую охотно покупало простонародье во всех книжных лавках, образованные же люди над ней лишь посмеивались. Царь там был назван Александром, написал же книгу будто бы Каллисфен — самый учёный из спутников великого завоевателя, брошенный им на съедение львам. Сердце эллина сжалось. Неужели жизнь Ардагаста будет такой же короткой, как у славнейшего из эллинов, а дело его после смерти так же пойдёт прахом? И сохранят ли варвары хоть в песнях память о Солнце-Царе?

Он, Хилиарх, не писатель. Но он сообщит всё, чему был и будет свидетелем, пантикапейскому мудрецу Стратонику. И тот напишет книгу об Ардагасте, царе скифов, именуемых росами.

Пусть её читают как сказку, как миф, лишь бы поверили, что можно посвятить жизнь более высокой цели, чем погоня за властью, славой и золотом. И при этом держать в руках меч, а не книги о жизни созерцательной, которая лучше деятельной.

Раздумья эллина прервал голос Вышаты:

— Ты, верховный жрец, не Велесу служишь. Никто из светлых богов не враг Ардагасту, и праотец богов тоже. Или ты зовёшь Велесом Чернобога — своего хозяина?

— У Владыки Тьмы два лица, — величаво произнёс Чернобор. — Для слабых, кто ночью без света боится, он — Велес. А для сильных и мудрых — Чернобог. Забыл, чему тебя учили в Чёртовом лесу? А ведь такой сметливый да памятливый был, помню.

— И у Хозяйки Зверей два обличья. Для добреньких да слабых — Лада. А для тех, кто тёмной ночью никого и ничего не боится, — Яга, — сказала Костена.

Лисья физиономия Скирмунта расплылась в самодовольной ухмылке.

— Вот так-то! А ещё говорят: Правда, Кривда, зло, добро...

«Повезти этих скифских софистов в Элладу, а ещё лучше — в Рим, и их бы стали чествовать, как некогда Анахарсиса. Тот, правда, учил совсем другому», — подумал Хилиарх.

Лучшие мужи северянские, вконец оробев, молчали, словно перед ними вещали сами боги тьмы. Вдруг, раздвигая старейшин, вперёд вышла Лютица.

— Нечего словами блудить! Вы, когда порчу наводите, кого зовёте: Ладу с Велесом или Чернобога с Ягой и всем их бесовским племенем?

— Да когда мы на кого порчу наводили? — развела руками Костена. — Кто такое видел?

— Кто видел, того уж нет. Или молчит со страху.

— Клевещешь ты на меня! Небось в верховные жрицы метишь? — воинственно подбоченилась Костена.

— Это в какие — лысогорские? Себе оставь такую честь.

— Да ты на Лысую гору и сунуться побоишься, даже если кошкой обернёшься — жёлтой, с кисточкой на хвосте!

— За вами, медвежьими волхвами, кое-что похуже порчи есть, — вмешался Вышата. — Скажи, Шишок!

— Это он сжёг колдовским огнём мой лес! — указывая на Чернобора, загремел во всё лешачье горло Шишок. — И глазела на это целая свора колдунов, ещё и сам Чернобог. Да, Чернобог, а не Велес! Где это видано, чтобы Велес кому позволил лес жечь не для посева? И был среди них Визунас, ящерово отродье, что потом на Белизне точно так же лес жёг. Провалиться бы вам

самим сквозь землю в то пекельное пламя!

— Нашёл свидетеля! — нагло усмехнулся Чернобор. — Не устерёг свой лес от пожара, по пьянке небось, а теперь на праведных волхвов всё валит.

— Твои сыновья четыре племени против нас подстрекали и сами с росами бились. Это не один леший видел, — возразил Вышата.

— Мои сыновья — взрослые мужи и сами за себя в ответе. Я их против вас не посылал.

— Гаданиями северян тоже не ты морочил, чтобы на войну не шли? Визунасу не ты с Медвежьей горы чарами помогал? — не успокаивался Вышата.

— Людям я волю Велеса открывал, не свою. А насчёт чар ты клевещешь на меня не иначе из зависти, что я теперь великий жрец, а у тебя ни кола ни двора не было и нет.

— Верховным жрецом Северы сделаться хочешь? Не выйдет. Не будин ты и не северянин, а бродяга без рода и племени, как и предок твой Огнеслав, — ехидно усмехнулся Скирмунт.

— Не смейте хаять великого волхва, бесовы слуги! — возмущённо зашумели росы.

Вышата лишь презрительно взглянул на духовных владык Черной земли.

— По себе судите. Не бродяга я, а странник. Эта доля не для тех, кто любит крепкие меды, мягкие постели да согнутые спины.

Волхвы стояли друг против друга. Один — в белом плаще поверх сарматского кафтана, лицом — обычный венед, добродушный и открытый. Другой — высокий, дородный, с густой чёрной гривой и такой же бородой, сливавшимися с чёрной тканью плаща и кафтана. Казалось, верховный жрец не пришёл сюда двадцать лет назад, а вырос прямо из земли. Или сама вековечная тьма Черной земли вдруг сгустилась и обернулась человеком с двоерогим посохом. Пеший перед конными, Чернобор не выглядел от этого более слабым или приниженным.

— Что ж, пусть меня с вами рассудит сам Велес, — медленно, спокойно проговорил чёрный жрец.

— Готов ли ты к тройному звериному поединку?

— С тобой? Ты — слуга своего царя, а я служу лишь богам. Царь Ардагаст! Если веришь, что угоден Велесу, войди в это святилище и принеси жертву Хозяину и Хозяйке Леса. Этой ночью, при свете его небесного лика. И если они тебя не отвергнут и не покарают за твои безбожные дела, я сам склонюсь перед тобой и отдам посох верховных жрецов твоему волхву.

Признаете ли вы тогда Ардагаста своим царём, лучшие мужи Северы?

— Признаем, признаем! — закивали головами старейшины.

— А если бог не примет твоей жертвы, тогда её принесу я, — самоуверенно заговорил Роксаг. — Меня-го он не отвергнет. Богу зверей я приношу жертвы перед каждой охотой, и всякий раз мне везёт. А нужно будет — принесу жертву хоть подземному хозяину, хоть Сырдону — губителю Солнца. Кто силён в ином мире — тот и есть бог, а кто силен в этом — тот и есть царь.

Наглость «любимца богов» и чёрного жреца возмутила росов. Воины зашумели, кое-кто обнажил оружие. Ардагаст внутренне напрягся. Достаточно ему сейчас взмахнуть рукой, и Чернобор с его приспешниками будут изрублены на месте. Покончить разом с этим чёрным пауком, отплатить за погибших в походе! А «любимца Артимпасы» и его дружинников разоружить, высечь и потребовать выкуп, чтобы не лезли в чужую землю.

Но Зореславич помнил, как Куджула Кадфиз пощадил такого же паука — верховного жреца Шивы. Пощадил, чтобы не сделать своими врагами тысячи шиваитов. Погубй сейчас «святого волхва» — и жди потом стрелы из-за каждого дерева и отравы в каждой хате. Ни к чему и нарываться на войну с сильными и воинственными роксоланами. Оставался только один способ одолеть и посрамить всех врагов. И Ардагаст сказал:

— Я готов принести жертву и не боюсь увидеть богов и ответить перед ними.

— Я царица росов и буду приносить жертву вместе с мужем, — решительно произнесла Ларишка.

Ардагаст обернулся к жене. Хотел сказать ей, что она — единственная наследница его царства и дела, что не может он лишний раз рисковать её жизнью. Но тохарка лишь склонилась к его уху и прошептала: «Милый, их выйдет двое». И он сразу понял, кто будут эти двое и откуда они выйдут. Не из того места, куда честные жертвы возносятся...

А Чернобор, довольный, что в его ловчую сеть летели сразу две птицы, уже властно распоряжался:

— Хорошо. Но жрецами будете вы сами. Ни один волхв не войдёт в святилище, даже и я сам. А вы, именитые мужи, соберётесь ближе к полуночи в Велесовом сарае. Пусть всё будет готово для пира. Мы будем чествовать царя Черной земли — того, чью жертву примут боги.

Никто не посмел возразить духовному владыке. Глядя на царя росов, верховный жрец произнёс почти что с издёвкой:

— Велес и Вела могут явиться во многих обликах. В Велик день медведи и змеи выходят из-под земли. Но до него ещё

восемнадцать дней. Плохо может быть тому, кто раньше времени разбудит Великих Зверей...

— В сёлах и так от гостей тесно. Мы разобьём стан за Рожаницей, — сказал Ардагаст и повернул коня.

По дороге к нему подъехал Ясень и горячо заговорил:

— Что же ты, царь? Да одно твоё слово, и мы бы их всех... в капусту...

— Я бы их тоже... в капусту, — улыбнулся царь. — Если бы не был старше тебя... на четыре года. И не повидал мир отсюда до Индии богатой.

А в это время Саузард возмущённо говорила своему супругу:

— Трусливые лесовики теперь смеют сами себе выбирать царей! И всё из-за этого дурака Роксага. О боги, и он когда-то заглядывался на меня...

— А ты на него, — заметил Андак.

Царевна не ответила на колкость. Всё внимание Саузард было поглощено появившейся рядом с ней всадницей в доспехах, с такими же длинными тёмными волосами и ястребиным носом, как у самой царевны.

— Держи этой ночью свою дружину наготове, доченька. Только не лезь в ту заваруху, которую затевает медвежий колдун. Убийце Родичей из неё живым не выбраться. Главное, чтобы наутро здесь не осталось живых царей и цариц, кроме вас с Андаком. Заодно убери колдуна со старейшинами. Покажи этому племени рабов их место. Твоя власть должна быть страшной! С первых шагов! Пусть потом болтают, будто ты обратилась медведицей или драконицей и всех пожрала...

Видела и слышала всадницу лишь сама дочь Сауаспа.

В полутёмном царском шатре сидели при свече Ардагаст с Ларишкой, Седой Волк, Вышата, Милана и Лютица. Волхв озабоченно рассуждал вслух:

— Да, у Велеса и Велы много обличий. Но не меньше у Чернобога с Ягой. Кто же явится — пара Великих Медведей, или Хозяева Леса, или Владыки Тьмы?

— Кто бы ни пришёл — сумеем встретить. С тёмными богами мы с мужем уже сражались. Да ещё под землёй. А на земле уж как-нибудь справимся. Верно, Ардагаст? — задорно улыбнулась Ларишка.

— Как бы только вы, воители и богоборцы великие, и впрямь с Велесом и Велой-Ладой не подрались. Чернобору только этого и надо, — без тени улыбки сказал Вышата.

— Как же их отличить, да ещё в зверином обличье? Наставь, о, великий волхв! — Царица сложила ладони перед

лицом на индийский лад.

— Отличить поможет Колаксаева чаша. Велес не очень-то любит Сварога и его рукоделья. Но бесятся, завидев Огненную Чашу, только те, кому Свет ненавистен.

— Почему эти медвежьи жрецы при всех сказали, будто Велес — это Чернобог, а Лада — Яга? Раньше они такое разве что своим ведунам да ведьмам говорили, — сказала Лютица.

— Это значит, решили бесовы слуги свою веру утвердить. Чтобы люди вовсе не верили, что есть Правда на свете. Для этого и нужно Чернобору, чтобы Солнце-Царь погиб в его святилище, от руки богов. А уж каких богов — то верховный жрец сам объявит, — ответил Вышата.

Тут вдруг снаружи донеслись негромкие голоса:

— Пусти, Ясень. Я такое узнала, что только ему могу сказать.

— Мне, значит, уже не доверяешь?

— Глупый ты! Солнце-Царя погубить хотят, понимаешь?

— Ясень! Впусти её, — приказал Ардагаст.

В шатёр вошла взволнованная Добряна.

— Ардагаст, солнце наше, не ходи на Медвежью гору! Мы в усадьбе Черноборовой на Святом озере остановились, как всегда на Масленую, я и услышала через стену, как верховный жрец с отцом говорили. Выйдут на вас с Ларишкой вместо богов медведь с медведицей, от которых Шумила с Бурмилой родились, и разорвут вас. Они в заклятой пещере под горой прячутся... Я дождалась, пока матушка заснула, и к тебе пробралась...

— Спасибо, обнадёжила! Уже легче: мы-то думали, что сам Нечистый с Костяной Ногой явятся, — улыбнулся Ардагаст. — Не бойся: меня ни тигр не съел — видела чепрак мой из его шкуры? — ни черти индийские да бактрийские.

— А ещё Чернобор говорил: в пещере той врата есть в нижний мир, и он оттуда может вызвать зверей ещё страшнее тех медведей. Да ещё из леса злые лешие ему всякое зверье пригонят.

— Вот это хуже, — сказала Милана. — Лихослав и тот не рисковал без крайней нужды из преисподнего мира зверей вызывать. Чертей и тех обратно загнать легче, чем их.

Добряна опустилась на кошму, прижала руки к груди. Тревога и мольба бились в её синих глазах.

— Ардагаст, милый, не ходи в эту берлогу! Ты пришёл — словно солнышко вдруг осветило наши дебри. А погибнешь ты — мне... нам, кто в тебя поверил, лучше не жить. Преисподней станет Чёрная земля, царством Чернобоговым! — Поймав на себе взгляд Ларишки, северянка умолкла и лишь украдкой вытирала слёзы краем платка.

Ардагаст взглянул ей в глаза:

— Вы все меня Солнцем зовёте. А разве может Солнце утром не вставать? Или вечером не садиться и не идти всю ночь сквозь преисподнее царство?

— Подниму-ка я сейчас своих волков, — хищно ощерился Волх. — Разорвём в клочья всё это ведовское кодло. Пусть наутро разбирается Севера, какой бог их всех покарал.

— Не на богов подумают, а на нас с тобой, — покачал головой Зореславич. — Скажут: испугался Ардагаст святых волхвов и спустил на них волколаков, чтобы осталась Чёрная земля без волшебной защиты.

— Нам Хилиарх рассказывал про царя Александра. Ему тоже советовали напасть на персов ночью, внезапно. А он сказал: «Я не краду побед». И победил днём, хотя они были сильнее, — сказала Ларишка. — Ну а нам нужно победить ночью. — Она обняла за плечи Добряну. — А тебе спасибо, девочка. Оставайся у нас в стане до утра. Завтра тебе Чернобор уже не будет страшен, вот увидишь.

— Ой, не надо, — внезапно засмущалась северянка. — Это же не на Купалу. Меня и так дразнят и царицей, и сарматкой, даже царёвой наложницей. Пусть меня Ясень проводит, а обратно в дом я сама проберусь, меня собаки Черноборовы знают.

Она торопливо вышла. Проводив её взглядом, Зореславич деловито сказал:

— На Медвежью гору со мной пойдёт русальная дружина. На Масленицу ведь тоже рядятся. А ты, князь, со своими волками будешь в засаде возле горы. Следи, чтобы никакая тварь не прорвалась на городище. Остальная рать пусть отдыхает. Незачем воинам зря на чары нарываться. Да и много чести ведунам — всем войском твердыню их медвежью брать.

Месяц-Велес пас звёздные стада по безоблачному тёмному небу. Он пас их ещё в те времена, когда люди не приручили ни овцы, ни коровы, ни даже собаки. Только тогда это были стада диких коней, туров, зубров и иных, забытых уже зверей, на которых охотился человек внизу, на холодных равнинах, безлесных, но обильных травами. Две Великие Медведицы, мать и дочь, бродили тогда по небесной степи, пока однажды не обратились в золоторогих оленях и не изгнали Мороз с ледяных равнин, обратив холодную степь в болота, а затем в леса. Сейчас лишь острые рога старейшего из богов заливали небо серебряным светом, а его круглое лицо, мудрое и лукавое, таилось в темноте. Чернели внизу бескрайние леса, сияла белизной долина Десны, алмазами переливался ледяной панцирь священной горы.

Снег ещё не таял, но уже не было жгучего, нещадного холода, не было даже холодного ветерка. Мороз-Чернобог бессилен был удержать в подземном плену свою черноволосую молодую супругу, и торжествующий златоволосый Даждьбог вёл её из тёмных пещер к людям. Всё замерло в ожидании её прихода.

Старейшины Черной земли важно, не спеша сходились к Медвежьей горе. Обледенелый вал, ров и частокол защищали священное городище. Но главной его защитой служили благоговейный страх перед богами и чары жрецов. Поэтому вместо моста ров пересекала напротив ворот широкая насыпь. Тех, кто попытался по ней идти приступом на ворота, понадеявшись лишь на оружие, ждала страшная участь. Из них — скифов, голядинов, сарматов — не возвратился живым ни один.

С внутренней стороны вдоль вала тянулся длинный узкий дом, прозванный Велесовым сараем. В нём не жили — лишь пировали по большим праздникам: на святки, Масленицу и Велик день. В тёплое время праздновали в лесу, у Святого озера. Внутри дома не было ничего, кроме земляных скамей вдоль стен, длинных столов и нескольких очагов. Ворота городка — двойные, крытые высокой крышей — делили дом надвое. Снаружи ворота, называвшиеся Золотыми, были покрыты резьбой и окрашены дорогой бронзовой краской.

По старому обычаю, старейшины венедских сёл шли пировать в правую, южную половину дома, а будинских — в левую, северную. Во многих сёлах, впрочем, будины и венеды жили вперемежку, молодёжь же, выросшая за двадцать лет, вообще предпочитала говорить по-венедски и не очень-то считалась родами. Левую половину называли «пеклом», правую — «раем». Некогда в «раю» сидели южные будины, почитавшие весёлого Рагутиса, в «пекле» — северные, поклонявшиеся мрачному Вельнясу-Чёрту.

Над валом возвышались деревянные фигуры зверей и птиц — медведь, вепрь, лев, змей, ворон, рысь и другие, всего двенадцать. Двенадцатью животными, по числу месяцев, может оборачиваться великий волхв, познавший тайны всех двенадцати богов, владеющих годовым кругом, и немногие из волхвов этого достигают. Над самыми воротами широко раскинул крылья чёрный орёл. На створках Золотых ворот были вырезаны лев и медведь.

Многие из лучших мужей не явились, предчувствуя, что этот полуночный пир добром не кончится. Из остальных немало пришло лишь потому, что не угодить грозному верховному жрецу или непобедимому Солнце-Царю было ещё страшнее. Каркал где-то в лесу ворон, ухал филин, хохотал и свистел леший, и сердца

мужей тревожно сжимались, чувствуя: кончается тихая, хоть и опасная лесная жизнь, и грядёт что-то новое, неизвестное, то ли чёрное, как безлунная ночь, то ли светлое, как блеск Колаксаевой чаши.

Старейшины подошли к насыпи. Распахнулись Золотые ворота. Слева, у медведя, стал Чернобор, справа, у льва, — Костена. Рядом с верховным жрецом появился, небрежно поигрывая темляком, Роксаг. Предстоявшее было для него скорее забавой. Если он не должен завладеть Черной землёй, то всё равно останется царём, одним из самых сильных в Сарматии. Он не какой-то бродяга и искатель царств вроде Ардагаста, а царь и сын царя, рождённый от старшей царицы и воспитанный по-царски. Раз уж боги дали ему такое высокое рождение, значит, не случайно ему во всём везёт.

Доброгост уже ступил на насыпь, и тут вдруг Славята опередил его, резко обернулся и, подняв посох, громко, решительно заговорил:

— Ну что, мужи северянские, не надоело выгадывать, перед кем бы согнуться? Эх вы! Солнце праведное пришло в наши дебри, а вы его — испытывать... Словно без того не знаете, каким богам свет даждьбожий неугоден. И кто испытывать велит? Те, кому в пекле место! Вот что: кто хочет Солнце-Царя, пусть идёт за мной на райскую сторону. А кому любы Чернобор с любимцем этим, что уже на ваших жён и дочерей заглядывается, — идите на сторону пекельную!

Костена, задыхаясь от негодования, двинулась на Славяту с поднятыми кулаками.

— Ты что, волхв, чтобы тут распоряжаться? Ты кого это в пекло посылаешь?

— Я бы тебя и подальше послал, кабы не в святом месте.

Старейшины затаили дыхание — заворожит сейчас непокорного главная ведьма, испортит, оборотит невесть кем! Волхвы светлых богов стали протискиваться вперёд. Но самой первой на пути у Костены с кошачьей быстротой встала Лютица. Она не стала колдовать или пускать в ход свои сильные руки, но одного взгляда жёлтых глаз природной ведьмы хватило, чтобы остановить ведьму учёную.

— Кто у тебя за спиной? Там, на воротах? Лютый зверь солнечный! А я — Лютица! Мне к нему и вести людей. А ты иди вон туда, к мужу своему. И только попробуй тронуть кого — я тебя в клочки изорву, хоть в каком обличье! Поняла, медвежья подстилка?

— Иди сюда, Костена, — раздался спокойный, уверенный голос Чернобора. — Кому в Ирий не терпится, скатертью дорога.

Только вот куда придут-то?

— Ирий — он на небе, для мёртвых. А кто его на земле ищет — как раз в иной мир и попадёт прежде времени, — ехидно произнёс появившийся рядом с верховным жрецом Скирмунт.

— Что ж тогда на земле искать — пекло бесовское? — сурово сказал Славята и первый двинулся к створке со львом, у которой уже встала Лютица.

Доброгост было заколебался, но его уже подталкивали в спину, обходили, и великий старейшина, вздохнув, пошёл к створке с медведем. Он-то знал: к этому давно шло. Едва ли не все лучшие мужи за спиной у чёрных волхвов ругали их за алчность и властолюбие. Он и сам хотел бы избавить Северу от чёрной саранчи, но... так, чтобы ничем не рисковать, особенно самому. А тут... Велес не Даждьбог, неизвестно, по нраву ли будет ночному богу солнечный царь? А выстоит ли росское воинство разом против тёмных чар и роксоланских железных всадников? Это ведь не голядь с топорами да с рогатинами. Не доведи Велес, будет по всей Севере такое, как на Белизне! Вот кабы всё без шума, без боя...

Чернобор, как ни в чём не бывало, сильным голосом затянул священную песню:

Ходи в пекло, ходи в рай,
Ходи в Велесов сарай.
Там и пиво, там и мёд,
Там и Велес наш живёт.

Её подхватили все — шедшие направо и налево. А было их примерно поровну. Не любить бесовых слуг и сарматских находников — ещё не то же, что открыто пойти против них.

Костена, внутренне кипевшая, не подавала виду и лишь старательно запоминала тех, кто шёл в Ирий. Она сразу поняла замысел мужа: одним махом выявить всех своих врагов.

Едва успели лучшие мужи рассесться за столами, как перед насыпью появился небольшой отряд. Впереди шли Ардагаст с Ларишкой, одетые так же празднично, как в памятную рождественскую ночь. Он — во всём красном, в высокой шапке с собольим околышем, при мече и акинаке. Она — в пурпурном платье с золотыми бляшками, синем плаще с рукавами и красном покрывале, с тремя дорогими ожерельями на груди и золотыми браслетами на руках. Царь вёл чёрного барана, царица — белую овечку. В руке у царицы была сума, из которой выглядывала

амфора, платье стягивал поясок, а на нём висел старинный бронзовый жертвенный нож с фигурками двух коней на рукояти. Следом шла вся русальная дружина — в личинах, с мечами и жезлами. С русальцами была и Милана.

Тут же из ворот высыпали и встали перед ними стеной другие ряженые — чёрные волхвы. Лица скрывали хари одна другой страшнее и уродливее. Быки, козлы, медведи, черти, мертвецы — всё как на святки, всё, чтобы запуганный поселянин и сообразить не мог, кто перед ним: сосед-колдун, оборотень или нечистый дух. Но были тут скураты и вовсе невиданные: собака со свиным рылом, уродина с двумя рогами на носу, хищник вроде льва или рыси с огромными клыками, вылезающими из пасти. Привычный ко всему Вышата вздрогнул. Изображения одних из этих тварей он видел на стенах пещерных святилищ, другие являлись из неведомых подземных глубин по зову пещерных волхвов, и лишь пламя колдовского костра не давало им вырваться в мир и опустошить его.

Сам Чернобор стоял в страшной и мерзкой на вид красноносой харе с огромными бычьими рогами: один глаз широко открыт, другой ехидно прищурен. Из-под хари на грудь падала могучая чёрная борода. Костена вырядилась медведицей, Скирмунт — чёрным козлом, Невея — волчицей.

— Неучёные, однако, у вас царь с царицей. И наставить некому, хоть и учился ваш великий волхв, где надо и не надо, — прогудел высокомерный голос верховного жреца из-под рогатой скураты. — Кто же это тёмным богам белую овцу приносит?

— Так у тебя и Велес — тёмный бог? Как не понять: для тех дел, что твоя братия любит, не всякая ночь годится, а только тёмная, без месяца, — насмешливо сказал Ардагаст.

— Чтобы удобнее было молоко красть или в поле заломом делать, пшеницу портить, — добавила Ларишка, за эти месяцы хорошо изучившая повадки венедских колдуний.

— А что это за нож у тебя, царица-жрица недоученная? — продолжал невозмутимо Чернобор. — Велесу молятся не о конях, больше о быках. Он и ездит по небу быками белыми, златорогими. Верхом другие боги носятся — Перун, Даждьбог, Ярила.

— Зато Солнце ездит конями златогривыми, а оно и есть жена Велеса-Месяца, — возразил Вышата. — Да не забыл ли ты, верховный жрец, какой завтра праздник? Два светлых бога, два небесных всадника — Даждьбог и Перун — одолеют Чернобога и выведут Морану на белый свет. А ножу тому шестнадцать веков, и выкован он в сварожьей кузнице на страх всей нечисти.

— Спешишь, Вышата, ой спешишь, — качнула рогами

ехидная красноносая харя. — Праздник только с утра, а до того ещё половина ночи. Не торопись Масленицу провожать, как бы самого раньше не проводили, и не одного.

— С зимою вместе нечисть провожают, а не добрых людей, — тряхнул золотистыми волосами Ардагаст и обернулся к дружине: — Не пора ли, братия-дружина, проводить тех, кто нечистью рядится не для смеха, а для страха чернобожьего?

— Гляди, Чернобор, весна уже на дворе. Пригреет солнце, и растает твоя ледяная крепость, — сказал Вышата.

— Моя крепость — в душах людей, — ответила рогатая личина и зловеще возгласила, подняв двоерогий посох: — Золотые врата открыты. Кто войдёт — голову потеряет, если богам не угодит. Хотите войти, войско? Дайте жертву и двух первых среди вас!

Две верхушки посоха, хитро закрученные, извивались, подобно двум растревоженным змеям.

Ардагаст с Ларишкой первыми миновали насыпь. Навстречу им, решительно раздвинув ряженых, вышла Лютица с хлебом-солью, в маске львицы. Следом, в такой же личине, с миской блинов, появилась Мирослава. Жрица с поклоном вручила хлеб-соль царю, а её ученица принялась оделять блинами русальцев. Вышата достал гусли, ударил по струнам, запел весело:

Как на Масленой неделе
В потолок блины летели!

Дружина подхватила:

Ой, блины мои, блины,
Блины масленые!

— Чтоб вас теми блинами поминали, да не теперь, а на Ярилу, со всеми заложными! — злобно проворчала Костена из-под медвежьей хари.

Чёрные волхвы расступились, пропуская царя с царицей, но следом сомкнулись, выставив мечи и колдовские жезлы. Русальцы возмущённо зашумели, схватились за оружие, но Чернобор громко сказал:

— С дружиной и волхвами идти в святилище уговора не

было.

— Что, в рай не терпится? Все там будете, воины Солнца, если вы и впрямь такие праведные. На земле без вас спокойнее будет, — зловеще произнесла медвежья личина.

— Разве мало одного барана да овцы в жертву? — подхватила волчья личина — Невея. — Про тех, кто сам смерти ищет, говорят: «Чёрту баран».

Ардагаст обернулся к дружине:

— Оставайтесь здесь. Сторожите священный городок снаружи. Чтобы никакая нечистая сила требе[32] не помешала.

Чернобор был доволен: в его сеть следом за царём и царицей росов залетели и лучшие их воины. А Роксаг глядел на Ардагаста и в душе восхищался его отвагой и рассудительностью. Не побоялся идти в твердыню чёрных волхвов навстречу неведомой участи — и при этом избежал стычки у ворот, после которой Чернобор наверняка объявил бы, что безбожный Ардагаст вероломно напал на святыню. Тем более нужно избавиться от такого соперника, даже руками лесных колдунов.

Царь с царицей вошли в Велесов сарай. Следом зашли Чернобор с семейством и Лютица с ученицей, и Золотые ворота закрылись. Роксаг со своими дружинниками, предчувствуя схватку, остался снаружи: не дело мужу пировать, пока другие за стеной будут биться с лучшими воинами росов.

Пламя очагов освещало длинный дом. Обильно накрытые столы и люди за ними были видны хорошо, но стены тонули в полумраке, из которого выступали висевшие на них шкуры и головы зверей, скифские и сарматские доспехи, вышитые полотенца. Сидевшие в «раю» поднялись, дружно приветствуя Солнце-Царя. Сидевшие в «пекле» настороженно молчали. Лишь немногие, успевшие приложиться к чарке, вслух ругали «окаянного и безбожного».

Ардагаст подошёл к очагу, достал из сумы Колаксаеву чашу, наполнил её вином и возгласил:

— Даждьбог и Морана, вы, что ныне возвращаетесь в земной мир на радость людям! Молю вас за всю землю северскую: да будет в ней справедливость, мир и обилие! Да избегнет она войны, чумы, недорода, лживых волхвов и правителей-грабителей!

Золотая струя полилась в пламя, и оно вспыхнуло ещё ярче. Ардагаст заговорил громко, взволнованно:

— Мужи северянские! Был бы я таким, как обо мне злые люди говорят, то прошёл бы огнём и мечом по всей Севере, разграбил бы её и хвалился на юге: разорил-де Чёрную землю проклятую, где люди бесам молятся и сами как бесы, ни чести, ни

верности не знают. Только нигде ещё, от ваших дебрей и до Индии богатой, не находил я племени, недостойного зваться людьми! И вы сами люди, а не бесы. Так почто же терпите над собой тех, кому в пекле место? Думаете, они сейчас надели хари звериные да бесовские? Нет, они их сняли, чтобы показать, каковы внутри! Слабы вы, мужи северянские, если до сих пор их в болото не послали, к богам их... А я силён! — Он гордо вскинул голову. — А значит, моя доля — идти на бой за вас, слабых. Не знаю, кто сейчас выйдет на меня из пещеры под этой горой. Но прежде, чем он сюда войдёт, от вас поклонения требовать, придётся ему одолеть меня, Ардагаста, Зореславова сына, из рода лютичей!

Зореславич с силой толкнул створку внутренних ворот и вышел вместе с Ларишкой. Чёрные волхвы закрыли на засов и внешние, и внутренние ворота и зашептали заклятия. Чернобор вышел на середину дома и заговорил небрежно, насмешливо:

— Ушёл. Сильный, гордый... Вот таких боги и не любят. Особенно наши, лесные. Был когда-то целый народ, такой же гордый да сильный. Шли они вверх по Десне, потом на север — на Волгу, на Клязьму. Большие стада с собой вели. Рубились топорами медными да каменными, чтили Перуна с Даждьбогом. И вот так же не хотели ладить ни с людьми леса, ни с богами его. Нет больше того народа, и имя пропало! Остались каменные топоры, которыми Перуновы жрицы волхвуют, да ножи вроде того, что у царицы на поясе. Дураки-то не переводятся... А кто из пришлых тех поумнее оказался, их потомки и ныне в лесу живут.

Рогатая личина ехидно щурилась одним глазом, голос из-под неё звучал всё увереннее, безжалостнее:

— Он сильный! А мы — мудрые. Кабы не мы, служители тёмных богов, они бы вас давно из леса выжили. Здесь, в дебрях, только тихим и смиренным место. Не знает, кто из пещеры выйдет, а биться лезет. Зато мы знаем. Ведаете ли, кто из богов самый древний, самый мудрый, самый сильный? Не ищите его ни в небе, ни на земле — они не всегда были. Ищите в преисподнем мире. Его никто не создавал. Змей Глубин — вот кто царит там. Он же и Великий Медведь пещерный. Сам Перун его истребить не может. Не чёрный орёл — чёрный змей и чёрный медведь будут на знамени Северы. А волю Змея-Медведя будете узнавать от нас. Много берём? Ещё больше брать будем. Так ведь жизнь дороже стоит.

— Что, некрасив бог? Зато силён. По себе знаю. И ни одна ещё баба на него не жаловалась, — бесстыдно рассмеялась Костена. — А какие могуты от него родятся, то вся Севера знает.

— Да, силён! — загремел голос Чернобора, — а вы, люди,

слабы. Он извечен, а вы в этом мире только гости. Значит, он и есть бог превыше всех богов. А добр он или зол — не вам судить: нет над ним судьи!

— Бога твоего косолапого когда-то люди одним дубьём да камнями из пещер выгоняли, — смело возразила Лютица.

— Перевелись давно такие люди, и могил их никто не ведает! Много ли нынешние храбры стоят без кольчуг, мечей да шеломов? Да без игрушек вроде той золотой чарки? Не больно она поможет против того, кто старше самого Солнца... — Верховный жрец обвёл взглядом собравшихся. — Или есть тут такой могут, что Великого Медведя голыми руками одолеет? Пусть сначала выйдет отсюда. На ворота змеиные чары наложены. Кто коснётся — в муках умрёт.

Собравшиеся подавленно молчали. Обхватив голову руками, молчал и великий старейшина Доброгост. Так вот кому служил верховный жрец! Не Велесу, не Чернобогу даже... Да не всё ли ему равно, чьим именем властвовать?.. «Вы, люди...» Да человек ли он сам? Или просто нагоняет страха, будто невзначай? Вот она, расплата за двадцать лет мира в Черной земле. Мира с нечистью, ведунами и черноконными... Стихии, умным, многознающим Чернобором, любящим поесть и выпить не меньше самого Доброгоста, поладить за чаркой мёда было гораздо легче, чем с гордой, своевольной Лютицей. А теперь хозяевами лесного края будут не Доброгост, не Роксагдаже, а верховный жрец с его зверобогом.

И мира больше не будет. Пепельный огонь придаст любимцу Артимпасы ещё больше дерзости, он примется воевать с Фарзоем, аланами, царскими сарматами. Будут на Дебрянщине сшибаться орды, будут гореть леса и сёла, будет молодёжь погибать в далёких походах или возвращаться буйными разбойниками... А тот хитрый и щедрый на дары гречин будет потирать руки, глядя на бесконечные толпы невольников, пригнанных сарматами в каменные города. Покуда и их камни не почернеют, не оплавятся от пекельного огня... И некому это остановить, кроме того, кого сам Доброгост дал заманить в святилище-ловушку.

Молчали и волхвы светлых богов. Они тоже все эти годы старались ладить с верховным жрецом и его ведунами. Вроде бы всем тихим да осторожным в лесу место было. Тягаться же в колдовстве с учеником Лихослава решалась разве что Лютица.

Молчала и Лютица, положив на стол крепкие руки с чуть сжатыми кулаками. Но то было молчание сильного, быстрого зверя, залёгшего в засаде. Перед мысленным взором жрицы был не длинный дом, не святилище, не лес, а бескрайняя холодная степь и чернеющие в склоне горы отверстия пещер.

Тяжёлые створки внутренних ворот закрылись за Ардагастом и Ларишкой. Впереди был частокол, отгораживавший святилище, а в нём — ещё одни ворота. Их створки гостеприимно распахнули двое волхвов в чёрных плащах и белых личинах в виде черепов. Такие же черепа были вырезаны на навершиях их жезлов.

— Говорят, кто мертвецом рядится и после не очистится, того мертвецы к себе заберут. Успеете ли в баню сходить или в прорубь окунуться, слуги чернобожьи? — весело подмигнул колдунам царь и вместе с царицей прошёл в святилище. Ряженые тут же закрыли за ними ворота на засов и принялись бормотать заклятия, ухмыляясь под скалившимися белыми зубами личинами.

Двенадцать идолов стояли лицом на восток, спиной к входящим. Многие имели звериные головы, и можно было лишь догадываться, что это за боги. С орлиной наверняка Перун-Перкунас. А со львиной, похоже, Даждьбог-Солнце. Два самых больших идола посредине изображали бога и богиню с медвежьими головами. У обоих на шеях — замысловатые бронзовые гривны. Перед богиней стоял большой глиняный сосуд с горловиной в виде медвежьей головы. На снегу чернело два кострища. На одном готовили угощения для пиров, на другом приносили жертвы.

Ларишка окинула взглядом тёмные чаши, белую гладь реки, такой же белый глаз Святого озера. Всё было безмолвно и недвижно, и надо всем — щедрый серебряный свет Велеса-Месяца и его звёздных стад.

— Красиво как! И жутко. Это и есть царство Мороза-Чернобога?

— Нет, — покачал головой Ардагаст. — Оно под землёй или в дебрях — там, где света вовсе нет. Какая уж там красота!.. Да, хорошо здесь. А ещё лучше будет, когда всё это растает, и придёт Ярила, и покроет всё зеленью. Ты ещё не видела нашей весны. Вот красота-то!

Он подошёл к жертвенному кострищу, где уже были сложены дрова, развёл огонь и улыбнулся жене:

— Ну что, поедим медвежатины? Или...

— Или змеиного мяса, как ханьцы! — со смехом подхватила тохарка. — Смотря в каком обличье эти нам явятся. Главное, чтобы они нас самих на праздник не съели!

— Не съедят! Зубы сломают. — Ардагаст расправил одежду. В лунном свете блеснула чешуя панциря, надетого под кафтан.

Ларишка сняла покрывало, плащ, платье и осталась в кольчуге, шароварах и красных сапожках с золотыми бляшками. Потом спрятала одежду в сумку и достала оттуда пояс с махайрой

и акинаком и два остроконечных шлема.

Ардагаст надел шлем:

— Ну вот, теперь можно и Масленицу праздновать в этой колдовской берлоге... А веселее всего будет, если и впрямь придут к нам Велес с Ладой, выпьют боспорского вина, закусят бараниной и уйдут Морану встречать.

— Чернобор тогда от злости лопнет! — расхохоталась Ларишка.

Любуясь стройной фигурой жены, на которой удивительно ладно сидела кольчуга, Ардагаст пожалел, что привёл Ларишку в эту западню.

— Слушай, может быть, спустишься сейчас с горы да проберёшься к русальцам или к засаде?

— Ну, знаешь! В одиночку двух медведей одолеть — такого и венеды не могут.

— Вот и отплатите за меня, если что...

— Конечно, отплатим! Разнесём всё это Ахриманово гнездо, ни один колдун, ни одна ведьма живыми не уйдут. Только тебя тогда даже Вышата не воскресит. — В её раскосых глазах блеснули слёзы. — Слышишь, с меня хватит и той ночи, когда ты через волчий лес и упырячье болото пробирался, а я... праздновала!

Ардагаст положил ей руки на плечи:

— Видишь, нам одно остаётся: победить, кто бы из той дыры ни вылез. И победим! Выйдем из этого царства чернобожьего к свету, к весне!

— Да! Как Морана с Даждьбогом.

Жертвенный костёр ярко разгорелся. Ларишка наполнила вином Колаксаеву чашу и сосуд с медвежьей головой. Ардагаст громко произнёс, обращаясь к двум медвежьеголовым идолам:

— Велес с Велой, Хозяева Леса! Шли мы через ваши владения дремучими лесами, гиблыми топями, выгоняли из них нечистую силу. Если не погрешили пред вами и перед Огненной Правдой, примите нашу жертву!

Вино полилось в пламя костра. Древним бронзовым ножом царь зарезал барана, а царица — овцу, и обе туши были брошены в костёр целиком. Проследив взглядом за дымом, поднимавшимся к небу, Ардагаст увидел среди звёзд Белого Всадника, приветственно поднявшего руку.

Зореславич поднял руку в ответ:

— Здравствуй, светлый боже! Хочешь увидеть, как смертные сражаются? Или эти звери и тебе не по силам? Что ж, мы, воины Солнца, вас, светлых богов, не посрамим.

В углу возле стены стояло в лодке на санях чучело Мораны-

Масленицы — соломенное, в белой рубахе, понёве из рогожи, дырявом красном плаще, с длинными чёрными волосами. Лицо чучела было белое, как у покойника, зубастое. Страшное, уродливое — и всё равно смешное: зубы скалятся, а рот до ушей. Ларишка простёрла руки к соломенной богине:

— Морана-Анахита-Артимпаса! В эту ночь ты идёшь к людям из подземного мира. Помоги же нам победить тех, кто из этого мира выходить не должен. Помоги нам, несущая смерть и жизнь!

Они не слышали, как в Велесовом сарае жрец в рогатой скурате воззвал: «Проснитесь, Великие Медведи! Охотники пришли к вашей берлоге. Те, кто в святилище, — ваша добыча». И не видели, как на склоне горы появилась широкая проталина от частокола наверху до подножия, как внизу просела земля, открывая вход в пещеру. Они лишь услышали, как кто-то тяжело карабкается вверх по склону.

Вот над частоколом появились две огромные лобастые медвежьи головы. Две пары когтистых лап ухватились за брёвна, с треском выворачивая их из мёрзлой земли. В широкую брешь неуклюже пролезли два громадных, раза в полтора больше обычных, чёрных медведя. Большие тяжёлые головы зверей были низко опущены. Из-за более крупных передних лап в холке медведи были выше, чем в крестце. Глыбы мышц перекатывались под мохнатыми чёрными шкурами. И всё же звери, привыкшие, что все им уступают, не казались воинственными, хотя и не чувствовалось в них добродушия обычного бурого медведя.

Быть может, это всё-таки Велес и Вела? Но стоило Ардагасту шагнуть вперёд с Колаксаевой чашей в руке, как оба медведя поднялись на дыбы. Две пасти раскрылись, обнажая мощные зубы, и громовой рёв огласил городок.

В Велесовом сарае многие, услышав рёв, вскочили из-за столов, некоторые схватились за оружие.

— Мужи северянские, что ж вы? Там Солнце-Царя нашего медведям скормить хотят! — воскликнул Славята.

И в «раю», и в «пекле» сверкнули мечи и акинаки, поднялись тяжёлые посохи. Люди, громко ругаясь, двинулись с двух сторон на середину дома. Но верховный жрец взмахнул двоерогим посохом, и дорогу мужам преградили чёрные волхвы, выставившие перед собой жезлы с навершиями-черепами, окружёнными мертвенным белым сиянием. Эти жезлы мало кто видел в деле — волхвы зря в драку не лезли, — но все знали: даже лёгкий удар ими мог обездвижить руку или ногу, лишить сознания, а то и убить. Из-под рогатой хари раздался полный издёвки голос верховного жреца:

— Лишнего хлебнуть успели, мужи северянские? В Велесовом сарае не сражаются. Или с богами биться собрались? Так вы не боги и не избранники богов. А царь этот сколотный, может, избран как раз… богам на корм. — Он с силой ударил посохом в пол. — Садись все! Здесь только пьют, гуляют и молятся. Так что ешьте, пейте, гости дорогие, и молитесь, кому знаете. Только сами думайте, кто вам откликнется. Зверобоги в мир вернулись!

Ещё ехиднее наставляла людей чёрная козлиная харя:

— Молитесь, кайтесь, люди добрые! Вспоминайте, кто чем грешен перед лесными богами. Они смиренных любят, послушных, а не гордых да заносчивых. Как грехи замолить, что пожертвовать — мы, мудрые волхвы, вас научим.

— Остановитесь, северяне! Не лейте братской крови! — воздел посох Доброгост. — Пусть боги за нас всё решат. Куда уж нам, малым да слабым…

И сникли даже самые решительные, спрятали оружие, вернулись за столы. Вполголоса молиться светлым богам — вот и всё, на что они отважились. Более храбрые их сородичи остались лежать под Экзампеем. В «пекле» пьяными голосами затянули песню во славу бога-медведя. А за стеной уже раздавался не только звериный рёв, но и раскаты грома: то ли первая гроза бушевала, то ли и впрямь боги сошлись в битве.

Когда медведи двинулись на Зореславича с Ларишкой, Ардагаст спокойно взял в правую руку меч, а в левую — чашу, в которой уже вспыхнуло золотое пламя, и направил чашу на медведя. Ларишка же попросту швырнула в медведицу факелом и следом выхватила кривой меч и акинак. Но факел погас, словно попал в тёмную грозовую тучу, а не в густой мех. У медведя же шерсть только задымилась. Не простые звери выбрались из преисподнего мира…

Не привыкшие к отпору звери поначалу только ревели, отмахивались лапами и пятились, пока не отошли к пролому. Ардагаст даже крикнул им: «А ну, пошли вон!» И тут вдруг пасть медведя озарилась синим светом, и из неё с грохотом ударила молния. Ударила, но не достигла цели. Золотой свет, бивший из чаши, внезапно превратился в сияющую, почти прозрачную завесу, и молния лишь разлилась по ней синим потоком, будто дождь по слюдяному окошку. Медведица ударила молнией в тохарку, но золотистая преграда стала только шире. Звери стали обходить царя и царицу с боков. Тогда те стали спиной к спине. Золотистый купол теперь покрывал их со всех сторон, и синий огонь тщетно разливался по нему.

Ардагаст рассчитывал, что звери в конце концов вымотаются

и отступят. Но Ларишка, которой быстро надоело отсиживаться под золотой завесой, да ещё среди оглушительного грохота, метнула акинак в грудь медведице. Клинок из индийской стали вошёл в тело чудовища по рукоять. Заревев ещё страшнее, медведица зашаталась и упала. Тохарка, издав сарматский клич «Мара!», выскочила за пределы золотого купола, взмахнула мечом… Но махайра лишь скользнула по густому меху внезапно поднявшейся медведицы, а в следующий миг Ларишка едва увернулась от ударившей в неё молнии. Акинак, похоже, не задел сердца. Теперь царице осталось рассчитывать лишь на собственную быстроту. Она прыгала вокруг разъярённой и удивительно живучей медведицы, избегая молний и пытаясь достать зверя махайрой.

Ардагаст только скрипел зубами, не в силах помочь жене. Он продолжал сдерживать медведя, ещё яростнее сыпавшего молниями. Попробовать достать зверя мечом? Но что будет, если в клинок, высунувшийся за золотую преграду, ударит молния? А сколько могут глаза и уши выдерживать это грозовое буйство? Они с Ларишкой ведь не Громовичи из небесной дружины Перуна… Взгляд Зореславича внезапно упал на львиноголового идола, и из груди сам собой вырвался крик:

— Великий Лют! Я, лютич, зову тебя!

Но не древний зверь, а люди, сохранившие древнее знание, услышали его зов.

В это время русальная дружина билась на насыпи с ведунами и роксоланами. Снова, как в Милограде, мечи звенели о мечи, жезлы с травами в навершиях скрещивались с жезлами, увенчанными черепами. Внезапно со стороны леса раздался шум: рычание, вой, хрюканье, рёв, треск ветвей. Из чащи появились десятки зверей: медведи, волки, росомахи, вепри, туры, зубры, олени. Все они воинственно ревели, трубили, мычали, готовые смести всё и всех на своём пути. Позади шагали двое косматых остроголовых великанов, подгоняя зверей древесными стволами. Но даже лешие не смогли бы разом вселить во всех зверей в своём лесу боевую ярость, если бы не чары колдунов, собравшихся на Медвежьей горе. Только львов не было в этом зверином войске. На могучих и бесстрашных зверях, посвящённых Ладе и Даждьбогу, чёрные колдуны не рисковали пробовать своё искусство.

Увидев звериную рать, выходящую из леса, Вишвамитра сразу вспомнил, как под стенами Таксилы жрецы Шивы пустили в ход оружие пашупата — полчища зверей и демонов, подвластные Шиве Пашупати, Владыке Зверей. Вспомнил и сразу понял замысел Чернобора. Сначала уничтожить русальную дружину, с

которой не смогли справиться даже опытные бойцы, защищавшие насыпь. Потом обрушить звериную рать на стан росов. Пусть животные гибнут — лишь бы посеяли беспорядок, панику, а главное — страх перед лесом и его хозяевами.

И кшатрий велел дружине идти вниз, к южному подножию горы, подальше от крепостного рва, куда собирались загнать русальцев с помощью зверей ведуны. Противники не стали преследовать русальцев: зачем зря рисковать, подворачиваться под рога и клыки разъярённых зверей? Русальцы решили бежать? Поздно, от зверья не уйдут! Индиец надеялся на волчью засаду. Он не знал, что заклинания Чернобора уже открыли врата в нижний мир и к выходу из пещеры спешат могучие звери, самый вид и имена которых люди давно забыли.

Но об этом знал Вышата. Духовным зрением он видел всё происходящее на вершине и в недрах Медвежьей горы. Отдав свой жезл и оружие Милане, он один остался перед рвом. Сосредоточился, перекувыркнулся через голову и встал зверем, которого не видели даже ведуны, кроме как в самых тайных колдовских видениях: львом раза в полтора больше и сильнее обычного, с серовато-жёлтой, как песок, шерстью, очень густой, но почти без гривы и без кисточки на хвосте. Громовой рёв раскатился, заглушая грохот и рёв, доносившиеся из городка.

Робость охватила сердца колдунов. Попятилось, готовое бежать, зверье, уже вышедшее из леса. Обернулся назад Вишвамитра. Короткой гривой и тёмными полосами на боках зверь напомнил ему виденных в Индии тигрольвов. Эти звери-помеси сочетали силу и свирепость обоих грозных хищников, но такой величины не достигал ни один из них. Кшатрий приветственно помахал мечом и жезлом, крикнул: «Харе Кришна!» — и побежал вместе с русальцами вниз, увлекая за собой зверей.

Сердце царя роксоланов загорелось охотничьим азартом. Воззвав к Хозяину Зверей, Роксаг с мечом и акинаком устремился к великому Льву. Но тот вихрем пронёсся мимо него, расшвырял всех на своём пути и одним прыжком оказался на крыше Велесова сарая, а следующим — перемахнул через ограду святилища.

Услышав страшный рёв теперь и с другой стороны, старейшины в длинном доме перепугались вконец. В довершение вместо двух жриц Лады перед ними предстали две львицы: одна — огромная матерая, серовато-жёлтая, другая — помельче, молодая, обычной тёмно-жёлтой масти. Хищницы с рычанием двинулись по столу, расшвыривая и давя лапами горшки и миски. Чернобор, выставив посох, забормотал заклятия. Но Великая Львица усмехнулась, ощерив углы пасти, и вдруг серой молнией

метнулась вверх, проломила крышу и выбралась наружу. За ней последовала молодая львица. Оторопелым мужикам осталось лишь сидеть, дрожа и поминая всех богов, тёмных и светлых, лишь бы защитили, не дали погибнуть Черной земле и её достойным мужам.

Увидев на крыше длинного дома серо-жёлтого зверя и учуяв его запах, Великое Медведи взревели ещё яростнее. Они узнали того, кто единственный, не считая людей, не боялся сражаться с ними во мраке пещер. И он тоже узнал их. Оборачиваясь зверем, Вышата обретал не только его тело, но и врождённые навыки и память многих поколений, хотя и не давал никогда зверю полностью овладеть собой. Вот и сейчас в его душе воедино слились ненависть к другому пещерному хищнику и тревога — не только за Ардагаста, но и за северян, которых ждало рабство у зверобогов и их черноодёжных служителей.

Золотистое сияние окружило солнечного зверя. Из медвежьей пасти ударила молния, но вмиг рассыпалась мелкими искрами, столкнувшись с этим сиянием. Словно камень из пращи, Великий Лев перелетел через ограду и с неодолимой силой на лету обрушился на своего лохматого врага, повалил его в снег. Клыки льва вцепились в горло медведя, когти — в его грудь. Но могучие медвежьи лапы тисками охватили бока льва, страшные когти рвали шкуру.

Ардагаст, избавившись от противника, тут же бросился на помощь жене. Та, уклонившись от очередной молнии, полоснула махайрой медведицу по брюху. Кривой меч, не рубивший, а резавший, достал до печени. Медведица, и без того потерявшая много крови, рухнула на тохарку, перед этим ударом лапы выбив у неё из руки меч. Подоспевший Ардагаст двумя ударами меча добил чудовище и с трудом приподнял мохнатую тушу. Ларишка, пошатываясь, встала. В руке у неё был окровавленный бронзовый нож. На брюхе медведицы дымилась и чернела ещё одна рана, словно нанесённая раскалённой сталью. Золотистое сияние окружало одного бронзового коня на рукояти, синее — другого.

— Сила Солнца и Грома... Даждьбог и Перун с нами — значит, и не таких тварей одолеем! — весело воскликнул Зореславич.

За его спиной вдруг раздался голос: сильный, рокочущий, словно бы нечеловеческий, и в то же время странно знакомый:

— Что же ты воспитателя своего бросил, избранник богов? Твоя царица и без тебя с медведицей управилась.

Царь обернулся. Над бездыханным медведем стояли лев-Вышата и львица — такая же громадная и серовато-жёлтая. Горло, грудь, брюхо медведя были растерзаны, череп проломлен.

На боках льва тёмные полосы чередовались с кроваво-красными, словно на шкуре тигра. Львица заботливо зализывала раны льва. Ардагаст пристыженно опустил голову.

— Да я не в обиде, — произнёс лев таким же рокочущим голосом, в котором, однако, не трудно было признать голос Вышаты. — Зверь и то первым делом самку и детёнышей защищает.

— Бывает и наоборот, — проворчала львица. — Кабы я не подоспела и не дала медведю этому, бурмилиному батьке, по голове лапой... Хоть я и не твоя самка, — толкнула она головой под бок Вышату-льва.

— Разве? А я-то старался, учился Великим Лютом оборачиваться. К тебе теперь иначе и не подступишься. — Львиная морда улыбалась, как у зверей на дверях почепского храма.

— Где же Мирослава? Неужели в Велесовом сарае осталась и дерётся с кодлом Черноборовым? — озабоченно произнесла Лютица.

Львица-Мирослава хотела прыгнуть вслед за наставницей в святилище, но сорвалась со стены длинного дома и оказалась между ним и оградой. На неё тут же набросились двое ведунов со своими черепоносными жезлами. Она бегала, с кошачьей ловкостью уворачиваясь от них, пока ударом лапы не сорвала одному из колдунов с головы волосы вместе с кожей.

Но второй в этот миг ударил её жезлом по крестцу, и задние лапы перестали двигаться. Она притворилась потерявшей сознание и, когда волхв занёс жезл над её головой, внезапным ударом лапы выбила у него колдовское оружие из руки, а потом вцепилась в противника зубами и когтями.

Покончив с ним, юная волхвиня не стала звать на помощь. Ей хотелось доказать себе и наставнице свою чародейскую силу, и она принялась сама исцелять себя, а потом взялась снимать чары с ворот святилища. То и другое ей удалось, но далеко не сразу. А тем временем в святилище бой разгорелся ещё больше.

В проломе вдруг появились два вовсе уж невиданных зверя: тёмно-рыжие кошки со льва величиной, но без грив, с куцыми хвостами и огромными, в пол-локтя длиной, верхними клыками. Следом пролезли две мерзко пахнущие полосатые твари с собачьими головами и свиными рылами. Ардагаст тут же признал в них гиен, хорошо знакомых ему по Бактрии. Но эти гиены были раза в два больше тамошних.

Зореславичу пришлось видеть, как гиены разорвали старого и израненного тигра. Поэтому, когда обе стервятницы направились ко льву-Вышате, Ардагаст преградил им путь с мечом и чашей в

руках. Одна тварь, рыло которой обожгло пламя Огненной Чаши, отскочила с истошным визгом и бросилась бежать. У самой бреши её настигла тяжёлая лапа льва, разом перебившая стервятнице хребет.

Вторая гиена бросилась на Ардагаста. Зная страшную силу зубов гиены, дробящих любые кости, царь ударил мечом прямо в раскрытую пасть. Клыки сомкнулись на лезвии, сильные передние лапы ударили Зореславича в грудь, и он упал. Чаша отлетела в сторону. Прижатого лапами твари к земле царя хранил от её когтей только чешуйчатый панцирь. Тогда царь выхватил акинак и вонзил его стервятнице в грудь, одновременно потянув на себя меч. Даже боль не могла заставить гиену разжать челюсти, и в результате её тело оказалось насаженным на акинак, вошедший в него по рукоять. Когда гиена осела смердящим трупом, Ардагаст выбрался из-под него и с трудом высвободил меч из пасти. На индийской стали отпечатались следы зубов.

Одна из клыкастых кошек с ходу бросилась на Ларишку. Царица, в этот миг наклонившаяся, чтобы достать акинак из тела медведицы, едва успела выхватить махайру, но не нанести удар. Тёмно-рыжий хищник молнией обрушился на неё, повалил на медвежью тушу. Длинные, изогнутые, как махайры, клыки впились ей в грудь. Эти костяные клинки, способные прокусить кожу слона или носорога, прорвали индийскую кольчугу, кожаную рубашку и вонзились в тело. Острые когти до тела не достали, но и под ними кольчуга затрещала.

Горящие жёлтые глаза зверя глядели прямо в глаза царицы, поднимая со дна души дикий страх. Сейчас клыки достанут до сердца — и всё... «Хотела медвежатины, убила медведицу, а теперь сама станешь пищей. Вкусная у тебя кровь!» — словно говорили эти глаза. С губ тохарки сам собой сорвался клич: «Мара!» — и это значило: «Нет, умрёшь ты!» Ларишка с силой вонзила меч между рёбер зверя и сразу достала до сердца.

Тем временем Лютица дралась со вторым клыкастым зверем-самкой. Две громадные разъярённые кошки носились по святилищу, рыча, визжа и пытаясь достать друг друга когтистыми лапами. Клыкастая хищница задела лапой чучело Масленицы так, что оно покачнулось и вдруг... обратилось молодой женщиной в шароварах, красном плаще и белой рубахе, с бледным лицом и распущенными чёрными волосами.

— Ах ты, кошка бесхвостая! На меня лапу поднимать, да ещё в мой день? Пошла вон! — В руке женщины блеснул меч.

Клыкастая кошка вся сжалась, злобно зашипела, явно растерянная. Лютица тут же бросилась на неё, повалила наземь, вцепилась когтями и клыками и рвала, пока та не перестала

двигаться. Тогда львица-колдунья поднялась и, воздев передние лапы, рычанием приветствовала богиню. То же самое сделал и лев-Вышата.

Ардагаст в это время помогал Ларишке выбраться из-под убитого ею зверя и снять кольчугу. Кожаная рубашка была вся в крови, как и шерстяная под ней. Обнажившись по пояс, тохарка хотела заняться перевязкой. И тут к ним подошла темноволосая женщина и положила руку на грудь Ларишке. Сердце Ардагаста дрогнуло, когда он понял, что перед ним богиня, и какая именно. Но Ларишка доверчиво и бесстрашно глядела в лицо пришелицы. Рука Мораны была холодна как лёд, но раны на груди тохарки тут же затянулись.

— Видите, я не только убивать умею! — улыбнулась богиня.

Лютица тем временем снова занялась ранами Вышаты, совсем ослабевшего после схватки с гиеной.

А на заснеженном поле у южного подножия горы шло побоище. Звериные полчища смели бы горстку русальцев, не приди их дружине на помощь полсотни волков — зверей и оборотней. Над полем стоял непрестанный рёв, визг, вой. Животные, подгоняемые чарами стоявших наверху ведунов и дубинами леших, дорого отдавали жизнь. Словно дух смерти по полю носился Седой Волк. Быстрый и опытный, он безошибочно решал, какого зверя зарезать самому, а на какого броситься с десятком или двумя серых бойцов.

Шишок, пробравшись к опушке леса, встал там в полный рост, выворотил дубок и заорал во всё лешачье горло:

— Рыжая Борода! Козлорог! Кому служите, сукины дети? Свою хоть скотину переводите или в кости выигранную, мошенники?

Рыжебородый леший взревел и двинулся на Шишка, потрясая сосновым стволом. Два ствола скрестились в воздухе, и пошёл треск и грохот на весь лес и всё поле.

Спокойствие среди побоища сохраняла только Милана. Сигвульф и трое волков не давали к ней приблизиться ни одному зверю, и природная ведьма пыталась рассеять чары ведунов, но ей удавалось лишь ослабить их. Всё же звери, понемногу освобождаясь от чар, начали разбегаться с поля боя.

Роксаг стоял наверху и наблюдал за боем, словно за травлей зверей в амфитеатре. В душе он был бы рад сразиться сейчас на стороне русальцев: где ещё встретишь такую охоту и таких храбрецов? Эх, переманить бы их к себе! Но в том-то и дело, что этих воинов Солнца ничем не соблазнишь и не переманишь. Значит, нужно уничтожить их вместе с их царём. Иначе ему, Роксагу, хозяином леса и степи не быть. Поэтому он и связался с

Чернобором и караулил теперь ворота его колдовского логова, которое с большим удовольствием разграбил бы и сжёг.

Внезапно из-за горы донёсся тяжёлый топот. Обойдя гору с востока, на поле боя появились четверо животных: двое громадных чёрных зубров с прямыми, как у туров, рогами и двое чудовищ, каких и спьяну не увидишь — чёрных, мохнатых, с двумя рогами на носу. Одному лишь Вишвамитре эти чудища напомнили индийских носорогов, но ведь те были с одним рогом и вовсе без шерсти...

Грозно ревя, четыре зверя мчались, чёрные, как подземная тьма, из которой они вышли, и сбивали с ног, топтали, расшвыривали рогами всех, кто оказывался на их пути, не разбирая своих и чужих. Даже великаны лешие испугались и бросились в чащу.

Испугались, впрочем, лишь двое — рыжебородый и козлорогий. Шишок, недавно ещё более робкий, в походе уже навидался такого, что не стал бежать, а просто остался возле деревьев, ожидая, когда одно из чудищ окажется вблизи. В поле он не лез только потому, что там утратил бы свой исполинский рост.

Неожиданно вслед за чудовищами из-за горы выбежал ещё один зверь, такой же огромный, но дивной красоты: олень с золотыми сияющими рогами. Между концами этих рогов было не меньше шести локтей. На олене восседала девушка в белом полушубке, с луком и колчаном за плечами. Светлые волосы развевались на скаку, переливаясь в лунном свете. За оленем бежали три могучих белых пса.

— Воины царя Ардагаста! Вы самые храбрые в лесу — вот дичь, достойная вас! А я поохочусь на других зверей! — звонко крикнула она.

— Девана! Девана! — восторженно вскричали русальцы.

Услышав такую похвалу из уст богини охоты, каждый из них почувствовал себя великим охотником тех времён, когда по земле ещё бродили звери, вышедшие ныне из подземного мира.

Особенный восторг охватил Хилиарха. Он почитал Артемиду ещё в отрочестве, когда бродил с луком и ловчими сетями по лесам Аркадии. Потом, в больших городах, он уже не молился ей: там мог помочь только Гермес, бог корысти и обмана. Лишь в венедских лесах, где жизнь зависела не от серебра, а от меткой стрелы, он снова обрёл её, простую и чистую богиню лесовиков.

Увидев рядом чёрного зубра с туриными рогами, грек прыгнул ему на спину и ухватился руками за шерсть на горбу. Зверь заскакал, завертелся, пытаясь сбросить непрошеного седока. Брыкаясь и мотая огромной головой, зубр побежал как раз

туда, где стояла погружённая в колдовской поединок Милана. Сигвульф бросился наперерез чёрному быку, схватил его могучими руками за рога и стал гнуть голову к земле. Сердце германца билось часто и тяжело, нагоняя кровь в стальные мускулы. Звериная мощь — против человеческой, животная ярость — против железной воли воителя. Что победит? Победила третья сила — отважный и хитрый человеческий ум, не любящий лишних усилий. Неожиданно для себя гот, не сразу заметивший юркого грека на спине зубра, увидел, как эллин мясницким ударом всаживает клинок в загривок зверю. Лицо Хилиарха сияло радостной улыбкой, словно он воплотился в самого Митру, закалывающего Чёрного Быка. Сигвульф рывком повалил умирающего зверя на бок, бесцеремонно стряхнув при этом грека в истоптанный и окровавленный снег.

— Ты что перехватываешь чужую добычу, гречишка? Думаешь, я держал это исчадие преисподней нарочно, чтобы тебе было удобнее его зарезать?

— Это ты перехватил мою добычу, варвар! Я оседлал этого сородича Минотавра и критского быка и ждал, пока он утомится. А тебе захотелось похвастать перед Миланой своими варварскими мышцами!

— Не ссорьтесь, — вмешалась Милана. — Зубрятину оба любите? Я её вам и приготовлю на праздник.

Шкура пригодится нам с Сигвульфом. А рога, Хилиарх, возьми себе. Хорошо?

Оба воителя покорно склонили головы. Милана только что угостила ведунов заклятием, после которого они долго приходили в себя, и рада была передохнуть.

На второго зубра-великана разом набросились два десятка волков во главе с Волхом. Зубр, однако, сумел стряхнуть с себя Седого Волка так, что тот отлетел к ледяному склону горы и ударился головой о лёд. Рога чёрного зверя пронзили бы его, не появись тут дрегович Всеслав с кушаном Хоршедом. Они сейчас не изображали вдвоём коня, но сражались в конских масках. Всеслав отвлёк внимание зубра, а кушан в это время всадил меч под лопатку зверя. Князь-оборотень встал, потёр лапой голову и сказал человеческим голосом:

— Шкура ваша, отроки! Только меньше хвалитесь, что вам волколаки охотничьими псами служили.

Вишвамитра, вспомнив повадки индийских носорогов, встал на пути их волосатого сородича и принялся дразнить его, бросая снежки. Носорог со злобным рёвом помчался на него. Когда между ними оставался десяток шагов, индиец быстро отскочил. Подслеповатое чудовище пронеслось мимо него, и в этот миг

двуручный меч кшатрия врубился в шею носорога, рассёк толстую шкуру и достиг сонной артерии. Чтобы не сломать клинка, индиец выпустил его из рук. Чудовище понеслось дальше с торчащим в шее мечом, но вскоре рухнуло в снег и умерло, так и не поняв, куда же это делся в последний миг дерзкий человечек с серой полосой в руке, не похожей ни на топор, ни на дубину, ни на копьё с острым кремнёвым наконечником.

Второй носорог оказался близко от опушки леса. Сагсар, подозвав своего сына Неждана и двух русальцев-сарматов, в нескольких словах пояснил им свой замысел. Сарматы растянули аркан на земле перед носорогом и, как только тот переступил его, быстро поменялись местами, захлестнув задние ноги зверя. Тут же Сагсар и Нежданодновременно набросили свои арканы ему на рог. Косматое чудовище забилось, оглушительно ревя, но крепкие полосы сыромятной кожи надёжно держали его. Нежданс отцом принялись вязать арканы к деревьям. Заметив приближавшегося лешака с дубком, Сагсар крикнул:

— Спасибо, Шишок, мы и сами управимся!

Закрепив арканы, Сагсар с сыном стали подбираться к зверю с мечами. И тут не выдержало одно из деревьев, оказавшееся слишком сухим или трухлявым. Носорог рванулся ещё сильнее и вывороти с корнем второе дерево. Подбежавшего Сагсара он подбросил рогом в воздух, и только панцирь спас сармата от того, чтобы оказаться насаженным на рог. Нежданвонзил меч в шею чудовищу, но оно продолжало бушевать, а он не смог даже вытащить оружие. Два. сармата из последних сил удерживали задние ноги зверя. Серячок вертелся под ногами у носорога, рычал, лаял, пытался укусить и только ещё больше злил чудовище. Шишок, глядя на всё это, усмехнулся и с силой опустил дубок на голову зверю. Чёрная громада рухнула бездыханной в снег, а лешак поставил на неё ногу и огласил лес и поле торжествующим рёвом и хохотом, а потом важно произнёс:

— Ну вот, а говорили — сами управимся! Спасибо, ребята, что подержали зверя немного. Ох и шуба мне из него выйдет!

— У него кожа слишком толстая, индиец про таких рассказывал, — сообщил Сагсар, потирая ушибленные места.

— Так берите её себе на панцири, я не жадный! — Леший пощупал чёрную шерсть и со вздохом сказал: — А у меня лешиха чего только из шерсти не вязала...

Он резко повернулся и двинулся в лес, решив разобраться с двумя своими сородичами. Те, оказывается, далеко не уходили. Укрывшись под защитой леса, они продолжали гнать зверье в бой криками и ударами дубин. Шишок подобрался к рыжебородому и так отделал дубком, что бессовестный лесной хозяин еле ноги унёс, уменьшившись до обычного роста и проскользнув в глубокий овраг. Козлорогий тоже быстро убавился в росте, вскочил на медведя и поскакал в глубь леса. Но далеко не ушёл. Шишок с помощью Серячка быстро настиг их и, сам оставаясь в полном росте, одной рукой сграбастал за шкирку лешего, а другой — медведя и поднял их в воздух прямо над колючим кустарником.

— Как смели, волчья сыть, на нас, воинов Солнце-Царя, переть? Разве мы в вашем лесу что плохого сделали? Вишь, из берлоги не поленился раньше времени вылезти для скверного дела!

Вместо медведя в его руке вдруг оказался бородатый плюгавенький старичок в два вершка ростом.

— Да не медведь я, а боровик!

— А коли боровик, почему не в бору, а на поле ратном? Ишь, берсерк готский нашёлся!

— Так разве я сам? Мне Козлорог велел, хозяин мой лесной.

Боровичок с визгом полетел в колючие кусты.

— Беги в свой бор да медведем не прикидывайся, а то у нас медвежатников — целое войско! А тебе, козлиная твоя душа, тоже велели? И кто вообще, кроме Велеса, может лешему в лесу что-то велеть?

— Чернобор. Ослушайся я, он бы и мой лес сжёг, как твой.

Прежде Шишок посочувствовал бы запуганному сородичу, но теперь не на шутку разъярился.

— Значит, гори хоть весь мир, лишь бы твой лес уцелел? И ты, прощелыга, в нём? Да какой леший вот так скотину лесную на верную гибель погонит?

— Шишок, мы же с тобой соседи... — заскулил козлорогий.

— Соседи! Сколько ты у меня зверья обманом выиграл? Я всё знаю: ты с Лаумой гуляешь, она тебя и выучила с костями глаза отводить.

— Шишок, смилуйся ради Велеса, отпусти!

— Ради Велеса я б тебя об это дерево расшиб! Нашкодил — и убегать? А ну, иди назад, уводи зверей с поля!

Звери, впрочем, и сами норовили убраться подальше от битвы, особенно после появления Деваны. Она на своём чудо-олене носилась по полю и без промаха разила стрелами самых крупных и сильных зверей. Три пса хватали всякого зверя, пытавшегося напасть на оленя и его всадницу. В схватки людей с подземными чудовищами она вроде бы и не вмешивалась, но стрелы её словно невзначай настигали тех зверей, что норовили броситься на людей сзади. И страх перед богиней-охотницей для многих животных оказался сильнее, чем незримый поток чар, лившийся с Медвежьей горы.

А на горе Роксаг скрипел зубами от досады. Какие звери! Богам впору охотиться на таких! Особенно этот олень. Говорят, такие водились в степях. Скифы на них ещё охотились, а сарматы уже не застали. Не будь тут Деваны, царь роксоланов махнул бы рукой на всё и бросился добывать чудо-зверя. Но поднять руку на богиню не решался даже никого и ничего не уважавший Роксаг.

Не решался на такое и Чернобор. Духовным зрением он видел всё происходившее в святилище и у подножия горы. Сейчас решалась судьба его власти над Черной землёй. Но сразиться с богинями? Для этого нужно было самому быть богом. Или иметь за душой Правду, а не корысть. И Чернобор отсиживался в Велесовом сарае. Если что — он снова окажется ни при чём. После всего, что он сегодня наговорил? Да нет, не одолеть самого подземного владыку ни этим молодым богиням, ни их воинам. Пусть тешатся царской охотой — сейчас сами станут дичью!

Все четыре подземных чудовища были уже мертвы, когда из-за горы появился ещё один зверь — чёрный медведь, ещё громаднее тех, что породили Медведичей. Он мог бы справиться не только с зубром или носорогом, но даже с молодым слоном. Глаза и оскаленная пасть медведя пылали синим огнём. Рёв был столь ужасен, что уцелевшие и не разбежавшиеся ещё звери бросились наутёк, не слушаясь никаких чар. Бежал, не разбирая дороги, и козлорогий леший, а Шишок сделался ростом с ореховый куст. Серячок испуганным щенком жался к его ногам. А рёв становился всё страшнее, оглушительнее. То был голос самой Бездны, существовавшей прежде мира и готовой его снова поглотить. Но и Бездна не могла уже испугать воинов Солнца. Сжимая мечи, русальцы сгрудились вокруг Деваны.

— Ну вот! Попросила племянницу помочь вам, а теперь как бы её саму не пришлось выручать, — озабоченно произнесла Морана. Негромкий голос богини был хорошо слышен даже сквозь рёв мохнатого чудовища.

Ардагаст взялся за брёвна частокола, готовый перескочить его и поспешить на помощь Деване и дружине. Морана знаком остановила его:

— Оставайтесь все тут. Нельзя пускать Чернобора с его кодлом в святилище.

— Стойте все. Этот зверь — мой! — Звонкий, чистый голос Деваны не мог заглушить даже рёв зверя из Бездны.

Она легко спрыгнула с оленя, похлопала его по шее:

— Давай, олешка! Покажи ему!

Медведь встал на задние лапы. Теперь он был не ниже слона. Из огненной пасти вырвался целый сноп молний и ударил в оленя. Но сияние золотых рогов чудо-зверя разлилось золотистой завесой, по которой бессильно растеклись молнии. Олень бросился вперёд и с разбегу ударил рогами в грудь косматого великана. Чёрная шерсть окрасилась кровью. Медведь упал на спину, но с неожиданной ловкостью избежал нового удара и вскочил. Раз за разом он бросался на оленя то с одной, то с другой стороны, сыпал молниями, но всякий раз наталкивался на окружённые золотым светом рога. Медведь махал огромными лапами, пробовал ухватиться за рога, но всякий раз отдёргивал лапы, словно обжёгшись. Казалось, чёрная туча тщетно пытается затмить солнце.

Три пса набрасывались на медведя со всех сторон. Он отбивался лапами, метал молнии, но псы ловко выскакивали из-под ударов, а молнии гасли в окружавшем псов белом, как будто лунном, сиянии. Девана слала стрелу за стрелой в мохнатую громаду, однако медведь из Бездны был на редкость живуч.

Наконец подземный зверь не выдержал и под дружный свист русальцев обратился в бегство. Окажись он на льду, тот не выдержал бы его громадной туши. Но у самого берега чудовище обернулось и приняло новый, ещё более страшный вид. От медведя теперь у него осталась только голова да мощные передние лапы, задние же стали словно у громадной ящерицы. Тело вытянулось, перерастая в длинный хвост. Чёрная шерсть обратилась в такую же чёрную чешую. Рёв перемежался громким злобным шипением. Зубастая пасть по-прежнему извергала молнии.

С быстротой нападающей змеи медведь-дракон метнулся вперёд. На этот раз змеиное тело избегло удара рогов, и чудовище впилось медвежьей пастью оленю в плечо, одновременно обвив хвостом его ноги. С протяжным, полным боли криком чудо-зверь рухнул на бок. Зубы псов тщетно скользили по чёрной чешуе подземной твари.

— Ах ты, червяк преисподний! Получай!

Девана выхватила из колчана неприметную на вид стрелу с бронзовым наконечником и послала её в чудовище. Стрела на лету загорелась ослепительным золотым пламенем, с грохотом ударила в тело змея-медведя и прожгла его насквозь. Кровь потоком хлынула по чёрной чешуе. Но даже такая рана лишь разъярила чудовище. Оставив оленя, оно помчалось прямо на Девану. Тяжёлый хвост мотался на бегу, готовый смести любого.

Морана одним махом перескочила через частокол и, стоя во весь рост, заскользила вниз по ледяному склону. Её чёрные волосы и красный плащ развевались на лету, меч блестел в поднятой руке.

— Люди, я вернулась! — разнёсся её голос над полем, залитым кровью и заваленным трупами, над притихшей священной горой, над скованной льдом рекой, над тёмными чащами, через которые пробирались, ломая сучья и кусты, бежавшие с побоища звери. Услышали этот голос и сидевшие в Велесовом сарае. И сразу поняли, кто вернулся в земной мир.

Славята запел громким, сильным голосом:

Благослови, мати,
Весну закликати!

Сидевшие в «раю» подхватили, сначала несмело, потом всё дружнее и громче:

Ой, мати, Ладо, мати,
Весну закликати,
Весну закликати,
Зиму провожати!

Тёмные волхвы снова выставили вперёд жезлы с черепами. Их противники крепче сжали священные посохи, положили руки на мечи и акинаки, продолжая петь веснянку. Но напасть первым никто не решался. А в «пекле» лишь затравленно молчали или шёпотом кляли затянувшего их туда верховного жреца. Спади вдруг чары с ворот, «пекельные» бросились бы бежать из гостеприимного длинного дома… если бы им не было ещё страшнее оказаться снаружи, где не пировали и не пели, а сражались не на жизнь, а на смерть люди, звери, боги и

чудовища.

Когда Морана оказалась у подножия горы, вмешиваться в схватку ей уже не пришлось. Русальцы разом бросились на чудовище, прежде чем оно успело схватить богиню-охотницу, и принялись рубить и колоть его мечами. Крики «Мара!» и «Слава!» заглушали рёв зверя. Силы воинов удваивало то, что они знали: Морана — Смерть и Весна — спешит им на помощь. Даже Шишок, прибавив росту и ухватив дубину по руке, ловко вскочил на хвост чудовищу и молотил по нему дубиной, пока не перебил хвост у основания. Страшные лапы лишь изорвали на многих кольчуги и панцири. Не остановили русальцев и молнии. Свои жезлы с травами в навершиях, мало помогавшие против грубой звериной силы, дружинники засунули за пояса или за ворот, но не бросили. И теперь вдруг мягкий зелёный свет разлился из наверший, окутал бойцов, и в этом свете гасли молнии преисподней. Сила жизни одолевала силу злобы и смерти. Весна загоняла холод и мрак обратно под землю.

Наконец страшная медвежья голова уткнулась в снег, заливая его кровью из раскрытой пасти. Русальцы, подняв мечи и жезлы, приветствовали Морану криками: «Весна воскресла!» Почти все были раненые, в изодранных и окровавленных доспехах, но ни один из двенадцати не погиб. Даже подземные исчадия забытых времён не смогли одолеть этих отборных бойцов, перенимавших друг у друга воинское искусство многих стран и народов. А главное — знавших, что сражаются не только за добычу, но и за святое дело. И не было ни у кесаря, ни у Сына Неба столько золота и серебра, чтобы купить хоть одного из них. С ясного звёздного неба приветственно потрясал копьём Белый Всадник, и нуры-оборотни вместе с волками выли, славя его и двух богинь.

Морана взглянула на поверженное чудовище:

— Совсем одурел от злости, если решил на холоде в змеином облике сражаться. Появись он после Велика дня, когда все медведи и змеи в мир возвращаются, — вот тогда туго бы вам, русальцы, пришлось.

— Пусть приходит хоть среди лета. Знаем теперь, как таких встречать и куда провожать, — бодро рассмеялся дрегович Всеслав.

Девана, не обращая внимания на мёртвого медведя-дракона, подбежала к оленю, обняла за шею, приподняла голову с помощью Вишвамитры — слишком тяжелы были громадные рога. Чудо-зверь ещё дышал, но сияние золотых рогов уже меркло.

— Тётя! Скорее помоги олешке! — В глазах бесстрашной охотницы стояли слёзы.

Морана наклонилась к оленю, стала медленно водить руками

над его ранами, и вот уже кости стали срастаться, а страшные раны — затягиваться без следа. Ещё немного — и олень, снова озаряя все„поле солнечными рогами, встал на ноги и благодарно потёрся головой о щёку богини смерти и жизни.

— Ещё немного — и твоему олешке только дядя Ярила помог бы или дедушка Род, — обратилась Морана к племяннице. — А громовую стрелу ты у отца из колчана стащила?

— Нет. У деда Сварога из кузницы, — самым невинным тоном ответила дочь Перуна.

Морана окинула взглядом русальцев, преданно смотревших на неё сквозь прорези масок:

— Ну вот, а говорят, я злая. Доля у меня такая, вот и всё. Сами вот всю жизнь людей убиваете. Так нужно же кому-то и вас с этого света забирать, чтобы на нём не слишком тесно было. Или Чернобог с Ягой с этим лучше справятся?

— Они справятся... Оставят в этом мире только своих трусливых рабов и надсмотрщиков над рабами. Вроде тех, что в Велесовом сарае. А вместо воинов — подлых разбойников, — сказал Сигвульф.

— Ты, богиня, кажешься ужасной лишь тем, кто не нашёл в земном мире ничего ценнее самого себя. Увы, и я почти всю жизнь был таким, и самые мудрые книги не могли изменить меня. Пока я не оказался среди героев, достойных служить богам, — проговорил Хилиарх.

— У нас тебя, богиня, зовут Кали — «чёрной», и Светлой, и Ужасающей. Кто отвращается от твоего ужасающего лика, тот не может постигнуть и светлого, — произнёс Вишвамитра, почтительно сложив руки перед лицом.

— Хвалите меня, а приду за вами — никто спасибо не скажет, — усмехнулась Морана.

— А ты не спеши, — рассмеялся Сагсар. — Дай нам время победить много сильных врагов, вволю поездить по степи на добрых конях, попить крепкого вина и кумыса, погулять с красивыми женщинами. Чего ещё нужно воину, чтобы не жалеть о смерти?

— Это могут сказать о себе и те медвежьи ублюдки, — возразил кшатрий. — Знать, что ты исполнил свою дхарму, долг праведного мужа, и был верен Рите, Огненной Правде, — вот что нужно воину, чтобы встретить смерть без страха и печали.

— Что ж, знайте: если забирать ваши души явлюсь я, а не моя уродина тётя, значит, вы прожили жизнь достойно и славно. И тогда уже не плачьтесь и не просите отсрочки, — сказала Морана и погладила по шее оленя. — Ну что, олешка, вынесешь нас двоих?

Олень склонил голову, увенчанную словно раскидистым золотым деревом. Морана, ухватившись за рога, легко взлетела ему на спину, следом за её спиной устроилась Девана. Чудо-зверь оттолкнулся от земли серебряными копытами и понёсся в ночное небо, а следом за ним — трое лунных псов. На лету богини обернулись и помахали руками своим воинам. Среди ярких звёзд оленя и его всадниц уже ждал молодой златоволосый воин на красном златогривом коне. А в святилище на санях снова весело скалило зубы соломенное чучело в дырявом плаще и рогожной понёве.

Стук копыт и конское ржание, донёсшееся с севера, заставили русальцев обернуться. Из леса к священному городку вылетели всадники в сарматских башлыках и венедских шапках. В чём дело? Ведь царь велел всем, кроме русальцев и оборотней, оставаться в стане. Как потом оказалось, один молодой и не больно храбрый нур, увидев извергающего молнии исполина медведя, не выдержал и рванул со всех волчьих ног в стан. Там он оборотился человеком и поднял тревогу: русальцы-де без подмоги совсем пропадут, а царь с царицей не то погибли, не то в плену, и Вышата с обеими жрицами тоже. На горе-то всё рёв да грохот стояли, а теперь ничего не слышно.

Всё это перепуганный нур рассказал молодым северянам — те были первыми, на кого он наткнулся в стане. Взволнованные северяне пошли к Хор-алдару, оставленному царём за главного воеводу, и стали требовать поднять войско и идти на Медвежью гору. Князь с трудом утихомирил их, взял с собой сотню конных сарматов и два десятка всадников-северян и поскакал с ними к городку.

Завидев их, Милана не на шутку встревожилась: вдруг сгоряча полезут на приступ? От Лютицы она знала о чарах, защищавших городок. Золотые ворота таили в себе силу Огня и Грома, а обледенелый вал — силу Мороза. Враг, коснувшийся ворот, рисковал быть испепелённым или поражённым молниями. Коснувшийся вала превратится в насквозь промерзшего ледяного истукана. А привести в действие эти силы могло в любой миг заклятие, известное одному лишь верховному жрецу Черной земли. Разбуженные же смертоносные силы могли истребить не только оказавшихся у самых укреплений, но и всё живое на сто шагов от них.

Милана бросила взгляд на крутой склон горы. Не добежать... Чародейка вскинула руки, завертелась волчком, обратилась орлицей и полетела наперерез росским всадникам.

Славобор, Ясень и их столь же молодые воины слышали предания о защитных чарах Медвежьей горы, но не очень-то

верили им. Сами ведь мальчишками сколько раз и ворот касались, и лазали на вал городка, и зимой, и ночью — на спор. И никто не сгорел, не замёрз. А своими глазами тех чар даже и деды не видели — последний раз сарматы нападали на городок чуть ли не сто лет назад. Может, тогда что и было, а сейчас только Чернобор страху напускает слухами про чары.

Когда же Славобор с северянами увидели, что священный городок защищает только кучка ведунов и роксаланов перед воротами, удальство взыграло в сердцах юношей. Взять с налёта городок, перебить колдунов, вызволить царя или отплатить за его смерть! Разве они не лучшие храбры Северы, а их Славобор — не великий воевода? А русальцы и волколаки уже побили всех чудищ и теперь спешат к горе — как бы не опередили их, северян...

Молодые удальцы не знали, что их настроение уже заметил безжалостный духовный взор верховного жреца. Другой на его месте после гибели зверобогов и вмешательства богинь обернулся бы хоть вороном, хоть зайцем — и подальше от Медвежьей горы и самой Северы. Скирмунт так бы и поступил, не будь сейчас рядом с ним сильного духом и властного тестя. А тот не собирался никому отдавать своё тёмное лесное царство. Ведь из тех, кто сидел в Велесовом сарае, никто, кроме самого верховного жреца, его сородичей и ещё нескольких волхвов, обладавших хорошим духовным зрением, не видел, что происходило в святилище, на поле, перед воротами. Главное, чтобы, выйдя, «райские» увидели лишь трупы тех, на кого надеялись. И тогда никто не посмеет сложить песню о последнем подвиге Ардагаста и его дружины. Будет песня о дерзких храбрах, посмевших вызвать на бой силу нездешнюю и за то покаранных богами. И назовётся та песня «Как не стало могутов в племени росов».

Как затаившаяся змея, ждал верховный жрец когда удалятся грозные и своенравные богини. Ну вот, улетели наконец... Мир велик, всюду не поспеют. Теперь — напасть первым, пока враги с двух сторон не вломились в длинный дом. Обернувшись к внешним воротам, он громко каркнул вороном. Это услышали снаружи защитники ворот и отступили от них на шаг. Тогда Чернобор пробормотал заклятие, сообщённое ему последним верховным жрецом будинов. Всё. Пусть теперь юнцы погибнут первыми. И имена их, служивших богоненавистному царю Ардагасту, будут в веках прокляты.

Передав двоерогий посох Скирмунту, верховный жрец снял рогатую личину и надел шкуру зубра с рогами. Надвинул кожу зверя на лицо, шумно втянул и выдохнул воздух через его ноздри. Теперь его дух был так же могуч и неукротим, как у пещерных

колдунов на заре времён. Для него, обычно осторожного, не существовало больше страха перед Перуном, Даждьбогом, Мораной, тогда ещё не родившимися. Теперь он мог оборотиться не только зубром (хотя и это теперь мало кто умел), но и ещё более могучим и древним зверем, остановить которого, как был уверен колдун, мог лишь ещё более сильный зверь.

Верховный жрец опустился на четвереньки и, даже не перекувыркнувшись, превратился в невиданное животное. Грузным телом и длинной чёрной шерстью оно напоминало носорогов, только что бившихся с русальцами. Но рог на носу его был невелик, зато изо лба торчал другой рог — длинный и острый. Чудовище обернулось к внутренним воротам и требовательно заревело. Тёмные волхвы быстро сняли чары и распахнули ворота. Зверь оглянулся на Костену с Невеей. Те уже оборотились: мать — медведицей, дочь — волчицей.

С громовым рёвом единорог-Чернобор устремился вперёд, готовый смести, истоптать, раздавить любого — человека или зверя. Яростный, уверенный в своей силе, он не остановился бы и перед самим Индриком-зверем. Следом помчались, оскалив зубы, две хищницы.

Молодой львицы, лежавшей в снегу между длинным домом и оградой, они не опасались. Её, ослабевшую в схватке с волхвами, Чернобор даже не счёл нужным добивать. Не удивило его и отсутствие чар на воротах святилища: видно, два волхва-бездельника как следует не наколдовали, недаром их двоих одна девчонка в львиной шкуре одолела. Что эта девчонка могла так быстро исцелиться после удара смертоносным жезлом, да ещё снять с ворот, ему и в голову не пришло. Иначе он заметил бы, что львица-Мирослава не лежит без сил на снегу, но затаилась, готовая к прыжку.

Не успел единорог влететь в ворота святилища, как львица жёлтой молнией рванулась к нему и, оказавшись на спине оборотня, впилась ему клыками в шею, но едва смогла прокусить густую шерсть и толстую кожу. Чудовище не остановилось, даже не сразу почувствовало вцепившегося в него врага. Но в святилище, едва завидев свою ученицу, на единорога бросилась Лютица. Однако даже две львицы, повисшие на чудовищном звере, не смогли остановить его — лишь немного замедлили его бег.

Ардагаст в этот миг стоял, раздумывая: ждать и дальше в святилище или напасть на Велесов сарай с тыла? И что это за незваные всадники у ворот городка? Когда на него устремилась с оглушительным рёвом чёрная громада, Зореславич не успел даже выхватить меча. Он лишь упал, и страшный рог вонзился меж

брёвен частокола. Тяжёлая голова жутко нависла над царём. Красные глазки чудовища горели злобой, в которой сливались нерассуждающая ярость зверя, изощрённая ненависть человека и какие-то тёмные, пекельные чары, сковывавшие и тело, и душу. Не было сил не то что сражаться, но даже бежать.

Усилием воли Ардагаст отвёл взгляд от жутких красных глаз и увидел двух львиц, вгрызавшихся в шею твари, — по чёрной шерсти уже текла кровь. Справа лев-Вышата дрался с крупной волчицей со светлой, почти белой шерстью, и раны на боках его вновь кровоточили. Слева Ларишка с мечом и акинаком наседала на такую же светлошерстную медведицу, не давая ей тронуть ни одну из львиц. Все четверо сейчас рисковали из-за него, а он... Чудовище задёргало головой, стараясь высвободить рог. Зореславич быстро схватил его правой рукой за меньший рог — на носу, а другой рукой направил противнику в грудь пламя Колаксаевой чаши — её царь не выпустил даже теперь.

Мускулы напряглись до предела. Чудовище пыталось поднять голову, взрывало копытами снег. Ещё немного — и оно отшвырнёт его, как тряпичную куклу, втопчет в землю... Неужели он, Солнце-Царь, слабее своих воинов, что внизу одолели двух почти таких же тварей? А на груди у единорога сначала лишь тлела шерсть, потом запахло палёной кожей... Наконец кожаная броня треснула, и золотое пламя ворвалось в тело чудовища, выжигая могучее сердце и лёгкие. Рёв оборотня стал невыносимым, в нём соединились предсмертная тоска зверя, отчаяние человека и ярость демона, готового опустошить весь мир. Потом рёв разом стих, и чудовище бессильной глыбой мышц медленно осело на землю, а вместе с ним и царь, всё ещё сжимавший его рог.

От усталости Ардагаст на миг прикрыл глаза, а когда открыл, то увидел, что рядом с ним лежит труп человека в зубровой шкуре, который терзают две львицы, а он, Ардагаст, сжимает рукой один из зубровых рогов. Зореславич потянул за рог. Шкура сползла, обнажая чёрные волосы и бороду. Превозмогая отвращение, царь поднял голову мертвеца. Да, это был Чернобор. На лице духовного владыки Черной земли застыло выражение смертельной досады. «Не убил... Так никого и не убил... Будьте вы все прокляты страшным проклятием преисподним!» — явственно послышался всем пятерым голос верховного жреца.

— А пошёл ты поскорей туда, откуда зверье вызывал! Тьфу на тебя и богов твоих! — сплюнул трижды налево Зореславич.

Две львицы разом вцепились в тело колдуна, разорвали в куски, разбросали, но есть не стали. Медведица и волчица, увидев гибель своего мужа и отца, дико взвыли, однако отомстить за

него даже не попытались, а бросились наутёк: обернувшись одна вороном, а другая — сорокой, полетели к Велесову сараю.

Ардагаст, сдвинув шлем, вытер пот со лба. Взглянул на звёзды: до утра было далеко. Какие ещё твари, людям и светлым богам мерзкие, полезут в святилище из пещеры, чтобы сделаться в глазах запуганных северян богами? И хоть бы какое добро людям сделали, хоть кого защитили, раз такие сильные да храбрые! Так нет, могут только убивать, крушить, пугать... Да не нашли бы эти «боги» и пути в земной мир, если бы не те, кто засел в Велесовом сарае. Вышата сколько земель обошёл и ничего, кроме мудрости, не нажил. А этим лишь бы набить брюха да амбары. И хотят ещё зваться мудрыми, святыми, вещими. Дай им волю — весь мир обратят в Чёрную землю и будут в ней владыками духовными, превыше царей и старейшин. Сжечь бы этот сарай со всеми, кто в нём!

Вдруг перед глазами царя неведомо откуда появился старичок. Низенький, неказистый с виду, в чёрной шубе мехом наружу, островерхой шапочке, с маленькой бородкой.

— Зачем сжигать? — миролюбиво произнёс старичок. — Не все ведь такие праведные, как ты и твоя верная дружина. И не все такие злые, как этот чернобородый и свора его. Больше всего на свете людей простых да тихих — немного грешных, немного праведных. То у них Чёрный бог в душе одолевает, то Белый — и так, бывает, всю жизнь. Ты уж люби их таких, а то какой же ты храбр, защитник слабых да обиженных?

— Так ведь сами выбрали — кто в рай, кто в пекло. И отсиживаются в тепле да в сытости, пока другие за них бьются.

— Слабы они, — вздохнул старичок. — Так ведь не все такие сильные, как ты. Слабых больше.

— Не своих ли защищаешь, дедушка? — прищурился царь росов. — Ты, поди, тоже старейшина или жрец?

— Кто я? — развёл руками старичок. — И волхв, и старейшина, и жрец, и мудрец. И пастух, и жнец, и певец, и на гуслях игрец. Всего понемногу.

У него вдруг выросла пара рогов — не из плоти, а из одного только серебристого света. Выросла — и тут же погасла. Ардагаст с Ларишкой до земли поклонились богу — рогатому и мохнатому, и всё же не похожему на зверобогов и их ряженых служителей. Львы-оборотни, присев на задние лапы, воздели передние.

— Здравствуй, Велес премудрый, Хозяин Леса!

— Здравствуйте и вы, моих правнуков воины. А явись я вам медведем, или быком, или змеем — поди, бросились бы рубить да грызть меня, — рассмеялся бог. — А Хозяин Леса теперь ты, Ардагаст.

Нет тебе в лесу соперника, все лесные племена перед тобой клонятся... Я поначалу боялся: возомнишь ты, степняк, себя мечом богов, а лесной народ — нечистью да чудищами и пойдёшь всё крушить. А ты умеешь доброе найти в любом племени. Это труднее, чем мечом победить.

— Да разве я враг лесу? — улыбнулся Ардагаст. — Я ведь вырос в Оболони, на краю Полянской земли. Там со всеми умеют ладить — с нурами, северянами, словенами, дреговичами. А то бы не удержались возле леса того дремучего.

— Ардагаст Зореславич! — Тихий, домашний голос Велеса зазвучал торжественно. — Царствуй над лесным народом всему доброму на радость, злому на страх! А ты, царица-красавица удалая, учись у своего мужа, как лесовиками править. Они хоть тихие, да упорные и не любят, когда чужой приходит всё ломать да удальство зря выказывать.

Ларишка окинула взглядом трупы зверей, истоптанный, окровавленный снег и сказала:

— А ведь мы в твоём святилище сражались, твоих зверей убивали...

— Правильно делали, — махнул рукой Хозяин Зверей. — Нечего им в этот мир лезть. И святилища мне такого не надо. Проводите завтра Масленицу — и чтобы ноги человеческой тут не было, не то что молений. Да пещеру эту засыпьте и закляните хорошенько. Ишь, собачий лаз в преисподнюю нашли, бесовы слуги! Да ещё моим именем освятили, будто сам я бес, а не светлый бог.

Со стороны длинного дома донеслись шум, крики.

— Ох, заболтался я, старый, с вами, — вздохнул Велес. — А ваше дело ратное. Накройте эту свору чернобожью в сарае, пока не разбежалась. Ну, правнуки мои вам в помощь, а я пойду. Не по моей части битвы эти да подвиги. Богатство вы себе сами добудете, а мудрости просите у меня сколько надо, никогда не откажу.

И старичок с бородкой, остроголовый, будто леший, исчез, словно растворился в спокойном серебристом свете луны.

А по другую сторону Велесова сарая в тот самый миг, когда единорог-Чернобор врывался в святилище, роксоланы разом выпустили стрелы по северянам. Роксаг знал, кого легче всего раздразнить. Двое упали с коней, раненные. Остальные с криком «Слава!» устремились за Славобором к Золотым воротам. Хор-алдар не успел остановить юношей. А их противники, будто испугавшись, расступились и попрыгали в ров.

Первым ударить мечом или топором по воротам крепости — большая честь для воина. Только о ней и думали, забыв о чарах,

скакавшие впереди всех Славобор с Ясенем. Они первыми и обратились бы в пепел. Но тут с неба ринулась вниз, крича человеческим голосом: «Стойте! Назад!» — большая орлица. Остановленные на скаку в каких-то трёх локтях от ворот, кони тревожно заржали. Перед воротами стояла, воздев руки, Милана.

— Назад! Куда дружину ведёшь, горе-воевода? А ты, Ясень? Сын волхвини ведь должен о чарах знать...

Одна стрела, вылетев изо рва, пронзила ей насквозь руку, вторая — плечо. Северяне запоздало бросились загораживать колдунью от стрел. Ясень, соскочив с коня, поддержал её, но Милана отстранилась:

— Раньше бы думал... А сейчас не мешай колдовать. И в ров пусть никто не лезет.

С поднятыми руками природная ведьма обернулась лицом к воротам. Из обеих ран текла кровь, но, если вытянуть стрелы, она пойдёт ещё сильнее. Пока перевяжешь — неизвестно, какая ещё колдовская пакость выйдет из Велесова сарая. Милана привычно начала сосредотачивать волховную силу в руках, направлять её на ворота и ледяной вал.

Лучники Хор-алдара взялись за оружие. В ров и изо рва полетели стрелы. Роксоланы и ведуны жались к внешней стенке широкого рва, где их было труднее достать из лука. Оба конца рва выходили на крутые склоны горы, но те, кто попытался выбраться изо рва этим путём, были настигнуты стрелами. А на гору уже взобрались русальцы и волколаки. Увидев пронзённую стрелами Милану, Сигвульф бросился было к ней, но вспомнил, что та очень не любила, когда ей мешали колдовать. Разъярённым взглядом он окинул тех, кто был во рву. Роксаг, узнав его, нагло крикнул:

— Эй, гот, это я подстрелил твою женщину!

— Царь Роксаг! Если ты мужчина, поднимись сюда и сразись со мной!

Сияющий Олень ухмыльнулся ещё нахальнее:

— Нет, это ты, если не боишься, спустись сюда один и сразись со мной.

По крутому заснеженному склону Сигвульф скатился в ров. В рогатом шлеме и медвежьей маске, с мечом и русальным жезлом в руках, он казался похожим на устремившееся с неба на землю грозное божество. Десяток врагов с мечами и жезлами двинулись было к нему, но Роксаг жестом остановил их. Царь роксоланов вовсе не хотел, чтобы на кучку его воинов бросились сверху десятки сарматов. Сунув жезл за пояс, Сигвульф обнажил акинак.

«Мара!», «Один!» — столкнулись в ночном воздухе два клича, и следом зазвенели друг о друга четыре клинка. Перестрелка

разом прекратилась. Росы, роксоланы и северяне напряжённо следили за поединком, криками подбадривая бойцов. Роксаг бился весело, легко и умело, словно плясал воинственный танец на празднике. Сигвульф сражался с холодной яростью, которая, однако, не делала его менее искусным бойцом, но лишь усиливала натиск. Даже бившаяся в голове мысль: «Что с Миланой? Выдержит ли?» — не отвлекала гота от схватки. Сердце Миланы сжималось в тревоге. Этих мужиков не удержишь от драки! Боги, а что с Ардагастом и Вышатой? Она могла бы проследить духовным зрением и за ними, и за Сигвульфом, но ей нельзя было отвлекаться. Одна половина ворот — с медведем — уже была охвачена синим свечением, другая — со львом — жёлтым. От оледенелого вала клубами накатывался холод, от ворот — жара. Это Скирмунт пытался расшевелить, словно клубок змей, чародейные силы, охранявшие городок, и обрушить их мощь на росов, даже если никто не коснётся укреплений.

Силы Чёрного Солнца и подземных молний, скрытые в воротах, Милана могла лишь сдерживать. Но на ледяную силу вала колдунья устремила огненную силу. И вот ледяной панцирь начал таять — понемногу, потом всё быстрее. Он лопался с треском, разваливался и, наконец, весенним потоком обрушился в ров. Люди во рву оказались по пояс в холодной воде. Затем поток, сбивая их с ног, унося с собой, устремился к выходам изо рва.

Но схватку Сигвульфа с Роксагом не остановило и это. Промокшие, перепачканные, они падали в воду, в грязь, снова вскакивали, наступали, отходили. Роксолан ударил мечом сверху и, зацепив за рог шлема, стянул его с головы гота. Смеющийся, довольный собой, Роксаг снова занёс меч, чтобы разрубить незащищённую голову противника. Но тот, защитив голову мечом, быстро и с силой нанёс колющий удар акинаком в грудь, прямо в золотого оленя. Стальное жало акинака пробило золото, но не маргианскую кольчугу. Однако сила удара была такова, что Сияющий Олень поскользнулся и не устоял на ногах. Встать ему на этот раз не удалось. Германец вдавил ногой в грязь его правую руку с мечом, а акинак выбил из левой руки своим длинным мечом.

Увидев у своих глаз острие клинка, роксолан невозмутимо произнёс:

— Солнце накажет тебя, гот. Ты посмел разить Золотого Оленя — само Солнце.

— Оно накажет тебя, могильного вора! В каком кургане выкопал ты этого оленя? Я знаю от Вышаты — такие бляхи скифские цари носили на щитах.

— Выкопали его аланы где-то у самого Кавказа, а я отбил у них в бою, — ответил роксолан небрежным тоном. — Слушай, убери-ка это железо от моих глаз и освободи руку. Я твой пленник, но распоряжаться жизнью царя может только другой царь.

— Если эта женщина умрёт от твоих стрел, ты уже не будешь царём. Мёртвые не царствуют в этом мире.

Под безжалостным взглядом голубых глаз Сигвульфа Роксаг сразу сник, выпустил меч и безропотно дал себя связать. Он понял: германец не грозит впустую.

А мимо них уже скатывались в ров с криками и свистом росы и северяне, на ходу рубили или вязали арканами роксоланов и ведунов. А потом карабкались, помогая себе мечами, по раскисшему, лишившемуся ледяной брони склону рва, взбирались на гребень вала, разбирали крышу длинного дома, прыгали во двор. От людей не отставали волки и оборотни.

На насыпи остались лишь Милана, Хор-алдар с несколькими дружинниками и северяне. Юноши с завистью глядели на росов, бравших священный городок, но двинуться без приказа не смели.

— Попробую открыть вам ворота, — тихо произнесла, не оборачиваясь, колдунья. — Только сейчас не стойте против них. Быстро за ров!

Всадники мигом очистили насыпь. Милана, уже с трудом удерживавшая огненные силы, рвавшиеся из ворот, с заклятием бросила в ворота вышитое священными знаками полотенце, а сама спрыгнула с насыпи и, не удержавшись на крутом склоне, покатилась в ров. Неведомо откуда взявшаяся вода взметнулась волной выше вала и крыши длинного дома, обрушилась на ворота и тут же обратилась в пар. Невиданный громадный клубок пара и огня, извергая молнии, пронёсся по насыпи и пропал в лесу, переломав ветви и кусты, но не вызвав пожара. Три враждебные силы погасили друг друга. Обугленные, расколовшиеся створки Золотых ворот больше не преграждали пути в Велесов сарай.

Хор-алдар взмахнул мечом, и северяне вихрем понеслись к воротам. Будет и им теперь чем похвалиться! Молодые храбры, над которыми росы уже посмеивались, первыми ворвались в длинный дом. Но ещё раньше через дыру в крыше вылетели три большие птицы — коршун с двоерогим посохом в клюве, ворон и сорока. Несколько стрел полетели им вслед, но так и не настигли.

Милана потеряла сознание, когда стрела сломалась в ране. Очнувшись же, увидела над собой Сигвульфа. Сняв с женщины свитку и разрезав рубаху, гот умело и заботливо перевязывал раны.

— Спасибо, милый, — улыбнулась волхвиня. — Потом

нужно будет промыть и смазать хорошенько... А что с Роксагом?

— Вон там связанный лежит... Нечего этому «любимцу» на тебя глазеть. Похоже, богиня его наконец разлюбила... Эх, какой выкуп мы с него возьмём, клянусь золотым вепрем Фрейра, подателя богатств!

Тёмные волхвы, брошенные своими предводителями, и не пытались сопротивляться. Повалились на колени, бросив смертоносные жезлы с черепами, безропотно открыли внутренние ворота. На пороге стояли царь с царицей, а за ними — Вышата с обеими волхвинями, уже в человеческом облике, русальцы, дружинники.

«Райские» и «пекельные» разом опустились на колени, закричали наперебой:

— Спаситель наш, Солнце-Царь! Вызволил нас от волхвов лютых и богов их пекельных! Даждьбог земной!

Хилиарх скривился. Это напомнило ему сенат или скорее провинциальную городскую курию, где «лучшие из граждан» вот так же пресмыкались перед очередным кесарем, прокуратором или проконсулом, а в случае чего столь же дружно проклинали его как врага римского народа.

Но Ардагаст был не кесарем, а царём варваров, и сурово оборвал хвалителей:

— Я не бог. Если в бою паду, то в этот мир уж не вернусь. И сегодня мог не вернуться. Вызволил вас, говорите? А сами вы тут что делали, пока мы кровь лили? Напивались со страху? — Он мечом смахнул со стола горшки, кружки, миски.

— Разве мы такие храбры, как ты и твоя дружина? Где нам стать против чудищ? Мы всю ночь молились за твою победу, и боги нас услышали, — сказал Славята, и в его голосе не было угодничества.

Вышата покачал головой:

— Учат персидские волхвы-маги: кто имел добрые мысли, того душа по смерти вознесётся к звёздам, кто говорил добрые слова — вознесётся к луне, а кто делал добрые дела — к Солнцу. Так вот, из вашего сарая выше, чем к Месяцу-Велесу, душа не поднимется.

Ардагаст перевёл взгляд на «пекельных»:

— А вы кому молились? Чернобогу о моей погибели?

— Смилуйся, Солнце праведное! Обморочили нас лихие волхвы, одурманили, соблазнили!

— Какие же вы лучшие мужи, если вас соблазнить можно, как девку глупую? А храбрости — только помолиться? Их бы постыдились! — указал царь на Славобора и его дружинников.

— Какие ни есть, а избранные на вече от наших родов и

вервей. Лучших, значит, не нашёл народ северянский. И в войске твоём храбрствовали наши же сыновья и сородичи, — почтительно, но твёрдо сказал Славята.

— Хочешь сказать, каковы ваши верви, таковы и вы сами? Так вот, слушайте мою царскую волю. С тех семей, из которых воины ко мне пришли, — дани никакой. Кто в «рай» пошёл, у того село даёт обычную дань. Кто в «пекло» — двойную. А кто вовсе не пришёл — тройную.

— Правильно, Ардагаст! Ты — лучший из сарматских царей. — В ворота бодрым шагом вошёл со связанными руками Роксаг в сопровождении Сигвульфа. — А я — самый большой дурак в Сарматии! Доверился этим колдунам... О Артимпаса, каких врагов я мог сегодня победить вместе с тобой!

— Мог. Если бы не польстился на чужую дань.

— Ну, дань-то мы поделим. На Сейме и Танаисе тоже сидят савары. Я всегда с них брал дань, Сауасп туда и не ходил. Оставь их мне, остальных саваров — себе. Ты ведь не хочешь войны с роксоланами? А царских сарматов лучше отваживать вместе.

— Согласен. — Ардагаст подошёл к Роксагу и развязал ему руки. — Кроме того, заплатишь выкуп. Мне и воину, что взял тебя в плен.

— Заплачу сколько скажешь! — широко улыбнулся роксолан. — Никто ещё не называл Роксага ни бедным, ни жадным... клянусь Солнцем, с тобой поладить легче, чем с Сауаспом! И ради чего нам ссориться? Эти венеды не стоят того, чтобы из-за них лить сарматскую кровь.

— Я тоже венед. По отцу. И царь венедов. Помни это, если хочешь мира со мной, — резко произнёс Ардагаст.

— Наш царь! — одобрительно зашептались северяне.

На середину дома вышел, важно опираясь на посох, Доброгост, до сих пор прятавшийся за спинами «пекельных». Его красноносое лицо снова источало любезность.

— Воистину ты наш царь, венедский. Сам Даждьбог послал тебя нам, недостойным, по великой своей милости...

— А если бы меня медведи съели, ты бы сейчас вот так же льстил Роксагу? — оборвал его царь росов. — Ты ведь знал от самого Чернобора, что меня тут ждало, и не упредил.

— Да кто тебе, надежда-царь, такое на меня наговорил?

— Дочь твоя, Добряна. Не в тебя пошла — лгать да льстить не умеет.

— Так ведь я её к тебе и послал! — расплылся в улыбке великий старейшина. — А ты: «не упредил»...

— Она мне того не говорила, — недоверчиво прищурился Ардагаст.

— Не верь ему, царь! Изменник он, прихвостень Черноборов! Потому и в «пекло» нас повёл! — зашумели «пекельные».

Хилиарха передёрнуло от омерзения. Это ещё больше напоминало сенат. Не хватало только доносов об оскорблении величества...

— Пойдём сейчас вместе к ней. Хочу знать, кто ты: великий старейшина или змея подколодная, — решительно сказал царь. — А вы, гости дорогие, мужи лучшие, до утра отдыхайте, а завтра соберитесь тут с жёнами и детьми. Проводим честную, широкую Масленицу с Медвежьей горы в последний раз. Святилищу здесь больше не быть — так Велес повелел. А тёмных волхвов немедля предать смерти.

Вышата с тремя волхвинями следили за ведунами, пока дружинники волокли их ко рву и над ним рубили мечами. Но ни один из тех, кто тёмными чарами держал в страхе Чёрную землю, не попытался теперь защитить себя ими.

Добряна за всю ночь не сомкнула глаз. Сердце сжимала тревога за отца, отправившегося в Черноборово логово, но ещё больше — за Ардагаста. Воображению рисовались чудища одно страшнее и уродливее другого, целые стаи их. Вот они всем скопом бросаются на златоволосого царя, вот он рубит их мечом, жжёт солнечным пламенем чаши, а они валят его наземь, терзают... До полуночи девушка лежала без сна, моля всех светлых богов помочь царю, их избраннику. Потом встала, накинула шубку, хотя в избе было жарко натоплено, и села у окна, прижавшись пылающим лицом к холодной слюде.

Даже в такую ясную ночь сквозь слюду мало что можно было разглядеть вдали. Но юная северянка, жадно ловя каждый звук, представляла себе: вот царь с царицей подходят к Золотым воротам, входят в святилище, начинают приносить жертву... А страшные медведи вылезают из своей заклятой берлоги, тяжело взбираются по склону... Вдруг донёсся рёв, гром, крики бойцов, голоса зверья. Проснулась мать, села рядом с дочерью, обняла за плечи. А у той душа рвалась туда, в жуткое святилище. Оказаться рядом с Солнце-Царём, погибнуть в схватке, заслонив его собой, — и больше ничего для себя не надо от богов! Но даже эта доля — не для неё, а для раскосой поляницы, чьи волосы черны, а меч остёр, как у самой Мораны. А она, Добряна, не владеющая даже лёгким луком, — кому она нужна в этой битве, достойной богов? Только под ногами будет путаться...

Мать рядом тихо всхлипывала. А Добряна всё вслушивалась в страшную музыку боя, и вдруг перед ней, как перед волхвиней,

наделённой духовным взором, начали вставать видения. Она видела, с кем и как бьётся Ардагаст, и её сердце пело от радости, когда очередное чудище валилось замертво в кровавый снег. Видения пропадали, возникали снова. Её уже не страшило даже появление самой Мораны, не исчезала только тревога за Зореславича. Но вот шум на горе стих — и представился на миг Ардагаст, входящий в длинный дом. Девушка в обе щеки расцеловала мать, подбежала к полке, потом к очагу, вместо лучины зажгла все три свечи в священном троесвечнике и легко, весело засмеялась:

— Мама, Ардагаст победил! Нет больше Чернобора, ни страшилищ его, сгинули все! Я знаю, понимаешь, знаю! Я всё видела, вот как тебя сейчас!

— А как же отец, доченька? — чуть слышно проговорила мать, почему-то даже не усомнившаяся в видениях дочери.

— Да жив тятя и здоров, ничего ему не сделалось! Он же весь бой в Велесовом сарае просидел, разве он может иначе? — Она подсела к матери, положила ей голову на плечо. — Всё хорошо будет, мама. Батюшка у нас самый умный и хитрый, помирится с царём, придут они вместе и поведут нас на праздник.

— Хорошо бы так, доченька! Ох, всё теперь переменится в Севере. Всё было наладилось — и опять меняется...

— И пусть меняется — ведь к лучшему же!

Снаружи вдруг донёсся конский топот, громкая сарматская речь. Псы взлаяли — и следом завизжали под мечами. Затряслась под ударами дверь, вылетела скоба, державшая засов, и в хату ввалился Андак. Они с Саузард и дружиной тоже не спали всю ночь, прислушиваясь к звукам боя и посылая к горе разведчиков. Узнав о победе Ардагаста, раздосадованный князь тут же решил, опередив всех, разграбить усадьбу верховного жреца на Святом озере. Андак сальным взглядом окинул Добряну — та была в одной рубахе с распущенными русыми волосами, — прищёлкнул языком:

— Ай, хороша добыча! Мне повезло, и тебе тоже: таких мужчин у венедов не бывает!

Бросившуюся к нему мать Добряны князь легко отшвырнул, грязно ухмыльнулся:

— Тоже хочешь, старуха? Обойдёшься!

Добряна гордо выпрямилась:

— Выйди вон! Я — дочь великого старейшины!

— А, та самая девка, что плясала с царём на свадьбе, а потом спала с ним!

В синих глазах девушки не было страха — лишь презрение.

— Муж, а язык хуже, чем у наших баб!

— У мужа главное — не язык!

Князь схватил её за плечи, рванул рубаху. Мать снова бросилась на помощь дочери, но тут раздался насмешливый женский голос:

— Хорошая добыча, милый! Чем это ты с ней занялся? — В дверях, поигрывая темляком акинака, стояла Саузард.

— Да так, прикидываю, сколько за неё дадут греки.

— Дурак! Это же дочь Доброгоста.

— Ага. И любовница Ардагаста. Сделаю я ему подарочек к венедскому празднику, а?

— Ну, если хочешь ему испортить праздник, лучше... чтобы не догадался, кто. — Рука царевны легла на акинак.

Из груди Добряны сам собой вырвался отчаянный крик:

— Ардагаст!

Словно в ответ ей, снаружи раздался стук копыт. Саузард выглянула в дверь, вернулась и сказала с плохо скрытой досадой:

— Дурочка, мы с мужем так шутим, поняла? С девчонками, что вешаются на шею знатным сарматам. Может, ты и будешь наложницей у царя, но не у моего мужа, ясно?

В комнату вошёл Ардагаст, а следом — Ларишка, Доброгост и Лютица.

— Опять с бабами воюешь, Андак?

— Ты, царь, жаден и скуп на славу. Взял в такой славный бой только своих русальцев и оборотней. Так не будь скуп хоть на добычу. Мы её немного видели в этом походе, — с наглым видом ответил князь. — А я не нарушил твоего приказа, остался в стане.

— За славой ко мне поспешили северяне. А тебе больше нравится добыча. Тащи отсюда что хочешь...

— Кроме колдовских вещей, — вмешалась Лютица. — Ими займусь я.

— А если эту девушку хоть пальцем тронешь... Вы ведь сами прозвали меня Убийцей Родичей.

Храня на лице гордое выражение, Андак с женой вышли прочь. Следом вышла Лютица. Добряна, безмолвно, с тихой радостью глядевшая на Ардагаста, вдруг словно очнулась и бросилась со слезами на шею — нет, не ему, а отцу.

— Сколько она натерпелась из-за нас, — тихо сказала Ларишка мужу. — Может, не нужно допрашивать?

— Нужно, — тихо, но твёрдо ответил он и обратился к Добряне: — Скажи, Добрянушка, ты сама пришла меня упредить или кто прислал?

— Никто... Услышала, как батюшка с верховным жрецом говорил, и пришла. Я же сказала...

Царь поднял на старейшину тяжёлый взгляд. А тот без

всякого смущения, с прежней бодрой улыбкой быстро заговорил:

— Так я ведь сам и не приказывал — вдруг Чернобор заметит? Просто говорил громко, чтобы ты, Добрянушка, услышала. Знал ведь — ты непременно к царю пойдёшь.

— Да, и я тоже всё слышала, — подхватила жена старейшины. — И заметила, как ты уходила и возвращалась. Всё я поняла и не мешала. А то разве бы не встревожилась: дочь без спроса к кому-то ночью бегает? Хорошо хоть собаки Черноборовы тебя знали.

— Да... теперь помню: я вернулась, а матушка вроде не спит. Я испугалась, думала: скажу, что с Ясенем была, всё равно ругать будет, — сказала Добряна.

Ни в голосе, ни во взгляде чистых синих глаз её не было и капли притворства. Девушка верила тому, что говорила. А старейшина... Там, при всех, он не решался так оправдываться — не поверили бы. Кто же он — изворотливый трус или предатель?

— Дружная у вас семья: без слов друг друга понимаете, — иронически усмехнулся царь и внимательно, но без враждебности взглянул в глаза девушке. — Скажи, кто говорил, как меня погубить — Чернобор или твой отец тоже? Клясться не надо — кому мне тут верить, если не тебе?

У северянки перехватило дыхание, когда она поняла, в чём подозревают её отца. Умышлять на жизнь Солнце-Царя! Какая кара может быть за это? А что ей говорить? Можно ли лгать Солнце-Царю? Да ещё если он так верит ей, а она сама ради него...

— Не бойся, скажи только то, что помнишь, — неожиданно пришла ей на помощь Ларишка.

— Говорил... один верховный жрец, — с трудом произнесла Добряна. — А батюшка только приговаривал: будет всё так, как боги велят.

— Конечно! — с жаром подхватил старейшина. — Верил я, что боги тебе, избраннику своему, победу дадут! Так и сталось!

— А если верил, почему не обличил злодеев при всех? Тебе бы поверили. Вас же там было двести здоровых мужиков, да я с моими русальцами, да волхвы светлых богов — скрутили бы вмиг всех ведунов!

— Боялся я — вдруг боги передумают. Они таких храброе, как ты, недолго в нашем мире держат, — выдавил с трудом Доброгост.

— Вы тут только мух зимой не боитесь, — презрительно скривила губы Ларишка.

Великий старейшина поник головой, сгорбился, весь словно утонул в своей роскошной шубе. И вдруг вскинул голову и

заговорил с неожиданной силой:

— Да, боялся! Двадцать лет всего боялся: сарматов, колдунов, чертей, леших, самой этой Черной земли... Всем угождал, со всеми мирился. На то меня и выбрали люди! И добился я, что выжили два племени и стали одним. Владей им теперь, Солнце-Царь! А меня, если хочешь, казни за измену и сговор с врагами твоими — все тебе поверят. Не могу я быть без страха, как ты или отец твой. А то бы лежали мои косточки неоплаканные в степи под Экзампеем. Или здесь в безвестном омуте. Казни меня или милуй, Солнце-Царь. — Он тяжело опустился на колени.

Вслед за Доброгостом упали на колени его жена и дочь.

— Помилуй батюшку, царь! Он только хорошего людям хотел, а всё зло в Севере от Чернобора шло. Даждьбог-Солнце — из богов самый справедливый и добрый, а у тебя его чаша. — Добряна с надеждой и мольбой глядела в глаза Ардагасту.

— Встаньте! Вы же не холопы, а я не гречин. Милую тебя, великий старейшина, ради дочери твоей отважной. И запомни: я царь не трусов и не холопов, а росов — мужей храбрых и честных.

Трое поднялись с колен. Лицо Добряны светилось радостью, и Зореславичу было приятно смотреть на неё. Нет, не хотел бы он превратить её из лесной царевны в дочь казнённого изменника. Ларишка доверительно сказала девушке:

— Скажи, что у вас надевают на такой праздник? Мы с Ардагастом хотим поехать на санях с Масленицей, а моя сумка с плащом и платьем попала под ноги этим тварям, которых вызывал Чернобор. Всё изорвано, перепачкано...

— А ты лучше вот так: в кольчуге, с мечом. Будешь совсем как Морана, только надень ещё красный плащ.

— А потом меня сожгут, как соломенную Морану? Или только вывезут в поле и одежду сорвут?

Тохарка и северянка дружно рассмеялись.

День выдался на редкость ясный, солнечный, тёплый. Видно, сам Даждьбог решил показать людям: «Вот он я, не сомневайтесь. Вышел уже вместе с Мораной из подземного тёмного царства, принёс вам тепло и свет, а принесу ещё весну и лето, и зелёную траву, и богатый урожай. Только веры в меня, люди, не теряйте». Празднично наряженная толпа лучших мужей, их жён и домочадцев снова собралась перед воротами священного городка. Но ещё больше пришло на праздник воинов царя росов — сарматов, полян, нуров, северян... Они стояли и на горе, и на поле внизу. Только в сам городок уже никто, кроме волхвов и царя с царицей, не смел войти. Все знали: боги покидают святилище,

осквернённое зверобогами и их служителями. И за праздничным весельем чувствовалась тревога перед новым, неизвестным, что несли с собой златоволосый царь и его неустрашимые воины, словно вышедшие из иного мира, чуть ли не из самого светлого Ирия.

С поля и из рва уже были убраны трупы людей и животных, и события страшной ночи теперь казались бы удивительной сказкой, если бы не поднимавшиеся из-за леса чёрные, жирные дымы двух костров и не доносившийся оттуда волчий вой. На одном костре сжигали тела колдунов, чтобы тёмные владыки Черной земли не вернулись упырями снова властвовать над ней. На другом вместе лежали тела людей и волков: в ночной битве из росских воинов погибли лишь полтора десятка нуров-оборотней и их серых собратьев. Уцелевшие протяжным воем воздавали им славу.

Изуродованные Золотые ворота прикрывала завеса белого полотна. Перед ней стояли русальцы в масках и волхвы в белых плащах. Среди них выделялись трое в львиных личинах — Вышата и две волхвини. Милана отлёживалась из-за вчерашних ран. Впервые ни одного тёмного волхва или ведьмы на празднике не было, и этому не огорчались даже те, кто сидел ночью в «пекле».

Но вот завесу отдёрнули, и в воротах показалась тройка. Кони были трёх мастей, сивый, рыжий и вороной, — день, солнце и ночь. На санях стояла лодка с мачтой, увенчанной колесом. К мачте было привязано чучело Масленицы с блином и глиняной сковородой в руках, а по бокам его стояли Ардагаст с Ларишкой — уставшие, но довольные и весёлые. Конями правил Сигвульф в медвежьей личине. Впереди его ехал в панцире и шлеме воевода Масленицы — Славобор.

Всем было ясно: едет грозная и могучая богиня смерти. Везут её как покойника — на санях или в лодке, пища её — блины, которыми мёртвых поминают, лицо белое и зубы оскаленные, как у мертвеца. Падать бы перед ней в смертном страхе. Только вот… И кони у Смерти-Зимы неказистые, ещё и рогожами обвязанные, мочалами да лаптями увешанные, и сани старые, и лодка дырявая. А на колесе восседает… Шишок. В дерюгу одетый, соломой подпоясанный, рожа в саже, сам уж изрядно пьян, в руке — амфора греческого вина, другой короб держит с пирогами и прочей снедью. Такие уж люди венеды — смеются и над самой Смертью, даже на похоронах и поминках смеются, чтобы не одолела их тоска смертная, не лишила сил в тёмных лесах, среди лютой зимы.

Женщины хором запели:

Ой, мы Масленицу да встречали,
Мы блинами гору устилали.

Мужики подхватили:

Широкая Масленица,
Мы тобою хвалимся,
На горах катаемся,
Блинами объедаемся.

Сигвульф взмахнул кнутом, и тройка понеслась под гору, а потом — по полю. Следом скакали на конях русальцы, размахивая мечами и жезлами. Реяли на ветру чёрные волосы и красный плащ Ларишки, блестела кольчуга, изорванная на груди клыками подземного зверя. А рядом Ардагаст — весь в красном, волосы на солнце золотом горят, в руке — Колаксаева чаша. Вот блеснули в их руках мечи и соединились косым солнечным крестом. «Даждьбог с Мораной!» — восхищённо шепчут люди. А между царём и царицей скалит зубы соломенная Масленица, которую благочестивые венеды зовут честной и широкой. А ещё — пересмешницей, обманщицей, ерзовкой, кривошейкой...

А вверху на колесе лешачок чего только не выделывает: кривляется, прибаутничает, вышучивает вовсю старейшин (когда только что про кого узнал?), швыряет в толпу пироги, яйца, оладьи, отхлёбывает из амфоры — и не падает. Ведь колесо это — само Солнце, весёлое и щедрое.

А за санями скачут Хилиарх в чернобожьей длиннобородой харе и Нежданн, ряженный на этот раз старухой Ягой. Чернобог причитает:

— Ой, вернись, Смерть моя чудная, страшная, да как же я, Бессмертный, без тебя буду? Без тебя моей силы вполовину убывает, не могу и землю заморозить!

Яга машет помелом:

— Убирайся, ерзовка, вертихвостка, разлучница окаянная, не видеть бы тебя в преисподней хоть до осени!

Гудят бубны, заливаются рожки и дудки, звенят гусли. Кто ругает Масленицу, кто оплакивает — все за то, что только неделю побыла, до Купалы или хоть до Велика дня не дотянулась.

— Да куда же ты, широкая, от нас уезжаешь?

— В Ольвию на базар! — со смехом кричит Ларишка.

Знатные сарматы и венеды довольно смеются: скоро кончится поход, и поедут они в Ольвию покутить, прогулять добычу. За санями Мораны едут ещё одни. На них будины везут деревянную фигуру своего весёлого бога Рагутиса — толстого, крепко сложенного, почти голого, со смеющимся лицом и маленькими рожками. Вокруг него вповалку расселись его жрицы — рагутене, такие же хмельные и весёлые, как их бог, наряженные кто быком, кто рысью, кто просто в венках из ячменных колосьев на распущенных рыжих волосах. Хилиарх то и дело оглядывался, и сердце эллина радовалось: и сюда, в дебри Скифии, нашёл дорогу весёлый Дионис со своими разгульными менадами. А Шишок — чем он сейчас хуже Силена[33]! Только что во мраморе его никто не изваяет.

Но вот уже сани выехали на соседнюю гору. Там из прелой соломы и всяческого хлама, наворованного молодёжью подворам или снесённого хозяевами, сложен громадный костёр. Двенадцать волхвов — шесть венедских, шесть будинских — как на Рождество, трением добывают священный огонь. Всем распоряжается Вышата. Его единодушно признали верховным жрецом Северы, хотя священный двоерогий посох унёс с собой Скирмунт.

Остановились сани. Вышата зажёг факел от священного огня, воздев руки, встал перед Масленицей и заговорил:

— Даждьбог и Морана! Ждали мы вас всю осень дождливую, всю зиму холодную, чернобожью. Ждали и верили: не могут свет, и тепло, и правда вовсе из мира уйти, отыщутся хоть и в преисподней и вернутся к нам. И дождались! Не будем жить звериным обычаем, как то племя лесное сгинувшее. Расчистим поле, и вспашем, и сбороним, и засеем. А вы пошлите и тепла, и дождя ко времени, и доброго урожая. А если в чём грешна Чёрная земля перед вами, то дозвольте очиститься перед вами великому старейшине и великому воеводе за себя и за всё племя.

Вперёд вышли Доброгост со Славобором, разделись донага. У старейшины тело дородное, но не обрюзгшее. Есть ещё что показать честному народу. А у молодого воеводы и вовсе на загляденье — и ладное, и сильное. Им вынесли ведра с горячей водой, мочалки, полотенца, берёзовые веники.

Доброгост громко заговорил:

— Простите, Даждьбоже с Мораной, наше племя лесное, тёмное, что в будни пьём, а в праздник работаем, матерным словом лаемся, отца-матери не чтим, на брата меч поднимаем, у злых волхвов друг на друга чар ищем, общинного добра не

бережём, соседское воруем.

— Простите нас, воинов, что не в битву поспешаем, а на пьянку да гулянку, царского приказа не слушаем, удальство где не надо тешим, вместо военного дела питейному учимся, — сказал Славобор.

— А ещё простите, боже с богиней, этих двух, что один чуть не сгубил всё племя и царя с царицей, а второй — дружину, и норовят теперь за всё племя спрятаться, — безжалостно добавил Вышата.

Старейшина с воеводой принялись на морозе мыться и охаживать друг друга вениками под смех и шутки собравшихся.

— Когда-то, говорят, этот обряд царь с царицей справляли, — сказал Ардагаст на ухо жене.

— Вторую жену себе для такого обряда возьми, — фыркнула Ларишка. — Будинку рыжую... или северянку.

Ардагаст поискал глазами Добряну. Та стояла с Ясенем, о чём-то говорила, смеялась.

Вышата взмахнул факелом:

— Прощай, Смерть-Морана! Гори ясным пламенем!

Люди бросились к саням, стащили чучело, раздели, бросили остатки на костёр, следом — разломанные сани и лодку. На самый верх костра взгромоздили мачту с колесом, а на него — смоляную бочку. Шишок лихо запустил в костёр пустую амфору. А царя с царицей схватили и уложили в вырытую в снегу неглубокую яму, завалили снегом же, ещё и сверху насыпали курганчик. Чуть погодя выкопали и вытащили с весёлыми криками: «Даждьбог с Мораной воскресли!» Ларишка хохотала, вытряхивая набившийся в рукава и за ворот снег.

А костёр уже горел вовсю. Солома, сухое дерево, смола вспыхнули разом, и на заснеженной горе над Десной запылала огненная гора, увенчанная огненным колесом.

— А мы Морану проводили, об ней не потужили! Уходи, Зима, ко дну, присылай Весну! Масленицу провожаем, света Солнца ожидаем! — кричали люди.

Ардагаст из Колаксаевой чаши вылил в костёр вино, затем мёд и пиво.

Вокруг костра плясали, высоко подскакивая и вертясь, русальцы, и вместе с ними неслись в пляске, забыв про усталость, царь с царицей. Неуёмные северянские девушки выискивали в толпе парней, тянувших со свадьбой, и привязывали им к ноге колодку — небольшой идол Чернобога. Привязали и Ясеню. Тогда он схватил Добряну за руку и при всех прыгнул с ней через костёр.

Догорел костёр. Из леса принесли молодую берёзку, а одели

её в рубаху, снятую с Мораны-Масленицы, разукрасили лентами и бусами.

Лютица возгласила:

— Вынесли Смерть из города, несём Весну в город, Весна воскресла!

Все двинулись вниз, на поле. Впереди Мирослава несла Морану-Весну, а за ней Лютица — шест с деревянной ласточкой. По полю, ещё недавно усеянному трупами людей и зверей, разбрасывали пепел и головешки от священного костра — чтобы хлеб лучше рос. Серый пепел ложился на истоптанный кровавый снег — из смерти должна была родиться жизнь. Широко и вольно разносилась над полем веснянка:

Благослови, мати,
Весну закликати:
На тихое лето,
На ядрёно жито!

Мирослава запела:

У нас сегодня Масленица!
Вылетела ластовица.
Да что ж ты нам вынесла?

Лютица откликнулась:

Из коробов жито вытрясла,
На жито-пшеницу,
На всяку пашеницу!

Лютицу усадили на соху, а Мирославу — на суковатую борону, и парни потащили их, бороздя снег и распевая:

Приехала Весна на сошечке, на бороночке!

Мужчины встали в круг, а женщины и девушки разделились. С одной стороны встали жёны и дочери «райских», с другой — «пекельных» и отсиживавшихся ночью в селе. «Райских» вели обе жрицы, «пекельных» — Неждан, ряженный Ягой. Прежде становились венедки против будинок, и первых вела гулящая Лаума, а вторых — хитрая и жестокая Невея. Теперь все были только рады праздновать без этих коварных и опасных колдуний, всё стравливавших между собой и всегда готовых «удружить» отравой или порчей, погубить урожай заломом, а скотину — наговором.

«Райские» запели:

А мы просо сеяли, сеяли.
Ой, Дид-Ладо, сеяли, сеяли.

Ладу здесь величали на будинский лад: «диди» — «великой».

«Пекельные» отозвались:

А мы просо вытопчем, вытопчем.
Ой, Дид-Ладо, вытопчем, вытопчем.

Два женских «полка» по очереди наступали друг на друга, перекликаясь:

- А чем же нам вытоптать, вытоптать?
- А мы коней выпустим, выпустим.

«Пекельные» выводили привычные слова, а чувствовали себя так, будто и впрямь превратились в навьев — злых мертвецов, что на незримых конях скачут ночью по полям и топчут посевы. Ох и злы они были на своих мужей-старейшин! Тем охотнее обещали за пойманных коней выкуп — девушек — и отдавали тех «райским» одну за другой. Первой перешла в «райский полк» Добряна.

Наконец поредевший «пекельный полк» соединился с

«райским», и толпа двинулась на Медвежью гору. Рядом со жрицами ехали с обнажёнными мечами, охраняя Морану-Весну и Ладу-Ласточку, Ардагаст и Славобор. И тут же на великолепном коне «небесной» ферганской породы гарцевал — поближе к своей богине — «любимец Артимпасы» Роксаг. Заглядывался он, впрочем, не так на ряженое деревце, как на рыженькую жрицу.

Берёзку-Весну торжественно внесли в Золотые ворота и поставили посреди святилища. После этого лучшие мужи северянские, а вместе с ними и знатнейшие росы, дреговичи, нуры в последний раз уселись пировать в Велесовом сарае. В тесноте, да не в обиде... Многие потом до конца своих дней хвалились, что ели на Масленицу мясо поверженных зверобогов.

За столом Ардагаст сказал Вашвамитре:

— Знаешь, чего я больше всего боялся этой ночью? Чтобы эти колдуны не вызвали ещё и Индрика-зверя.

— Этот Индрик, как я понял, вроде слона? Кшатрия этим не испугаешь, — разгладил усы индиец. — На слонов я охотился.

— Ты забыл, Ардагаст, — вмешался Вышата, — Индрик-зверь из всех зверобогов самый сильный и самый добрый. Никому он зла не делает. И ни один злой колдун его вызвать не посмеет. Не мог Белбог такого могучего зверя создать злобным, чтобы он всё сокрушил. Кто по-настоящему сильный — тот добрый.

А в глухой чаще колдун с двоерогим посохом и две ведьмы оплакивали погибшего духовного владыку Черной земли и слали страшные проклятия всему народу росов, и их окаянному и безбожному царю, и всем, кто, предав исконные прадедовские обычаи, признал его власть.

Глава 8
ЦАРЬ И СМЕРТЬ

Войско росов шло по Северской земле. Шли не торопясь, отягощённые большим обозом и толпой пленных по Судости, потом по Десне. Северяне давали дань безропотно, на царя никто не нарекал. Если он дань берёт, так за это защищает поселян от всех врагов. Велес знает: перед Солнце-Царем, его дружиной и волхвами не устоит никто — ни люди, ни бесы, ни чудища. Доля царя и воина — воевать, волхва — чаровать и молиться, а пахаря — кормить их и себя. А чтобы человек, не старый, не малый и не хворый, вовсе ничего полезного для людей не делал и от них кормился — такого северяне и представить себе не могли. Говорят, правда, водится такое у греков да римлян, только там мало кто бывал.

Многих старейшин сменили сами сородичи, узнав, кому обязаны двойной и тройной данью. Царь, однако, дани не убавил: знайте в другой раз, кого выбирать. Из тёмных волхвов и ведьм, кто не погиб в Моранин день, те сами бежали туда, куца добрые люди таких посылают. Да и там, в дебрях, не всякому удавалось спастись — не так от росов, как от своих же соседей, враз потерявших страх перед тёмными богами и злыми чарами. И горели чернобожьи, ягины да змеевы капища, словно от молний Перуновых. А вместе с росами шла по Черной земле Весна. Таяли снега. Весело подмигивали людям синие глазки подснежников. Птичьи песни наполняли леса вместо зловещего карканья и уханья. Войско шло долинами, а над ними, на священных горах, будто в светлом Ирии, звонкие девичьи голоса выводили веснянки.

- Ой, Лада-Весна, Весняночка,
Где твоя дочка Мораночка?
- Где-то в садочке
Вьёт вам веночки.

Водили девушки с парнями хороводы, играли в «зайчика», в «долгую лозу», в «царя» и «царевну». Удалых росских воинов охотно приглашали и в хоровод, и в игру, угощали их священным

печеньем — «жаворонками». Если местные парни противились, девушки пели им насмешливые песни о том, где эти молодцы были, когда росы на Белизне сражались, Медвежью гору добывали. А уж самая большая честь селу — если сами царь с царицей сыграют здесь с девушками в «царя» или «царевну». И никто не боялся бесчестия и буйства даже от сарматов. Да и вовсе они не страшные, эти черноволосые красавцы, лихие наездники и плясуны. Никого не тронут, когда над ними крепкая царская рука.

А старейшины вдруг узнали, что есть и над ними власть. Они, умевшие всё село натравить на непокорного и неугодного им, теперь вызывались этими непокорными на царский суд. И не назовёшь теперь жалобщика сарматским прихвостнем. При всех ответит: «Твоя власть от нас, а царя Ардагаста — от богов. Перед ним, как перед Солнцем, все равны — венеды, сарматы, будины». Ох, не то было при Сауаспе. Тот дал и дань, и сверх дани, и бесчинствовало в сёлах его воинство, будто ветер степной. Только ведь пошумят, уйдут, и снова всё как при дедах и прадедах. А теперь... Не знаешь, какому богу молиться, чтобы избавил от такого царя, перед которым и страшные зверобоги не устояли.

В село Синьково на Судости вместе с росами пришёл невзрачного вида мужичок в сером кафтане и островерхой шапке. В семенившей за ним большой серой собаке поселяне не сразу признавали волка. Мужичок, похоже, хорошо знал село. Прошёл мимо длинных домов будинов, мимо венедских мазанок и подошёл к небольшой, но добротной хате, стоявшей на отшибе, у самого леса. Толкнул калитку. Собаки залаяли, но забились в угол, стоило волку оскалить зубы. Постучал в дверь:

— Хозяюшка! Открой, коли ещё помнишь!

На стук вышла женщина средних лет, полная, но ещё довольно пригожая, в накинутой на плечи свитке. Удивление в её взгляде быстро сменилось досадой.

— Явился... Не с того хоть света? Тебя, нечисть лесную, и захочешь, так не забудешь.

— Ты детей теперь тоже нечистью зовёшь?

— Довольно и того, что меня в селе только Лешихой и зовут. Разве дети виноваты, что в лесу выросли? Да и леса того уже нет.

— Зато нет и того, кто лес наш сгубил. Победил Чернобора и всех его ведунов славный царь Ардагаст! А я теперь при нём первый храбр! В каких только землях с ним не воевал... Бился и с лешими-людоедами, и со змеем огненным, и с носорогом-зверем. И всех одолел, ни перед кем не бежал! Иль не веришь?

— Верю. От Козлорогого слышала, какой ты вояка стал, —

протянула она и вдруг заговорила со злостью: — Вот у Ардагаста тебе самое и место! Все бродяги, разбойники да буяны без роду и племени у него собираются и называются: росы. Куда ни придут, все вверх дном перевернут... Много ли хоть добычи взял?

О добыче Шишок в походе как-то и не думал. Ну зачем лешему меха или там серебро, если у него ни леса своего, ни дома? Сыт, пьян — и ладно. И разве за добычу он Солнце-Царю служит?

— Добыча... В ней ли дело? Я ведь теперь — воин Солнца, бьюсь с нечистью и слугами её, как сами светлые боги. Уж не я бесов боюсь — они меня. Да какому лешаку такое выпадало?

— Ну и что тебе светлые боги пошлют за верную службу?

— Царство Ардагаста большое, а станет ещё больше. Может, и для меня где лес найдётся. А что ещё лешему надо?

— Пропадёт это царство в один день! Твой царь только и делает, что себе врагов ищет, да таких, что подумать страшно. И найдёт-таки сильнее себя! И будет потом нечисть мстить и тебе, и мне, и детям.

— А чтобы нечисть мстить боялась, надо её...

— Ой, уходили бы вы, воины святые, отсюда поскорее... — простонала женщина, не слушая его.

— А дети-то как? — вздохнув, спросил Шишок.

— Живы, здоровы. Обвыкли уже в селе. А лес им по-прежнему — дом родной. У бабушки они сейчас. Она-то их к лешему не пошлёт, как меня когда-то.

Лешачок снова вздохнул. Со своей тёщей он предпочитал не связываться. Из хаты вышел, опираясь, будто невзначай, на рогатину и поигрывая охотничьей сетью, высокий крепкий мужик с кудрявой бородой.

— Слушай, лесной хозяин, шёл бы ты да воды не мутил. Лес тут не твой, а двор мой. А бабу эту я любил ещё до того, как она к тебе попала, ясно?

— Коли любил, так чего не пришёл в лес со мной в честном бою померяться?

— Дурак я, что ли? Ты в лесу с дерево можешь вымахать. Попробуй-ка биться у меня на дворе.

Мужик сверху вниз взглянул на приземистого лесовика. На дворе не росло ни деревца.

Лешак сплюнул, гордо вскинул бороду:

— Да кто ты такой, чтобы я с тобой бился? Чёрт, или чудище, или хоть голядин? Не видел я тебя ни на Белизне, ни у Медвежьей горы. И не за бабой к тебе пришёл по царскому повелению, а за данью. Три собольи шкурки с вас. Старейшина-то ваш всю ночь перед Мораниным днём прятался у чужой жены под

одеялом.

— Он один умнее вас всех, — огрызнулась женщина.

— Вместо одной собольей можно три беличьи, — невозмутимо добавил Шишок.

— Соболя добывать я ещё не разучился, — проворчал охотник. — Весь мир баламутят, ещё и плати им за это...

Лесовик шёл селом, сжимая в широкой руке три шкурки, и талый снег хлюпал у него под ногами. И таких вот они, воины Солнца, защищали, кровь проливали ради них... Ничего, оказывается, его подвиги не значат даже для этой бабы, с которой он столько лет прожил. Хотелось выпить, а ещё лучше — напиться. Вдруг со священной горы донеслись девичьи голоса, загудел бубен, зазвенела сталь. Шишок поднял глаза, прищурился. Девушки, встав в круг, хлопали в ладоши, а в кругу молодые воины — то ли сарматы, то ли поляне, то ли северяне — плясали по-сарматски, скрещивая мечи. Неожиданно Серячок встрепенулся и, радостно взлаяв, помчался на гору. Леший поспешил следом и увидел, как волк ласкается к одной совсем молоденькой девушке. В ней лесовик сразу узнал свою старшую дочь.

В глухой чащобе, куда не заходят охотники ни из северян, ни из нуров, ни из голяди, на полянке среди угрюмых вековых деревьев горел костёр. На ветвях белели человеческие черепа. На залитом кровью валуне лежало тельце годовалого ребёнка. У костра стояла женщина в сорочке и чёрном плаще, с распущенными светлыми волосами. Сорочка плотно облегала её сильное, здоровое тело. Женщина держала в руке чашу, сделанную из черепа, и лила в огонь свежую кровь. В тишине безлюдного ночного леса разносился её голос:

— Зову тебя, Подземная Владычица, Хозяйка Зверей, Властная над Солнцем, Всеубивающая, Всеразрушающая! Приди сюда, где петухи не поют, собаки не лают, люди земли не пашут, светлым богам не молятся! Зову тебя, Смерть-Яга!

Далеко на севере завыл ветер и понёсся, раскачивая и ломая верхушки деревьев. Пригнанные ветром тучи скрыли луну. Что-то непроглядно-чёрное мчалось по ночному небу, гася звёзды. Лес проснулся. Закаркали вороны, заухали совы, затрещали сороки, приветствуя чёрное летучее тело. А оно зависло над костром и устремилось вниз, на глазах превращаясь в чёрную ступу, в которой сидела старуха с распатланными седыми волосами, орудуя пестом и помелом, будто вёслами.

Изломав в щепки пару кустов, ступа опустилась у костра. Старуха выбралась наружу и, едва кивнув в ответ на низкий

поклон женщины, подошла к валуну. Взяла в руки тельце, принюхалась, пробормотала: «Лучше бы поджарить» — и извлекла из ступы железный вертел. Женщина бросилась насаживать тельце на вертел, но старуха отстранила её:

— Э, да у тебя руки дрожат. Пригорит ещё. Дай, я сама. — Она поудобнее уселась у костра и принялась со знанием дела поджаривать ребёнка. — Душу есть не буду. Прокопчу сейчас хорошенько, зачерню и вселю. У западных голядинов как раз одна ведьма рожает. Потерпит до утра. Ничего, живучая — в моей ступе пестом не утолчёшь. Зато ведьмака родит на славу… Ну, так что у вас в ночь на Моранин день творилось? Мне, знаешь ли, не до того было. Старый дурак снова драку затеял с Перуном и Даждьбогом, не хотел ерзовку свою ненаглядную наверх отпускать… Ну, так докладывай, великая ведьма лысогорская!

Костена опустила голову на стиснутые руки:

— Плохи дела, Владычица. Совсем плохи. Чернобор погиб, всех наших на Медвежьей горе перебили Ардагастовы разбойники. Одна я с дочерью и с зятем вырвалась. И медведь мой погиб, и медведица его, и все Великие Звери, каких мы смогли вызвать. Конец Черной земле!

Старуха преспокойно продолжала поджаривать своё яство. Богиню смерти чья бы то ни было смерть возмутить не могла.

— И поделом вам с мужем. В нечистую игру играли! — Яга погрозила вертелом. — Вы кому там служили? Нам или зверью этому? Думаете, если я первая Хозяйка Зверей, так мне с ними легко управиться? Додумались — Змея Глубин вызвать, хоть и в медвежьем облике… Да он, если разгуляется в полную силу, все три мира разнесёт! Я знаю — сама с ним билась. С пестом, на кабане верхом. Еле обратно под землю загнала. Его вызывать — только лишней славы добавлять племянничкам моим да их избранникам.

— Да человек ли он, этот Ардагаст? Колаксаеву чашу из двух половин слить и биться ею — ни один смертный такого не мог! Даждьбог ли в него воплотился или Ярила с кем прижил?

— Даждьбог только избрал его, отроком ещё. А Ярила разве что свёл родителей его. Сорвиголовы были — друг друга стоили. Ты ещё матери его не видела, да и сестры. Обе далеко отсюда. Молись, чтобы сюда и не добрались.

— А если он не бог, то как же может… как же смеет! — Костена сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, голос её сорвался на крик. — Ведь всех лучших, мудрейших людей в лесу истребляет, под корень изводит! Кто же останется — горлорезы его да дураки, что их кормят? А в наставниках у них разве волхвы? Недоучки, отступники, бродяги безродные! А ведь как

хорошо было в Черной земле: ни войны, ни усобицы, все страх чернобожий знали, нас, мудрых и вещих, почитали: и старейшины, и воеводы, и простые поселяне.

— И чего же это они за вас, таких мудрых да почтенных, не постояли? — с ехидцей спросила старуха.

— Больно робкие у нас люди. Испугались его железных воинов да проклятой Огненной Чаши. А волхвы его людей обморочили.

— Ну, уж вы-то путать да морочить лучше всех умеете. За Ардагаста, однако, на смерть идут, в бой, сквозь пламя. А за вас... Добро бы только не защитили, а то ведь ловят, бьют, жгут, топят...

— Потому что дураки и неучи! — злобно прошипела Костена. — Оттого и ненавидят нас, мудрых. Нашей-то мудрости не всякий учиться может.

— И одолели вас, премудрых, воины-неучи да волхвы-недоучки, — презрительно бросила Яга. — Да не умнее вы других! Просто хитрее да бессовестнее. И нечего стыдиться... между своих!

— Да ведь пропадут они без нас в лесу, дурачье это! — с бессильным отчаянием простонала ведьма.

Яга спокойно сняла тельце с вертела и принялась разделывать без ножа, сильными, цепкими пальцами.

— Не пропадут. Это вы без них пропадёте. Больно жирными да важными стали вы, особенно в Черной земле. Вот и пришёл Вышата, у которого ничего, кроме мудрости. У вас же украденной. Теперь его любят и верят ему, а вас даже не боятся. А кабы не он, не было бы и Ардагаста — мало ли на свете сколотых, хоть и с царской кровью.

— Что же делать-то? Неужели и впрямь Даждьбожье царство настало? Ох, зачем я тогда взялась ведовству учиться? Хотела, дура, чтобы все меня боялись, а теперь вот прячусь, как волчица загнанная...

Пальцы Костены вцепились в волосы, по лицу текли слёзы. Яга несильно ударила её по щеке жареной детской ручкой, оставив жирный след.

— Дура и есть! Другой раз вот так на Лысой горе, при всех твоих колдовках дам, чтобы не куксилась. После лета непременно зима наступит, после дня — ночь. Да и днём солнце затмить можно, ежели умеючи... Привыкайте теперь быть бедными да гонимыми. За правду гонимыми царём лютым, неправедным, хи-хи-хи! Мы-то знаем, что нет ни правды, ни кривды, а есть выгода, — хитро подмигнула старуха и протянула ведьме сочную грудинку. — Ешь вот лучше священную пищу, чтобы ума да силы колдовской прибыло, и слушай.

Крепкими зубами Костена рвала тёплое мясо, и лицо её на глазах становилось хищным, решительным, взгляд — уверенным. А старуха, смакуя человечину, наставляла великую ведьму:

— Вся сила Ардагаста — в Колаксаевой чаше. Есть ещё золотая секира и золотой плуг с ярмом. Они хорошо запрятаны, но не так страшны. Секира даег царю и племени силу воинскую и победу, плуг — трудолюбие и богатство. А вот чаша — мудрость и то, что дураки праведностью зовут. И храброго, и богатого, и работящего мы к рукам прибрать можем. А вот царство с чашей для нас, считай, потеряно.

— Значит, чаше в этом мире не место! Только как же её уничтожить? Уж по-всякому пробовали...

— Нужно уметь время и место выбрать. Дары эти Сварог с неба сбросил, а Даждьбог подобрал весной, когда день равен ночи. С тех пор это самый большой праздник у людей. Скифы и сарматы год с него начинают. А венеды зовут его Велик день. Вот и нужно в ночь перед этим днём захватить чашу, и прямо в пекло. Да тут же и самого Солнце-Царя убить. Наступит утро, а чаша будто и не приходила в средний мир.

— Мы как раз в эту ночь на Лысой горе всегда собираемся.

— Вот там всё и нужно сделать. В самом святом нашем месте, и чтобы все лучшие ведьмы соединили колдовские силы. Мужики Ардагаста оружием одолеть не смогли, так бабы одолеют чарами.

— Его в Чёртовом лесу бабы и связали! — рассмеялась повеселевшая Костена. — Если б только Лихослав его сразу прикончил, а чашу истребил. А теперь что же, украсть её? Вышата её с собой в суме дорожной носит, да на той суме такие чары наложены...

Яга покачала головой:

— Солнце-Царь и Огненная Чаша его должны погибнуть вместе. Заманите его вместе с чашей на Лысую гору, и как раз в ночь на Велик день. Всем кодлом уж как-нибудь справитесь, а чашей я тогда сама займусь. Не вмешалась бы только Морана. Это ведь она вынесла из нижнего мира солнечное золото, из которого потом Сварог дары свои сковал. И секиру с плугом она хранит.

Под весенним солнцем всё сильнее таял снег, и всё труднее было идти войску росов с обозом и пленными. Вскрылась Десна. Начался ледоход, а затем и половодье. Его решили переждать, разбив стан у села Мокошина возле устья Сейма. Заодно здесь же, в святилище Мокоши-Лады, отпраздновать и Велик день.

К празднику старательно готовились и в стане, и в соседних сёлах. За неделю до него все хаты и шатры разукрасили

вербовыми ветками. Волхвини умело расписывали куриные яйца. Каждая такая писанка-крашенка — это весь мир. Есть на ней и солнце, и звёзды, и земля, и преисподняя. На одной писанке красуются две небесные златорогие оленихи, на другой — змееногая Лада-Берегиня с воздетыми руками, на третьей — её сыновья, солнечные всадники Даждьбог и Ярила. Весь мир пошёл из яйца, снесённого Девой-Лебедью Ладой, учили некогда волхвы. Теперь говорят: снесла она два яйца, и вышли из них белый и чёрный гоголи — Белбог и Чернобог, творцы мира. И будет мир стоять до тех пор, пока люди пишут писанки. А перестанут — значит, забыли, откуда мир взялся и как устроен, и не хозяева они уже в нём, а хищные и неразумные пришельцы.

Растирали зерно в муку для священных хлебов-куличей. Собирали всякий хлам и солому для праздничных костров. Сооружали качели. Парни и девушки прикидывали, кто кого будет на праздник обливать водой. И по-прежнему звонкоголосыми птицами разносились со священных гор веснянки.

На Велик день из нижнего мира выходят медведи и змеи. Как обычно, медведя собирались приветить: плясать в медвежьих шкурах и есть медвежье лакомство — комы из гороховой муки. А змей — отвадить священными кострами.

Со времён зверобогов был этот день медвежьим и змеиным праздником и звался комоедицей. Но вот упали с неба золотые дары, и стал Солнце-Царём подобравший их Даждьбог, а великий весенний праздник стал царским. В сколотские времена избирали красивого и сильного, как сам Колаксай, юношу священным царём. Он спал с небесным золотом, и давали ему столько земли, сколько сможет объехать за день, и чествовали, как самого Колаксая. А через полгода приносили в жертву в память о Солнце-Царе, убитом завистливыми старшими братьями. И не нашлось за четыре века такого труса, чтобы после божеских почестей попытался избежать суровой чести — умереть смертью бога. Так было до тех пор, пока сами дары не скрылись от людей, недостойных их.

Теперь же один из трёх даров вернулся к потомкам сколотов, и Вышата решил возродить древний обряд. Он собственноручно изготовил секиру и плуг с ярмом, вырезал на них священные изображения, о которых помнили жрецы Экзампея, и выкрасил дорогой золотистой краской. Только теперь обряд должен был совершить сам царь, и жертвенная смерть его не ждала, — ведь великое царство только предстояло возродить.

Многие поляне сомневались: придут ли лесовики на праздник золотого плуга. Ведь будины и нуры земли вовсе не

пахали. Вырубят лес, выжгут, бросят зёрна прямо в пепел, заборонят бревном-суковаткой и ждут урожая. Пошлют его боги — хорошо, не пошлют — скотина да лес пропасть не дадут. Только те венеды, что пришли в леса с юга, старались, где возможно, не дать полю снова зарасти, и пахали его сохой. Однако праздником заинтересовались даже те, кто в жизни не касался сохи. Почему не справить обряд, хоть и чужой, если после него земля станет лучше родить? Сколоты вон хлебом кормили не только себя, но и греков.

Близился праздник, но тревожно было в лесных землях. Скирмунт, объявивший себя верховным жрецом, и Костена слали из чащоб проклятия и угрозы росам и всем, признающим Солнце-Царя, и незримые щупальца злых чар вновь тянулись из лесов к росской рати. Шумила с Бурмилой собрали разбойную дружину из голяди и тех венедов, чьи родичи поплатились за колдовство. Прозванные «чёрными медведями» разбойники нападали на нуров, жгли сёла, поедали пленных, и Волх со своими воинами ушёл на север — бороться с набегами. А самые отчаянные из пленных голядинов стали убегать ночами, чтобы пристать к Медведичам.

За пять дней до праздника в стан прискакал запыхавшийся, взволнованный Ясень.

— Беда, царь! Шумила напал на Почеп, Добряну с собой увёл. Сказал — на Лысую гору, Чернобогу в невесты.

— Что-о? Да неужели она...

Ардагаст вырос недалеко от Лысой горы и ещё мальчишкой слышал о непотребствах, творившихся на главном ведьмовском сборище в ночь на Велик день. «Невестой» служила молодая ведьма, ещё не знавшая любви, а «женихами» — сам Чернобог и целая свора колдунов, чертей и ещё Нечистый ведает каких тварей. Чернобога, впрочем, часто изображал главный колдун.

— Только не она! Ну какая из Добряны ведьма? — решительно возразила Ларишка.

За несколько дней, проведённых на Судости, она успела подружиться со скромной и доброй северянкой. Та охотно просвещала тохарку в разных тонкостях венедских обычаев, а сама с восхищением слушала рассказы Ларишки об их с Ардагастом подвигах в далёких землях. Самого Зореславича Добряна не то что расспрашивать — слишком близко от него сидеть не решалась, чтобы лишний раз не услышать в спину: «Царская наложница», а то и что похуже.

— Да разве я примчался бы сюда, если бы она сама... в блудилище это? Силой её увели! — сказал Ясень.

— А что же ваши мужики? — осведомился царь.

Парень махнул рукой:

— Все настоящие воины — здесь, со Славобором. А эти... Покуда сбежались с топорами да с рогатинами, да потом ещё не так бились, как кричали и дрекольем махали, а в лес и вовсе сунуться побоялись. Слушай, царь, — с жаром заговорил Ясень, — догони тех, а ещё лучше — накрой на Лысой горе всю чёртову стаю. Ты же всё можешь. Ни перед кем не отступишь, даже перед самим Пекельным! Ведь она с их блудного жертвенника живой не встанет! — Голос парня дрожал, глаза смотрели на Ардагаста с отчаянной надеждой.

— Не отец ли её тебя надоумил? С лесными разбойниками воевать боитесь, а я за вас снова бейся со всей преисподней? — резко произнёс Ардагаст.

— Я рядом с тобой до смерти биться буду! А батя её даже погони не снарядил, хоть и мне не мешал. На все-де воля богов. Ты ещё не знаешь, у наших лучших мужей это вроде как честью считается.

— У Медведичей всё больше сотни воинов. А наши три волхвини и Вышата стоят всего их сборища. Берём сотню лучших дружинников — и на Лысую гору. Да, и я с тобой тоже, — тоном, не признающим возражений, сказала царица. — А войско оставим на Хор-алдара.

— Если вы с царицей... не вернётесь, мы, венеды, все выберем в цари Хор-алдара, — сказал один из Полянских воевод.

— А как же росы? Ведь он не из Сауата, — возразил царь.

— Мы все теперь росы! А Андака с Чернозлобной никто уже за людей не считает. Что они славного сделали в таком походе?

Хор-алдар поднял вопросительный взгляд на Ардагаста. Суровый, немногословный, князь думал сейчас не о самой власти, а об ответственности, которая ляжет на него. Ведь боги не называли его своим избранником.

— Ты остаёшься вместо меня, — кивнул Зореславич. — А нового царя может выбрать только племя... оба племени, росы и венеды. Огненной Чашей же могут распорядиться лишь боги.

— Я знаю Лысую гору. Это язва в самой середине твоего царства, и она его разъест, если её не выжечь, — сказал Вышата.

— Возьмите меня с собой, Ардагаст! Уж такой бой я не могу пропустить! — азартно воскликнул Роксаг.

Царь роксоланов не просто скучал в ожидании выкупа. После бесславного пленения ему просто необходимо было снова возвыситься в глазах племени. И какой же степняк в таком случае откажется от подвига? Один сарматский царь хорошо понимал другого.

Сотня всадников в остроконечных шлемах ехала вниз по течению Десны. Летом или зимой до устья реки можно было доскакать в два дня, теперь же из-за распутицы двигаться пришлось вдвое медленнее. Люди, спасавшиеся на горах от половодья, приветливо кланялись. С тревогой рассказывали о проехавших тут всадниках в чёрных кафтанах и чёрных медвежьих шкурах. Угрюмые и злобные всадники никого не трогали явно лишь из-за спешки. Они только хлестали попадавших под руку плетьми и ругались самыми мерзкими Матери-Земле словами.

А со священных гор разносились, радуя и тревожа душу, веснянки. Пели не только о весне и её богинях — о радостях любви и семейной жизни. Ардагаст всё чаще думал о Добряне. Вдруг и впрямь потеряла девчонка голову от безнадёжной любви к нему, не выдержала насмешек и решила податься в ведьмы, соблазнилась разгульным житьём и тёмным могуществом колдуньи? И не заманивает ли она теперь его, вольно или невольно, в ловушку? Лесная русалка Черной земли...

Нет, не могло такого случиться с чистой лесной царевной! Не могли её превратить никакими чарами в распутную и коварную тварь... А если смогут — после мерзкого обряда, погружающего душу в грязь?.. Да что ему за дело до этой девчонки, которую он думал снова увидеть разве что на будущий год, в новый приезд за данью — женой Ясеня, дай ему Лада всяческого счастья! Но ведь это он, Ардагаст, перевернул всю её жизнь, из-за него её сейчас влекли в чернобожье логово, в стольный град Яги! Хорошо, если мохнатые скоты не надругаются над ней ещё в дороге, забыв в животном раже, что для обряда она нужна нетронутой...

Всадники в панцирях и островерхих шлемах стояли, скрытые лесом, на высокой горе. Впереди, слева, позади раскинулось бескрайнее тёмное море лесов, ещё не одетых листвой. Зеленели лишь вековые боры. Справа неспешно и величественно катил свои воды на юг широкий Днепр. На север вдоль края лесов поднимались одна за другой четыре горы, тоже (кроме одной) поросшие лесом. А между горами и Днепром раскинулось царство болот, озёр, проток, ручьёв и речек, между которыми выделялась довольно широкая река, что текла, подобно Днепру, с севера и в него же впадала чуть ниже горы, на которой стояли конные росы. Переправившись у устья Десны, они скрытно, лесами вышли к этой горе.

Спутники Ардагаста, повидавшие мир от Британии до Гималаев и от Египта до Урала, молчали, поражённые неброской, но могучей красотой этих мест. А он рассказывал, обводя

просторы рукой с гордостью хозяина:

— Вот земля борян — их ещё горянами зовут, — самых северных из полян. Здесь был край Великой Скифии. На отшибе живут, а никто их отсюда не может совсем в леса загнать, чтобы стали как нуры. Богатая земля — и пашни тут, и леса, и река, и пастбища. И прятаться от степняков легче, чем на юге. Искал меня дядя Сауасп по здешним борам, искал, а нашёл — призадумался: как обратно выбраться, если боряне осерчают?

— Эллинские купцы очень хвалят эти места, — вмешался Хилиарх. — Здесь можно купить всё, чем только богата Скифия — зерно, меха, воск... Теперь я понял: тут — ворота из лесной Скифии в степную.

— Да, ваше торжище вон там, над Почайной, — продолжил Ардагаст. — И ещё эти места — святые. А из святых мест просто так не уходят. Вот эта гора — Перунова, на ней капище Рода. Дальше — Хорсовица. Городок на ней был — видите валы? Сауасп велел из него уйти, а святилище Даждьбога всё равно осталось. Дальше — Змеевица. Недоброе место...

— Кому как, — возразил Вышата. — Змеем оборачивается и Перун, и Велес. Добрый человек у змея мудрости и богатства просит, а злой — лихих чар.

— А за ней, — лицо Зореславича помрачнело, — Лысая гора, стольный град Яги с Чернобогом, и нет этого места проклятее во всей Скифии. Городок волховный тоже Сауасп велел оставить. Вроде никто и не живёт, а в ночь на большие праздники — Рождество, Велик день, Ярилу, Купалу — такое творится! Добрые люди в городок не смеют и днём зайти, — такими чарами он ограждён. Ну а дальше доброе место — Ярилины горы. В них пещеры, где Ярила змея одолел. Там мы с Вышатой от бесов прятались, а он Индрика-зверя вызывал. А над Почайной, у торжища, — капище Велеса.

— А где то село, в котором ты вырос? — спросила Ларишка.

— Вот оно, над Почайной, ближе к Ярилиным горам.

— И Лысая гора тоже близко, — поёжилась тохарка. — Жутко, наверное, жить в таком месте?

— Да не страшнее, чем во всём мире, — философски улыбнулся Вышата. — В нём всюду злые боги рядом с добрыми. Не бежать же от него из-за этого, а, Хилиарх? — подмигнул волхв эллину.

— У нас в Бактрии, если бы кто и посмел устроить святилище Ахримана, его бы разнесли по камешку. Даже бактрийцы не побоялись бы, не то что мы, тохары, — сказала Ларишка.

— Вот мы и поговорим с этой сворой лысогорской... по-

тохарски! — решительно произнёс Ардагаст. — А силы для того возьмём у светлых богов.

И он повернул коня к капищу Роба, скрытому за деревьями. Капище было устроено просто, как и все венедские святилища. Под навесом на четырёх столбах, на четырёхугольной каменной вымостке, стоял массивный дубовый идол, выкрашенный в красный цвет. Четыре лица его смотрели из-под высокой княжеской шапки на четыре стороны света. Перед идолом курился жертвенник из обожжённой глины.

В святилище их уже ждали трое волхвов: невысокий, кряжистый, с хитроватым насмешливым лицом жрец Рода, сухонький длиннобородый старик — волхв Велеса, и румяный, жизнерадостный жрец Хорса. Царь спешился и низко, но с достоинством поклонился им.

Жрец Рода приветливо улыбнулся ему:

— Здравствуй, Ардагаст! Рад я, что вышел из тебя царь. А то я с тех пор, как ты с другими мальцами мою козу увёл и на дерево затащил, всё боялся: станешь скотокрадом, сарматская кровь всё-таки. Да ещё с таким непутёвым наставником...

Вышата выступил из-за спины царя:

— Здравствуй, Родомысл! Что, так дальше Стугны и Ирпеня нигде и не побывал?

— Зачем мне дальше своего племени забираться? Зато ты, говорят, больше прежнего бродил, искал по чужим землям мудрости, какой и на небе нет. Много ли нашёл-то?

— Достаточно, чтобы всю ведьмовскую породу разогнать от Дрегвы до Черной земли. И сюда за тем же пришёл. Ну что, великие волхвы борянские, избавимся наконец от соседей с Лысой горы?

— Сколько раз уж говорили, — вздохнул старый волхв, — не хватит у нас четверых волшебной силы на всё это сонмище...

— Ох и слабы здесь мужики, — насмешливо произнесла Лютица, выходя вперёд вместе с Миланой и Мирославой. — А если к вам четверым нас, двоих баб и одну девку, добавить? Как раз священное число выйдет.

— Их же тут не меньше сотни слетится, — махнул рукой жрец Хорса. — Да ещё вдруг явится тот, кого лучше не называть...

— Называют его Шивой — в той земле, где с ним сражался предок Огнеслав. И одолел! — сказал Вышата.

— Рядом с Огнеславом тогда была его жена Роксана, волхвиня Великой Богини, а рядом с Вышатой в эту ночь буду я, великая жрица Лады в Черной земле! Буду, если даже вы все по своим капищам попрячетесь, — решительно добавила Лютица.

— Знаю, слышал не раз, — скривился досадливо жрец

Хорса. — Только был ещё с ними Герай Кадфиз, великий воин с мечом Солнца и Грома. Где такие в земле Полянской?

— В земле Полянской есть я — Солнце-Царь с Колаксаевой чашей и мечом Куджулы Кадфиза! И я буду биться рядом со своим учителем! — тряхнул золотыми волосами Ардагаст.

Плечи Хорсова жреца распрямились, глаза озарились радостью, словно при виде давнего друга.

— Слышу речь сколотского царя! Быть этой ночью великой битве! И мы, волхвы трёх светлых богов, в стороне не будем.

— Спасибо, дядя Хорош! Помню, вы с Вышатой все говорили о сколотских временах, а я сидел да слушал, и так хотелось мне жить в те времена, брать Ниневию с царём Лютом, гнать Дариевы полчища из Скифии, — тихо сказал Ардагаст.

— Вот так из благих слов благие дела рождаются, а только они возносят душу к самому Солнцу! — вдохновенно произнёс Вышата. — Значит, не зря такие, как мы, три века память о сколотах хранили.

Родомысл заговорил деловито и буднично:

— Нам троим лучше всего оставаться в своих капищах — не ухмыляйся зря, Лютица. Мы будем слать силу трёх богов вашим воинам в помощь, а бесовской рати — на погибель. Наслышан я, царь, о твоей русальной дружине...

— Русальцы, выйдите вперёд! — приказал Зореславич.

Родомысл довольным взглядом окинул лучших воинов царя росов и так же деловито сказал:

— Одно плохо — сейчас Велик день, не святки, не Масленица и не русальная неделя перед Купалой. Значит, в личинах и с жезлами биться вы не можете.

— Ничего, проучим нечисть одними мечами, — бодро заверил Неждан.

— А вот мечи ваши, да и всей дружины, освятить надо. На Лысой горе будет столько силы нечистой, сколько вы, храбры, ещё не встречали и дай Род, чтобы больше не встретили. Есть у вас что в жертву принести Отцу Богов?

— Есть. Белого коня с собой взяли, — ответил Вышата.

— То, что нужно. На белом коне Род-Святовит по ночам с нечистью бьётся.

Коня принесли в жертву по-сколотски: задушили арканом. Бросив часть мяса в огонь, Родомысл возгласил:

— Род-Белбог, Громовержец, ты, который есть дед Перуна и сам Перун! Ты, властный над тремя мирами и четырьмя сторонами света! Твой огонь, огонь жизни — во всех трёх мирах, его сила — в молнии и громе. Дай твою силу мечам этих воинов, что идут в бой не ради добычи — ради победы над Тьмой!

Десяток за десятком подходили дружинники и разом опускали клинки в пламя, чувствуя, как вливается в оружие и в них самих могучая и вечная, как сам огонь, сила. Царица опустила в огонь не только махайру, но и наконечники стрел. Заметив это, Родомысл вручил ей стрелу с кремнёвым наконечником и сказал:

— Это — громовая стрела. Береги её, царица, для самого сильного врага.

Последним к жертвеннику подошёл Шишок и с самым благочестивым видом опустил в огонь увесистую дубину. Он знал, что на Лысой горе деревьев нет и встать там в полный рост не удастся, но ведь боги его и при обычном росте силой не обделили, а страх перед боем у него давно уже пропал.

Когда обряд был окончен, жрец Велеса сказал:

— А теперь, воины, пошли в моё святилище. Заговорю вас от бесовских чар и обереги дам. Не думайте: на нас железо и в руках железо, так что нам, сильным мужам, стоит каких-то баб порубить? Без колдовской защиты можно вдесятером одну старуху не одолеть: отведёт глаза, и сами друг друга порубите.

Крутым извилистым спуском всадники двинулись вниз, к речке Глубочице, протекавшей между Хорсовицей и Змеевицей. У её впадения в Почайну раскинулось большое село Подол. Народ здесь жил говорливый, знающий новости со всего света и умеющий поторговаться, но честный и работящий. За светлых богов здесь стояли крепко: сюда перебрались после нашествия росов жители Хорсова городка. А обитатели лысогорской ведьмовской твердыни обосновались в селе Дорогожичи — наверху, по ту сторону Лысой горы, у столь же любимых чертями мест — болота и развилки дорог. Шишок, способный найти дорогу через любой лес, провёл отряд Ардагаста к Перуновой горе в обход Дорогожичей.

Подол уже шумел и бурлил вовсю. Оказалось, какие-то страхолюдные не то разбойники, не то бесы, не то оборотни утром напали на соседнюю Оболонь, а потом укрепились на Лысой горе. Подоляне вооружились и собрались идти на подмогу соседям, хотя сил было маловато: из обоих сёл лучшие воины ещё осенью ушли с Ардагастом. Увидев царя и его дружину и узнав среди дружинников своих односельчан, подоляне разразились приветственными криками.

Святилище Велеса находилось недалеко от устья Глубочицы, на торжище. Под навесом на четырёх столбах стоял деревянный Велес: остроголовый, с бородкой, с рогом в руках, добрый и хитроватый с виду и совсем мирный. Воинственности ему не прибавляли даже посеребрённые рога. Капище окружал ровик,

заполненный водой после половодья.

Небесному Пастуху пожертвовали быка, выменянного на коня у подолян. Зарезав быка, волхв, в рогатой личине и медвежьем полушубке мехом наружу, стал обходить войско, помахивая курильницей. Сладковатый, дурманящий запах колдовских трав смешивался с запахом палёной медвежьей шерсти. Сильным, далеко не старческим голосом волхв приговаривал:

— Боже Велесе, из богов старейший и мудрейший! Огради это воинство праведное силой ночного света, силой трав, силой звериной. Оборони его от колдуна и колдуньи, от ведуна и ведуньи, от ведьмака и ведьмы, от чёрта и чертовки, от самого Чернобога и Яги — всех чертей матери. Слово своё замком замыкаю, тот замок в Океан-Море бросаю. Кто море высушит, тот мой заговор превозможёт.

Потом волхв взял священную секиру и с неожиданной для старика силой дважды перебросил её крест-накрест через войско. Затем, обернувшись на восток, высоко поднял крест из корня плакун-травы и возгласил:

— Плакун, плакун! Не катитесь твои слёзы по чистому полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам лысогорским. А не дадут тебе покорища — утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища — замкни в ямы преисподние. Будь моё слово при тебе крепко и твёрдо во веки веков!

После этого, развязав объёмистый мешок, заговорил:

— Подходите, воины росские, берите обереги! Вот одолень-трава, для нечисти неодолимая. Вот плакун-трава. Вот конский щавель, вот сварожья голова — с ней любого беса или ведьму увидишь. Вот чернобыльник, зверобой, чертогон. А вам, царь с царицей, обереги из янтаря — солнечного алатыря-камня.

Подолянам волхв давал что попроще — чеснок, полынь, соль, освящённую в четверг — Перунов день, и наставлял:

— Помните: обереги мои ни ума, ни храбрости не прибавляют, но вражьи чары ослабляют. А больше берегитесь мороков. Не так колдун силён, как то, чем он казаться умеет. Не испугаетесь — сумеете разглядеть за мороком того, кто морочит. Обереги вам помогут. Не сумеете — от одного страха умереть можете.

Конные росы и пешцы-подоляне двинулись правым, более высоким и сухим берегом Почайны к Оболони. Когда уже подходили к селу, впереди раздался крик: «Роксоланы!» — и из села выбежали, ощетинившись копьями, десятка два мужиков. Другие целились из луков, прячась за тынами. Пусти кто-нибудь сгоряча стрелу — и не миновать бы крови. Но тут на улицу

неспешно вышел, прихрамывая, высокий худой мужик в кольчуге, с мечом у пояса и рявкнул:

— Вы что, тамги не различаете?! Вон, на знамени — наша, росская. Или Роксага признали, а своего царя нет?

— Да где им меня признать, если я тут восемь лет не был, — улыбнулся Ардагаст, соскочил с коня и крепко обнял оболонского воеводу. — Здравствуй, дядя Ратша! Здравствуйте, оболонцы!

— Ардагаст вернулся! Жив Зореславич! — понеслось по селу. Мужики, бабы, дети высыпали на улицу.

Ратша смахнул рукой слезу, тряхнул длинными — до плеч, как у сколотов — волосами:

— Воротился! Настоящим воином, царём! Значит, не зря я из-под Экзампея живым вернулся, не зря тебя учил, от Сауаспа прятал!

— Ой, а про тебя уж чего не говорили! То будто лешие тебя съели, то упыри с волколаками, то змей огненный, то медведи страшные... — всхлипнула одна из баб.

— Я им всем по вкусу пришёлся, да не по зубам, — рассмеялся Ардагаст.

Ратша вдруг помрачнел и как-то несмело спросил:

— Говорят, ты все голядские городки по Десне разорил? А голядь не то увёл, не то побил?

— Кто за оружие не брался — тех увёл. Только один городок оставил — Владимиров, отца твоего. Там не побоялись перед людоедами ворота закрыть. Обещал батюшка к тебе приехать, как только мир в лесу настанет.

Ратша гордо обвёл взглядом односельчан.

— Ну вот, а говорили: сколотный... У нас, царь, беда, — обратился он к Зореславичу. — Напали на село... не поймёшь кто — люди или медведи?

Оболонцы наперебой заговорили:

— До пояса люди, ниже медведи!

— Да нет, наоборот!

— Медведи, только чёрные и на конях!

— Знаю, кто это, — прервал их Ардагаст. — Медведей среди них вовсе нет, а только два полумедведя — Шумила с Бурмилой. Остальные — ряженые в крашеных шкурах.

— Кто бы ни были, а присланы самим Нечистым, — продолжил Ратша. — Схватили пятерых баб, семерых детишек, увели на Лысую гору. Хотели и село поджечь, да ночью дождь шёл, стрехи соломенные отсырели. А мы за подмогой послали и на Подол, и на Перунову гору, в Клов. Печеры — всюду, чтобы приступом идти на волховной городок.

— Осмелели вы, однако, — покачал головой царь. — Помню, затеяли мы игру — с мечами деревянными Лысую гору брать, так нас всех потом отодрали, кроме меня. Ты, Ратша, тогда меня заставил раз двадцать с настоящим мечом и в кольчуге на Хорсовицу взбегать, да ещё от брёвен уворачиваться, которые ты сверху спускал.

— Не одного тебя я так учил, — кивнул Ратша. — Да, осмелели нынче люди. Знали ведь — ты на помощь идёшь. Да если бы и не пришёл, всё равно бы до заката пошли на приступ. Ведь завтра Велик день. Что с полоняниками в эту ночь могут бесовы слуги сделать?

— Двенадцать человек, да Добряна тринадцатая — чернобожье число, — озабоченно проговорил Вышата. — Великая жертва Пекельному. Значит, всех их ждёт либо смерть, либо бесчестье. Начнут проклятые свой обряд в полночь, а кончат до первых петухов.

— Пошли на городок немедля! — зашумели оболонцы.

— Нет, — твёрдо сказал Ардагаст. — Ударим перед полночью, чтобы накрыть всё ведьмовское сборище. Сигвульф поведёт конную рать и ударит сверху, через ворота, а я с остальными русальцами и с пешими — снизу, из яра. Отучим нечисть над святыми праздниками глумиться!

— Веди нас, Солнце-Царь! С тобой — хоть на самого Чернобога с Ягой! — разом закричали росы и поляне.

Близилась полночь. Росская рать скрытно подбиралась к Лысой горе. Узкий, но не глубокий яр разделял проклятую гору на два отрога. Волховной городок находился на южном, отделённом от Змеевицы другим яром, по которому текла к Почайне речка Серховица. Один вал со рвом и частоколом преграждал путь между вершинами двух яров. Второй отгораживал над самой кручей, обращённой к Оболони, детинец, где творились обряды столь тайные, что немногие ведьмы и ведуны допускались до них. Между двумя валами поднимался высокий холм, увенчанный вонзавшимся в ночное небо идолом Чернобога.

Сигвульф повёл конную дружину назад на Подол, а затем вверх по долине Глубочицы, между Хорсовицей и Змеевицей, укрываясь от глаз сборища на Лысой горе. Тем временем пешая рать, стараясь не шуметь, начала взбираться по яру между отрогами. Вместе с конными отправилась Милана, с пешцами — Вышата и обе жрицы Лады. Все четверо старательно отводили взгляд и слух собравшимся на горе, хотя Вышата чувствовал, что это мало поможет. Он давно догадывался, что царя заманивают в

ловушку, и не скрыл этого от Ардагаста.

По небу среди неподвижных звёзд всё чаще проносились словно бы другие, летучие звёзды — и падали все на южный отрог Лысой горы. Но лишь волхвы и те, кто от природы имел сильное духовное зрение, видели, что это летят ведьмы — голые, с развевающимися волосами, верхом на помелах, ухватах, кочергах. Иные летели вчетвером-впятером, ухватившись за колдуна — своего наставника и повелителя. Иные — усевшись на кусок липовой коры, иные — оборотившись сороками. Обгоняя их, неслись на нетопырьих крыльях черти — косматые, остроголовые.

Даже и не видя ведьм с чертями, воины Ардагаста знали, на кого идут. Но крепко надеялись на самих себя, на своё оружие и на чары Велесова жреца и своих волхвов. Увереннее всех, не считая русальцев, чувствовали себя оболоицы. Живя рядом с ведовской твердыней, они хорошо знали, как обороняться от её завсегдатаев. Одни вооружились осиновыми колами, другие — палками о трёх дырках, третьи — тележными осями. И обереги у всех были свои, испытанные.

С людьми шли трое крупных серых псов-ярчуков. Их мощные челюсти, не уступавшие волчьим, были страшны для ведьм, на которых обычные собаки не то, что броситься — залаять редко смели. Эти псы, и матери их, и бабки были первенцами у своих матерей. Растили ярчуков в яме, накрытой заговорённой бороной, чтобы ни одна ведьма не добралась. Серячок, который легко мог подружиться с любой собакой или проучить её, к ярчукам относился уважительно, словно к самым сильным волкам.

Чем ближе к полуночи, тем больше темнело небо. Вот уже не осталось на нём ни единой светлой точки. Поёживаясь, люди гадали: укрыли ведьмы всё небо тучами или украли с него месяц и звёзды, угнали Велесову скотину? Для бесовских дел помеха — даже бледный свет Небесного Пастуха и его стад. Ко всему ещё на гору и её окрестности опустился туман — густой, тёмный, непроглядный, собственную вытянутую руку не рассмотришь. Сбиться с пути воинам не давали лишь высокие стенки яров, журчащие и хлюпающие под ногами ручьи да ещё крепкая надежда на таинственное духовное зрение волхвов.

Пешцы столпились в верхней части яра, где стенки были более низкими и отлогими. Шёпотом передали приказ царя остановиться и ждать. Ожидали, когда звук рога известит о том, что конники Сигвульфа вышли к наружному валу городка. А слева и сверху сквозь колдовской мрак пробивался свет. Тянуло дымом. Слышались крики, гогот, завывания, стук посуды. Что творилось в бесовском городке? Не начался ли уже проклятый обряд?

А в городке не беспокоились и не торопились. Ведьмы, колдуны, черти, упыри прохаживались по городку, угощались молоком и прочей краденой снедью, сплетничали, делились колдовским опытом. Здесь хвастали, кто больше мерзостей натворил безнаказанно, кто лучше устроился за счёт тех, кого тут звали не иначе как «дурачьём праведным» и «неучами». Себя же мнили великими мудрецами. Да кто, кроме мудрейших, может постичь: всё, чему верят сотни поколений дурачья, чушь, нет ни греха, ни добра, ни зла? А кто постичь не способен, пусть кормит постигших и дрожит перед ними.

В самой большой чести здесь были упыри. Даже своих наставников и главарей — колдунов — ведьмы величали упырями ещё при жизни. Бледнотелые, краснолицые живые мертвецы самим своим видом подтверждали: для мудрого и вещего со смертью не всё кончается. Пока не пробьют осиновым колом да не сожгут, душа в пекло не попадёт, как у грешного неуча, сожжённого согласно прадедовским обычаям. А что ждёт их в пекле, мудрые и вещие старались не ведать и не думать.

В ожидании полуночи развлекались: плясали под стук горшков, скакали друг на друге, блудили при всех, напоказ. Все были совершенно голыми, даже старики со старухами. Полётное снадобье из тирлич-травы, собачьих костей, кошачьего мозга и человеческой крови защищало не только от холода, но и от остатков стыда. Стыдились тут разве что походить на «дурачье праведное».

Хотя в темноте все собравшиеся превосходно видели духовным, а то и обычным зрением, городок ярко освещали костры. Свет их, однако, едва пробивался сквозь колдовской туман. Укрепления городка надёжно охраняли воины в чёрных медвежьих шкурах и чёрных кафтанах.

Но вот шум и возня смолкли. Из ворот детинца важно вышел Скирмунт с чашей из черепа в одной руке и с тремя кочергами в другой. Тело его, обильно поросшее рыжей шерстью, не прикрывало ничто, лицо же — рогатая личина. На груди висел серебряный диск греческой работы с ликом Горгоны. Рядом с зятем гордо выступала великая ведьма лысогорская — Костена. На белом обнажённом теле выделялось ожерелье из звериных клыков и колдовских оберегов (ими главная колдунья, впрочем, не так себя оберегала, как людям вредила). Между пышных грудей висел кремнёвый нож с рукояткой, окованной бронзой.

В толпе раздались разочарованные вздохи. Ожидали всех Самих — Чернобога с Ягой. Скирмунт, конечно, мужик видный, но до Чернобога ему далеко. Хотя преисподние владыки ещё могут явиться в самый неожиданный миг.

Следом за матерью шли Невея с Лаумой. Беззаботно-весёлая Лаума уже успела порезвиться с тремя колдунами, двумя чертями и даже одним упырём. Но злое, хищное лицо Невеи светилось лишь жаждой мести за отца. Эта ночь станет последней для Ардагаста, для его девки и для всего росского сброда! Ещё до первых петухов они успеют пожалеть, что не попали в пекло!

За предводителями ведовского сонмища Чёрные Медведи вели тринадцать пленников. Женщины и дети не кричали, не плакали — лишь испуганно молчали.

Молчала и Добряна. Среди голых телес и жутких рож девушка чувствовала себя словно в страшном сне, когда хочется закричать, но нет сил. Хоть бы сначала убили, а потом уже глумились над её телом! Или сделают ещё хуже: поглумятся, а потом отнесут к Ардагасту, перед тем распустив слух — сама, мол, захотела в Чернобоговы невесты! Распустив косу, северянка, как могла, старалась прикрыться от скотского сборища хотя бы пышными русыми волосами. Вслед ей, словно комья грязи, летели шутки и песенки одна мерзостнее другой.

Здесь бесстыдничали наперебой и северяне, и поляне, и нуры, и дреговичи — перед Чернобогом все были равны, хотя натравливать племя на племя и род на род хорошо умели.

А внизу, в яру, Ардагаст напряжённо ждал: когда же протрубит рог? Наконец рог прозвучал... совсем с другой стороны. Зореславич с досады сжал рукоять меча Куджулы. Конники в тумане прошли долиной Глубочицы мимо ворот городка и оказались перед северным отрогом горы! Видно, колдовское сонмище отвело глаза даже Милане...

— Всем налево и вверх! — тихо приказал Зореславич.

Стараясь поменьше шуметь, воины полезли вверх по склону. Мокрая глина скользила под ногами, но, помогая себе оружием, они смогли довольно быстро достичь частокола, шедшего по краю горы.

Ухватившись руками за заострённые концы брёвен, Ардагаст подтянулся и глянул поверх частокола. Голая толпа усеяла двор городка и склоны холма посреди него. На холме, озарённый пламенем костров, возвышался громадный идол, вытесанный из дерева и обожжённый до черноты. Островерхая голова глядела на три стороны тремя жуткими харями. Одна сжимала в зубах человека, другая — быка, третья — рыбу. Рука идола прижимала к груди три кочерги. Перед идолом на подставке стоял большой турий рог, совершенно чёрный, окованный вверху серебром. Чуть дальше от идола на трёх камнях лежала треугольная каменная плита. На нём белело что-то, плохо заметное снизу. Ардагаст как-то сразу понял, кто распят на жертвеннике и зачем.

Кто-то голый и рогатый, стоявший над жертвенником, заглянул в рог и с торжествующим криком вылил то, что в нём было, на распятое тело. Над сборищем зазвучал громкий, полный злой силы голос, в котором трудно было узнать прежний ехидный голосок заместителя верховного жреца:

— Радуйтесь, вещие: жертвенной крови в священном роге не убыло с самых святок. Значит, в этом году будет немало кровавых дел, угодных Чёрному богу. Приобщимся же к его силе, дабы исполнять его волю! Причастимся, о мудрейшие волхвы и ведьмы четырёх венедских племён! Тридцать — священное число. Причастимся кровью семерых детей, телом шести женщин.

У дурачья завтра Велик день. А у нас — свой праздник.

Пусть же трепещут перед нами те, внизу! Кто приобщиться к нашей мудрости и силе не смеет, пусть дрожит перед нами! Мы на этой святой горе превыше всех старейшин, воевод и князей, а царей нам в лесу вовсе не надобно!

Сборище одобрительно загудело. Стоявший рядом с царём Вишвамитра тяжёлой рукой стиснул рукоять кханды. Как же эти «мудрейшие» похожи на жрецов Шивы! Только что не наловчились ещё сочинять мудреные книги, не настроили каменных храмов и не накопили столь же опасных знаний, ибо мудрость бессовестных опаснее ядовитых зубов кобры и клыков тигра.

А голос Скирмунта вдруг стал самодовольноехидным:

— Кто это там за тыном стоит, зайти не смеет? Помнит, видно, что бывает с теми, кто наши обряды подглядывает, если только не даст какая сердобольная ведьма такому метлу, чтобы ноги унёс. Да уж ты, царь Ардагаст, гонитель мудрых, такой ведьмы во всех лесах не найдёшь. Не стесняйся, заходи с мужичьем своим, пока твои конники в тумане бьются с тем, чего там нету. А мы уж для ваших тел и душ чего только не приготовили...

Его слова вдруг прервал звонкий, весёлый смех Добряны. Северянке, привязанной к холодной каменной плите, вдруг стало легко и нестрашно. Ардагаст здесь, с войском! Значит, понял: не дура она гулящая, чтобы самой в ведьмы податься. А этим уродам сейчас не до неё станет. Ничего они ей не сделают, разве что убьют напоследок... Ардагаст взял из рук Вышаты Огненную Чашу и высоко поднял её. Золотистый свет озарил яр, враз рассеяв туман. Вишвамитра, взявшись руками за два бревна частокола, разом выворотил их из раскисшей земли, третье вышиб ногой. Ардагаст выхватил меч из золотых ножен:

— Росы, вперёд! Слава!

— Слава! Смерть ведьмам! Сгори, проклятое гнездо!

Индиец первым бросился в пролом, подняв одной рукой двуручную кханду, с криком: «Харе Кришна!» Следом ворвались царь с русальцами и волхвами, а за ними хлынули пешцы.

— Не лезьте все в пролом! Давайте через тын или сами брёвна валите! — покрикивал Ратша.

Чёрные Медведи, даже не пытаясь оборонять частокол, расступились в стороны.

— Одолейте сначала наших баб, — ухмыльнулся Шумила.

Поляне на какой-то миг ошалели, увидев перед собой голую толпу. Побить ведьму или колдуна на улице, поймав на недобрых делах, — этому их учить не надо было. Но рубить и колоть в бою нагих и безоружных — кто ж так воюет? Вдруг на пути росских воинов стала стена синего пламени. Поляне подались было назад, но Вышата и обе волхвини разом воздели руки — и пламя с шипением погасло.

— Ты что, Скирмунт? Болотный огонь на горе разводишь? Плохо твой тесть в Чёртовом лесу учился, а ты у него ещё хуже, — громко произнёс Вышата.

А на росов устремились... кто угодно, но не люди. Собаки, кошки, свиньи, лошади, все на редкость крупные и злобные, бросались на людей. Ещё яростней нападали медведи, волки, рыси, вепри. По счастью, этих зверей было мало. Ведьмы обычно обращались только в домашнюю живность, древней науке оборачиваться дикими зверями могли научиться немногие. На людей катились колеса, сбивая с ног, обрушивались копны сена, безобидные с виду клубки били в грудь не хуже мешков с мукой. Сверху набрасывались вороны, сороки, ястребы, носились на перепончатых крыльях бесы, обрушиваясь на бойцов в самый неожиданный миг. Мёртвой хваткой норовили вцепиться упыри. И всё это в каждый миг могло оборотиться во что-то другое, не менее опасное. Отбил клубок или колесо, а на тебя уже бросается клыкастый пёс. Оторвал от себя кошку, а на земле лежит полушубок, чтобы следом рухнуть на тебя копной. Только замахнулся как следует на бесову угодницу, а она вовсе с глаз пропала, оборотившись то ли пчелой, то ли мухой, то ли иголкой, чтобы следом вцепиться в горло лютой волчицей.

Но и боряне, особенно оболонцы, были не лыком шиты. Осиновым колом пробивали тень ведьмы и следом били враз обессилевшую чародейку дубиной или рубили топором. Лупили со всего размаху тележными осями — убитые ими колдуны уже не могли стать упырями. Ведь телега — та же колесница, а на Велик день Перун на колеснице бьётся со змеем.

Ратша, оболонский воевода, когда на него бросалась хоть рысь, хоть медведица, спокойно бил её троедырчатой палкой, а

затем разил мечом принявшую истинный облик колдунью. Противно и стыдно воину рубить голую бабу, да ведь и она тебя не пожалеет: добрые да честные в ведьмы не идут.

Вместе с Оболонскими мужиками гвоздил нечисть освящённой дубиной Шишок, с виду совсем такой же, как они, только что кафтан по-другому запахнут. А кого настигал Серячок или один из ярчуков, того среди живых больше не видели.

И стояла над полем бранным густая, крепкая ругань. Бранились потомки сколотов в душу, в мать и во всю родню чернобожью не хуже лесовиков. Не зря жили боряне на самом рубеже леса и степи, и никто — ни скифы, ни сарматы, ни нуры-волколаки, ни ведьмы лысогорские — не мог их отсюда выжить.

Чертям, воронам и прочим летунам туго приходилось от метких стрел царицы. Освящённые в пламени, они разили, будто молнии, и падали нечистые, прожжённые насквозь или охваченные огнём, и корчились на земле, проклиная тот час, когда решились биться с воинством Солнце-Царя в ночь на самый светлый в году праздник.

А сам Зореславич шёл, выжигая перед собой нечисть солнечным пламенем и рубясь кушанским клинком. Два желания боролись в его душе: держаться поближе к жене, охраняя её в бою, и пробиться к вершине горы, где, распятая на потемневшем от крови камне, ждала его лесная царевна. Он чувствовал: и победа сегодня будет не радостна, если погибнет эта северяночка, втянутая им в бурю невиданных в лесу битв.

Костена и её семейство стояли на вершине холма, словно бы и не вмешиваясь в бой. И так же недвижно и будто бы отстранённо, воздев руки, стояли у частокола Вышата с двумя волхвинями. Другие защищали в бою тех, чьё незримое оружие было самым мощным. Невидимые и почти неслышные удары заклятий скрещивались в ночном воздухе. Но и самые сильные чары наследников Чернобога сегодня гасли, словно искры в воде. Не удавалось вызвать ни бури, ни града, ни пекельного огня. Не удавалось даже обратить зверями никого из врагов. С тремя чародеями (считая девчонку-ученицу) четверо ещё могли бы справиться. Но в помощь троим мощными потоками лилась сила трёх светлых богов — Перуна, Хорса и Велеса — из трёх святилищ. И четверо тщетно напрягали силы, отчаянно взывая в душе к Яге — истинной великой ведьме лысогорской. А та, как и все боги, вовсе не торопилась лезть в бой, покуда могли сражаться её верные земные слуги.

Но где же конница росов? А она прошла долиной Глубочицы мимо ворот городка — этого не заметил даже духовный взор Миланы — и оказалась перед северным отрогом горы. Только тут

туман немного рассеялся, и росы увидели перед собой глубокий ров и вал с частоколом поверху. Во рву кипела вода. Сквозь клубы пара видны были частокол и ворота. Брёвна и доски пылали, будто раскалённое железо. Из-за частокола выглядывали твари одна громаднее, страшнее, омерзительнее другой. Сквозь пламя и пар тянулись к росам когтистые лапы, щупальца, уродливые, с зубастыми пастями, головы на длинных шеях. Вся чародейская сила Миланы ушла лишь на то, чтобы как-то успокоить коней, иначе те или унеслись бы в непроглядный туман, или передавили друг друга и всадников, завязнув в грязи. Оробели было и сами росы, за весь поход не видевшие таких страхов и чудищ.

— Морок? — спросил Сигвульф, тронув волхвиню за плечо.

Та, занятая чарами, только кивнула. Германец напряг зрение. То, что он разглядел, наполнило его яростью.

— Молот Тора на ваши головы! — взревел гот во всю мощь своих лёгких. — Вас морочат! Ничего тут нет. Вперёд, во славу Солнца!

И он погнал коня прямо в пылающие ворота. Следом устремились самые храбрые из росов. И... пролетели сквозь пар, огонь и чудовищ. Не было ни рва, ни вала, ни частокола — ничего, кроме пустой вершины горы, поросшей прошлогодней травой. Перед всадниками стояли двое — лысый сгорбленный колдун и ведьма с редкими седыми волосами и дряблым телом. Они бросились было с визгом наутёк, но колдуна тут же настиг клинок гота, а ведьму — меч Ясеня. Морок разом пропал. Переглянувшись, росы дружно расхохотались. Милана, облегчённо встряхнув головой, сказала:

— Это были сильные колдуны. Если бы не обереги из Велесова капища да не я сама... Ох и повезло вам, воители росские, что на всех вас есть одна природная ведьма!

Дружинники повернули коней и, поплутав ещё в тумане, не без труда вышли к подлинному городку. Здесь уже не было призрачных чудовищ, но ров был достаточно глубок, а вал и частокол высоки. Из-за частокола выглядывали воины в чёрных медвежьих шкурах вперемежку с чертями. Над крепкими дубовыми воротами красовалась деревянная трёхликая образина, а на их створках были вырезаны два змея, терзающие солнечных оленей. Из-за стены доносился шум боя.

— Опоздали, росы! А ну, кто перескочит на коне через ров и стену? Мы тому награду дадим — девку, что перед Чернобогом на жертвеннике лежит! — ухмыляясь, кричал со стены Шумила.

— Спешите только, пока её там не попортили, урр-хо-хо! — вторил ему Бурмила.

Ногти Ясеня впились в ладонь. Почему он не Громович, а под

ним не крылатый небесный конь? Всем хорош его каурый, но не перемахнуть на нём разом ров и вал с частоколом. Да наверняка ещё и чарами защищена ведьмовская столица.

А чары действительно были. Незаметные, а потому более опасные, чем огненная стена. Почти прозрачная завеса перед рвом, чьё зеленоватое свечение едва можно было разглядеть телесным взором. Но пересечёшь эту завесу — и обратишься в разлагающийся живой труп. Успеешь даже на вал взобраться, только скатишься с него в ров грудой костей. Об этой преграде знала Милана, прежде летавшая на ведьмовские сборища. Послушные приказу Сигвульфа, всадники застыли, выжидательно глядя на колдунью. А та уверенно подняла руки, мысленно воззвала к Даждьбогу и его волхву Хорошу, и полилась незримая солнечная сила с Хорсовицы, и рассеяла трупное зелёное свечение. Но оставались ещё ворота и тын, выстроенные из заклятого дерева, разбить которое могло только грозовое оружие.

Взглянув на Милану и услышав: «Теперь можно», Сигвульф приказал:

— Мечи наголо! Вперёд!

Освящённые клинки запылали синим грозовым огнём. Росы поскакали ко рву, побросали туда припасённые заранее связки камыша и соломы. По ним устремились к воротам самые отважные, и впереди всех — Сигвульф, Ясень и Роксаг. Другие захлёстывали арканами брёвна частокола, карабкались на вал. Горящие клинки с грохотом ударили в дерево, и от этих ударов, словно от молнии, раскалывались и рушились толстые брёвна. Треснули и распахнулись ворота, и конные росы ворвались в городок. Под грозовыми мечами бесы, их воины и служители обращались в обугленные трупы.

Рубя всех на своём пути, Ясень пробивался к вершине холма. И не заметил, как медведь-оборотень впился сзади в его коня. Рухнувший конь придавил ногу юноше, а медведь тут же набросился на самого северянина. Ясень разрубил ему череп грозовым клинком. Теперь на юношу навалилась ещё одна туша, тут же оборотившаяся здоровенным мужиком, по дородности немногим уступавшим медведю. Сразу несколько волков и собак устремились к Ясеню. Он отчаянно отбивался мечом, не в силах даже высвободить левую руку и достать акинак.

И тут, прыгая через трупы, к юноше поспешила молодая львица. Несколькими ударами лапы она разогнала оборотней, потом не без труда стащила с северянина оба трупа. Он поднялся на ноги, а львица положила ему лапы на плечи и лизнула в щёку.

— Спасибо, Рыжуля. А теперь идём скорей спасать Добряну, — сказал Ясень и вместе с львицей-Мирославой поспешил к

чёрному идолу.

Лютица облегчённо вздохнула. Если бы не её ученица, она бы сама бросилась на помощь сыну. А ведь нужно было ещё и отражать вместе с Вышатой колдовской натиск Костены и её семейки.

Костена, видя, как разбегаются от росов черти, ведьмы и воины её сыновей, пришла в ярость. Оборотившись чёрной крылатой змеицей и извергая из пасти снопы молний, она полетела прямо на Ардагаста. Золотой луч из чаши ударил ей навстречу, и змеиные молнии бессильно растеклись по возникшей вдруг золотистой преграде. Змеица подлетала то сбоку, то сверху, но всякий раз натыкалась на ту же преграду. А стоило ей перестать метать молнии, как солнечное пламя начинало жечь ей морду. Стрелы росов вонзались в чешуйчатое тело змеицы-Костены, но она не чувствовала боли, думая об одном: испепелить, растерзать этого пришельца, разрушившего мир, в котором она, Костена, была духовной владычицей всего лесного края.

Остервенело бросаясь на царя, Костена совсем забыла о царице. Это и погубило великую ведьму. Запела тетива, и священная стрела с кремнёвым наконечником, вручённая Ларишке жрецом Велеса, с громом ударила в чёрное змеиное тело, и оно рухнуло наземь, охваченное пламенем. Ослепительное пламя погасло так же быстро, как вспыхнуло, и на обожжённой докрасна земле осталась лишь кучка пепла с торчащими из неё костями, змеиными и человеческими. Особенно страшен был растрескавшийся череп — человеческий, но с удлинёнными и зубастыми, как у крокодила, челюстями. С черепа свисала чудом сохранившаяся прядь пышных светлых волос, словно напоминая о том, что их хозяйка не родилась ни чудовищем, ни даже ведьмой.

Увидев гибель матери, Невея с Лаумой бросились бежать к детинцу, куда уже устремились их братья с остатками своей дружины. Лишь Скирмунт задержался у жертвенника. Он занёс над Добряной кремнёвый нож и начал произносить заклинания. Мало было убить девчонку, следовало ещё и посвятить её душу Чернобогу, чтобы она никогда не увидела светлого Ирия. Колдуна не заставил сбиться даже отчаянный крик северянки: «Ардагаст!» Но закончить обряд он не успел. Стрела тохарки ударила его в грудь. Самозваного верховного жреца спасло только то, что стрела была всего лишь освящённая и попала в серебряный диск с Горгоной. Диск исчез, но лик змееволосой богини навсегда остался на груди у колдуна. Потеряв сознание, Скирмунт упал и покатился вниз по склону. Его затоптали бы беглецы, но Шумила

вовремя заметил своего зятя и втащил его в детинец. Друг за друга медвежья семейка всегда стояла и тем была опасна для людей.

Первым на вершину холма взлетел на своём коне Роксаг. Окинув восхищенным взглядом обнажённую девушку, он соскочил с коня и акинаком разрезал верёвки, охватывавшие её запястья и лодыжки и пересекавшиеся под плитой. Неизвестно, что бы себе позволил «любимец Артимпасы» на правах освободителя, но тут на вершину взбежали Ясень с Мирославой. Бесцеремонно отстранив роксолана, северянин помог подняться Добряне, окоченевшей и едва понимавшей, что с ней происходит. Мирослава, быстро вернув себе человеческий облик, сняла свитку и надела её на подругу. Ясень обнял Добряну за плечи.

— Добрянушка! Что они с тобой сделали, нелюди эти? Да я их всех...

— Ой, ничего, Ясень! Не успели... А что с Ардагастом?

Ардагаст, уже поднимавшийся на холм, увидел, что северянке больше ничего не угрожает, и резко повернул назад. Вскочив на поданного дружинниками коня, царь принялся созывать воинов к детинцу. Ворота детинца были раскрыты, мостик через ров не убран. В воротах толпились убегавшие ведьмы, упыри и прочие чернобожьи воители. Сейчас детинец можно взять с ходу, но... Знать бы, какие ещё чары могут таиться внутри? Где же Вышата?

Вдруг толпа в воротах без звука расступилась. На мостик выехал всадник на чёрном коне, в длинной чёрной сорочке и красном плаще, покрывавшем голову. Вместо лица белел обтянутый бескровной кожей череп. Оголённые зубы скалились в беспощадной насмешке. В тёмных провалах глазниц горели будто два белых угля. Из-за серебряного пояса торчали секира и железный ткацкий гребень, у пояса висел меч, из седельной сумки выглядывал пест. Костлявая рука сжимала косу. В наступившей враз тишине прозвучал низкий женский голос:

— Не ждал меня, царь Ардагаст, сын Зореслава? Так меня никто не ждёт и никто мне не рад, кроме тех, кому жизнь постыла. Я — Смерть.

Царь не склонил головы, не убрал в золотые ножны меча, и Огненная Чаша по-прежнему горела в его руке. Он лишь спросил недрогнувшим голосом:

— А какая ты Смерть — Яга или Морана?

— Не всё ли тебе равно? Я — твоя Смерть. Страшная и грозная, неумолимая, неподкупная. Где тужат-плачут, тут мне и праздник. По всей земле иду, людей кошу: хоть в избе, хоть в палатах, хоть в дороге, хоть в походе. Скошу и тебя.

Царь молчал. Из тёмных глазниц с белыми углями лился на

него холод тёмных пространств, где ничего живого нет и не было. А звучный, безжалостный голос издевательски приглашал:

— Ну, давай, проси меня. Сули свои богатства — мне бы и кесарь Веспасиан, и Сын Неба свои царства на откуп отдали, и была бы у меня казна золотая от восхода солнца и до заката. Сули жертвы и обряды — ими ещё никто от меня не откупался. О жалости моли — мне никого в этом мире не жалко. Отсрочки проси — с матерью проститься, которую сам не знаешь, где искать. Кончились твои подвиги, царь росов. Их и так на многих бы хватило.

Царь бесстрашно вскинул голову:

— Нет, Смерть, не кончились мои подвиги. Я ещё не достроил моего царства, не одолел царя Цернорига и его чёрных друидов, даже городка этого проклятого не разорил. И не увидел я всех трёх даров Колаксаевых. Пока не исполню всего, для чего меня боги избрали, рано тебе за мной приходить. Разве что недостоин окажусь избранничества и царства.

— Чего ты перед богами достоин — это мне, бессмертной богине, лучше знать. Подвиги твои — святые места разорять, мудрых волхвов губить, обычаи дедовские попирать, мирных людей тройной данью обирать да в неволю гнать. Земля от твоих подвигов стонет, лес воет: «Заберите его от нас!»

— Так вот что ты за Смерть! — расхохотался облегчённо Ардагаст. — Нет, рано мне уходить, много ещё надо сделать такого, что тебе и кодлу твоему не любо!

Голос Смерти стал злобным и угрожающим.

— Гляди, я многих могучих храброе скосила. Вот подсеку сейчас тебе сильные руки да резвые ноги, потом и буйну голову, и падёшь ты с коня бездыханным. Придут два чёрта немилостивых, вынут твою душу трезубцами, да не через уста, а через рёбра, и забросят в самое пекло.

— Пугливых да тех, кому в пекле место, поищи у себя за спиной! Им за Кривду, за корысть свою страшно умереть, не то что за Огненную Правду. А мне ты, Смерть, не страшна. Я уже бился с теми, кого люди богами почитают. И одолевал! Дадут светлые боги — и тебя одолею, если с дороги не уйдёшь.

Все, даже русальцы, невольно попятились. Сражаться с самой страшной из богинь? Для этого нужно самому быть богом. Лишь Ларишка шагнула вперёд, но Ардагаст твёрдо произнёс:

— Ты царица росов и венедов, сейчас и после меня. Слышали все? — окинул он взглядом своё войско.

— Слышали. И отправим к Хозяину Мёртвых всякого, кто это не признает, — громко сказал Сагсар.

Войско одобрительно зашумело. Вышата с Лютицей вышли

вперёд и стали рядом с царём.

— Два века назад Герай Кадфиз, великий царь тохар, бился с тем, чей идол на этом холме. И рядом с ним бились Огнеслав, великий волхв, и его жена Роксана. Я — их потомок, — сказал Вышата.

— Мне что вас трое, что один, — небрежно ответила Смерть и, вынув тяжёлый пест, метнула его в царя.

Прямо над головой Зореславича пест вдруг остановился, наткнувшись на луч солнечной чаши, завертелся волчком и полетел в Лютицу. Но опять не долетел, подскочил вверх, над головой царя перелетел к Вышате, потом обратно к волхвине и, наконец, упал, воткнувшись в землю до половины.

Воины захохотали:

— Ты бы ещё ступу бросила, бабка! Или корчагу с вином!

Смерть нельзя было удивить ненавистью, но чтобы над ней смеялись! Подняв косу, она погнала своего коня на Ардагаста. Загоревшийся синим пламенем клинок скрестился со смертоносным лезвием. В тот же миг Зореславич провёл золотым лучом по древку косы, и оно обратилось в пепел, а лезвие упало наземь. Смерть тут же выхватила меч. Два клинка зазвенели друг о друга. Один пылал синим грозовым светом, другой — бледным, мертвенным. Противница оказалась опытным бойцом, и царь еле успевал защищаться. После каждого удара смертельный холод волной прокатывался по руке и дальше через всё тело. Ещё немного, и окоченевшие пальцы не удержат меча... А луч Колаксаевой чаши пропадал без следа в чёрной одежде и бледном теле богини. Даже на её белые глаза-угли он действовал не больше яркого солнечного зайчика.

— Раскали её клинок! — донёсся голос волхва.

Ардагаст провёл лучом по клинку Смерти, и тот враз засветился красным светом, будто в кузнице. Взвыв от боли, богиня выронила меч. Тут же острие кушанского меча мелькнуло у неё перед глазами, расцарапав лоб. Ни капли крови не выступило, но Смерть резко повернула коня в сторону, спасаясь от нового удара. Потом выхватила правой рукой секиру, а левой — железный ткацкий гребень и с удвоенной яростью бросилась на Зореславича.

Секира просвистела у самой его головы, но солнечное пламя пережгло топорище, и обломок топора упал в пожелтевшую траву. Клинок застрял между зубьев гребня. Богиня попыталась сломать меч, но индийская сталь выдержала, и царь резким движением вырвал у противницы оружие, едва не вывернув ей руку. Смерть едва удержалась в седле, но следом удар мечом плашмя обрушился ей на череп, и страшная богиня свалилась с коня.

— Ну что, хватит с тебя? Венеды лежачих не бьют.

Богиня с трудом поднялась. Красный плащ сполз у неё с головы, обнажая седые волосы. Вместо грозного черепа на Ардагаста глядело старушечье лицо с крючковатым носом и острым подбородком. И голос богини сделался старческим, ворчливым.

— Что, рад, Солнце-Царь? Нашёл над кем храбрствовать — над бабой старой! Да ещё втроём с этими. От их чар у моего оружия силы втрое убыло. Потягался бы ты с вертихвосткой этой молодой... Вот она пусть за тобой и приходит! Чтоб я ещё когда явилась к тебе или роду твоему...

Яга принялась собирать остатки своего оружия, приговаривая:

— Не такая уж я злая, как вы все тут думаете. И День, и Ночь, и Солнце — три всадника, через мой двор всегда едут. Да все едут, кому в нижний мир надо. К примеру, Даждьбог. Совсем такой, как ты... Непутёвый. А ведь без моего клубка не добрался бы он до Мораны своей ненаглядной. Кто ко мне с добром, я того награждаю, даже и сиротку беззащитную.

— Знал я сироток, которых ты у себя за рабынь держала и, чуть что, съесть грозилась, — вмешался Вышата. — Ничего-то ты, бабушка, даром не делаешь. И Даждьбогу помогла, чтобы от соперницы избавиться.

— Много ты про меня знаешь, недоучка, — огрызнулась старуха. — Где Свет, там и Тьма, где Жизнь, там и Смерть. Я то есть. Мыс сестрой всегда были, от начала мира и до начала ещё. Не может не быть, ясно? Поэтому и нельзя меня совсем одолеть, даже и богу.

— Всё верно, бабушка страшная и грозная. Но пока я жив, ты ни в моем царстве хозяйничать не будешь, ни на этой горе, — сказал Ардагаст.

— Вот напугал-то! — фыркнула Яга. — Лысых гор знаешь сколько? Рядом, у Корчеватого, ещё одна есть. Или вот круча между Крещатицким и Чёртовым беремищами. Тоже хорошее место. Как раз возле Перуновой горы вашей.

Старуха похлопала чёрного коня по шее, и тот превратился в большую ступу, а хвост — в помело. Яга, кряхтя, влезла в ступу, оттолкнулась пестом, подхлестнула ступу помелом и взмыла в ночное небо, подняв ужасающий вихрь. Такой же вихрь поднялся над детинцем, унося — кого на мётлах, кого на конях, а кого и так — всех, кто там засел. Росские воины наперебой кричали вслед, отборными словами указывая беглецам, куда лететь. Вслед унесённым вихрем пропели с Оболони первые петухи.

— В детинец сначала войдём мы с Лютицей и Миланой, —

предостерёг всех Вышата. — Там добычи много, но прежде надо чары снять и с чародейскими вещами разобраться.

Ардагаст соскочил с коня. Ларишка подбежала к мужу, порывисто обняла.

— Знаешь, я думала, это та... другая испытывала нас. Не угадала...

— Зато я угадал, — улыбнулся Зореславич. — Понимаешь, светлые боги — это те, что знают: Огненная Правда выше их самих. А эта только своей силой похвалялась.

А к нему уже спешила простоволосая, босоногая северянка в кое-как запахнутой свитке. Подбежала и остановилась, завидев Ларишку. Та подошла к Добряне, обняла и поцеловала в лоб.

— Прости нас, девочка. Нам надо было тебя у них отбить ещё по пути сюда, а мы устроили ловушку на ведьм.

— Нет, это они ловушку устроили, а приманкой была я.

Добряна высвободилась из объятий Ларишки, бросилась к Ардагасту, обвила его шею руками, прижалась всем телом.

— Ардагаст, милый! Ты же не веришь, что я сама... в нечистые подалась? Шумила говорил: всё равно скажем потом, что это ты его заманила.

— Да разве может белая лебедь чёрной вороной, жабой болотной сделаться? Или змеёй подколодной?

Зореславич вытер ей слёзы и при всех крепко поцеловал, не замечая недовольного взгляда жены. Сквозь толпу вдруг протолкался неведомо откуда взявшийся Доброгост. Старейшина ничего не говорил, только слёзы текли по его лицу и скрывались в бороде.

Царь зло взглянул на него:

— Что, великий старейшина, не удалось чёртовым тестем сделаться? Не обессудь, значит, так дочку вырастил.

Сказал — и сразу пожалел. Видно, что-то переменилось в душе старейшины, если он примчался сюда и в такую ночь поднялся на Лысую гору. А тот, не глядя в глаза царю, как-то робко произнёс:

— Взял бы ты, Солнце-Царь, мою Добрянушку хоть в наложницы. Пропадёт она в наших дебрях-то. Я же видел: улетели с Ягой и Медведичи, и сёстры их, и Скирмунт. Снова засядут в лесах и пакостить будут.

— Нет. Не в наложницы. В жёны, — твёрдо сказал Ардагаст и взглянул на Ларишку.

Та лишь вздохнула. В конце концов, это должно было случиться рано или поздно. Цари заводят по несколько жён знатного рода, чтобы укрепить своё царство. И хорошо ещё, что второй женой будет эта скромная северяночка, а не какая-нибудь

спесивая и жадная дура, сосватанная без любви алчными родичами.

— Помни только, Добрянушка: старшая царица — я, — нарочито строго сказала тохарка.

— Да, я знаю, — кивнула та, — и наследником будет твой сын.

— Да, наследник будет. В месяце студёном[34], ещё до Рождества, — торжествующе улыбнулась Ларишка.

Со счастливой улыбкой на лице Ардагаст обнял за плечи разом невесту и жену.

— Наша царица будет, венедка! Значит, и царство росов — наше, венедское! — кричали обрадованные поляне, северяне, дреговичи.

— Поздравляю тебя, царь росов! — сказал Роксаг. — Тебе сегодня везёт, а мне нет, — развёл он руками. — Убил медведя, рысь и двух волков, а они все превратились в дохлых венедов. Потом спас такую девушку, а ты, оказывается, добрался до неё раньше меня.

Зореславичу захотелось вытянуть «любимца» плетью, чтобы не распускал язык. Но росич сдержался и ответил, как подобает царю:

— Я подарю тебе шкур и рысьих, и медвежьих. Ты сегодня славно бился. Я простил бы тебе выкуп, но ведь не годится, чтобы о царе роксоланов думали, будто он беден или скуп.

Взглянув на оболонцев и подолян, Ратша деловито сказал:

— Вот что, мужики. На Велик день работать грех, потому передохните, пока лопаты привезут, а до утра чтобы ни этого городища, ни святилища не было. Вот тогда уже погуляем. Верно, царь?

Ардагаст кивнул. А Шишок, хлопнув шапкой о колено, воскликнул:

— Биться так уж биться, а работать так работать, гулять так гулять — во всю силу! На то мы и росы, и венеды!

А в это время Ясень, безразличный ко всему, брёл куда-то в темноту. Заметив идущую за ним Мирославу, он хотел бросить что-нибудь резкое, но лишь тихо сказал:

— Что могли, сделали, Рыжуля. Только вот... я не царь.

Она положила ему руку на плечо:

— А мне царь и не нужен. Даже солнечный. Мне ты нужен.

На горе Хорсовице, на городище, среди развалившихся за два десятка лет мазанок, стоял деревянный идол Даждьбога-Хорса. Лучи вокруг головы бога и тонкие усы были выкрашены золотистой краской. А рядом горел костёр, согревая спавших

возле него. У подножия идола, на тигровом чепраке, с седлом под головой, спал царь Ардагаст. Рядом с ним лежали Огненная Чаша, вызолоченная секира и такое же вызолоченное рало с ярмом. Ближе к костру спали в обнимку Ларишка с Добряной. В эту ночь женой царя была Богиня Огня — дух золотых даров. И она явилась к нему во сне — прекрасная, золотоволосая, в красном платье. Такая же, как восемь лет назад, на Золотом кургане у Пантикапея. Подошла и сказала:

— Царь Ардагаст! Я обещала тебе, отроку, великий клад. Ты его обрёл. Это — твоё царство. Кажется, я не ошиблась, когда избрала тебя. Ты служишь царству и Огненной Правде, а не своей власти и славе.

— Помнится, Даждьбог-Колаксай вынес из нижнего мира, кроме золотого царства, ещё и его царевну — Морану. Не ты ли это была, моя владычица? — улыбнулся царь.

Он не заметил, исчезла богиня или переменилась, но миг спустя перед ним стояла Морана — с тем же красивым бледным лицом и распущенными чёрными волосами, но в одной белой сорочке без рукавов и с вербовым прутиком в руке.

— Только не думай, избранник, что я буду с тобой изменять Даждьбогу, хоть ты и очень похож на него, — сказала она.

— А я и не думаю тебя у него отбивать. Кто любит Смерть — долго не проживёт. Как те сколотские священные цари. Нет, мне хватит и двух моих цариц.

Она легонько ударила его прутиком по губам:

— Не привыкай дерзить богиням. Хотя тётушку ты хорошо проучил! — рассмеялась Морана. — Будь и дальше таким, как теперь, Ардагаст. Соверши ещё много подвигов, и я покажу тебе остальные два Колаксаевых дара.

Ардагаст встал на рассвете и разбудил жену и невесту:

— Вставайте, царицы-красавицы! Весна воскресла! Не знаете обычая: кто на Велик день утреннюю требу проспит — того первого обливать?

Из-за его спины показался Вышата с ведром воды.

Умывшись, Ларишка подошла к краю городища:

— Красиво как... Ещё лучше, чем вчера. Видишь, Добряна: на Лысой горе уже ни городка, ни идола.

— И не будут там больше никого ни убивать, ни бесчестить. Правда, Ардагаст? — сказала Добряна.

— Пусть попробует кто, пока я здесь царь!

— А мы с тобой снова, как Даждьбог с Мораной, — задумчиво сказала Ларишка. — Весь этот поход... Словно сквозь Чернобожье царство шли всю зиму — и вышли весной.

— Это «Чернобожье царство» — моя земля. Наша земля!

Привыкай к ней, царица росов.

— Ну, конечно, привыкну! Если Добрянушка мне поможет.

Увидев Неждана, ведущего в поводу царского коня, Зореславич вздохнул:

— Эх ты, жизнь царская! Что ни праздник — всю ночь дерись Чернобог знает с кем. Теперь вот весь Велик день не вылезай из седла, отмеряй себе священное поле...

— Мы, русальцы, все вместе с тобой поедем. Веселее будет и за тебя спокойнее, — сказал Нежданн.

— Хорошо, — кивнул царь. — А вы, царицы мои, празднуйте вместе с людьми борянскими, а вечером встречайте нас.

В земле борян праздновали Велик день. Парни и девушки обливали друг друга водой, а кое-кого бросали прямо в реку — чтобы дожди вовремя шли. Дарили друг другу писанки и катали их по земле — чтобы Мать Сыра Земля лучше родила. Водили хороводы на священных горах, и первыми в этих хороводах были Ларишка с Добряной. Сарматы плясали, став «башней» — один ряд на плечах другого. Молодые поляне тут же переняли у них пляску, да ещё умудрились сверху поставить третий ряд. Парни качали девушек на качелях, и, глядя, как весело взлетает вверх Добряна, многие вспоминали сказание о девушке, улетевшей с качелей на небо и ставшей невестой Солнца.

А царь Ардагаст в это время объезжал своё священное поле. Ехал он на красном, как у самого Солнца, коне, а за ним — двенадцать русальцев да ещё Шишок с Серячком. Когда-то священное поле отмеряли в малолюдной степи вокруг Экзампея, здесь же ехать нужно было через густые леса. Ехали посолонь — как само Солнце мир обходит. Спустившись с Хорсовицы на Подол, царь двинулся на юг вдоль Почайны и Днепра. Справа вздымались могучие кручи, а слева раскинулся такой же могучий, спокойный в своей силе Днепр Славутич. Миновали село Берестовое, священные пещеры, озеро Выдубицкое. Переехав Лыбедь, свернули в сторону от Днепра, к селу Корчеватому и тамошней Лысой горе. К югу остались городок Пирогов, запустевший ещё до Сауаспа, и руины самых северных сколотских городов Хотова и Ходосова.

Внезапно Серячок заволновался, угрожающе зарычал. Царь и воины взялись за оружие. Из чащи на тропу преспокойно вышли... оба Медведича.

— С праздником тебя, царь! Весна воскресла! Мы с тобой... мириться пришли, — сказал Шумила.

— «Не верь волчьим клятвам», сказал Один! — воскликнул Сигвульф.

— Не поверю ни волчьим, ни медвежьим. Вы что же, мне за смерть родителей мстить не будете? — в упор взглянул на Медведичей Ардагаст.

— Ты — сильный. Богу молятся за его силу, — ответил Шумила.

— Кто сильный, тот и вожак, — кивнул медвежьей головой Бурмила, а его брат продолжил:

— Ты же наш, венед, в лесах вырос, а здесь — ворота леса. Поставь там, у священных гор и торжища, великий город. Все богатства леса к тебе стекаться будут, у греков за них что угодно купишь. Укрепи ещё здешние городища, насели — и с юга никто не подступится. Что тебе теперь Фарзой? А в лесу непокорных тебе не останется — мы уж позаботимся.

— Значит, город построить вопреки Фарзою? — Рука царя стиснула плеть, в глазах блеснул гнев. — А главный храм в нём будет где — на Лысой горе? Я в вашем городке много греческого серебра и товаров нашёл. По чьей указке лесовиков с сарматами стравить хотите? Я сам сармат из рода Сауата. И Чертограда тут никому построить не дам. Что вы тут, у другой Лысой горы, ищете — место для новой ведьмовской столицы? Ради праздника вас не трону, но больше мне не попадайтесь.

— Пожалеешь, царь, — злобно прорычал Бурмила. — Не мы тебе врагами будем — весь лес.

— Да кто вас выбрал-то за весь лес говорить? — возмутился Шишок. — Вы что, лешие? Да идите вы, уроды... — Лешак длинно и крепко выругался, и полумедведи скрылись в чаще, словно лесные блазни-призраки.

А царь долиной реки Нивки повернул на север, а потом напрямик через леса вышел к Почайне. Хилиарх удивлялся: такого громадного имения не было ни у одного сенатора, но царь не мог ни продать эту землю, ни согнать с неё поселян. Только брал с них небольшую дань — за честь жить на священном поле.

На Ветряных горах, откуда уже видна была долина Почайны, навстречу царю из глубины леса выехал Белый Всадник. Молодой, весёлый, светлокудрый, с тремя большими волками, с золотым щитом на руке и копьём. Ардагаст приветственно поднял руку:

— Слава тебя, Ярила, Аорсбараг!

— Славить меня будете через месяц, когда я весь мир зеленью одену. Я не долго на земле бываю, зато в самое лучшее время! — улыбнулся бог. — Зимой я только следил за гобой, царь Ардагаст. Гляжу и вспоминаю, как сам в начале времён шёл через леса сестёр от дяди вызволять. Еду на коне, и расходятся передо мной леса дремучие, реки текучие, горы толкучие, разбегаются стада звериные-змеиные. И шёл ведь ты походом, как сейчас: всё

посолонь. Иди и дальше Путём Солнца, царь росов, я с братьями тебя не оставлю.

На закате вернулись Ардагаст с русальцами на Хорсовицу, и встретили их с полными мисками писанок обе царицы. Ларишка была в прежнем праздничном наряде (сумела привести его в порядок после Медвежьей горы), а Добряну боряне нарядили ещё богаче и краше, чем на свадьбе в Косте.

На берегу Глубочицы сидели трое — индиец, эллин и венед, — ели крашенки и бросали скорлупу в реку. Сейчас, на второй день после Велика дня, венеды справляли Радуницу, поминая своих предков.

— Брахманы учили меня: из Золотого Яйца вышел Брахма и создал мир. Шиваиты то же говорят о своём Шиве, — задумчиво сказал индиец.

— Орфики учат: мир создал солнечный змей Фанес, что вышел из яйца, — кивнул эллин, — это учение Орфей принёс из Фракии.

— Фанес — это Митра. Так учили меня в подземных храмах Митры-Солнца, — сказал Вышата. — А пошло это учение от рахманов — жрецов арьев. Этого народа давно нет, но мудрость его разошлась по свету. Видите, скорлупки плывут в Почайну? А оттуда — в Днепр, в Тёмное море, которое вы, греки, зовёте Эвксинским, и дальше — в страну рахманов. Там нет ни разбоев, ни войн, ни неправедных царей, ни нищеты, ни безделья, всё у людей общее, а рабов вовсе нет.

— Где же эта страна? На нашу Индию не похожа. Разве что на великую обитель Солнца, но она высоко на горе и далеко от моря, — сказал Вишвамитра.

— Может быть, это страна блаженных эфиопов, любимая Аполлоном? — предположил Хилиарх. — Там, говорят, живут праведные мудрецы, чьи учителя пришли из Индии.

— Эти обители мудрецов — лишь подобия той страны, — покачал головой Вышата. — А сама она — Ирий, солнечное царство праведных душ. Есть и второй Ирий — на севере, греки зовут его Гиперборей.

— Но могут ли живые, земные люди жить так? — печально вздохнул эллин. — Аристотель считает, что нет, ибо людям свойственно больше заботиться о частном благе, чем об общем.

— Ваш Аристотель не видел, как нуры расчищают лес под посевы, — возразил венед. — Рубят, корчуют, жгут. Все обгоревшие, закопчённые, грязные, на чертей похожие. А работают всем селом, и никто не отлынивает, никто никого кнутом не подгоняет. У полян каждый пашет своё поле, но земля

общая, а кто с какой работой не может справиться, помогают всем селом.

Грек обхватил голову руками:

— Неужели для того, чтобы сохранить добродетель, люди должны оставаться варварами — без городов, без книг? И сколько зла даже в этом варварском мире! Иной раз мне казалось, что мы идём через Тартар. Но всё равно зла здесь гораздо меньше, чем там, на юге. А ведь мы сами принесли в этот мир и царей, и рабов, и сборщиков налогов. Меня уже спрашивают, много ли я украл, когда считал дань, — думают, видно, что гречин без этого не может. А кто-то принесёт сюда и города...

— Всё это должно было прийти сюда рано или поздно, — возразил Вышата, — только как прийти? Слава богам, мы опередили Андака с Шумилой.

— Главное, мы опередили Спевсиппа! — хлопнул себя по колену повеселевший эллин. — Представляю себе его холёную рожу, когда Андак доложит ему, что пригнал на продажу совсем мало рабов и что при царе Ардагасте так будет и впредь!

Волхв очистил яйцо и бросил скорлупки в воду. Две золоторогие оленихи, нежно прильнувшие головами друг к другу, были нарисованы на скорлупе, и течение унесло их. Рядом плыли другие добрые знаки — Земли, Солнца, плыла Мать Мира с воздетыми руками.

— Плывите, священные скорлупки, к рахманам. Плывите ко всем добрым людям. Несите им весть о том, что в дебрях Скифии ищут путь к чистой и справедливой жизни.

Речь Вышаты была торжественной, лицо напряжено — не произносил ли он заклятие? Помолчав, он заговорил уже обычным голосом:

— Вот чего боится больше всего и Спевсипп, и те, кто гораздо страшнее и могущественнее его. Вы ещё не знаете, какие демоны в человеческом обличье поднимутся против нас — только за то, что мы смеем искать другой путь. Путь Солнца.

— Соедините всё доброе, что есть тут и на юге, — вот этот путь. На это не хватит всей нашей жизни и жизни многих наших потомков, но в этом — наша дхарма, доля, — твёрдо сказал кшатрий.

Царь Ардагаст пахал землю. Не дело царя пахать, он должен мечом оборонять пахаря. Но первую борозду всё равно проводит царь священным плугом — чтобы земля хорошо родила. Позолоченный плуг был неказист: ни железной оковки на лемехе, ни чересла. Просто толстая ветвь, вырубленная вместе с частью ствола так, что внизу были два выступа: один вздымал землю,

другой придавливал ногой пахарь. Зато дышло было изукрашено резьбой. Друг за другом идут по нему звери и птицы — медведи, вороны, лисицы, ползёт Змей, некогда запряжённый в плуг Сварогом. А на самом конце дышла раскинул крылья и вытянул шею вперёд солнечный конь. Рвётся за ним Змей, разевает зубастую пасть — и не может догнать, так и тянет плуг.

Давно не ходил Зореславич за плугом. Но не забыл, как добывается то, чем кормят воинов и даже великих царей. На царе — чистая одежда из белого полотна. Длинные золотистые волосы стянуты ремешком. Легко и радостно на душе от тёплого весеннего ветерка, от запаха земли, от голубизны неба, с которого глядит самый добрый и справедливый из богов — Солнце. Важно ступают два могучих белых вола. Обе царицы в белых рубахах погоняют их. Вся надежда на Добряну, Ларишка ведь пахоту только со стороны видела.

Через два дня, на Красную горку, в Оболони сразу три свадьбы: Сигвульфа с Миланой, Вышаты с Лютицей и самого царя с Добряной. Войско уже пришло в землю борян, собрав всю дань по Десне. Теперь каждую зиму царь будет ходить за данью по проторённому в боях пути — посолонь.

Нет, не бродяга он безродный и бездомный, Ардагаст, сын двух племён. Бродягу можно заставить и пахать, но не будет его радовать труд.

Взрезает землю деревянный лемех, ложится борозда — Путь Солнца.

Словарь божеств, упоминаемых в романе

Анахита — великое женское божество, богиня воды, солнца, плодородия, войны (*иран.)*.

Аорсбараг (Белый Всадник)[35] — бог воинов-мужчин *(сарм.)*. Соответствует Яриле.

Апи — богиня земли и воды, супруга Папая *(скиф.)*.

Артимпаса — богиня войны и любви *(скифо-сарм.)*. Соответствует Моране и Яге.

Ахриман — бог зла *(иран.)*. Соответствует Чернобогу, Поклусу.

Белбог — см. Род.

Варуна — бог воды, луны, магии *(инд.)*.

Ваю — бог ветра и смерти *(сарм.),* славянский Вий.

Велес — бог луны, супруг Солнца (Лады)[36], праотец богов, отец Белбога (Рода) и Чернобога, бог домашних и диких животных, плодородия, магии, поэзии *(слав.)*.

Велона — богиня мёртвых *(балт.)*.

Вельняс — бог зла, чёрт (*балт.)*. См. Поклус.

Вий — злой бог подземного мира и смерти (*слав.)*.

Даждьбог — бог солнца, первый царь людей, сын Сварога и Лады, супруг Мораны *(слав.)*. Соответствует сарматскому Хорсу и скифскому Колаксаю.

Девана — богиня охоты, дочь Перуна и Додолы *(слав.)*.

Золотая Баба — верховная богиня солнца, супруга Нуми-Торума, мать Мир-сусне-хума *(угор.)*.

Индра — бог грома и войны, царь богов *(инд.)*. Соответствует Ортагну, Перуну, Перкунасу.

Кавас — бог войны *(балт.)*. Близок Поклусу, Саубарагу.

Кали — богиня смерти *(инд.)*.

Кришна (Чёрный) — одна из главных аватар (воплощений) бога солнца Вишну *(инд.)*. Кришна Сурья — Чёрное (подземное) Солнце.

Колаксай (Солнце-Царь) — солнечный первоцарь *(скиф.);*

славянский Даждьбог. Сын Таргитая (славянского Сварога) и Апи, внук Папая.

Куль-Отыр — бог зла, брат Нуми-Торума *(угор.)*. Соответствует Чернобогу, Ахриману.

Лада (Вела, Мокошь, Правда) — верховная богиня, супруга Велеса, Рода, Сварога, мать богов, сестра Яги (Кривды), богиня солнца, земли, хозяйка зверей *(слав.)*.

Леля — богиня весны, дочь Лады и Сварога, жена и сестра Ярилы *(слав.)*.

Летница (Громовница, Додола) — богиня грома, дождя, плодородия, супруга Перуна *(слав.)*.

Махиша — демон-бык (*инд*.). Соответствует быку — врагу Митры (Михра).

Мир-сусне-хум (За Людьми Следящий Человек) — солнечный бог-всадник, сын Нуми-Торума и Золотой Бабы *(угор.)*, соответствует индоиранскому Митре.

Митра (Михр) — бог солнца, защитник добра и справедливости *(инд., иран.)*.

Морана — богиня весны, смерти, войны, жена Даждьбога и Чернобога, дочь Сварога и Лады *(слав.)*. Соответствует Артимпасе, Анахите.

Нуми-Торум — верховный бог, брат Куль-Отыра, творец мира, отец богов *(угор.)*. Соответствует Белбогу, Ормазду.

Овсень — бог нового года *(слав.)*.

Огонь Сварожич — бог огня, сын Сварога *(слав.)*.

Один — верховный бог, отец богов, бог войны и магии *(герм.)*.

Ормазд — верховный бог добра, брат Ахримана *(иран.)*. Соответствует Папаю, Роду и т. д.

Ортагн — бог войны и грозы *(скифо-сарм., кушан.)*. Соответствует Перуну, Индре.

Папай — верховный небесный бог, отец богов *(скиф.)*. Соответствует Ормазду, Роду.

Перкунас — бог грома *(балт.)*. Соответствует Перуну.

Перун — бог грома и войны, сын Сварога и Лады *(слав.)*.

Поклус (Вельняс) — злой бог подземного мира и смерти *(балт.)*. Соответствует Чернобогу.

Рагутис — бог пива и плодородия *(балт.)*. Соответствует

Яриле.

Род (Белбог, Бог, Святовит) — верховный бог неба, творец мира, отец богов, сын Велеса и Лады, брат Чернобога *(слав.)*.

Саубараг (Чёрный Всадник) — бог ночных набегов *(сарм.)*. Близок Чернобогу, Кавасу.

Сварог — небесный бог-кузнец, сын Рода и Лады, отец Перуна, Даждьбога, Ярилы *(слав.)*.

Стрибог — бог ветра и подземного мира *(слав.)*. Близок Вию, Чернобогу, Ваю.

Тенгри-хан — верховный бог неба *(тюрк.)*. Соответствует Папаю, Роду.

Тор — бог грома, сын Одина *(герм.)*.

Хонт-Торум — бог войны *(угор.)*.

Чернобог — бог зла и подземного мира, сын Велеса и Лады *(слав.)*. Соответствует Ахриману, Поклусу.

Шива — бог-разрушитель *(инд.)*. Близок Махише, Ахриману, Чернобогу.

Эрлик — бог зла и подземного мира мёртвых *(тюрк.)*. Соответствует Ахриману, Чернобогу и т. д.

Яга (Кривда) — богиня зла, смерти, подземного мира, войны, сестра Лады *(слав.)*. Отчасти соответствует Артимпасе.

Ярила — бог плодородия, покровитель волков *(слав.)*.

notes

1

Акинак — короткий (40—60 см) скифский меч.

2

Тамга — знак собственности (тавро), родовая эмблема.

3

Ра (Рас, Рос) — Волга.

4

Яксарт — Сырдарья.

5

Бунчук — знамя кочевников в виде одного или нескольких конских хвостов на древке.

6

Гривна — металлический обруч, шейное украшение.

7

Венеды — западные славяне.

8

Кшатрии — одно из двух высших сословий в Древней Индии, образовавшееся из военно-племенной аристократии.

9

Манжары — предки манси и мадьяр (венгров), составлявшие в начале н.э. один народ.

10

Отыр — богатырь, витязь, князь *(угор.)*.

11

Посолонь — по ходу солнца, т.е. по часовой стрелке.

12

Даосизм — китайская религия и одна из основных религиозно-философских школ. Возник в середине I тысячелетия до н.э. на основе верований шаманского характера.

13

Дао *(букв,* путь) — одна из основных категорий китайской философии.

14

Брахман — член высшей жреческой касты.

15

Терьяк — опиум.

16

Море Ахшайна — Чёрное море. Танаис — Дон и Донец.

17

Детинец — кремль, цитадель *(слав.)*.

18

Гипанис — река Южный Буг (в низовьях), Синюха и Тикич.

19

Ирий — рай *(слав.)*.

20

Грудень — ноябрь *(слав.)*.

21

Голядь (галиндва) — балтийское племя, населявшее верховья Днепра, Десны и Оки.

Дреговина — болото *(слав.)*.

23

Бастарны — смешанный кельто-германский народ, обитавший в Поднестровье и Прикарпатье в III в. до н.э. — III в. н.э.

24

Тирас — Днестр.

25

По мнению зоологов, лев водился в лесах Черниговщины ещё во времена Владимира Мономаха.

26

Поезжане — участники свадебного поезда в старинном народном свадебном обряде *(устар)*.

27

Понёва — одежда типа сарафана или юбки на помочах *(слав.)*.

28

Авреус — золотая монета *(рим.)*.

29

Поляница — воительница *(слав.)*.

30

Финны — *здесь*: отсталые племена северо-востока Европы (саамы и др.).

31

Сухой — март *(слав.)*.

Треба — обряд, жертвоприношение *(слав.)*.

33

Менады — спутницы бога Диониса; Силен — его воспитатель.

Студёный — декабрь *(слав.)*.

Имя восстанавливается условно.

36

Родословная славянских богов восстанавливается отчасти предположительно.